ПРОВЕРЕНО

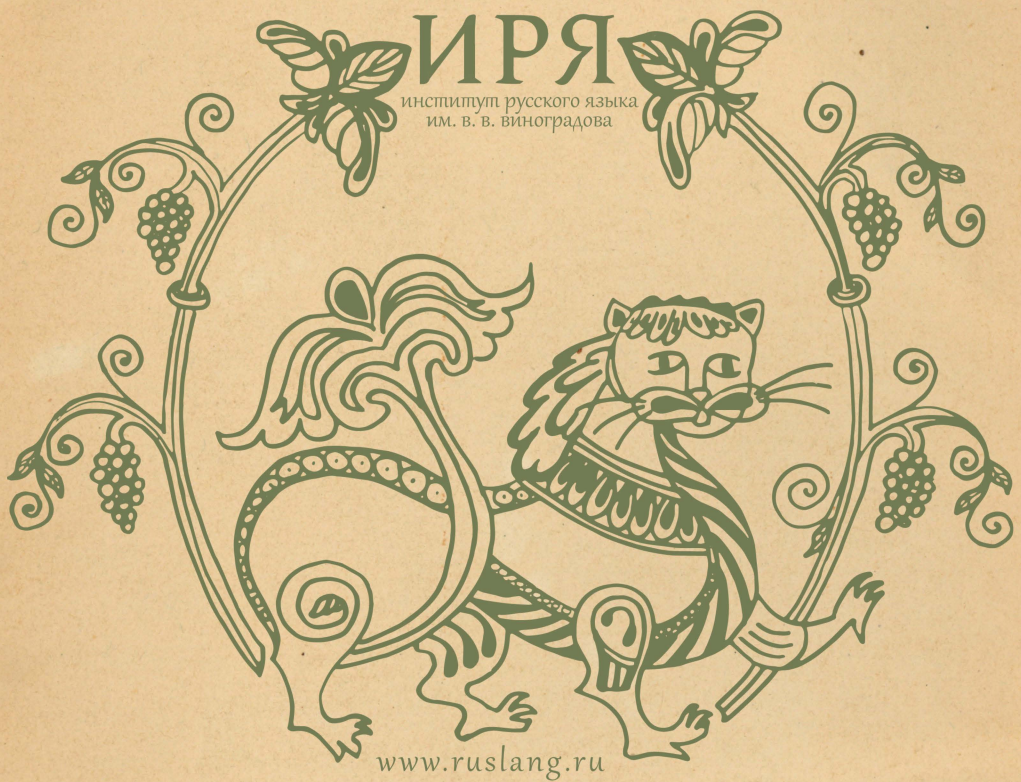
4
И-71

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

На дом не выдается
ПРОВЕРЕНО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1952

А
И-71
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР
20
46623

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В. В. ВИНОГРАДОВ* (ответственный редактор),
В. И. БОРКОВСКИЙ, *Н. А. БАСКАКОВ*, *Б. В. ГОРНУНГ*,
В. С. СОКОЛОВА, *С. И. ОЖЕГОВ* (ответственный секретарь).

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Б. А. Серебренников

НОВЫЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

Появление гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания ознаменовало не только начало новой эпохи в развитии советской науки о языке, но вместе с тем явилось поворотным пунктом в деле постановки изучения языков многонационального Советского Союза.

Во времена господства аракчеевского режима в языкознании, культивировавшегося сторонниками Н. Я. Марра, подлинно научное изучение языков всячески тормозилось. Кропотливая, черновая исследовательская работа, которая должна была быть направлена на тщательное и детальное изучение истории языков и их грамматического строя, развивалась главным образом в направлении поисков отложений стадий, различных коренных сдвигов, доказательств классовости языка, языкового смешения и т. п. В результате засилья марровщины советское языкознание получило тяжелое наследие. Целый ряд языков оказался мало изученным.

До сих пор советское языкознание не располагает сравнительными и историческими грамматиками таких богато представленных на территории СССР семей языков, как тюркская и угро-финская. Недостаточно изучена лексика отдельных территориальных диалектов, национальных языков, очень мало работ, посвященных систематическому описанию этих диалектов, особенно диалектов языков Севера.

Отсутствие свободы обмена научными мнениями в области лингвистической науки во времена аракчеевского режима марристов пагубно сказалось на развитии теории. Марристы создали «режим, не свойственный науке и людям науки»[1]. Путаница, типичная для так называемого «нового учения» о языке, отпугивала учащуюся молодежь, вызывая отвращение к лингвистическим дисциплинам.

Гениальные труды И. В. Сталина освободили советское языкознание от тяжелых оков учения Марра и открыли широкие возможности для исследовательской работы советских языковедов.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 31.

Языковеды национальных республик уже достигли известных успехов в этой области. Институт языкознания Грузинской Академии Наук превратился в подлинный центр изучения иберийско-кавказских языков. Значительных успехов достиг Институт языкознания Армянской Академии Наук. Коренная перестройка научно-исследовательской работы институтов языкознания академий наук национальных республик в плане разработки актуальных проблем уже начинает давать свои положительные результаты.

Огромную работу по изучению русского языка и языков народов СССР проводит Институт языкознания Академии Наук СССР, за короткий период своего существования успевший превратиться в руководящий центр советского языкознания.

Однако успешная и плодотворная работа в области изучения языков наталкивается на ряд трудностей. Теоретическая неразбериха, созданная «новым учением» о языке, в некоторых национальных республиках пустила довольно глубокие корни. Резко ощущается в национальных республиках недостаток подготовленных лингвистических кадров, что препятствует успешному развертыванию исследовательской работы.

Правильное применение основных принципов сравнительно-исторического метода все еще не стало достоянием языковедов. Нередко наблюдаются противоречия в вопросах теории; так, например, не выработано единого мнения в области определения частей речи. Не поднята на должную высоту разработка широких теоретических проблем. Во многих национальных республиках недостаточно развернуты критика и самокритика.

Для оказания помощи национальным республикам Институт языкознания Академии Наук СССР в конце 1951 г. и начале 1952 г. провел ряд научных сессий и совещаний в Кишиневе, Дзауджикау, Сыктывкаре и Риге. На этих сессиях силами научных работников национальных республик и сотрудников Института языкознания Академии Наук СССР были прочитаны доклады по актуальным вопросам теории и дальнейшего развития национальных языков. Проведение этих мероприятий, несомненно, помогло развертыванию теоретической работы на местах, ликвидации пережитков марризма и планомерной организации систематической научной работы по изучению национальных языков.

Задачи, стоящие перед языковедами национальных республик, огромны. Они заключаются прежде всего в подготовке кадров языковедов, в исследовании специфики отдельных языков, создании монографий, пособий и т. п., куда должны войти нормативные грамматики, словари, курсы сравнительных грамматик родственных языков, исследования по лексике, а также работы, связанные с дальнейшей разработкой проблем, выдвинутых И. В. Сталиным. Нужно отметить, что языковеды Советского Союза находятся в особо благоприятных условиях по сравнению с языковедами капиталистических стран. Они окружены повседневной заботой партии и правительства, вооружены передовой марксистско-ленинской

теорией, имеют в своем распоряжении множество объектов изучения — многочисленные языки многонационального Советского Союза.

Широкие перспективы для плодотворной работы открываются перед исследователями в области тюркских, угро-финских и тунгусо-маньчжурских языков. Огромный интерес представляет исследование в свете сталинского учения кавказских и палеоазиатских языков, выявление их происхождения и генетических связей, языков, являвшихся на протяжении многих лет главным объектом всевозможных вульгаризаторских упражнений марристов. Не менее важно изучение памирских языков, имеющее большое значение для создания сравнительной грамматики иранских языков.

Созданию капитальных работ по языкознанию должны предшествовать: огромная научно-исследовательская работа по изучению семантики употребления отдельных падежей и глагольных форм, детальный анализ условий употребления отдельных синтаксических конструкций, кропотливое изучение словарного состава, исследование лексических слоев, составляющих основной словарный фонд языков, прослеживание исторического развития отдельных форм и синтаксических конструкций. Все это в настоящее время приобретает особенно важное значение.

Одним из средств усовершенствования сравнительно-исторического метода является привлечение нового материала. В связи с этим необходимо в кратчайшие сроки оживить такое важное, пришедшее за годы марровского засилья в упадок дело, как составление этимологических словарей. Составление словарей территориальных говоров, описание их грамматического строя, выяснение происхождения отдельных форм и синтаксических конструкций внесут новый вклад в сравнительную и историческую грамматику, сделают более научно обоснованными результаты применения сравнительно-исторического метода.

Во время своего господства марровцы препятствовали изучению отдельных деталей грамматического строя языков, что нанесло огромный вред развитию советского языкознания. Как известно, все, что шло вразрез с марровской интерпретацией семантики слов, рассматривалось марристами как проявление формализма.

Ясно поэтому, какое огромное значение приобретает оживление подлинно научной, кропотливой и скрупулезной работы по изучению деталей грамматического строя языков. Действительно, научная грамматика любого языка может быть создана только при том условии, если она опирается на многочисленные конкретные исследования отдельных деталей и частностей грамматического строя как изучаемого языка, так и родственных ему языков. Только наука, опирающаяся на опыт конкретных исследований, ежедневно проверяемых практикой, может быть подлинной наукой. Конкретные исследования грамматического строя отдельных языков — это та живительная сила, которая обеспечивает беспрерывный и неуклонный рост лингвистической науки, оберегает ее от застоя и прозябания.

Появление гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания освободило советскую науку о языке от пут марризма, открыло новый период интенсивной научно-исследовательской работы. Этот период характеризуется необычайным творческим подъемом советских языковедов, усилением интереса к лингвистическим проблемам, к конкретным исследованиям.

Советские языковеды в центре и на периферии убедились в том, что витание в заоблачных высях и стадиальных эмпиреях, априоризм и пренебрежение к черновой исследовательской работе вызывают застой и топтание на месте, ведут к вырождению и измельчанию лингвистической науки.

Мы, советские языковеды, должны всегда помнить замечательные слова И. В. Сталина, произнесенные им 17 ноября 1935 г. на Первом Всесоюзном совещании стахановцев: «Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связи с практикой, с опытом,— какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»[1].

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 502.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Н. А. Баскаков

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИЕЙ ИХ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Фридрих Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опираясь на исследования крупнейших этнологов и этнографов, весьма убедительно проследил процесс развития общественной и политической жизни народов, находившихся на ранних стадиях развития, от начального возникновения родов, их объединения в племена и в племенные союзы, вплоть до образования наций.

Определяя причины возникновения и падения племенных союзов у американских индейцев, он писал: «Немногочисленные племена их, отделённые друг от друга обширными пограничными полосами, ослабляемые вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзы между родственными племенами заключались местами в случае временной нужды и с её устранением распадались. Однако в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщённые племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций»[1].

Эта характеристика процесса возникновения и распадения племенных союзов у американских индейцев в некоторой мере применима и к историческому процессу развития тюркских племен и племенных союзов.

Чрезвычайно плодотворным, указывающим на глубокий анализ особенностей структуры и общественной жизни племени и племенных союзов, является также положение Ф. Энгельса, высказанное им в его филологическом труде «Франкский диалект»[2], о том, что возникновение и развитие диалектов, наречий и говоров нужно искать в конкретной истории племен, племенных объединений, а возникновение языков — у народов, достигших национального самосознания.

Устанавливая отличительные особенности отдельных индейских племен Америки, Ф. Энгельс указал, как на характерную особенность племен, на «особый, лишь этому племени свойственный *диалект*. В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племён

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 106.

[2] См.: Ф. Энгельс. Франкский диалект, 1935.

и диалектов путём разделения происходило в Америке ещё недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время»[1].

Положение Ф. Энгельса о том, что возникновение и формирование диалектов или наречий связано с образованием племен и племенных союзов, а распадение последних и возникновение новых племен и объединений — с появлением новых норм общего наречия или диалекта племени, подтверждается также и на материале истории возникновения и развития тюркских племен и наречий, отдельные диалекты и говоры которых представляют собой пережитки прежних племенных объединений.

История тюркских народов весьма выпукло показывает нам не только эту тесную зависимость формирования племенных союзов и наречий, но и то прямое отношение длительности этих союзов к устойчивости норм наречия данного племени и союза, которое заключается в том, что наиболее длительные и устойчивые союзы племен в большей степени сохранили общие черты как своего состава родов и племен, так и наречий, их объединяющих; напротив, кратковременные племенные связи в меньшей степени отразились на формировании данного племенного наречия.

Более полное марксистское освещение проблемы формирования языков племен, народностей и наций дано в замечательных трудах И. В. Сталина.

В работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», представляющей собой программу марксистского языкознания, среди сложнейших проблем и вопросов, определяющих сущность и основные признаки языка, даны также и отчетливые установки в отношении изучения процессов развития и истории языка.

И. В. Сталин указывает, что каждый конкретный язык или группа близких между собой языков не является результатом относительно недавней смены одного базиса другим, как это предполагали представители «нового учения» о языке, считавшие язык надстройкой, а представляет собой продукт длительного исторического процесса развития.

«Надо полагать,— пишет И. В. Сталин,— что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем»[2].

Устанавливая коренные отличия языка от надстройки и подвергая беспощадной критике антимарксистскую теорию стадиального развития языка, которая основана на «внезапных взрывах» и скачках в истории развития языка, как условиях перехода языка от старого качества к новому, И. В. Сталин противопоставляет ей марксистскую теорию постепенного развития языка. «На самом деле развитие языка происходило не

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 104.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 26.

путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества»[1].

Далее, И. В. Сталин подчеркивает непосредственную связь истории языка с историей народа, его носителя.

«Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[2].

Считая первым необходимым условием изучения истории языка связь с историческим процессом развития данного народа, И. В. Сталин подвергает справедливой критике стадиальную теорию развития языка, учение о стадиях, представляющих собой взрывы и скачкообразные переходы от одного качества к другому, которые, как правило, не увязывались представителями «нового учения» о языке с историей данного народа. Вместе с тем И. В. Сталин в соответствии с историей самого народа устанавливает следующие основные этапы в развитии и формировании языков.

Первый этап развития языков — языки первобытно-общинного родового строя. Второй этап — от языков родовых к языкам племенным. Третий этап — от языков племенных к языкам народностей. Четвертый этап — от языков народностей к языкам национальным. Пятый этап — от национальных языков к языкам социалистических наций, затем к зональным языкам и, наконец, к единому языку коммунистического общества. При этом на всех этапах развития каждый язык оставался и остается всегда общим и единым для всего общества независимо от его социального состава.

Исторические источники и памятники не приводят нам каких-либо достоверных и подробных сведений о языках первобытно-общинного родового строя. О характере их мы можем судить только по косвенным данным, тщательно изучая диалекты и говоры какого-либо племени и народности. Зато сведения о языках племен и племенных союзов, равно как и сами памятники этих языков, представлены в науке довольно полно. В этом отношении изучение языков племен и племенных союзов, при использовании сравнительно-исторического метода, может быть поставлено,

[1] Там же, стр. 27.
[2] Там же, стр. 22.

например, на материале таких языков, как тюркские, монгольские, угрофинские и некоторые другие. Это возможно также и потому, что остатки родо-племенной структуры общества этих народов были до недавнего прошлого на поверхности истории.

В настоящей работе мы также ограничиваемся главным образом периодом, так сказать, исторической досягаемости, т. е. периодом развития родо-племенных союзов тюркских народов, засвидетельствованных историей, т. е. примерно с VI в. н. э. Именно для этого периода может быть наиболее успешно использован также и сравнительно-исторический метод, когда изучение конкретных фактов языка может быть связано с изучением реальной истории данных народов.

Процессы образования племенных союзов и объединений различных родов и племен, их дробление и распад, а также процессы взаимодействия языков между собой явились причинами образования внутри языков племен, а затем и внутри языков народностей и наций — наречий, диалектов и говоров, которые, однако, в данной общности (союзе племен, народности) были соответственно подчинены единому и общему языку племени, народности или нации и были подвергнуты нивелировке или перемалыванию со стороны этого единого языка. Вместе с тем, как указывает И. В. Сталин, необходимо различать диалекты «классовые» и диалекты местные, «территориальные», так как первые из них представляют собой жаргоны, в основе которых не лежит свой самостоятельный словарный состав и грамматический строй, в то время, как вторые — местные или «территориальные» диалекты, представляя собой результат исторического развития языка, продукт объединения и распада родовых и племенных языков, сохраняют особые черты своего словарного состава и грамматического строя. Именно эти особые черты своего словарного состава и грамматического строя в местных («территориальных») диалектах, как диалектах, являющихся результатом исторического развития языка, элементы которых были заложены в глубокой древности, и позволяли данным диалектам лечь в основу народных или национальных языков в процессе образования народности или нации и подчинить своему воздействию и нивелировке другие местные диалекты.

Таким образом, процесс развития языков племени, народности и нации представляет собой последовательный процесс образования определенных языковых общностей и их распада, что было связано с объединением и распадом племен, племенных союзов и народностей, а следовательно объединения и распада их языков вплоть до возвышения данной народности в нацию, а данного языка народности — в национальный язык. В процессах такого объединения и распада племен, племенных союзов и народностей могут быть, как указывает И. В. Сталин, и прямые процессы, когда данный диалект возвышается до самостоятельного национального языка, и обратные процессы, когда «единый язык народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности,

а местные диалекты, не успевшие ещё перемолоться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком»[1].

Такие прямые и обратные процессы в развитии племенных языков и языков народностей были характерны также и для языков тюркских, процесс развития большинства которых, начиная от первых сведений о данных народах, относящихся к III в. до н. э., и более полных сведений, начиная с VI в. н. э. вплоть до XV в. н. э., представлял собой процесс объединения и распада родов, племен и племенных союзов и, наконец, народностей.

Процесс последовательного объединения и распада племен и племенных союзов, а также — в более позднее время — и целых народностей проходит неравномерно как в отношении времени, так как некоторые племена, объединения племен и народности сохраняли свое единство более длительные периоды, в то время как другие племена, объединения племен и народности — более короткое время, так и в отношении пространства, так как некоторые племена и роды находились в непосредственной близости к возвышающемуся племени, и поэтому их языки подверглись более энергичному перемалыванию и нивелировке, другие же племена находились на далекой периферии и по существу не ощущали какого-либо воздействия на свой язык со стороны возвышающегося племени. Значительным фактором в развитии языков племен и народностей являлось также непосредственное и близкое общение с другими народами — носителями других языков, результатом которого были различные степени взаимодействия этих языков; при этом процессы взаимодействия и скрещивания, как правило, не доходили до полного и логического своего завершения, т. е. поглощения одного языка другим, а на известном этапе, благодаря различным экономическим, политическим и прочим причинам, прекращались, и каждый из скрещивающихся языков продолжал свое развитие по собственным внутренним закономерностям. Такое временное воздействие друг на друга или, вернее, взаимодействие языков — нередкое явление и для истории развития тюркских языков. В качестве такого примера могут служить некоторые языки Алтая, которые, несмотря на длительное воздействие на них монгольского языка и наличие в них значительных монгольских элементов, все же сохранили свою основу словарного состава и свой грамматический строй.

Все эти особенности в процессе развития тюркских языков создали значительное количество современных национальных языков, языков народностей, а также диалектов и говоров внутри них. Все современные тюркские языки наций и народностей восходят, как целая родственная между собой группа языков, соответственно к более древним языкам племен и родов и являются результатом исторического процесса их

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

развития в различных родо-племенных союзах и общностях, которые оставили в них различные следы и отпечатки, создавшие характерные для каждого языка различия. При этом каждый язык племени и народности как «общий язык, имевший только различия в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения»[1].

Эта исконная общность тюркских языков, которые в конечном итоге восходят к одному общетюркскому языку, выражена весьма ярко в общем корневом ядре словарного фонда и в общем грамматическом строе.

Однако в процессе своего развития отдельные конкретные тюркские языки, входя в различные общности и племенные союзы, приобретали признаки, характеризующие, с одной стороны, общие черты между языками, входящими в данный племенной союз, а с другой стороны — различия между языком данного племенного союза и другими тюркскими языками, входившими в другие, последовательно возникавшие общности.

Каждый тюркский язык имеет, следовательно, общую исконную основу, т. е. общие черты своего основного словарного фонда и грамматического строя, и, кроме того, свои характерные особенности, т. е. индивидуальные черты, приобретенные им в процессе своего развития и вхождения в различные племенные общности, внутри которых развивались в свою очередь общие языки для каждой данной общности, для каждого данного союза племен, различающиеся между собой особыми признаками, характерными для каждой общности.

Каждый общий язык для каждого племени или союза племен формировался в среде родов и племен определенной, исторически возникшей общности, внутри которой он получал различия, определяющие ныне его генетические связи с другими тюркскими языками.

Таким образом, последовательное вхождение данного народа в различные союзы племен определяется, с одной стороны, преемственностью в родо-племенном составе каждого данного народа, а с другой стороны— преемственностью и наличием определенных признаков языка, по которым и возможно установить последовательное включение данного народа и языка в те или иные общности. Следовательно, язык в совокупности всех своих особенностей, отличающих его от других языков данной семьи или группы и отражающих процесс последовательного его вхождения в различные общности, является одним из основных признаков, определяющих происхождение данного народа. Исключения в этом отношении составляют только смешанные и скрещенные племена и народности, имеющие в своем составе субстраты с иными по семье, группе или подгруппе языками, побежденными данным тюркским языком (ср. такие тюркские народности, как карагасы, тубалары и т. п.).

Этим определяется и сущность так называемого общего языка или языка-основы для каждой конкретной общности племен. Понятие языка-

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 107.

основы для каждого тюркского языка и для отдельных подгрупп тюркских языков является относительным, так как пути развития конкретных тюркских языков различны. Так, например, языком-основой для каракалпакского языка прежде всего является общий язык кыпчакско-ногайской общности или подгруппы, которая существовала примерно с XIV по XVI в.; соответственно языком-основой для данной подгруппы был общий язык кыпчаков или кыпчакской общности, исторически относящийся к IX—XIII вв.; последняя в свою очередь входила исторически в состав западных хунну, т. е. части хуннской общности, которая гипотетически объединяла уже не только тюркские племена, но и племена монгольские, а отчасти тунгусо-маньчжурские, представлявшие, также гипотетически, алтайскую общность, входившую в глубокой древности в еще более обширную общность.

Таким образом, язык-основа представляет собой относительное понятие не только для каждого конкретного тюркского языка (для более поздних этапов его развития), но и для каждого исторического периода в процессе развития языков данной подгруппы. Следовательно, при реконструкции тех или иных древних лексических и грамматических фактов языков необходима и тщательно установленная их датировка по отношению к определенному историческому периоду, к определенной общности, но не без отношения ко времени, к какому-то всеобщему праязыку, как это представляют себе западноевропейские сторонники теории праязыка и как это вульгарно представляли себе последователи «нового учения» о языке.

Кроме того, на каждый из современных тюркских языков воздействовали в различное время и с разной интенсивностью иные языки, с которыми он вступал во взаимодействие, прерывающееся с изменением соотношения племен и родов в данном племенном союзе и с переходом данного племени или рода в другую общность племен. Такое временное пребывание в данной общности и временное взаимодействие с другими языками не могло нивелировать все особенности данного диалекта или языка племени, но оставляло в нем вместе с тем определенный отпечаток, характерный для всех языков, входящих в данную общность племен, и вырабатывало в нем, таким образом, те общие черты, по которым можно определить вхождение данного языка или диалекта в ту или иную общность.

Таким образом, данный диалект или язык племени не успевал перемалываться в языке данной народности или общности племен, переходил в другую группу племенных языков, что, естественно, соответствующим образом отражалось и на его словарном составе и грамматическом строе. Последние, таким образом, приобретали новые черты и отношения, характерные для данной общности племен.

Такие временные вхождения и связи отдельных языков племен между собою, с одной стороны, способствовали нивелировке всех специфических особенностей данных языков, полученных ими в результате вхождения в различные союзы племен, придавая этим языкам общие черты; с другой—

вырабатывали и специфические черты данного языка или диалекта, который, далее развиваясь по внутренним законам своего развития, приобретал расхождения с другими такими же общностями — расхождения, которые имеются и сейчас между отдельными языками и диалектами и которые характеризуют специфику данного языка по отношению его к другим языкам.

Вместе с тем необходимо учитывать, что общие черты языков и наречий, входящих в каждый последующий союз племен, являлись как бы вторичными, третичными и т. д. общими чертами, так как коренная и исконная общность языков, входящих в данную группу или семью языков, была уже унаследованной благодаря общности происхождения всех этих языков.

Любопытно отметить также прямую зависимость степени нивелировки и быстроты выработки общих черт в языке данного союза племен или народности от системы и образа хозяйства данного союза племен или народности. Каждому тюркологу известно, например, что кочевые тюркские народы с ярко выраженным скотоводческим хозяйством имели бóльшую степень нивелировки особенностей языка данной народности, а следовательно и меньшие различия внутри отдельных диалектов данного языка, в то время как оседлые тюркские народы, имеющие основным своим занятием сельское хозяйство, сохраняли и сохраняют в большей степени различия внутри своих диалектов и нивелировка этих различий протекает более медленными темпами.

Яркими примерами в этом отношении являются, с одной стороны, казахский язык, диалекты которого, как известно, имеют незначительные между собой расхождения, а с другой стороны, узбекский и уйгурский языки, имеющие довольно резкие диалектные различия, стойко сохраняющиеся и в настоящее время.

В связи с этим следует, конечно, учитывать и различные общественные формы развития: казахов, еще хорошо сохранивших к началу XX в. свою родо-племенную структуру, и узбеков, а особенно — уйгуров, давно уже утративших остатки родового строя и прошедших длительный период феодализации. В результате этого — вместо хорошо сохранившихся родо-племенных отношений у казахов, каракалпаков, алтайцев и других народов — у уйгуров, например, забывших уже свою племенную и родовую принадлежность, бытуют названия только по отношению к той или иной территории или городу (ср., например, кашкарлыки, турфанлыки, яркендлики и пр., т. е. по аналогии с русскими, например, названиями: новгородцы, рязанцы и пр.). Такое обособление территориальных диалектов в эпоху феодализма — явление, общее для всех народностей.

Значительную роль в образовании специфических особенностей в области лексики конкретных языков играли также соответствующие базисы и надстроечные категории, и, в частности, различные религиозные системы. Чрезвычайно характерны в этом отношении языки сибирских тюркских народов, не подвергшиеся влиянию ислама, но воспринявшие монгольскую культуру, что соответствующим образом отразилось на словарном составе

этих языков, содержащих значительный процент монгольской лексики, в то время как лексика, например, тюркских языков Средней Азии содержит весьма незначительный монгольский элемент, но пронизана арабо-иранскими элементами. Соответствующим образом, но в меньшей степени, развивается в этих языках и грамматический строй, изменяющийся, как известно, медленнее и в меньшей степени, но все же получивший в первой группе языков некоторые монгольские, а во второй группе — арабо-иранские элементы, хотя в основном эти языки и сохранили общие тюркские черты.

Итак, при изучении истории языка или группы родственных языков, имеющих известную общность в отношении своего словарного состава и грамматического строя, и, в частности, при изучении языков тюркской группы мы должны прежде всего исходить из той основной мысли, что элементы данных языков или группы языков были заложены еще в глубокой древности при первобытно-общинном родовом строе. Правда, как отмечает И. В. Сталин, язык, относящийся к древнейшим формациям общества, был языком не сложным, имеющим бедный словарный фонд и примитивный грамматический строй, но все же строй, характерный именно для данного языка или группы языков.

С развитием общества и все более усложняющимися отношениями родов и племен, а затем народностей и наций данные языки, естественно, все более усложнялись, хотя и сохраняли в основных чертах свой словарный фонд и грамматический строй, которые оставались в некоторой части общими, но в некоторой части — видоизмененными в процессе развития и взаимодействия с различными племенами как внутри данной общности, так и вне ее. Только таким образом можно объяснить общие черты словарного состава и грамматического строя таких далеких между собой и в генетическом плане, и в территориальном отношении языков, как, например, языки алтайский и туркменский, или еще более далекие между собою — чувашский и якутский, которые, несмотря на, так сказать, полярную и в смысле территории, и в смысле времени разобщенность, сохранили по существу общий грамматический строй и основной словарный фонд. Общность этих языков выражается также и во многих фонетических чертах, которые, как известно, являются наиболее подверженными изменению. Эти факты лишний раз свидетельствуют о том, что языковое единство тюркских народов и их родство между собою являются реальностью, которая требует более тщательного и внимательного изучения.

Однако, если основа грамматического строя и ядро основного словарного фонда в этих языках остались общими, так как и тот и другой языки исторически являлись родственными и относились к общей основе языков племен, а еще ранее — языков общинного родового строя, то многие детали грамматического строя и словарный состав этих языков, в силу различной среды племен, в которых формировались эти языки, а также в силу взаимодействия с другими языками (алтайский — с монгольскими,

туркменский — с иранскими, чувашский — с угро-финскими и славянскими, якутский — с тунгусо-маньчжурскими и палеоазиатскими), в ходе исторического развития получили значительные различия и расхождения.

Таким образом, общие черты и различия в тюркских языках, с одной стороны, и история конкретных тюркских народов — носителей данных языков — с другой, позволяют нам проследить последовательный процесс развития всех тюркских языков и дать историко-лингвистическую их классификацию не только по отдельным, случайным, вырванным из совокупности различных и многих признаков, как это имело место прежде, а по всей совокупности тех общих их черт (схождений), которые характеризуют эту группу языков, как единую группу тюркских языков, и тех различий (расхождений), которые характеризуют процесс развития отдельных подгрупп и конкретных тюркских языков, входящих в эту группу.

Следует отметить, что проблема происхождения группы тюркских языков, как и отдельных языков в связи с историей данных конкретных народов, еще не была предметом специального исследования, в то время как попытки классификации тюркских языков главным образом по лингвистическим признакам, с незначительной опорой на исторический процесс их развития, имели место по существу с начала XIX в.

Однако эти попытки классификации имели предварительный характер, с одной стороны, в силу слабой изученности тюркских языков и недостатка конкретного материала, с другой стороны, в силу отсутствия достоверных источников по истории тюркских народов. Ныне же, когда эти пробелы в некоторой мере восполнены, представляется возможность наметить также еще пока предварительную, но уже опирающуюся на более значительный конкретный материал, схему классификации тюркских языков, основанную на историко-лингвистических критериях, т. е. критериях, устанавливающих органическую связь в изучении процессов развития языка с процессами исторического развития самих народов — носителей данных языков.

Вопрос об отношении тюркских языков между собой и их классификация имеют исключительно важное значение не только для тюркологов-лингвистов, но и для историков и этнографов.

Те многочисленные попытки классификации тюркских языков, которые были произведены русскими учеными И. Н. Березиным[1], Н. И. Ильминским[2], В. В. Радловым[3], Н. А. Аристовым[4], Н. Ф. Катановым[5] и

---

[1] I. Beresin. Recherches sur les dialectes musulmans, Казань, 1848.

[2] Н. И. Ильминский. Вступление в курс тюрко-татарских языков, Казань, 1860, см. Ученые записки Казанского университета, 1861.

[3] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882.

[4] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., «Живая старина», вып. 3 и 4, СПб., 1896.

[5] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка, Казань 1903; его же. Этнографический обзор турецко-татарских племен, Казань, 1894.

Ф. Е. Коршем[1], нашли свой синтез в последней классификации[2], используемой как советскими, так и зарубежными учеными.

Классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, хотя и основываются на нескольких фонетических и фонетико-морфологических признаках, все же в основных чертах отражают правильное распределение языков по основным группам, правда, без детализации их по более мелким подгруппам, возникшим в результате исторического развития и дифференциации языков.

Основной недостаток этих классификаций заключается в том, что при распределении языков по группам слабо учитывалась непосредственная связь языков с историей развития тюркских народов — их носителей, а главное внимание обращалось на географическое их расселение. В результате этого все существующие классификации не вполне отразили исторические условия формирования тюркских народов и языков, их связь между собой и с другими языками и народами, не говоря уже об очень ограниченном круге затронутых при классификации вопросов грамматического строя языка и словарного состава.

Однако, несмотря на это, классификации В. В. Радлова и Ф. Е. Корша сыграли весьма важную роль в развитии тюркологии. Они являются первыми классификациями, использовавшими, хотя и не в полном объеме, но все же в значительной мере, исторический принцип.

Несколько на иной основе построена классификация тюркских языков проф. В. А. Богородицким[3]. Он разделил все языки по географическому принципу, т. е. взял за основу современное расселение народов. В его классификации все тюркские языки разделяются на следующие группы: 1) северо-восточную группу, куда входят языки якутский, тувинский и карагасский; 2) группу хакасскую (абаканскую), в которую входит хакасский язык со всеми его диалектами; 3) алтайскую группу, куда входит язык алтайский с двумя группами его диалектов; 4) западносибирскую группу, куда входят наречия чулымских, барабинских, тюменских, тобольских и прочих татар; 5) поволжско-приуральскую, в которую входят татарский и башкирский языки; 6) группу среднеазиатских языков, куда входят: новоуйгурский, узбекский, каракалпакский, казахский и киргизский; 7) группу юго-западную или турецкую, куда входят туркменский, азербайджанский и турецкий языки.

Данная классификация построена на чисто внешнем принципе географического расселения тюркских народов и в еще большей степени оторвана от истории развития языков и народов — их носителей.

---

[1] Ф. Е. Коршъ. Классификация турецких племен по языкам, «Этнографическое обозрение», кн. 84—85, М., 1910.

[2] Некоторые дополнения к классификации турецких языков, изд. Петроградского института живых восточных языков, Пгр., 1922.

[3] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934.

46623 БИБЛИОТЕКА Института Языкознания А.Н. СССР

Некоторые весьма интересные и плодотворные мысли по вопросу о классификации тюркских языков высказаны в самое последнее время советскими тюркологами: членом-корреспондентом Академии Наук СССР проф. С. Е. Маловым[1] и И. А. Батмановым[2].

В своих дополнениях к существующим классификациям проф. С. Е. Малов все тюркские языки по степени сохранения архаических черт и приобретения новых явлений классифицирует на четыре группы: 1) древнейших, 2) древних, 3) новых и 4) новейших языков.

В основу этой классификации автор привлекает совокупность фонетических явлений, определяющих древность или новизну языков. К этим фонетическим признакам относятся: 1) переход задних согласных *е*, *г* в гласные и полугласные долгие более переднего ряда (опереднение звуков); 2) наличие или отсутствие первоначальных долгот; 3) наличие большего количества звонких согласных в более новых языках и большего количества глухих согласных в древних языках; сохранение в более древних языках сочетаний типа: *рт*, *лт*, *нт* в разложимых корнях, например, *алты* «он взял» и озвончение этих сочетаний в новых языках, например, *алды* «он взял» и пр.

Данная классификация, историческая по своей сущности, вводит также и новые, характерные для тюркских языков, существенные критерии.

Весьма интересны в отношении классификации также и некоторые замечания И. А. Батманова, который, впрочем, ограничивается только приведением нескольких дополнительных критериев, определяющих место киргизского языка в группе тюркских языков.

Наконец, следует упомянуть также и значительное количество попыток классификации тюркских языков со стороны зарубежных ученых, которые, однако, не создали своей оригинальной системы и в современных своих работах пользуются классификациями, опубликованными русскими учеными.

К первым попыткам, опирающимся на случайные, отрывочные лингвистические и этнографические сведения, относятся классификации А. Бальби[3], А. Ремюза[4], А. Пальмблада[5] и А. Вамбери[6]. Более поздние классификации, как правило, базируются уже на классификационных

---

[1] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, изд. АН СССР, М.— Л., 1951, стр. 5—8.

[2] И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947.

[3] Adrien Balbi. Abrégé de géographie, Paris, 1847.

[4] A. Rémusat. Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, а также см.: Лингвистика Абеля Овелака, перевод 2-го французского издания, СПб., 1881.

[5] См.: I. Beresin. Recherches sur les dialectes musulmans, Казань, 1848.

[6] H. Vámbéry. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, Leipzig, 1885; его же. Čagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867; см. также основанную на его работах классификацию А. Мюллера — История ислама, т. III и IV, СПб., 1895—1896.

схемах и исследованиях русских ученых; к ним относятся исследования Х. Винклера[1], К. Фоя[2], заметка Рахмати[3], излагающая синтезированную классификацию В. В. Радлова и Ф. Е. Корша, классификация венгерского ученого Лигети[4] и, наконец, последняя работа финского тюрколога М. Рясянена[5], в которой автором дана уточненная классификация Г. Рамстедта, а также общая классификация алтайских языков.

Весьма интересные сведения по классификации тюркских языков мы встречаем у восточного филолога XI в. Махмуда Кашгарского, в его известном словаре, где определяются не только основные группы языков: огузская, кыпчакская, тюркская (уйгурская), но и основные критерии их классификации.

Завершая обзор всех попыток классификации тюркских языков, мы должны придти к общему выводу о том, что все классификационные схемы страдают одним общим и главным недостатком, а именно отрывом языков от истории их развития и истории развития самих народов — носителей этих языков. Беря за основу либо географический признак, либо отдельные лингвистические признаки — отдельные фонетические явления и факты грамматики, авторы классификаций опускали главные критерии для определения места данного языка внутри тюркской группы языков — его развитие и его историю, а также различные связи этого языка с языками соседних родственных племен, народов и наций и с языками племен, народностей и наций других языковых групп.

Классификация языков, отвечающая требованиям современной науки, должна быть построена прежде всего на основе исторического процесса развития языков в связи с историей самих тюркских народов и с учетом всего грамматического строя тюркских языков и их словарного состава.

Классификация должна учитывать также все родо-племенные (а следовательно и языковые) общности, создававшиеся в среде тюркских народов, поскольку это позволяют известные исторические источники и сведения, а также и все письменные памятники древних тюркских языков, которые могут служить нам ориентирами, определяющими вхождение каждого данного племени (народности) в ту или иную общность племен (народностей), а следовательно и в соответствующую языковую общность.

Таким образом, при построении классификации языков внутри, например, данной тюркской группы языков необходимо прежде всего исходить

---

[1] H. Winkler. Die altaischen Völker und Sprachen, Leipzig, 1921; его же. Die ural-altaischen Sprachen, Keleti Szemle, Budapest, 1920.

[2] K. Foy. Azerbajjanische Studien, MSOS, VI.

[3] G. Rachmati. Zur Klassifikation der Türksprachen, «Ungarische Jahrbücher», IX, Berlin, 1922.

[4] L. Ligeti. A török hosszú magánhangzok Magyar nyelv, Budapest, 1934.

[5] M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Studia Orientalia, XV, Helsinki, 1949.

из истории тюркских народов, т. е. изучить те последовательно развивавшиеся роды, племена, племенные союзы и народности, а также и те социально-экономические формации, в условиях которых формировались как отдельные тюркские племена, союзы племен и народности, так и их языки. Кроме того, при классификации языков необходимо учесть не только их схождения внутри данной группы или подгруппы, полученные в результате общего происхождения и родства их между собой, а также пребывания данных племен в одной общности или в одном союзе родов и племен, но и их расхождения, которые возникали и возникают в результате распада этих общностей, воздействия на отдельные языки языков различных по происхождению племен и народов в процессе этногенетического развития и, наконец, в результате самостоятельного развития языков по внутренним законам.

Тюркские языки представляют собой, как уже отмечалось выше, исторически исконную общность, развившуюся из общих по грамматическому строю и словарному составу языков более ранних общностей, первобытно-общинных родовых объединений. Эта общность в процессе развития — объединения и распада — сохранила единство — единую группу языков, имеющих, однако, не только схождения, исторически представляющие собой явления более древние, но и возникшие на определенных этапах объединения и распада племени и союзов расхождения, которые объясняются различными связями этих языков и их скрещиванием с другими языками.

Таким образом, классификация тюркских языков есть не что иное, как периодизация истории развития тюркских народов и тюркских языков во всем многообразии тех последовательно возникавших и распадавшихся сначала мелких родовых объединений первобытно-родового общинного строя, а затем крупных племенных объединений, которые, имея общее историческое происхождение, создавали на определенный период в развитии этих племен общности, различные по составу племен, а следовательно и различные общности племенных языков. В результате последовательного объединения и распада племен и образовались более крупные объединения народов, а вместе с тем и группы языков внутри тюркских же языков, которые в своих истоках имеют общие по происхождению и типологии языки, вместе с тем различающиеся ныне в итоге сложного исторического процесса взаимодействия и разобщения этих языков.

Итак, тюркские народы и языки в современном своем составе являются результатом длительного исторического процесса последовательного развития отдельных родо-племенных и племенных союзов, народностей, объединений и государств, которые возникали и распадались на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии и Сибири. Эти родо-племенные союзы, объединения племен и народностей с древнейших времен до современной их консолидации в национальные государства (последние в большинстве своем возникли в условиях социалисти-

ческого их развития, в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции) не только состояли из племен и народностей, исторически восходящих к первобытно-родовым общинным объединениям, говорившим на языках, общих по строю и словарному составу с тюркскими языками, но включали также последовательно в свой состав множество различных разрозненных угро-финских, иранских (главным образом, таджикских и хорезмийских), монгольских, тунгусо-маньчжурских, ненецких и прочих племен, которые, входя в состав той или иной общности тюркских племен, теряли свой язык.

Эти различные этнические элементы, вошедшие в состав тюркских народов, отчасти повлияли и на формирование некоторых тюркских языков, которые, выйдя победителями при скрещивании с другими языками, сохранили свой грамматический строй и основной словарный фонд. Так, например, современные узбекский и уйгурский языки, а также их предшественники — староузбекский и так называемый классический новоуйгурский язык (язык уйгуров XVII и XIX вв.), которые прежде были известны под общим термином чагатайского литературного языка, как и носители их — узбеки и уйгуры, являются результатом взаимодействия и скрещивания тюркских племен, пришедших на территорию Средней Азии в основном в VI—VIII вв., с таджикскими и хорезмийскими иранскими племенами, также древними аборигенами Средней Азии, а следовательно и скрещивания языков, в итоге которого победителями явились узбекский и уйгурский языки, а побежденными — древние иранские наречия согдийцев, саков и пр.

Другие языки,— точно так же, как и их носители,— например, киргизы и киргизский язык, а в еще большей степени тюркские языки и народы Сибири, а также обитатели Северо-Восточной Сибири — якуты и якутский язык—являются в различной степени и мере результатами взаимодействия и скрещивания не только различных тюркских племен, но и соседних с ними монгольских (в той или иной степени большинство из перечисленных народов), тунгусо-маньчжурских (например, якуты и якутский язык), ненецких (например, туба или черневые татары) и прочих племен, причем здесь также победителями при скрещивании оказались тюркские языки.

Естественно, что языки тюркских народов имеют не только схождения, но и значительные расхождения между собой, вызванные их различными историческими связями.

Исторические сведения о тюркских народах и материалы по древним и современным тюркским языкам указывают на весьма древнее разделение тюркских народов (а в связи с этим и на различную их судьбу) на две части — восточные тюркские племена и западные тюркские племена. Это разделение тюркских племен относится как к первым векам н. э., когда одна группа племен примкнула к западным, а другая — к восточным хунну, так и к VII—VIII вв., когда тюркские племена были разобщены, в связи с падением государства тукюэ, а затем уйгуров, также на две

части — восточных и западных тукюэ, а затем на западных огузов, тургешей, карлуков, ягма и прочие племена, с одной стороны, и уйгурские племена, оставшиеся на Востоке,— с другой.

Формирование всех современных народов и языков тюркской группы совершилось относительно поздно в составе позднейших западных или восточных племенных союзов тюркских племен, хотя исторически каждый народ и язык были генетически связаны и с более ранними восточными союзами племен.

Так, формирование туркменского языка в основном произошло в среде западноогузских племен при участии народов, вошедших позже в сельджукский союз племен. Хронологически образование туркменского языка, таким образом, относится к VIII—XI вв., хотя генетически туркменский язык был связан через огузов и с более древним языком орхонских надписей тукюйского государства VI—VIII вв., а также с языком древних аборигенов Хорезма.

Любопытно отметить, что, как правило (исключения всегда неизбежны), основа каждого современного языка, относящаяся к определенной устойчивой общности, служит вместе с тем и убедительным свидетельством, указывающим на основное ядро этнического состава данного народа, т. е. если основа туркменского языка является огузской, то и доминирующим элементом в формировании данного народа играли огузы.

Языки каракалпакский и отчасти казахский сформировались сравнительно поздно в составе Большой Ногайской орды, а до этого генетически были связаны с кыпчаками-половцами, а в более ранний период—с узо-печенегами и отчасти булгарами, с одной стороны, и аборигенами Средней Азии — огузами, а также древними хорезмийцами и таджиками, с другой, т. е. в основном генезис этих народов и языков связан с западными союзами тюркских племен, хотя через кыпчаков-половцев и печенегов народы эти генетически связаны также и с восточными тюркскими племенными союзами. На формирование этих языков, безусловно, повлияли как славянские и угро-финские племена — через булгар, хазар и печенегов, так и древние хорезмийские и таджикские племена Средней Азии.

Язык киргизский в современном своем составе — относительно новый язык, сформировавшийся в кыпчакской среде, хотя субстратом его являлись древние киргизские диалекты енисейских киргизов, смешанных по своему этническому составу, древними памятниками языка которых являются древние енисейские надписи. Длительное пребывание киргизов на Востоке, как и некоторых других народов, говорящих на тюркских языках, например, сибирских тюрок — алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и пр., и, в частности, непосредственное соседство с монгольскими племенами—носителями языка более новой формации, отразилось соответствующим образом и на языках восточных тюркских племен, и не только в лексическом, но и в фонетическом и фонетико-морфологическом

отношениях (ср., например, вторичные долгие гласные в закрытых слогах, не характерные для западных тюркских языков).

Наконец, узбекский и новоуйгурский языки, как уже отмечалось выше, являются также не «чисто-тюркскими» языками, а представляют собой результат скрещивания тюркских языков с языками древнехорезмийцев, согдийцев, таджиков и прочих иранских племен — аборигенов Средней Азии. Вместе с тем эти языки сохранили также и непосредственную связь с древними тюркскими языками и в первую очередь со староузбекским, а затем с языком Караханидского государства, в основе языка которого лежали карлукские и еще более древние ягма и тургешские диалекты, носители которых генетически были связаны с древними уйгурами и тукюйцами (огузами).

Для характеристики сложных исторических связей каждого конкретного народа с другими тюркскими народами и процесса формирования племенных союзов и народностей я приведу пример на материале родо-племенного состава каракалпакского народа[1].

История каракалпакского народа теснейшим образом связана с историей западных племенных союзов и государств: хазар, печенегов, половцев, Золотой орды, ногайских и узбекских, а затем казахских племенных союзов. Последние же в более отдаленной исторической перспективе, как это явствует из имеющихся исторических источников, имели тесные политические, экономические и родо-племенные связи, с одной стороны, с западными хунну, а с другой — с огузским союзом, западными тукюэ и восточными хунну. Следовательно, каракалпакский народ, как и другие тюркские народы, представляет собой сложный конгломерат родов и племен, имеющий ближайшие исторические и генетические связи прежде всего с ногайцами и Золотой ордой, а в более ранние исторические эпохи — с половцами и печенегами, входившими в кыпчакское объединение народов Дешт-и-Кыпчак, и, наконец, в древнейшую эпоху — с хазарами и болгарами, т. е. с племенами, входившими в состав хунну.

Таким образом, было бы исторически неточно утверждать, что каракалпакский народ произошел от какого-либо одного племени или народа, взятого изолированно из общей исторической цепи развития племенных союзов.

Общность происхождения каракалпаков с народами, входившими в племенные союзы западных тюрок, подтверждается общностью родового состава этих народов.

Однако количество общих названий родов и племен является обратно пропорциональным по отношению к давности этих родо-племенных связей. Так, например, у каракалпаков из современных названий родов

---

[1] Кстати, следует отметить изданную в 1950 г. работу Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпаков», посвященную родо-племенному составу каракалпаков и их расселению в XIX—XX вв.

и племен, общих с названиями родов и племен хазар, можно указать только на одно: Аваз (Абас)[1] — современное название каракалпакского рода из племени Кыйат, в то время как общими родовыми названиями у хазар и исторически близких к ним печенегов являются три: 1) Пацинак[2] — общее название рода с племенным названием печенегов; 2) хазарское название — Тильмач[3] (ср. печенежское Бору Толмач)[4]; 3) хазарское Аваз[5] (ср. печенежское Абас[6]).

Общими племенными названиями у печенегов и каракалпаков являются уже следующие два рода: 1) печенежск. Qabuqšin (Jula)[7], ср. каракалпакск. Кабасан — род, входящий в родовое объединение Ашамайлы племени Конграт; 2) печенежск. Ава, Аваз[8], ср. каракалпакск. Абас, входящий вместе с родом Токай в родовое объединение Тараклы Кыйат племени Кыйат, а также в родовое объединение Аранлы Кенегес[9].

Еще больше родо-племенных связей устанавливается между кыпчаками[10] (половцами) и каракалпаками: 1) кыпчакск. Токсаба, ср. каракалпакский уран или клич рода Кыпшак — Токсаба; 2) кыпчакск. Кангуоглы, ср. каракалпакск. Канглы — родовое объединение, входящее в племя Кыпшак; 3) кыпчакск. Карабиркли (<Кара бёркли) соответствует каракалпакск. Кара-калпак, т. е. черные клобуки, черные шапки; 4) кыпчакск. Джузпан, ср. каракалпакск. Панг-кара — родовое название, входящее в родовое объединение Ашамайлы племени Конграт; 5) кыпчакск. Бур-джоглы, Ан-джоглы, ср. каракалпакские роды, имеющие общую вторую часть кыпчакских наименований: Бугёджейли, Шёвджейли, Манджули // Манджейли.

---

[1] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей..., вып. 1, СПб., 1874, таблица хазарских племен.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] J. Németh. Die petschenegischen Stammesnamen, «Ungarische Jahrbücher», X, Heft 1, Berlin — Leipzig, 1930.

[5] А. Я. Гаркави. Указ. соч.

[6] G. Feher. Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, K. Cs. A., I, 2, 1921 (Автор приводит печенежское имя Абас из рода Чоба).

[7] J. Németh. Указ. соч.

[8] G. Feher. Указ. соч.

[9] Ср. также каракалпакский род Тунгатар, который приводится в списке родов зеравшанских каракалпаков А. Гребенкиным в его работе «Узбеки» (сб. «Русский Туркестан», М., 1872, в. 2) и печенежское название крепости Тун-Катай и этимологию J. Németh'a в его работе: Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent Miklós, «Bibliotheca Orientalis Hungarica», II, Budapest, 1932 (Anhang I, Die Sprache der Petschenegen und Komanen); ср. название населенного пункта — деревня Тунгатарово (С. И. Руденко. Башкиры, Л., 1926, вып. II, стр. 233).

[10] Названия кыпчакских родов приводятся по Эн-Нувейри, см.: В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 541.

Наконец, максимально тесные родо-племенные связи устанавливаются между каракалпаками и ногайцами[1]. Общими родовыми наименованиями тех и других являются:

Ногайские	Каракалпакские
1. Хан урув	Хан-текли // Кандекли
2. Ктай	Ктай
3. Канълы	Кангглы
4. Ыргаклы	Ыргаклы
5. Коныpат	Конграт
6. Казайаклы	Казайаклы
7. Костамгалы	Костамгалы
8. Ашамайлы	Ашамайлы
9. Кыпшак // Купшак	Кыпшак
10. Нёкис	Нёкис
11. Мангыт	Мангыт
12. Кенегес	Кенегес
13. Уйгыр	Уйгыр
14. Телев	Тели, Телеу берди, Телес//Тёлёс
15. Тараклы	Тараклы

Обнаруживаются также значительные тесные родовые связи каракалпакского народа с другими народами[2], участвовавшими в образовании общих племенных союзов на западе, например, с казахами (с общими названиями родов: Канглы, Шерювши, Балгалы, Ашамайлы, Кайшылы, Терстамгалы, Карамойын, Канджыгалы, Баганалы, Тараkты, Конграт, Майлыбалта, Тилев и др.); с узбеками (Уйгур, Конграт, Кыйат, Джалайыр, Нёкюз, Кытай, родовые подразделения: Канджыгалы, Коштамгалы, Тараклы, Балгалы, Кыпчак и родовые подразделения: Канглы, Кенегес, Мангыт), а также и другими народами; с башкирами (Кыпчак, Ктай, Таз, Телев, Канглы и др.); с народом Курама (Кара-Кытай, Кердери // Кирдерли, Телев, Тараклы и др.).

Наконец, следует также отметить наличие у каракалпаков родовых названий, общих с родовыми названиями других западных и восточных тюрок; ср., например, родовые названия: Шулджугут // Шулджувут ‹Шулджуг +ут// Шулджув +ут, имеющие, может быть, отношение к огузскому племенному союзу сельджуков; название рода Толос // Тёлёс, имеющего отношение к восточному племени Тёлёс; название Уйгыр — к древнему племенному названию Уйгур и проч.

Весьма показателен также в этом отношении родо-племенной состав алтайцев, где устанавливаются генетические связи алтайцев с древними родами и племенами Теле (Телеут, Теленгит), Тиргеш, Тёлёс, Кыргыз, с более поздними объединениями: Кыпчак, Бурут и пр. и с монгольскими племенами Найман (Майман), Ойрат, Могол, а также с ненецкими и угорскими племенными объединениями, вошедшими в состав северных алтайских племен Туба, Куманды и в состав тувинского и хакасского народов.

---

[1] См. Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, изд. АН СССР, М.—Л., 1940 (приложение, список ногайских родов и племен).

[2] Название родов казахов, узбеков, курама, башкир приводятся по А. Н. Аристову; см. его «Заметки по этническому составу...»

Остатки родо-племенных отношений народов между собой, сохранившихся в названиях родов и племен, представляют собой вполне объективный критерий, определяющий не только племенной состав данного народа, так сказать, в синхроническом разрезе, но и позволяющий установить диахронию развития и формирования племенных союзов и народностей и их вхождение в ту или иную общность племен и союзов племен, длительность и устойчивость которых нам позволяет установить также язык как своего рода контрольный критерий, так как в основном словарном фонде и в словарном составе каждого языка весьма ярко и наглядно проявляются черты той или иной общности.

Таким образом, все современные тюркские языки могут быть в историческом аспекте их образования разделены на две большие группы или ветви: западнохуннскую ветвь тюркских языков и восточнохуннскую ветвь языков, которые в основных своих чертах совпадают и с географическими границами современного их расселения на территории Европы и Азии. Однако это разделение являлось в некоторой степени условным, так как связи между восточными и западными союзами племен непрерывно продолжались вплоть до образования самых позднейших общностей.

Как западнохуннская, так и восточнохуннская ветви тюркских языков имеют свои группы и подгруппы, объединяющие конкретные языки, близость которых между собой определяется более тесными историческими, а также, следовательно, лингвистическими связями. Каждая из ветвей, групп и подгрупп имеет свои лингвистические признаки и особенности, характеризующие схождения и расхождения этих языков в результате вхождения племен и языков в различные общности. Наиболее общие критерии и признаки, таким образом, разделяют все языки, как указывалось, на две ветви: западнохуннскую и восточнохуннскую, которые в свою очередь на основе более конкретных особенностей и признаков могут быть разделены на более дробные группы и подгруппы. Наконец, каждый из языков имеет свою специфику и свои конкретные языковые особенности, определяющие его как особый отдельный язык внутри данной группы или подгруппы. Вполне естественно, что чем крупнее объединение языков, тем общность между этими языками является более ранней и древней, а следовательно языки, входящие в него, в силу различных путей, пройденных этими языками, имеют уже меньшее количество признаков схождения и большее количество признаков расхождения; чем мельче и дробнее объединения, тем общность языков внутри них является более поздней и новой, а следовательно и языки, входящие в эти более мелкие группы, имеют большее количество признаков схождения и меньшее количество признаков расхождения.

Из истории развития наиболее древних объединений и союзов племен нам известно, что наиболее крупные из этих объединений были образованы, с одной стороны, на западе из тюркских племен, входивших в западное объединение гуннов (булгары, хазары, огузы или узы и, в частности, печенеги, а позже кыпчаки или половцы и пр.), а, с другой стороны, на во-

стоке — из тюркских племен, входивших в восточное объединение хунну (тукюэ, уйгуры, киргизы и пр.). Формирование современных тюркских народов и языков было связано, таким образом, в той или иной степени либо с западными, либо с восточными объединениями племен, которые и образуют два классификационных раздела: западнохуннскую и восточнохуннскую ветви тюркских народов и языков.

А. ЗАПАДНОХУННСКАЯ ВЕТВЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Западнохуннская ветвь тюркских народов исторически сложилась из тюркских племен, продвинувшихся на запад с древнейших времен и входивших последовательно в западнохуннский, а отчасти исторически в более позднее время, и в западнотукюйский племенные союзы, из которых образовались крупные родо-племенные объединения, а следовательно и языки: 1) булгары и булгарская группа языков; 2) огузы и огузская группа языков; 3) кыпчаки и кыпчакская группа языков; 4) карлуки и карлукская группа языков. Характерными особенностями тюркских языков западнохуннской ветви, отличающими эти языки от языков восточнохуннской ветви, являются: 1) в фонетической структуре: а) замещение древних ***в, д, т***>***й***, например, *айак* (вм. *адақ* ~ *азақ* ~ *атах*) «нога» и пр.; б) большая степь дифференциации глухих и звонких согласных: ***б — п, к — г, с — з, д — т***; в) наличие дифференцированных согласных фонем ***х, в, ҳ*** и др.; 2) в основном словарном фонде: различия в словарном составе и, в частности, наличие значительного количества заимствованной лексики из языков арабского и иранского и относительно меньшее количество заимствований из монгольского языка; 3) в грамматическом строе: а) более развитая структура сложного предложения и наличие большого количества союзов и в том числе заимствованных из других языков; б) меньшее количество стяженных сочетаний слов, выступающих в качестве сочетаний имен и глагольных форм и т. п.

Перечисленные здесь основные признаки отличают все тюркские языки западнохуннской ветви от тюркских языков восточнохуннской ветви. Однако, кроме этих общих признаков, каждая группа языков, входящая в западнохуннскую ветвь, имеет свои более конкретные, частные признаки, отличающие каждую группу внутри данной ветви языков.

I. БУЛГАРСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Булгары и булгарский язык оставили нам не только ближайших преемников — современных чувашей и чувашский язык, но во взаимодействии с другими племенами — славянскими, угро-финскими, а также и некоторыми тюркскими племенами, пришедшими на территорию Европы позже (огузы или узы, кыпчаки или половцы и др.), участвовали в различной мере и степени также и в формировании других языков.

Взаимодействие и скрещивание языков особенно ярко выражено: в чувашском языке, сохранившем грамматический строй и словарный состав тюркских языков, но имеющем значительные славянские, угро-финские и более поздние элементы татарского языка, т. е. языка, генетически общего с ним; в венгерском языке, сохранившем грамматический строй угорских языков, но содержащем значительный булгарский пласт; в языках татарском и башкирском, которые, сохраняя свою кыпчакскую основу, имеют также и следы их взаимодействия с булгарским языком, исторически более ранним по отношению к кыпчакской общности.

Булгарская группа языков, к которой относятся древние языки — булгарский и хазарский и современный чувашский язык[1], образовалась в среде древнейшего населения Поволжья — болгар или булгар (VI—XIV вв.), а также более поздних по времени дунайских булгар и хазар — непосредственных преемников племен, входивших в состав западных хунну, современными потомками которых являются чуваши, сохранившие древний строй языка. Сведения по древним языкам булгарской группы — булгар и хазар весьма скудны и представлены главным образом в топонимике и ономастике — названиях и именах, упоминавшихся в исторических сочинениях византийских, еврейских, армянских и арабских авторов, а также в надписях на могильных памятниках.

О характере булгарского языка, который сближается с современным чувашским языком, можно судить по отдельным словам, сохранившимся на надгробных памятниках, а также по венгерским хроникам и по славяно-булгарскому именнику[2]. Чрезвычайно мало сведений сохранилось также

[1] Здесь и далее при характеристике языков дана библиография, касающаяся главным образом только источников по древним и средневековым языкам; литература же по современным тюркским языкам не приводится.

[2] См.: В. В. Бартольд. Bulghār, «Enzyklopädie des Islam», Bd. I, 823; А. Смирнов. Очерки по истории древних булгар, Труды Гос. Исторического музея, т. XI, М., 1940; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, изд. АН СССР, 1939; Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X веках, «Ист. записки», № 14, изд. АН СССР, 1945; G. Moravcsik. Zur Geschichte der Onoguren, «Ungarische Jarbücher», X, 1930; см. также библиографию работ венгерских ученых в этой области: L. Rásonyi Nagy. Ungariche Bibliographie, K. Cs. A., 1935, а также работы по языку: А. Куник. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику, «Записки И. Академии Наук», т. XXXII, в. 2, СПб., 1878; Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашский язык, Казань, 1902; А. А. Шахматов. Заметки о языке волжских болгар, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. V, в. 1, СПб., 1918; С. Е. Малов. Болгарская золотая чашка с турецкой надписью, «Казанский музейный вестник», № 1—2, Казань, 1921; Г. А. Ильинский. К вопросу о так называемом «сокровище Аттилы», «Вестник научного общества татароведения», № 8, Казань, 1928; С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика, «Эпиграфика Востока», т. I, М.— Л., 1947; т. II, М.— Л., 1948; F. Altheim. Hunnische Runen Halle (Saale), 1948; Z. Gombocz. Die bulgarische-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, M. S. F. Ou., 30; G. Feher. Les monuments de la culture protobulgare et leurs rélations hongroises, «Archeologia Hungarica», VII, Budapest, 1931; G. Feher. Die Sprachreste der Donau-protobulgaren, «Изв. Болгарск. археолог. института», т. V, 1928—1929.

и о языке хазарском. О языке хазар, кроме сохранившихся хазарских названий городов — Итиль, Семендер, Беленджер, Саркел, можно судить также по названиям племен и некоторым другим косвенным указаниям еврейских и арабских источников [1].

Из современных языков лучше других сохранил булгарские черты чувашский язык; некоторыми булгарскими чертами характеризуются также языки: гагаузский, входящий в огузскую группу, караимский, татарский и башкирский, входящие в кыпчакскую группу тюркских языков.

Характерными признаками языков булгарской группы, и в частности чувашского языка, по которым он отличается от языков других групп, входящих в западнохуннскую ветвь, являются: 1) в фонетической структуре: а) наличие особой системы вокализма и в том числе двух негубных и двух губных гласных неполного образования; б) замещение некоторых гласных в начале слов языков других групп дифтонгами и дифтонгоидными сочетаниями, например, *йерт-*«водить» (вм. *ерт-*), *йӗкев* «подпилок» (вм. *егев*), *йӗр* «след» (вм. *из*), *вут* «огонь» (вм. *от*), *выра̀н* «место» (вм. *орын*) и пр.; в) замещение конечного согласного *з* в других языках согласным *р* (ротацизм), например, *ҫӑвар* (вм. *ағыз* // *авыз*) «рот», *па̀р* (вм. *буз*) «лед», *хер* (вм. *қыз*) «дочь», *кӗр* (вм. *кӳз*) «осень» и пр.; г) наличие согласной фонемы *ҫ*, замещающейся в других языках фонемы *й*~*ж*~*дж*~*дъ*~*ч* и пр.; д) особый характер согласных фонем, занимающих среднее положение между глухими и звонкими согласными в других языках, а также наличие парных палатализованных согласных; е) замещение чередующихся по языкам согласных *д*~*т*~*з*~*й* согласным *р*, например, *ура* (вм. *адақ*//*азақ*//*айақ* и пр.) «нога» и т. д.; ж) замещение согласного *ш*~*с* других языков согласным *л* (ламбдаизм), например, *хӗл* (вм. *қыш*~*кыс*) «зима», *тӗлӗк* (вм. *тӳш*~*тӳс*) «сон», *алак* (вм. *ишик*~*есик*) «дверь» и пр.; 2) в основном словарном фонде — наличие в лексике значительного слоя слов, характеризующих только данную группу и отсутствующих в других тюркских языках (ср., например, *ҫӑмса* «нос», *ҫурӑм*, *каҫан* «спина», *арӑм* «женщина», *ҫатма̀* «сковорода», *курка* «ковш», *ҫӗҫӗ* «нога», *тулӑ* «пшеница», *мӑйӑр* «орех» и др.), а также значительного слоя слов, общего по происхождению со славянскими и угро-финскими языками; 3) в грамматическом строе — своеобразие морфологии и синтаксиса, в значительной степени отличающихся от морфологии и синтаксиса языков других групп.

---

[1] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей..., вып. 1, СПб., 1874; П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932; А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870; Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах..., СПб., 1869; J. Kazsmárki. Die Sabiren, Die Chazaren, «Magyarság», № 27, IV, Budapest, 1930; И. Моравчик. Происхождение слова TZJTZAKJAN, Seminarium Kondakovianum, IV, Praha, 1931; А. Зайончковский. О хазарах, «Archiv Orientalni», XI, Praha, 1939.

II. ОГУЗСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Одну из последующих кочевых волн тюркских народов, продвинувшихся на запад и вторгшихся в Восточную Европу, составляли огузы или узы, и в том числе печенеги. Огузы, как известно, в своем движении с востока на запад пришли в Среднюю Азию в VIII в. и только в X в. часть северных огузских племен и в том числе печенеги продвинулись далее на запад через Урал и Волгу в Восточную Европу; затем в XI в. другая их часть — огузы-сельджуки — начала свое продвижение также на запад в Европу, но уже южным путем, через Иран и Малую Азию. Таким образом, это многочисленное объединение тюркских родов и племен в период с X по XII в. разделилось на три части, из которых одна осталась в Приаралье и легла в основу этнического состава современных туркмен, а частично повлияла и на формирование современных узбеков Хорезма и каракалпаков. Другая часть огузов-сельджуков проникла в Европу через Персию и Малую Азию и послужила основой образования современных турок, а отчасти вошла также в этнический состав тюркских народов Северного и Южного, или Иранского, Азербайджана. Наконец, третья часть северных огузских племен попала в Европу через Урал и Волгу и была известна под именем узов и печенегов. Часть огузов вошла во взаимодействие с булгарами, образовав смешанные огузо-булгарские племенные соединения с языком, характеризующимся большим воздействием булгарского. К этой группе племен, по свидетельству Махмуда Кашгарского, относятся, например, западные печенеги. К таким же смешанным племенам с огузской основой языка, но вместе с тем подвергшегося значительному воздействию булгарского, а позже кыпчакского, следует отнести прочие племена узов, известных по русским летописям под разными названиями, а именно: узов, торков, берендеев, ковуев и пр., которые позже вошли в состав половецкого союза. Из современных языков — огузских в своей основе, но имеющих значительные следы булгарского элемента, можно указать на язык гагаузский. Эта же часть огузов, а также часть восточных печенегов позже были растворены в подавляющем множестве кыпчаков-половцев, из взаимодействия с которыми образовались позже смешанные огузо-кыпчакские или узо-половецкие племена. Эти племена вместе с победившими их половцами-кыпчаками легли в основу таких народов, как позднейшие караимы, кумыки и пр., имеющие в своем этническом составе и в языке, таким образом, и более древние булгарские и огузские элементы, и более новые (и основные) кыпчакские элементы.

Огузы, а до них булгары, оказали также некоторое влияние на этнический состав и язык таких народов, как ногайцы и каракалпаки, которые сохранили в своем языке и элементы булгарского языка, и значительный пласт огузской речи, хотя исторически эти народы сформировались окончательно только в эпоху после распада Золотой орды.

Наличие огузских элементов, например, у кыпчаков-половцев прекрасно иллюстрируется данными языка такого известного половецкого

памятника, как Codex Cumanicus. Ср., например, множество слов, зарегистрированных в этом памятнике и в огузской, и в кыпчакской формах: *тағ // тағ* «гора» (*tag* — 88,17; *tavga* — 189,12 и пр.[1]); *тоғ // туғ* «родиться» (*togarmen // tuarmen* — 40,1 и пр.); *боғун // буғун* «сустав» (*bogun // buun* — 109,21 и пр.) и т. д. Ближайшими родственниками огузов или узов, пришедших через Урал и Волгу, из интересующих нас тюркских народов, как было уже указано выше, являются также гагаузы. Гагаузы, как булгарские, так и приморские, представляют собой сложную огузскую в своей основе этническую группу последовательно входивших в нее племен, начиная от древних огузов или узов, и в том числе — печенегов, берендеев, ковуев, торков, черных клобуков и пр. (ср. мнение В. В. Радлова и В. А. Мошкова), затем булгар (ср. булгарскую теорию происхождения гагаузов К. Шкропила и И. Занетова) и кончая кыпчаками, половцами или куманами (ср. мнение К. Иречек). Значительное влияние на формирование гагаузского языка оказали также славянские и романские языки, а также греческий язык, что выразилось, во-первых, в большом количестве иноязычных элементов в лексике и в синтаксисе гагаузского языка, сформировавшегося под значительным воздействием славянских языков. Доминирующие же огузо-сельджукские черты гагаузский язык получил в более поздний период турецкого господства на Балканах.

Итак, к огузской группе языков относятся несколько подгрупп языков: 1) огузо-туркменская подгруппа, объединяющая: а) древние языки — язык огузов, зарегистрированный Махмудом Кашгарским, и б) современные языки — туркменский язык и язык трухмен Северного Кавказа; 2) огузо-булгарская подгруппа, к которой относятся: а) древние языки печенегов и узов (торков, берендеев, ковуев и пр.) и б) современный гагаузский язык; 3) огузо-сельджукская подгруппа, к которой принадлежат: а) древнесельджукский и древнеосманский языки и б) современные азербайджанский и турецкий языки.

Огузская группа языков образовалась в среде огузов (VIII—XIII вв.) и сельджуков (XI—XII вв.), ведущих свое происхождение от западных и отчасти восточных тукюйских племен с прямыми потомками, сохранившими древнеогузские черты языка,— туркменами и более поздними, смешанными племенами, из которых образовались современные азербайджанцы и турки, с одной стороны, и гагаузы — с другой. Все эти народы имеют в своем составе, кроме того, различные этнические элементы, а следовательно и различные языковые напластования, например, язык туркменский, кроме огузской основы, в процессе формирования впитал элементы кыпчакских языков, а также древнехорезмийского языка и пр.; язык азербайджанский, кроме огузских черт, имеет и сельджукские и кыпчакские элементы, а также, по предположению некоторых ученых, сохранил в своей лексике следы мидийского и древнеалбанского языков и пр.,

---

[1] Цитируется по: G. Kuun. Codex Cumanicus..., Budapest, 1880.

а языки печенежский и гагаузский в значительной мере имеют элементы булгарских и кыпчакских языков и пр.

Характерными чертами огузской группы являются: 1) в фонетической структуре: а) наличие, как правило, восьми гласных кратких фонем, в отличие от других языков, имеющих от 6 до 9 фонем (например, языки кыпчакские или карлукские); б) наличие узких губных гласных в аффиксах, например, *йаруқ* вм. *йарық* «свет, блеск»; в) сохранение конечных *г* и *е* в словах типа *бег* «бек, господин», *даг* «гора» и выпадение их в некоторых аффиксах, например, *гелен* (вм. келген) «пришедший», *алан* (вм. *алган*) «взявший» и пр.; г) озвончение начальных согласных ***т*** и ***к/ҡ***, например, *гөр-* «видеть» (вм. *көр-*), *дил* «язык» (вм. *тил*); д) выпадение начального ***б/п*** в основе *ол-* «быть» (вм. *бол-*, *пол-*, *пул-*); е) выпадение ***й*** перед узкими гласными и после них в некоторых словах, например, ***ир*** «песня» (вм. *йыр*); ***ит*** (вм. *ийт*) «собака» и пр.; 2) в грамматическом строе: а) фонетически редуцированный формант родительного падежа ***-ын/-ин***, ***-ың/-иң*** и винительного падежа ***-и***, наряду с полной формой ***-ның/-ниң*** и ***ны/-ни***; б) фонетически редуцированный формант направительного падежа в позиции после согласного, например, *аадама* «человеку» и пр.; в) фонетически редуцированная форма аффикса 1-го лица множественного числа, например, *беререс* (вм. *берермиз*) «мы дадим» и пр.; г) форма желательного вида на ***-асы/-еси*** вм. формы на ***-гу/-гү***, например, *келеси* (вм. *келгу*); д) форма долженствовательная на ***-малы/-мели***; е) форма причастия на ***-мыш/-миш*** вместо кыпчакской формы на ***-ган/-ген***; 3) в словарном составе огузские языки характеризуются также и некоторыми особенностями основного словарного фонда, который, например, в противопоставлении с основным словарным фондом кыпчакских языков, имеет следующие расхождения:

Огузские языки	Кыпчакские языки	Перевод
илгери	*бурун*	прежде
қурт	*бөри*	волк
эль	*қол*	рука
алын	*маңлай*	лоб
көпек	*ийт*	собака
өзге	*башқа/басқа*	другой
ев	*үй*	дом
қапу	*эсик/эшик*	двери
ийги, ейи	*ёжакъсы/йахъшы*	хороший
ол-	*бол-*	быть
үвере	*үстин*	вверх

Однако в некоторых современных языках, которые в процессе своего развития входили и в огузскую и в кыпчакскую общность, сохранились и те и другие противопоставляющиеся здесь слова в виде, так сказать, исторических синонимов, имеющих, впрочем, некоторые оттенки в значении, а также некоторые особенности в употреблении.

Каждая из подгрупп, входящих в огузскую группу языков, имеет также свои специфические признаки, общие для языков данной подгруппы,

характеризующихся в свою очередь конкретными специфическими особенностями. Рассмотрим только самые основные, общие признаки каждой подгруппы.

1. Огузо-туркменская подгруппа

Огузо-туркменская подгруппа языков сформировалась в среде западных огузских племенных языков тех древних огузских племен, которые в VIII в. пришли с востока в районы, смежные с Приаральем, после распада тукюйского государства на Орхоне. Имея в своей основе диалекты огузских племен, туркменский язык впитал в себя также и элементы языка более древних аборигенов Средней Азии и Приаралья — хорезмийцев, а также близкой, но более поздней системы огузо-сельджукских языков, на основе которых образовался позже турецкий язык.

Таким образом, огузо-туркменская подгруппа языков исторически относится к наиболее ранней общности языков и объединяет древний язык огузов, зарегистрированный Махмудом Кашгарским[1], а также современные туркменский и трухменский языки и характеризуется следующими основными признаками, противопоставляющимися признакам для огузо-сельджукской подгруппы, исторически относящейся к более позднему объединению племен: 1) в фонетической структуре: а) наличие факультативных по диалектам межзубных согласных *ċ* — *ż* в туркменском языке вместо обычных зубных *с* — *з* в турецком языке, относящемся к огузо-сельджукской подгруппе, например, туркм. *ċөż* вм. турецк. *сөз* «слово» и пр.; б) сохранение взрывного *б* и спирантизация — переход его в *в* в турецком языке, например, туркм. *бер-* «давать» вм. турецк. *вер-*; в) наличие первичных долгих гласных, что является рефлексом древнего происхождения языков этой группы и их связей с восточными тюркскими языками (ср. те же первичные долготы в тувинском и якутском языках), и отсутствие первичных долгот, например, в турецком языке; г) губная гармония в отношении широких гласных *болон~болгон*, что также является отзвуком генетических связей этой группы языков с восточными тюркскими языками, и отсутствие этой гармонии, например, в турецком языке; д) наличие параллельных вариантов основы *бол-* и *ол-* «быть, стать» при одной форме *ол-* в турецком языке; е) наличие начального сонорного *м* в личном местоимении 1-го лица вместо звонкого взрывного *б*, например, в турецком языке огузо-сельджукской подгруппы, т. е. туркм. *мен* «я» вм. турецк. *бен* «я»; ж) наличие звонкого заднего *ɣ* в начальной позиции в слове вм. глухого *к* в языках огузо-сельджукской подгруппы, например, туркм. *ɣыйż* «девушка» вм. турецк. *кыз* и пр.; 2) в грамматическом строе: а) активизация формы причастия прошедшего времени на *-ан/-эн* (*-ган/-ген*) вместо причастий на *-дык/-дик* и *-мыш/-миш*, активизировавшихся

[1] Maḥmūd ibn Husain al-Kāšghārī. Diwan Lugat at-Turk, изд. Ахмедом Рифатом, тт. I и II, 1915; т. III, 1917, а также Divanü lûgat-it-türk tercümesi, I—III, Ankara, 1939—1941; Tıpkıbasımı, Ankara, 1941.

в турецком языке огузо-сельджукской подгруппы; б) параллельное употребление по диалектам отрицательной формы причастия будущего времени на *-мар/-мер* и *-маз/-мез* с доминирующей первой формой в туркменском и отсутствие варианта *-мар/-мер* в турецком языке; в) акающая форма настоящего времени на *-йар* вместо окающей на *-йор* в турецком языке огузо-сельджукской подгруппы, например, *гелйар* вм. *гелйор* «он приходит»; г) утрата промежуточного *а* в причастии будущего времени на *-джаҡ/-джек* и сохранение звука *а* (*-аджак/-еджек*) в турецком языке, например, туркм. *берджек* «он отдаст, он дает» вм. турецк. *береджек*; д) утрата *-й* в деепричастных формах глаголов, оканчивающихся на гласный звук, например, туркм. *оку-п* «читав»; *бер-ме-п* «не дав» вм. турецк. *оку-й-уп* и *вер-ме-й-ип* и т. п.

2. Огузо-булгарская подгруппа

К огузо-булгарской подгруппе относятся, с одной стороны, древние языки печенегов и узов (торков, берендеев, ковуев и пр.), а с другой — современный гагаузский язык. Имея в своей основе язык, общий с огузами, древние племена печенегов и узов, вошедшие также и в состав современного гагаузского народа, попав в булгарскую, а затем кыпчакскую среду, приобрели признаки языка, общие с булгарскими языками, а в более позднее время — также и признаки кыпчакских языков, сохранив вместе с тем основу огузского словарного состава и грамматического строя.

Сводка сведений о печенежском языке дана в работах J. Németh'a[1], где приводятся греческие транслитерации печенежских названий родов, титулов, крепостей и пр. с их анализом и сопоставлениями с лексикой других тюркских языков. Значительное количество печенежских слов вскрывается также в венгерских хрониках и преданиях[2].

Булгарские черты в значительной степени отразились не только на печенежском языке, что было отмечено еще Махмудом Кашгарским[3],

---

[1] J. Németh. Zur Kenntnis der Petschenegen, K. Cs. A. Budapest, I, 3, 1922 и более поздние его работы: J. Németh. Die petschenegischen Stammesnamen, «Ungarische Jahrbücher», X, 2, 1930; J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy Szent-Miklos, «Bibliotheca Orientalis Hungarica», II, 1932, Anhang I; Die Sprache der Petschenegen und Komanen; см. также работы других авторов: A. A. Kurat. Peçenek Tarihi, Istanbul, 1937; J. Kazsmárki. Die Petschenegen und Uzen, Magyarság, X, 12, Budapest, 1930; L. Rásonyi Nagy. Der Volksname Berendej, «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933; Г. Ильминский. К вопросу о так называемом «сокровище Аттилы». «Вестник научного общества татароведения», № 8, 1928; W. Thomsen. Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy Szent-Miklos, 1917, и др.

[2] G. Feher. Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen, K. Cs. A., I, 2, 1921.

[3] C. Brockelmann. Mahmud al-Kašghari über die Sprachen und die Stämme der Türken, K. Cs. A., I, 1, 1921.

а также и исследователями памятников и, в частности, надписей на золотых сосудах, принадлежность которых к тому или другому народу, видимо, вследствие близости языков, остается спорной, так как одной группой ученых во главе с В. Томсеном они относятся к булгарским надписям, а другой группой во главе с Ю. Неметом — к печенежским. Эти булгарские черты сохранились также и в строе современных тюркских языков, в том числе в караимском и гагаузском языках, которые характеризуются весьма интересными признаками и, в частности, палатализацией согласных в позиции перед передними гласными, характерной также для чувашского языка, что указывает на наличие булгарских элементов. Закон палатализации в позиции перед передними гласными в караимском и гагаузском языках сопровождается также и деформацией последующих передних гласных и переходом их в соответствующие задние гласные с предшествующей палатализацией согласного, например, *эв'а* вм. *эвэ* «домой», *кес'м'а* вм. *кесме* «не режь» и пр.

3. Огузо-сельджукская подгруппа

Огузо-сельджукские языки являются исторически более поздней общностью по отношению к первым двум подгруппам. Они объединяют, во-первых, мертвый уже сельджукский язык, к памятникам которого относятся поэма Кыса-и-Юсуф (1233 г. н. э.)[1], Ребаб-намэ, сельджукские вирши Султана Веледа и стихи Джалаль-эд-дина Руми (XIV в.)[2], Гариб-намэ (1329—1330 гг.)[3], Несефиевы вирши (1332 г.)[4], Тезкерет-уль-Евлия (1340 г.)[5], Диван Бурган-эд-дина Сивашского (1345—1397 гг.)[6] и др. Вторым, исторически последующим языком этой группы является староосманский язык, к памятникам которого относятся Искандер-намэ (1390 г.), османский перевод «Радость после горя» (1451 г.), опубликованный А. Вамбери[7], Хроника Ибн-Биби (1421—1451 гг.)[8], турецкий комментарий Ко-

---

[1] C. Brockelmann. Ali's Qissa-i Jûsuf, ABAW, № 5, Berlin, 1916—1917.

[2] W. Radloff. Die seldschukischen Verse im Rebab-nameh; см. транскрипцию виршей в ZDMG, Bd. 20, 1866; Bd. 23, 1869; К. Залеман — Бюллетень Академии Наук, № 34, 1892; «Mélanges Asiatiques», t. X; Н. Мартинович. Новый сборник стихов Джалаль-эд-дина Руми и Султана Веледа, «Записки Вост. отд. Русск. археол. об-ва», т. XXIV, 1917.

[3] C. Brockelmann. Die Sprache Ašyq-pašas und Ahmedis, ZDMG, Bd. 73, 1919.

[4] В. Смирнов. Древнейшая датированная рукопись XIV в., «Записки Вост. отд. Русск. археол. об-ва», т. XXII, 1914.

[5] J. Thury. Török nyelvemlékek a XIV század végéig, Budapest, 1903.

[6] П. Мелиоранский. Восточные заметки, Сб. факультета восточн. языков Петербургского университета, СПб., 1895.

[7] H. Vámbéry. Altosmanische Sprachstudien, Leiden, 1901.

[8] В. А. Гордлевский. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских сельджуков, «Древности восточные», т. IV, М., 1913.

рана (1499 г.)[1], а также отдельные записи пилигримов и пленных, представляющие древние образцы османского языка[2].

Наконец, к этой же группе относятся современные азербайджанский и турецкий языки.

Признаки языков этой подгруппы даны выше в противопоставлении их с признаками огузо-туркменской подгруппы.

III. КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

К кыпчакской группе языков относятся следующие подгруппы: 1) кыпчакско-булгарская, 2) кыпчакско-огузская или узо-половецкая и 3) кыпчакско-ногайская.

Кыпчакская группа языков с тремя исторически последовательно возникшими подгруппами образовалась в среде многочисленных кыпчакских племен, которые появились в Восточной Европе и Западной Азии сначала вместе с печенегами (IX—XI вв.), затем с кыпчаками-половцами или куманами (XI—XIII вв.), а позже составили основное ядро населения Золотой орды (XIII—XV вв.), в дальнейшем распределившееся между Астраханским, Казанским и Крымским ханствами, а частично вошедшее в Узбекскую орду и Большую Ногайскую орду, из которых выделились группы племен, включившиеся в узбекский, казахский и каракалпакский союзы. Из состава кыпчаков, ассимилированных частично по языку булгарами и вошедших в состав сначала Золотой орды, а затем Казанского и Астраханского ханств, образовались современные татары и башкиры, язык которых имеет общие элементы с языками булгарской группы и с языками кыпчакской группы, а потому и отнесен к смешанной кыпчакско-булгарской подгруппе. Кыпчакско-огузскую подгруппу составляют, с одной стороны, древний половецкий или куманский язык, а с другой стороны — современные живые языки: караимский и кумыкский, носители которых являются, повидимому, прямыми потомками половцев. Наконец, самую позднюю группу кыпчакских языков составляют кыпчакско-ногайские языки, сформировавшиеся в XIV—XVI вв., к которым относятся ногайский, каракалпакский, некоторые диалекты узбекского языка и основная часть диалектов казахского языка.

Таким образом, наиболее ранним периодом в развитии кыпчакских языков на территории Западной Азии и Восточной Европы следует считать домонгольский период их формирования, когда типология и лексика этих

---

[1] C. Huart. Un commentaire du Qoran, «Journal Asiatique», Paris, 1921.

[2] Ф. Брун. «Записки Новороссийского университета», кн. 1, Одесса, 1867. (Пленный баварец Шильтбергер, 1396 г.); H. Stumme. Das Arabische und das Türkische bei Ritter Arnold von Harff, Leipzig, 1914; ZDMG, Bd. 69, 1915. (Пилигрим рыцарь Гарф, 1496—1499 гг.); K. Foy. Die ältesten osmanischen Transscriptions Texte in gothischen Lettern, MSOS, Bd. IV, Berlin, 1901, Bd. V, Berlin, 1902 (Пленный мюльбахский студент), и др.

языков складывалась и определялась на основе взаимодействия не только тюркских (булгарских, огузских), но и славянских, иранских, угро-финских и прочих племен, находившихся тогда на территории Западной Азии и Восточной Европы. Этот период характеризуется, в частности, проникновением в языки значительного количества славянских, угро-финских, иранских и других лексических элементов, точно так же, как и славянские, угро-финские, иранские и прочие языки в значительной мере заимствовали тогда лексику кыпчакских языков. К этому периоду относится также и начало проникновения в кыпчакские языки Восточной Европы и Западной Азии арабских элементов, которые вошли в языки вместе с принятием этими народами ислама.

Вторым периодом в развитии этих языков является эпоха после монгольского нашествия, когда подавляющая масса кыпчакских племен вошла сначала в состав Золотой орды, а затем, после распада Золотой орды, в Казанское, Астраханское, Крымское, а частью в Сибирское ханства и в Узбекскую и Ногайскую орды.

Следующей эпохой в развитии кыпчакских языков Западной Азии и Восточной Европы является эпоха после освобождения Русского государства от монгольского ига, объединения Восточной Европы и последовательного падения Казанского, Астраханского и Крымского ханств. В эту эпоху вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции тюркские народы Восточной Европы развивались в условиях постоянного общения с русским народом, что способствовало развитию этих народов в экономическом и культурном отношениях, а языки благодаря этому соответственно обогащались русской лексикой, отражающей экономическое и культурное развитие этих народов.

В эту же эпоху,— а для некоторых народов, например караимов, и в более ранний период,— в значительной мере развились и утвердились также и вошедшие в язык лексические элементы, связанные с различными идеологическими и религиозными воззрениями этих народов. Так, караимы с принятой ими еще в более ранний период религией иудаизма (одной из сект), которая являлась общей и для древних хазар, в значительной степени заимствовали древнееврейскую лексику и терминологию, а также использовали для своего языка и древнееврейскую письменность, которая, впрочем, более или менее широкое распространение получила только в позднейшее время.

Татары и башкиры, принявшие в качестве основной религиозной системы ислам (исключение составляет некоторая группа татар, принявших позже христианство, так называемые «кряшен»), соответственно заимствовали значительное количество арабо-иранских слов и терминов, а также и арабскую письменность, которая просуществовала у них вплоть до перехода сначала на латинизированный, а затем на современный алфавит с русской основой.

Основными особенностями языков, относящихся к кыпчакской группе, в фонетической структуре являются: а) наличие 8—9 гласных, внутри

которых своеобразную окраску звуков неполного образования имеют узкие гласные *ы̇*, *и̇*, *ӱ*, *ү̇*; б) отсутствие, как правило, лабиализации узких гласных в аффиксах (ср., например, *йаруқ* в огузских или карлукских языках); в) слабая губная гармония гласных и только в отношении узких гласных; г) отсутствие долгих гласных; д) соответствие более древним сочетаниям гласного и согласного *аг*>*аӱ*, *ег*>*ий*; *ег*>*үй* и пр., например, в словах: *таг*>*таӱ* «гора»; *тег-*>*тий-* «касаться», *өгрен-*>*үйрен-* «учиться» и пр.; е) наличие, как правило, в начале слов звонкого *б*, но глухих *т* и *к*/*қ*, например, *балта* «топор»; но *тил* «язык» и *кел-* «приходить», и противоположный признак для местоимения 1-го лица *мен* «я» (вм. огузских *дил* «язык», *гел* «приходить», *бен* «я» и пр.); ж) неустойчивость в начальной позиции звуков *й*~*ж*~*дж*; з) озвончение *п*>*б*, *к*/*қ*>*г*/*ғ* или спирантизация *п*/*б*>*ӱ* и *қ*>*ғ* в интервокальной позиции и т. д., равно как спирантизация *қ*>*х* в позиции перед согласными смычными, а также некоторые характерные черты морфологии и лексики кыпчакских языков (см. в противопоставлениях с признаками огузских и карлукских языков).

Каждая из подгрупп кыпчакских языков, обладая указанными выше признаками, имеет также свои особенности, на основании которых объединяются соответствующие конкретные языки.

1. Кыпчакско-булгарская подгруппа

Кыпчакско-булгарская подгруппа языков состоит из средневекового западного золотоордынского литературного языка и двух современных тюркских языков — татарского и башкирского.

Татарский и башкирский языки образовались в результате взаимодействия булгарских и кыпчакских племенных языков и дальнейшее развитие получили в составе народов Золотой Орды.

Следует, однако, отметить, что хотя и существовало общее название — татары — для всех народов, входивших в состав Золотой орды, татарский язык в современных своих территориальных границах не являлся общим языком для всей ее территории, но был локализован в пределах Среднего Поволжья, так как некоторые памятники, относящиеся к языку периода Золотой орды (например, кыпчакские грамматики и словари филологов-арабов Египта), отмечают также для других районов Золотой орды тюркские языки с несколько иными признаками, по которым некоторые из них можно отнести к кыпчакско-огузской или узо-половецкой, либо к кыпчакско-ногайской подгруппам кыпчакских языков.

Окончательно татарский и башкирский народные разговорные языки сформировались после распада Золотой орды, в период Казанского, Астраханского и Сибирского ханств и в последующее время после присоединения этих ханств к России.

Как татарский, так и башкирский языки, представляя собой результаты сложного взаимодействия племенных языков, сохранили в своем

составе значительное количество диалектов. Особенно интересен в этом отношении башкирский язык. Находясь на периферии и частью в горах, башкиры были в значительной мере изолированы от других племен, вследствие чего башкирский язык сохранил древнейшие свои особенности, сближающие его с некоторыми современными тюркскими [народами и языками восточнохуннской ветви, например, хакасами, тувинцами, якутами и пр., имевшими исторически общие с башкирами этнические элементы, и, в частности, древние уйгурские племена, которые вошли как в состав булгар и других западных тюркских народов, так и последовательно в состав некоторых тюркских народов восточнохуннской ветви, из которых позже и образовались современные хакасы, тувинцы и пр. Природные условия расселения башкир в горах способствовали изоляции отдельных племенных групп и диалектов, чем и объясняется наличие большого количества различных диалектов и говоров в современном башкирском языке.

Итак, уточняя место татарского и башкирского языков в системе тюркских языков, следует как в историческом, так и в генеалогическом планах отнести их к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы западнохуннской ветви тюркских языков.

В соответствии со своим происхождением татарский и башкирский языки, как языки, образовавшиеся в результате взаимодействия кыпчакских и булгарских племенных языков, в фонетической структуре характеризуются следующими общими для кыпчакско-булгарской подгруппы признаками: а) наличием характерного для этой подгруппы языков вокализма, состоящего из 9 гласных, которые по своему характеру ближе к системе гласных булгарской группы языков, например, к чувашскому языку, и отличаются от него только отсутствием в коренных словах звука, соответствующего русскому *е/э* и наличием вместо него звука *ә*, а также несколько особой артикуляцией татарских и башкирских гласных неполного образования *ы̂* и *е̇*, *о̇* и *ө̇*, причем гласные *о̇* и *е̇* являются очень близкими по артикуляции к чувашским лабиализованным гласным неполного образования *ӑ* и *ӗ*. В то же время вокализм татарского и башкирского языков в значительной степени отличается от вокализма кыпчакских языков, во-первых, соответствием гласных полного образования в кыпчакско-булгарских языках *ы*, *у*, *ү* гласным полного образования остальных кыпчакских языков *е*, *о*, *ө* [ср. тат. и башк. *кил-* вм., например, ногайского и прочих языков *кел-* «приходить»; тат. и башк. *құл* вм. ногайского и прочих языков *қол* «рука»; тат. и башк. *күл* вм. ногайского и прочих языков *көл* «озеро» и т. д. (при взаимном отсутствии звуков полного образования *е*, *о*, *ө* в кыпчакско-булгарских языках и *ы*, *у*, *ү* — в других кыпчакских языках)]; во-вторых, некоторыми различиями в артикуляции фонематически совпадающих звуков более широких *ы̂*, *е̇*, *о̇*, *ө̇* в кыпчакско-булгарских языках соответствующим более узким гласным *ы̇*, *ӹ*, *ӱ*, *ү̇* в других кыпчакских языках (ср. например, тат. *құ̂ыз*, ногайск. *қы̇ыз* «девушка»; тат. *тел*, ногайск. *тил* «язык»; тат. *то̇р-*, ногайск. *тӱр-* «стоять»; тат.

кӧл, ногайск. *кӱл* «пепел» и т. д.); наконец, в-третьих, наличием особого лабиализованного *а̂*, например, в слове *ка̂лды* «он остался», который отсутствует в других кыпчакских языках; б) в области же консонантизма кыпчакско-булгарские языки отличаются от булгарских (чувашского) главным образом отсутствием палатализованных вариантов согласных фонем, которые имеются в чувашском языке (*п*, *п'*; *б*, *б'*; *т*, *т'*; *д*,*д'* и пр.), и отсутствием таких согласных фонем, как *ҫ*, которая замещается либо *й*, либо *ж*, либо *дж*, и фонемы *в*, которая до последнего времени отсутствовала в кыпчакско-булгарских языках и только ныне внедряется в язык вместе с заимствованной русской лексикой. Вместе с тем консонантизм кыпчакско-булгарских языков имеет и некоторые отличия от прочих кыпчакских языков. Во-первых, следует отметить наличие характерных фонем башк. *с* и тат. *ш'* (*ч*), замещающих согласную фонему *ч/ш* других кыпчакских языков, и, во-вторых, значительные расхождения между консонантизмом башкирского языка не только с другими кыпчакскими языками, но и с татарским языком.

Таким образом, признаки, отличающие консонантизм языков кыпчакско-булгарской подгруппы, являются вместе с тем и отличительными признаками, выделяющими татарский язык из группы кыпчакско-булгарских языков, так как татарский язык отличается от башкирского главным образом различными системами согласных. При этом система согласных башкирского языка, повидимому, сохраняет весьма древние черты, по которым башкирский язык сближается с некоторыми современными тюркскими языками восточнохуннской ветви (хакасским, тувинским, якутским, и др.). Общность между этими языками объясняется древнейшими связями этих народов, имеющих в своем составе общие племенные группы, которые участвовали и в формировании древних уйгуров, с которыми генетически связаны современные хакасы, тувинцы, якуты и другие восточные тюркские народы, и в формировании древних булгар и кыпчаков, с которыми генетически связаны современные татары и башкиры.

Татарский литературный письменный феодально-книжный язык исторически восходит к письменному языку Золотой орды, который развивался первоначально под значительным воздействием древнеуйгурского языка и языка Караханидского государства, носителями которых были чиновники монгольских канцелярий уйгуры, пользовавшиеся старой уйгурской письменностью.

Данный литературный язык западной части Джучиева улуса, судя по оставшемуся памятнику «Хосров и Ширин» в переводе Кутба (середина XIV в.), а также по ханским ярлыкам, содержащим значительные уйгурские элементы, имел некоторые особенности локального характера, отличающие его от золотоордынского языка восточной части Золотой орды—Хорезма, с которым, впрочем, он был тесно связан.

Вместе со старой письменностью, заимствованной у древних уйгуров, проникала в язык в значительной степени и старая уйгурская лексика. В более поздний период литературный письменный язык развивался в тес-

ном взаимодействии сначала с хорезмийским, который был основой также и для восточного варианта золотоордынского литературного языка, и позже со староузбекским языком, элементы которого в значительной мере проникли также и в разговорный татарский язык. С нормами и традициями среднеазиатского, развившегося в Хорезме еще в домонгольский период, письменного языка, который был взят за основу литературного языка и в Золотой орде, и в улусе Чагатая, а в эпоху Тимуридов в значительной мере развит крупнейшими поэтами того времени во главе с великим узбекским поэтом Али-Шером Навои,— проникла и арабская письменность, которая сначала некоторое время использовалась параллельно со старым уйгурским письмом как в официальных документах, так и в светской литературе.

Уйгурские и староузбекские (чагатайские) традиции феодального письменного языка изолировали литературный язык от массового народного, разговорного языка,. Но, несмотря на то, что литературным языком пользовалась незначительная часть господствующей верхушки, язык этот просуществовал вплоть до конца XIX в. Только в начале XX в. в период до Великой Октябрьской социалистической революции стала создаваться татарская литература на литературном татарско-поволжском языке, однако полный расцвет татарского литературного языка и татарской литературы относится к послеоктябрьскому периоду. Что же касается башкирского литературного языка, то он, как самостоятельный язык, возник только в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Кыпчакско-огузская подгруппа

Кыпчакско-огузская или узо-половецкая подгруппа объединяет древний половецкий и современные языки — караимский и кумыкский, которые, имея в своей основе общие исторически отложившиеся булгарские, хазарские, а главным образом позднейшие узо-половецкие черты, изолировались и обособились на территории Золотой орды и, благодаря этой изоляции и влиянию на них языков других племен и народов, получили новые, дифференцирующие их признаки.

Сведения о языке кыпчаков (половцев) домонгольской эпохи, которыми мы располагаем в данное время, незначительны. К этим сведениям относятся, во-первых, материалы Словаря Махмуда Кашгарского, собственные имена и топонимика, встречающаяся в косвенных источниках и, в частности, в русских летописях до середины XIII в.[1] и в венгерских хрониках и сагах[2]. Наконец, некоторый материал по языку половцев-

[1] Полное собрание русских летописей, СПб., 1843.

[2] Z. Gombocz. Arpadkori török személyneveink (личные тюркские имена времени Арпадовичей), «Magyar Nyelv.», 1915; R. Nagy Laszlo. Török erdetü magyar tulajdonnevek (мадьярские собственные имена тюркского происхождения), K. Cs. A., I, 3, 1922.

кыпчаков домонгольской эпохи может быть собран в древних памятниках русской литературы и, в частности, в «Слове о полку Игореве»[1].

Более значительные по количеству и объему памятники кыпчакского (половецкого) языка относятся к послемонгольской эпохе. Наиболее ранним памятником устного языка кыпчаков этой эпохи является тюркско-арабский словарь, составленный в Египте в 1345 г. н. э., изданный Т. Хоутсма[2]. К этому же послемонгольскому периоду относится отрывок половецко-русского словаря, опубликованного М. А. Оболенским[3] в 1850 г. и В. Бангом[4].

Крупнейшим памятником кыпчакского (половецкого) языка является латино-персидско-кыпчакский словарь конца XIII в.— Codex Cumanicus[5]. Кроме того, науке известны также довольно многочисленные словари и грамматические очерки кыпчакского языка на арабском языке, из которых укажем только на словарь Абу-Хаййана (1313 г. н. э.)[6] и анонимную грамматику первой половины XV в., изданную в Стамбуле в 1928 г.[7]

К признакам, характеризующим всю кыпчакско-огузскую или узо-половецкую подгруппу, при общих особенностях для всех языков кыпчакской группы, относятся следующие признаки, главным образом фонетического характера: а) наличие шипящего *ш* вместо свистящего *с* кыпчакско-ногайской подгруппы, например, *таш* «камень» вм. *тас*, и аффрикат *ч* вм. проточного *ш* той же подгруппы, например, *қач-* «убегать» вм. *қаш-* (хотя для некоторых наречий и говоров половецкого, а также караимского языков характерны и кыпчакско-ногайские признаки, т. е. свистящий *с* вм. *ш* и проточный *ш* вм. аффриката *ч*); б) преимущественный *й* в начале слова вм. *ж/дж* в других подгруппах, например, *йол* «дорога» вм. *жол/джол*; в) общая система вокализма с кыпчакско-ногайской подгруппой и различная с кыпчакско-булгарской; г) менее выраженная ассимиляция звуков *м/б/п*, чем в кыпчакско-ногайской подгруппе; д) отсутствие асси-

---

[1] П. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», ИОРЯЗ АН, т. VII, кн. 2, 1902; ср.: Ф. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», ИОРЯЗ АН, т. VIII, кн. 4, 1903; П. Мелиоранский — ИОРЯЗ АН, т. X, кн. 2, 1905; Ф. Корш — ИОРЯЗ АН, т. XI, кн. 1, 1906; С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве», «Изв. АН СССР», Отд. лит-ры и языка, т. V, вып. 2, 1946; В.А. Гордлевский. Что такое «босый волк», «Изв. АН СССР», Отд. лит-ры и языка, т. VI, вып. 4, 1947; см. также обзорную работу: A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-sławianskie, Wrocław, 1949.

[2] Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar, Leiden, 1894.

[3] М. А. Оболенский — «Москвитянин», 1850, кн. 1.

[4] W. Bang. Zur der Moskauer-polowzischen Wörterlist, «Bulletin... de l'Academie de Belgique», № 4, 1911.

[5] Codex Cumanicus, факсимильное издание K. Grönbech'a в серии «Monumenta Linguarum Asiae Majoris», Kopenhagen, 1936, а также более раннее издание: G. Kuun. Codex Cumanicus..., Budapest, 180.

[6] Abû-Hayyan al-Garnātī. Kitāb al-Idrāk li-lisānal-Atrak, Istanbul, 1931.

[7] Al-Qawānīn al kullīyah lidabt al-lugat at-turkīyah, Istanbul, 1928; изложение и анализ этой грамматики см.: S. Telegdi. Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV Jhdt, K. Cs. A., Bd. I, 3, 1937, Budapest — Leipzig.

миляции ***н/д/т***, но сохранение соответствия ***д/т*** в аффиксах в зависимости от конечного согласного основы; е) фонетическая стабильность аффиксов родительного-***ның/нин//-ның/-нин*** и винительного-***ны/-ни*** падежей при наличии вариантов ***н/д/т*** в других кыпчакских языках и прочие признаки.

Обладая всеми указанными выше признаками, каждый из входящих в эту подгруппу языков вместе с тем имеет и свои специфические особенности, выделяющие его из состава кыпчакско-огузской подгруппы как самостоятельную языковую единицу.

3. Кыпчакско-ногайская подгруппа

Формирование кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакских языков, к которой относятся только живые языки — ногайский, каракалпакский и казахский, как это мы отмечали уже, происходило в эпоху распада государства Золотой орды и было связано с развитием других языков и, в частности, с развитием, во-первых, языков кыпчакско-булгарской подгруппы и, во-вторых, языков кыпчакско-огузской подгруппы, связь с которой для языков кыпчакско-ногайской подгруппы ощущается еще в большей степени, чем с предыдущей подгруппой. Выше при характеристике крупных разрядов тюркских языков внутри всей группы мы уже отмечали общие признаки, характеризующие кыпчакские языки; здесь же мы приведем наиболее специфические особенности, выделяющие кыпчакско-ногайскую подгруппу из состава других кыпчакских языков.

Кыпчакско-ногайская подгруппа языков отличается от кыпчакско-булгарской и кыпчакско-половецкой подгрупп, т. е. подгрупп исторически более древних, следующими характерными признаками: а) отсутствием фонемы ***ч*** и заменой ее фонемой ***ш***, а звука ***ш*** — звуком ***с***, например, ***қаш-***<***қач-*** «убегать», ***қыс***<***қыш*** «зима» и пр.; б) наличием чередования в зависимости от соседнего согласного звука ***м/б/п***; в) наличием чередования также в зависимости от позиции согласных ***н/д/т*** и пр. Внутри кыпчакско-ногайской подгруппы имеются два подразделения, к одному из них относятся каракалпакский и ногайский языки, отличающиеся от казахского и других языков этой подгруппы следующими признаками: а) отсутствием чередования звуков ***л/д/т*** в зависимости от соседнего предыдущего согласного, которое характерно для казахского языка; ср., например, каракалпакский и ногайский *таслар* вместо казахск. *тастар* «камни» и пр.; б) морфологическими признаками и, в частности, наличием формы причастия будущего времени на ***-аджақ/-эджэк***, которая отсутствует в казахском языке, и т. д.

IV. КАРЛУКСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Карлукская группа языков занимает среднее положение между западнохуннской и восточнохуннской общностями тюркских языков. Относясь к сравнительно позднему периоду — X—XI вв., эта общность

языков создалась в эпоху Караханидов в результате взаимодействия западных и восточных языков, с одной стороны, и таджикско-иранских языков Средней Азии — с другой.

К карлукской группе тюркских языков относятся две подгруппы языков: 1) карлукско-уйгурская, объединяющая два древних языка: язык Караханидского государства X—XI вв. и язык «Кысас ал-анбия» Рабгузи XIV в., и 2) карлукско-хорезмийская, объединяющая: а) древние языки — язык произведений Ахмеда Ясеви XII в., восточно-золотоордынский литературный язык и язык староузбекский, и б) современные языки — узбекский и уйгурский. Эта группа языков образовалась последовательно в составе племенных объединений ягма, тургешей и карлуков (тесно связанных с тукюйскими и уйгурскими племенами), создавших позже Караханидское государство, затем отчасти вошедших в состав огузо-кыпчаков и сельджуков, образовавших Хорезмское государство и, наконец,— в Чагатайское и позже Тимуридское узбекское государство, и представлена ныне языками прямых потомков народов, входивших в эти племенные союзы и государства: 1) уйгурским—языком основной массы уйгуров Синьцзяна, 2) языком узбеков Хорезма, сохранившим огузские и кыпчакские черты, и 3) узбекским языком — языком населения большинства районов, входящих в состав Узбекской ССР. Все эти народы и языки имеют, как было уже отмечено выше, этнические и лингвистические связи с иноплеменными аборигенами Средней Азии — таджиками, согдийцами, хорезмийцами, а также и с восточными тюркскими племенами через тургешей и карлуков. К характерным признакам этой группы языков относятся следующие: 1) в фонетической структуре: а) изменение состава гласных фонем не только для каждого языка, но и внутри языков по диалектам с колебаниями от 6 до 9 и более фонем; б) различные степени палатализации согласного *к*; в) отсутствие озвончения согласных *п*, *т*, *к*/*қ* в интервокальной позиции; г) сохранение согласных *г*, *г* или переход их в конце слов в *к*, *қ*, например, *сарыг*/*сарық* «желтый»; *тирик* «живой», *өлүк*, «мертвый» и пр.; 2) в основном словарном фонде — активизация других основ по сравнению с языками огузскими и кыпчакскими, например, *тола* (вм. огузского и кыпчакского *көп*) «много»; *чапсан* (вм. огузского и кыпчакского *тез*) «быстро, скоро»; *үстүн* (вместо огузского *үзере*) «вверх»; *башқа* (вместо огузского *өзге*) «другой» и пр., а также своеобразие словарного состава вообще, в значительной степени насыщенного арабо-иранскими элементами; 3) в грамматическом строе: а) наличие формы собирательного числительного на *-агу*/*-егү* вместо огузского *-ыла*/*-иле* и кыпчакского на *-аў*/*-еў*, т. е. *икегү* «двое» (вм. огузского *иккиле* и кыпчакского *екеў*); б) форма имени действия на *-унч*/*-үнч*, например, *қорқунч* «страх»; в) форма указательного и личного местоимения 3-го лица *у*(*л*) «тот, он» (вместо *ол* в других языках); г) широкое распространение причастной формы на *-ган*/*-ген*, в отличие, например, от огузских языков, где данный аффикс заменяется либо редуцированной формой *-ан*/*-ен*, либо формой на *-дың*/*-дик*; д) активизация имени действия на *-гу*/*-гү*

в отличие от огузского на *-мақ/-мек*; е) полная форма родительного падежа *-ның/-нің* и отсутствие вариантов по согласному, а также форма на *-дин* исходного падежа вместо *-дан/дең* или *-нан/-нең* в других языках.

Карлукская группа, состоящая из нескольких языков, исторически относящихся к различным эпохам, также, как уже отмечено выше, разделяется на две подгруппы, которые характеризуются своими особыми признаками.

1. Карлукско-уйгурская подгруппа

Карлукско-уйгурская подгруппа языков относится к общности племен и народностей, возникшей в X—XI вв. и известной в истории под именем Караханидского государства, и состоит из двух основных языков. Первый язык — литературный язык Караханидского государства, сформировавшегося в среде уйгурских, тургешских, ягма и карлукских племен, язык которых в результате взаимодействия с языками иранских племен вышел языком-победителем, но получил также и значительный слой арабо-иранской лексики, как результат этого взаимодействия и влияния сначала арабского, а затем персидского литературных языков Саманидского государства. В качестве памятников языка Караханидов известны два больших сочинения: 1) сочинение Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского — «Кутадгу билиг»[1] и 2) сочинение Махмуда Кашгарского — «Диван лугат-аттурк»[2].

Вторым языком этой подгруппы был литературный язык более позднего периода, относящийся к XI—XIV вв. Этот язык, сохраняя в основных чертах традиции языка Караханидов, т. е. уйгурскую основу, но в зависимости от среды и места, к которому относился тот или иной литературный памятник, точно так же, как и более поздний староузбекский язык, получил локальные особенности и поэтому не имел общей нормы.

К литературным памятникам на этом языке относятся сочинения: Адиб-Ахмета Югнаки (XI—XII вв.) — «Хибат ал-хакаик»[3] и Насир-эддина-Рабгузи (XIV в.)— «Кысас ал-анбия»[4]. Элементы этого литературного языка мы находим также и в ярлыках ханов Золотой орды, писцами и составителями которых были уйгурские чиновники в ханских канцеляриях Золотой орды[5].

Характерными особенностями языков уйгурско-карлукской подгруппы являются: а) наличие соответствия *й* > δ или *д*, характерного для

---

[1] W. Radloff. Qutadgu bilig, СПб., 1890—1910, тт. I и II; см. также: С. Е Малов. Из третьей рукописи Qutadgu bilig, «Изв. АН СССР», т. VII, № 9, 1929. Последнее фототипическое издание: Kudatgu Bilig, Türkbasımı. I, II, III, 1942—1943 (в Турции).

[2] Mahmud ibn Husain al-Kāšgharī. Diwan lugat-at-Turk (т. I и II, изд. в Стамбуле в 1915 г., и т. III — в 1917 г. Ахметом Рифатом).

[3] Jüknâkli Edip Ahmet. Aybet-ül-Hakayik, изд. Necip Asim'a, Istanbul, 1334 (= 1918).

[4] Кысас ал-анбия. Сказания о пророках, Казань, 1859.

[5] В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир Кутлуга, «Записки Вост. отд. Русск. археол. об-ва», т. III, вып. I—II, СПб., 1888.

языков данной подгруппы, например, *ӓдкӱ* ~ *ӓдкӱ* «хороший» (вм. *ийги* в других языках), *адгыр*~*адгыр* «жеребец» (вм. *айгыр*) и пр.; б) деепричастие на *-йу/-йӱ*; в) деепричастие на *-гынча/-гинче*; г) причастие на *-гуси-гуси* и имя действия на *-гулуқ/-гӱлӱк*; д) наличие вставочного *-н-*, например, *ичинде* «внутри» и пр., а также своеобразие основного словарного фонда и грамматического строя этих языков.

2. Карлукско-хорезмийская подгруппа

Карлукско-хорезмийскую подгруппу языков составляют хронологически более поздние литературные и народные языки, из которых наиболее древним является язык «Диван-и-Хикмет» Ходжи Ахмеда Ясеви[1], относящийся к XII в. и созданный на основе народного языка, отражавшего в большей степени огузские и кыпчакские языковые особенности. Язык «Диван-и-Хикмет» Ходжи Ахмеда Ясеви, судя по оставшимся спискам, как и литературный язык последующих его учеников, например хорезмийца Сулеймана Бакыргани (Хаким-Ата), создавшийся на базе живых огузо-кыпчакских наречий и караханидского литературного языка, можно было бы условно назвать средневековым караханидско-хорезмийским языком. Этот язык, как известно, позже, после монгольского нашествия, лег в основу двух хронологически более поздних языков, относящихся к этой же подгруппе,— с одной стороны, литературного языка восточной части Джучиева улуса, т. е. Хорезма (крупнейшим памятником которого является Мухаббат-намэ поэта Хорезми, 1353 г. н. э.), а с другой — литературного староузбекского языка улуса Чагатая. Расцвет последнего, т. е. староузбекского языка, относится к более поздней эпохе Тимуридов— периоду деятельности и творчества гениального узбекского поэта Али-Шера Навои (1441—1501 гг.), создателя староузбекского языка, на котором писали свои произведения и позднейшие авторы [«Бабур-намэ» Захир-эд-дина Мухаммеда Бабура (1483—1530 гг.); «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха (умер в 1535 г.) и пр.]. Этот же язык был литературным языком Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств после распада владений Тимуридов.

Таким образом, староузбекский язык, кроме своей основы — народного разговорного языка, использовал также и традиции литературных языков — своих предшественников: а) литературного языка Караханидов и б) огузо-кыпчакского литературного языка, возникшего в XII в. в Хорезме.

Итак, к языкам карлукско-хорезмийской подгруппы относятся следующие языки: 1) средневековые: а) караханидско-хорезмийский (т. е. язык произведений Ходжи Ахмеда Ясеви и его учеников — Хаким-Аты и др.); б) золотоордынский язык (в восточном его варианте), в основу которого

[1] Diwan-i-Hikmet, изд. в Казани, Ташкенте и Стамбуле, см.: Th. Menzel. Die ältesten türkischen Mystiker, ZDMG, Bb. 79, 1915, а также: А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка, «Советское востоковедение», т. V, 1948.

был положен тот же литературный язык Хорезма; в) староузбекский язык, апогей развития которого относится к эпохе Тимуридов, и 2) современные языки: уйгурский (во всем многообразии его диалектов) и узбекский (также со всеми диалектами), из которых для первого, т. е. уйгурского языка, характерны также и некоторые особенности, общие для первой, т. е. карлукско-уйгурской подгруппы, а для второго, т. е. узбекского,— только особенности второй, т. е. карлукско-хорезмийской подгруппы.

Таким образом, узбекский и уйгурский разговорные народные языки сформировались, с одной стороны, на основе языков древних уйгурских, тургешских и карлукских племен, а с другой — на основе языка огузов и кыпчаков, причем для узбеков следует отметить участие главным образом кыпчаков, входивших частично в состав улуса Чагатая и в состав Большой Ногайской орды. Кроме того, немалую роль в создании узбекского и уйгурского народных разговорных языков, а также и письменных языков данной подгруппы сыграли древние аборигены Средней Азии — таджикские и хорезмийские иранские племена. Следовательно, многодиалектность узбекского и уйгурского языков, резкие различия диалектов между собой, а также и значительные расхождения между узбекским и уйгурским языками, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой, объясняются главным образом пестрым составом этнических групп, участвовавших в этногенезе узбеков и уйгуров.

Основными особенностями, характеризующими данную подгруппу языков, являются признаки, противопоставляющиеся признакам уйгурокарлукской подгруппы, а именно: а) *δ~д~й*, т. е. *айғыр* «жеребец» (вм. *аδғыр~адғыр*); б) конвергенция *и—ы>и* индифферентный; в) полная форма винительного падежа, например, *қызыны* «его дочь» (вм. *қызын*) и отсутствие вставочного *-н-* в падежных формах типа *ичиде* «внутри» (вм. *ичинде*), за исключением древних, средневековых языков; г) потеря палатального сингармонизма и слабое отражение губной гармонии гласных; д) наличие в некоторых языках особых закономерностей вокализма; е) морфологические особенности образования глагольных и именных форм и, в частности, параллельное существование карлукских и огузских форм, например, имени действия на *-ғу/-ғулуқ* и на *-мақ/-мақлық*; причастия на *-ғуси*, на *-аджақ* и на *-ғай*; ж) своеобразие словарного состава языка этой группы.

Б. ВОСТОЧНОХУННСКАЯ ВЕТВЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Восточнохуннская ветвь тюркских языков и народов исторически сложилась главным образом из тюркских племен, входивших последовательно в восточнохуннский племенной союз, восточнотукюйский каганат, древнеуйгурское государство и киргизский союз племен, из которых, таким образом, и сложились два основных родо-племенных объединения и соответствующие группы языков, относящихся к восточной ветви, а именно:

I. Уйгурская группа, к которой относятся три подгруппы языков:

1) Уйгуро-тукюйская, объединяющая два древних языка: а) язык енисейско-орхонских надписей или древнетюркский и б) древнеуйгурский и два современных: а) тувинский (туба//тува) язык и б) карагасский (туба//туфа//тофа) язык. Много общих черт с последними двумя языками имеет также диалект черневых татар или йыш-кижи (туба//тува//тума) алтайского языка, но длительное пребывание его среди иной языковой среды и немногочисленный состав черневых татар (тубалар) явились причиной нивелировки этих общих черт и сближения его с шорскими диалектами. К этой же подгруппе, если опираться на данные Г. Потанина[1], можно отнести весьма мало изученный язык саларов, который по лингвистическим фактам, приведенным другими исследователями[2], скорее следовало бы рассматривать как диалект новоуйгурского языка.

2) Якутская подгруппа, к которой относится один якутский язык, генетически сближающийся с сагайским и бельтирским диалектами хакасского языка (отсутствие согласного *ш*).

3) Хакасская подгруппа, объединяющая: а) хакасский язык (диалекты свистящей группы — сагайский и бельтирский и шипящей группы — качинский, койбальский, кызыльский и шорский); б) камасинский язык; в) кюэрикский язык; г) шорский язык и д) северные диалекты алтайского языка, т. е. диалект черневых татар или йыш-кижи (туба//тува//тума), диалект лебединцев или куу-кижи (шалкандуу) и диалект кумандинский. К хакасской же подгруппе следует отнести занимающий среднее положение между этой подгруппой и уйгуро-тукюйской подгруппой сары-уйгурский язык Ганьсуйской провинции Китая, относящийся по признаку соответствия *р~т/д~с/з~й* к языкам типа *с/з*, хотя некоторые источники отмечают в языке сары-уйгуров соответствие *й*.

II. Киргизско-кыпчакская группа языков, объединяющая два языка: киргизский и алтайский (собственно южную группу его диалектов, т. е. алтайский, теленгитский и телеутский диалекты).

Восточнохуннская ветвь тюркских языков противопоставляется западнохуннской ветви тюркских языков и имеет следующие основные и характерные для нее признаки: 1) в фонетической структуре: а) наличие в большинстве языков восточнохуннской ветви, кроме древних языков (т. е. языков тукюйского или енисейско-орхонского и древнеуйгурского), вторичных долгих гласных фонем (как результат стяжения сочетаний *-аг/-ег*), характерных также и для живых монгольских наречий; б) наличие чередующихся по отдельным языкам согласных *з, д, т*, вместо *й* западной ветви тюркских языков, например, в слове *адақ//азақ* «нога» вм. *айақ* и пр.

---

[1] Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая, т. II, СПб., 1896 (изд. Русск. геогр. об-ва); в списке слов приведена форма *йалаң адах* «босой» для саларов и форма *кудруғ* «хвост» для хара-йогуров. Для последних также характерны числительные второго десятка, общие и для древнетюркского языка.

[2] Ф. Поярков и В. Ладыгин. Салары, «Этнографическое обозрение», № 1, 1893.

(кроме более новых киргизского и алтайского языков); в) слабая дифференциация или отсутствие дифференциации между глухими и звонкими согласными: *д—т, б—п, ҷ/к — г/г, с—з*; каждая пара этих согласных рассматривается в языках восточнохуннской ветви как варианты одной и той же фонемы[1]; г) отсутствие различения согласных фонем *х, в, ҳ*, которые, как правило, имеются в языках западной ветви; 2) в основном словарном фонде — особенности словарного состава и, в частности, наличие значительного количества лексики, заимствованной из монгольских языков, в отличие от языков западной группы, в которых преобладают арабо-персидские лексические заимствования; 3) в грамматическом строе: а) менее развитая структура сложных предложений и в связи с этим меньшее количество союзов; б) чрезвычайно развитые стяженные сочетания имен и глагольных форм. Выше перечислены только основные отличия языков восточной ветви от языков западной, так как каждая группа языков, в свою очередь, имеет специфические признаки, по которым они различаются между собою.

I. УЙГУРСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Уйгурская группа объединяет большинство тюркских языков восточной ветви. Все языки, относящиеся к этой группе, сложились благодаря устойчивой и длительной общности, созданной уйгурскими племенами в период пребывания их в племенных союзах хунну, сяньбийцев, тукюэ, уйгуров и пр., начиная с первых веков до нашей эры.

Любопытно, что некоторые черты древних языков, входящих в данную восточную ветвь языков, например, тукюйского языка, являются общими с наиболее древними тюркскими языками западной ветви. К таким чертам можно, например, отнести характерный вокализм в языке орхонских надписей, заключающийся в соответствии *е* других языков узкому *и* в языке орхонских надписей: *йир* «земля» вм. *йер* в других языках и пр., а также и некоторые особенности консонантизма, например, замещение *ш* других языков согласным *с*: *бис* «пять» вм. *беш* в других языках; *есит-* «слушать» вм. *ешит* в других языках, т. е явления, чрезвычайно близкие, например, к казахскому языку, а в отношении вокализма — и к татарскому, и башкирскому языкам, относящимся, как известно, к булгарской и кыпчакско-булгарской группам языков, т. е. к общности, созданной на основе древних западных хуннских племен сарагуров, онгуров, котригуров и прочих племен, исторически родственных с древними племенами восточных уйгуров и огузов.

Те же уйгурские племена участвовали в создании племенного союза токузгуров IX—XIII вв. на территории будущего Джунгарского ханства,

[1] Только в современных литературных языках — алтайском, хакасском и других — эти звуки приобретают значение самостоятельных фонем.

а также более поздних племенных объединений ягма, тургешей, карлуков и огузов.

Общими признаками, характеризующими уйгурскую группу языков и отличающими ее от второй киргизско-кыпчакской группы восточной ветви языков, являются следующие: а) наличие *т~д~з* вм. *й* в середине слова, например, *атах~адақ~азақ* «нога» вм. *айақ*; б) наличие *т~с* вм. *й* в конце слов, например, *кут*-«лить» вм. *қуй-* и *пос* «сам» вм. *бой*; *позым* «я сам» вм. *бойым*; в) сохранение звонких *г* и *г* в конце слова, например, *таг* «гора» и пр.

Языки уйгурской группы отличаются также значительными особенностями грамматического строя и словарного состава.

К уйгурской группе языков, как было уже указано выше, относятся три подгруппы; 1) уйгуро-тукюйская, 2) якутская и 3) хакасская.

1. Уйгуро-тукюйская подгруппа

Уйгуро-тукюйская подгруппа составляет самую древнюю в хронологическом отношении подгруппу языков и состоит из двух древних языков: 1) древнетюркского языка енисейско-орхонских надписей и 2) древнеуйгурского языка, а также двух современных языков: 1) тувинского и 2) карагасского.

Древние языки, и в особенности древнеуйгурский язык, не были, повидимому, единообразны, но в зависимости от принадлежности памятников к той или иной территории и культуре обладали своими локальными особенностями, как это имело место и в отношении более позднего староузбекского языка.

Основными памятниками так называемого енисейско-орхонского письменного языка являются: 1) памятник в честь Билге-кагана, 2) памятник в честь Кюль-Тегина[1] (относящиеся к 731—734 гг. н. э.), 3) памятник в честь Тоньюкука[2], 4) онгинский памятник в честь Гудулу (*Қутлуг-кагана*) (692—693 гг.)[3] и 5) памятник в честь Ишбара Билге Кули-Чура[4], а также более мелкие енисейские памятники тюркской письменности, изданные В. В. Радловым, С. Е. Маловым и С. В. Киселевым[5].

Что касается уйгурских памятников, то они в хронологическом порядке смены различных культур и мировоззрений могут быть периодизированы

[1] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Сб. трудов Орхонской экспедиции, вып. IV, СПб., 1897; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, «Записки Вост. отд. Русск. археол. о-ва», т. XII, вып. II и III, СПб., 1899.

[2] W. Radloff. Die Inschriften des Tonjukuk. Die alttürkischen Inschriften in der Mongolei, Zweite Folge, St.-Petersburg, 1899.

[3] W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften in der Mongolei, III, St.-Petersburg, 1895.

[4] W. Kotwicz. Le monument turc d'Ikhe-Khochotu en Mongolie Centrale, «Rocznik Orjentalistyczny», IV, Lwów, 1928.

[5] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952.

следующим образом. Первый период характеризуется памятниками, высеченными на камне, с письменностью, общей с енисейско-орхонскими памятниками. Самый крупный из них — так называемый Селенгинский камень[1], относящийся к анимистическому мировоззрению (шаманизм), а также небольшой памятник на том же алфавите несторианского толка[2]. Для второго периода характерны согдийско-манихейские[3] и буддийские памятники на так называемом уйгурском алфавите, заимствованном уйгурами у согдов[4], а также более поздние юридические документы[5].

Лучшие образцы и отрывки из древнетюркских памятников енисейско-орхонской и древнеуйгурской письменности, а также их точная транскрипция и новейшие переводы опубликованы в книге члена-корреспондента Академии Наук СССР профессора С. Е. Малова[6].

Современные живые языки, относящиеся к данной подгруппе — тувинский и карагасский, также сохранили весьма древнюю формацию и являются наиболее близкими из современных языков к древнетюркскому и древнеуйгурскому языкам.

К живым языкам этой подгруппы, как было указано выше, относятся языки тувинцев и карагасов[7], имеющих общее самоназвание: туба//тува//тума//тофа вместе с родами и племенами с тем же самоназванием, но входящими в состав хакасского и алтайского народов. Все эти племена являются, повидимому, племенами смешанного характера, входившими в большой племенной союз Туба и усвоившими язык, весьма близкий по своим нормам к древнетюркскому и древнеуйгурскому в период, когда эти племена были составной частью союза племен тукюйцев и древних уйгуров. В результате же последовательного включения этих племен в союзы, общие с другими племенами, входившими в данную группу, языки этих племен также получили известную общность.

Характерными признаками для данной подгруппы являются: 1) в фонетической структуре: а) наличие согласного *д* в середине слова вместо чередующихся *т*~*з*~*й* в других языках, например, *адақ* «нога» (вм.

---

[1] G. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften, J. S. F. Ou., 30.

[2] W. Thomsen. Ein Blatt in türkischer Runenschrift aus Turfan, SBAW, 1910; F. W. K. Müller. Uigurica, ABAW, 1908 и др.

[3] A. Le Coq. Ein manichäisch-uigurisches Fragment aus Idiqut-Schahri; его же. Türkische Manichaica aus Chotscho I—III, ABAW, 1912; его же. Chuastuanift, ABAW, 1911.

[4] W. Radloff. Tišatwustik, 1910; его же. Suwarnaprabhasa, I—III, 1913—1917; F. W. K. Müller. Uigurica, I — IV, ABAW, 1908—1922; SBAW, 1931 и др.

[5] W. Radloff, S. Maloff. Uigurische Sprachdenkmäler, Petrograd, 1928.

[6] С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, изд. АН СССР, М.— Л., 1951.

[7] М. А. Сергеев. Тофалары сегодня, «Советская этнография», 1940, т. IV, стр. 55—77 (с библиографическим указателем по этнографии).

атах~азақ~айақ); *адырылмаз* «не различающийся» (вм. *айырылмаз*); *әдгү* «добрый» (вм. *ийги*); *құдруқ* «хвост» (вм. *қуйруқ~қузруқ*) и пр.; б) наличие согласного ***т*** в конце слов вместо чередующихся ***с~й*** в других языках, например, *құт-* «лить» (вм. *құй~құс*); в) диссимиляция согласных ***лт, рт***, например, *көрти* «он видел» (вм. *көрди*); *өлти* «он умер» (вм. *өлди*) и пр.; г) отсутствие губной гармонии гласных; д) сохранение звонких согласных ***г, г*** в конце слов, например, *таг* «гора», *бег* «бек»; е) наличие носового ***j*** (***н'***) и пр.; 2) в грамматическом строе: а) преобладание употребления формы на ***-ур/-үр*** и ***-ыр/-ир*** вместо ***-ар/-ер*** в значении причастия будущего времени и др.; древние языки, кроме того, характеризуются б) наличием формы винительного падежа на ***-иг/-иг*** и в) наличием древней формы условной модальности на ***-сар/-сер***, например, *сақынсар сен* «если ты думаешь» и пр. Кроме того, данная подгруппа языков характеризуется архаичной лексикой и значительным количеством заимствований из языков китайского, санскритского и др. В качестве особенностей словарного состава данной подгруппы можно привести следующий список слов древнетюркского языка орхонских надписей: *сабым* «моя речь» 60; *будун* «народ» 60; *сү-лә-* «воевать» 60; *сүси* «его войско» 67; *нәң* «нечто, вещь» 63; *ыдуқ* «священный» 66; *балық* «город» 66, *балбал* «каменная баба», а также служебные модальные частицы и др.— *эрмиш, эринч* и пр.

2. Якутская подгруппа

Якутская подгруппа представлена только одним якутским языком. Якуты и якутский язык являются изолированными от массива других тюркских народов и языков иноязычными племенами, главным образом тунгусскими и палеоазиатскими. Однако следы связи якутского народа и языка с другими тюркскими народами и языками сохранились не только в самоназваниях племен (ср., например, якутск. *саха* и название хакасского племени *сагай* или якутск. *ураанхай* — самоназвание якутского народа в народном творчестве и монгольское наименование тувинского народа *ураанхай*, русское — *урянхайцы* и пр.), но и в некоторых общих чертах языка (ср., например, отсутствие фонемы ***ш*** в корневых словах основного словарного фонда в якутском языке, а также сагайском и бельтирском диалектах хакасского языка, некоторые общие черты якутского и тувинского языков и пр.).

Любопытными с точки зрения выяснения генезиса языков являются, например, некоторые общие черты якутского языка с чувашским и башкирским (ср., например, якутск. *суол* и чувашск. *çул* «путь, дорога»; переход ***с>ҳ*** в середине слов в якутском и башкирском; переход ***ҫ>х*** в чувашском, якутском и хакасском; переход ***ч/ш>с*** в якутском, башкирском и хакассском и пр.), что свидетельствует о древних связях этих языков.

Вместе с тем длительная изоляция якутского народа от других тюркоязычных народов соответствующим образом повлияла на формирование языка; взаимодействие якутского языка и языков других соседних наро-

дов сказалось не только на своеобразной якутской лексике, но и на специфических чертах грамматического строя якутского языка.

Современный якутский язык, имея некоторые общие уйгурские черты, характеризуется следующими особенностями, выделяющими его из состава языков уйгурской группы: а) наличием согласного ***т*** в середине слова вместо чередующихся по языкам согласных ***й~д~з***, например, *атах* «нога» (вм. *айақ~адақ~азах*); б) наличием согласного ***с*** в начальной позиции в слове вместо чередующихся по другим языкам ***й~ж~дж~дъ~ч***, например, *сыл* «год» (вм. *йыл~жыл~джыл~дъыл~чыл*); *суол* «путь, дорога» (вм. *йол~жол~джол~чол*); в) исчезновением в некоторых словах начального ***с***, например, *агыс* «восемь» (вм. *сегиз* в других языках); *эн* «ты» (вм. *сен* в других языках); г) переходом звука ***с*** (< ***ш*** < ***ч***) в ***х*** в середине слова, например, *быҳах* «нож» (вм. *бысах* < *бышақ* < *пычақ*); д) наличием восходящих дифтонгов шипа ***ыа, иэ, уо, уе***, отсутствующих в других тюркских языках. Кроме того, якутский язык характеризуется своеобразными чертами своего грамматического строя, главным образом, в области морфологии и, как уже было указано выше, отличной от других тюркских языков лексикой.

3. Хакасская подгруппа

Хакасская подгруппа языков представлена двумя подразделениями. Первое подразделение состоит из хакасского языка, объединяющего ныне две группы диалектов: а) свистящую — сагайский и бельтирский диалекты и б) шипящую — качинский, койбальский, кызыльский и шорский диалекты, а также из мрасского диалекта шорского языка, сары-уйгурского языка и двух наречий камасинского и кюэрикского, не входящих в состав современного хакасского языка. Второе подразделение объединяет кондомский диалект шорского языка, а также северные диалекты алтайского языка, а именно диалект черневых татар или йыш-кижи (туба), диалект кумандинцев (куманды//кубанды) и лебединцев или куу-кижи (чалкандуу//шалкандуу) — народов, общих и по нормам языка, и, вероятно, по этническому составу [ср., например, возможную общность происхождения названия куу-кижи (<*куу* «лебедь» + *кижи* «человек») и кубанды (<*куба* якутск. «лебедь» + *нды* — словообразовательные аффиксы), которая, конечно, требует специального исследования и сопоставления с другими этнонимическими и топонимическими названиями (ср., например, название куман — «половец», страна Лебедия в IX—X вв. между Доном и Дунаем, где жили мадьяры, вытесненные позже булгарами и печенегами, и пр.)[1]].

Общность всех этих племен, а также языков и наречий, входящих в хакасскую подгруппу, объясняется, безусловно, последовательным вхождением, во-первых, в племенные союзы и объединения, с одной стороны,

[1] Ср.: Denis Sinor. Autour d'une migration de peuples au V-e siècle, «Journal Asiatique», CCXXXV, 1946—1947, Paris, 1947.

хакасских, а с другой — уйгурских племен, оставивших эти общие черты не только для данной подгруппы, но и для более широкого объединения, в которое входили народы и языки всей уйгурской группы, а, во-вторых, в более позднее объединение (IX—X вв.) хакасов после свержения уйгурского господства.

Хакасская подгруппа языков, объединенная общими признаками с другими языками, входящими в уйгурскую группу, вместе с тем имеет и свои специфические черты, выделяющие эту подгруппу из общей уйгурской группы тюркских языков и сближающие ее с киргизско-кыпчакской группой.

К особенностям, характеризующим данную подгруппу, относятся: а) наличие согласного *з* в середине слова вместо чередующихся по языкам согласных *й~д~т*, например, *азах* «нога» (вм. *айақ*, *адақ*, *атах*), за исключением кондомского диалекта шорского языка и северных диалектов алтайского языка; б) наличие согласного *с~з* в конце слов вместо *й* в других языках, например, *кес-* «надевать» (вм. *кий-*) и пр. (также кроме кондомского диалекта шорского языка и северных диалектов алтайского языка); в) наличие начального *ч* и *н~н'* вместо чередующихся *й~ж~дж~ ~дь~с* в других языках, например, *чыл* «год» (вм. *йыл*, *жыл*, *джил*, *дьыл*, *сыл*) и *наңмыр//н"амыр//нагбур//нанмур* «дождь» (вм. *йаҷмыр~йамҷыр*) и пр.; г) чередование согласных *м// б~п* в середине слова, например, *кебе* «лодка» (вм. *кеме*), *тебир* «железо» (вм. *темир*) и пр.; д) наличие причастий типа *пилгчи//пилеечи* «знающий» и другие фонетические и морфологические особенности, а также весьма характерный для данной подгруппы языков словарный состав.

II. КИРГИЗСКО-КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Особой, самостоятельной группой является киргизско-кыпчакская группа тюркских языков, которая представлена двумя живыми современными языками — киргизским и алтайским. Языки этой группы имеют своим субстратом диалекты древних киргизских племен, образцы языка которых дошли до нас в енисейских надписях. Однако современный состав этих языков, а именно киргизского и алтайского, показывает, что они в значительной степени трансформировались и представляют собой уже языки более поздней формации, образовавшейся в среде победивших их кыпчакских племен и в близком общении и взаимодействии с языками монгольских племен. Особенно это относится к алтайскому языку, носители которого — алтайцы долгое время находились в составе монгольского племенного союза ойратов и Джунгарского монгольского государства. Характерными особенностями языков этой группы являются: а) гласные полного образования: 8 нормальных и 6—8 долгих вторичных гласных; б) наиболее полно выраженная губная гармония гласных; в) слабое по диалектам различение глухих и звонких согласных; г) наличие шипящих согласных *ч — ш* в отличие от кыпчакско-ногайской группы

языков, где этим согласным соответствуют ***ш — с***, т. е. *қач-* «убегать» и *баш* «голова», вм. *қаш-* и *бас*; д) наличие в начале слов преимущественно глухих согласных, в особенности это касается алтайского языка; е) озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, в особенности в алтайском языке, для киргизского же языка этот признак не характерен, хотя в ряде диалектов это явление выражено последовательно; ж) наличие значительного количества грамматических форм, общих с древнетюркскими языками; з) тенденция превращения полных личных аффиксов в сокращенные редуцированные аффиксы, совпадающие в первых двух лицах по форме, но дифференцированные по значению с аффиксами принадлежности, и т. д.

Своеобразные особенности, по которым киргизский и алтайский языки отличаются от других кыпчакских языков (например, вторичные долготы гласных, оглушение конечных согласных и их озвончение в интервокальной позиции и пр.), сближают их с другими алтайскими языками (алтайскими — в географическом смысле), т. е. с хакасским, шорским, якутским, которые вместе с алтайским и отчасти с киргизским прошли значительный период своего развития по соседству и вместе с языками монгольскими и отчасти с тунгусскими, маньчжурскими и палеоазиатскими. Таким образом, все указанные здесь тюркские языки приобрели общие черты, отличающие их от других тюркских языков.

К признакам, различающим киргизский и алтайский языки между собой, относятся: а) наличие в киргизском шести, а в алтайском языке восьми долгих (вторичных) фонем (6 фонем + долгие ***ии***, ***ыы***); б) наличие в киргизском фонемы ***дж*** и замещение ее в алтайском ***дъ — ть***; в) бóльшая степень дифференциации глухих и звонких фонем в киргизском языке и отсутствие их различения в алтайском языке; г) формант родительного падежа ***-ның/-нин***, ***-дың/-дин, -тың/-тин*** и исходного ***-дан/-ден, -тан/-тен, -нан/-нен*** в киргизском и ***-ның/-ниң***, ***-дың/-диң***, ***-тың/-тиң*** и исходного ***-даң/-дең***, ***-таң/-тең, -наң/-нең*** в алтайском языке.

Лексика киргизско-кыпчакской группы языков, как языков восточной ветви, также отличается по своему составу от лексики языков западной ветви большим количеством монголизмов и меньшим количеством слов, заимствованных из арабского и персидского языков, которые, впрочем, имеются в большем количестве в киргизском, чем, например, в алтайском языке.

Итак, все тюркские языки исторически, а также в соответствии с основными лингвистическими признаками, могут быть классифицированы на две большие ветви: западнохуннскую и восточнохуннскую.

Западнохуннская ветвь тюркских языков, исторически представлявшая собой западное крыло хунну, включает последовательно, по мере образования племенных союзов и общностей, следующие группы языков: 1) булгарскую, 2) огузскую (с подгруппами: огузо-туркменской, огузо-булгарской и огузо-сельджукской); 3) кыпчакскую (с подгруппами: кыпчакско-булгарской, кыпчакско-огузской и кыпчакско-ногайской) и 4) карлукскую (с подгруппами: карлукско-уйгурской и карлукско-хорезмийской).

Восточнохуннская ветвь тюркских языков, исторически представлявшая собой восточное крыло распавшегося объединения хунну, также хронологически последовательно включает: 1) уйгурскую группу (с подгруппами: уйгуро-тукюйской, якутской и уйгуро-хакасской) и 2) киргизско-алтайскую или киргизско-кыпчакскую группу, объединяющую только два современных языка: киргизский и алтайский.

Таким образом, все древние и современные тюркские языки классифицируются по следующей схеме-таблице:

Схема классификации тюркских языков

А. Западнохуннская ветвь

I. Булгарская группа

Древние: 1) булгарский
2) хазарский

Современный: 3) чувашский

II. Огузская группа

1. Огузо-туркменская подгруппа

Древний: 1) огузский X—XI вв. [Махмуд Кашгарский]

Современные: 2) туркменский
3) трухменский

2. Огузо-булгарская подгруппа

Древние: 1) печенежский
2) язык узов

Современный: 3) гагаузский

3. Огузо-сельджукская подгруппа

Древние: 1) сельджукский
2) староосманский

Современные: 3) азербайджанский
4) турецкий (= османский)

III. Кыпчакская группа

1. Кыпчакско-булгарская подгруппа

Древний: 1) золотоордынский (западный)

Современные: 2) татарский (с касимовским, мишарским, сибирскими и другими диалектами татарского языка)
3) башкирский

2. Кыпчакско-огузская (половецкая) подгруппа

Древний: 1) половецкий (до- и послемонгольский) (=кыпчакский,куманский)

Современные: 2) караимский
3) кумыкский
4) карачаево-балкарский

3. Кыпчакско-ногайская подгруппа

Современные: 1) ногайский
2) каракалпакский
3) казахский

IV. Карлукская группа

1. Карлукско-уйгурская подгруппа

Древние: 1) тюркский язык Караханидского государства [Махмуд Кашгарский. «Диван лугат-ат-Турк»; Юсуф Хас-Хаджиб. «Кутадгу билиг»]
2) тюркский язык послекараханидского периода [«Хибат ал-хакаик», «Кысас ал-анбия»]

2. Карлукско-хорезмийская подгруппа
   Древние: 1) карлукско-хорезмийский
   [Ахмед Ясеви «Диван-и-Хикмет» и др.]
   2) золотоордынский (восточный) [Мухаббат-нама и др.]
   3) староузбекский
   Современные: 4) узбекский (кроме кыпчакских диалектов)
   5) уйгурский (новый), со всеми диалектами и в том числе саларским и хотонским)

Б. Восточнохуннская ветвь

I. Уйгурская группа

1. Уйгуро-тукюйская подгруппа
   Древние: 1) древнеогузский язык орхонских надписей (=тукюэ)
   2) древнеуйгурский
   Современные: 3) тувинский (=урянхайский, сойотский, сойонский)
   4) карагасский (=тофа)

2. Якутская подгруппа
   Современный: якутский (с долганским)

3. Хакасская подгруппа
   Современные: 1) хакасский (со всеми диалектами)
   2) камасинский
   3) кюэрикский
   4) шорский
   5) северные диалекты алтайского языка (туба, шалканду, куманды)
   6) сары-уйгурский

II. Киргизско-кыпчакская группа
   Современные: 1) киргизский
   2) алтайский (алтайский, телеутский, теленгитский диалекты).

Из современных языков в таблице приведены только либо самостоятельные народные и литературные языки (например, узбекский, казахский, киргизский и пр.), либо обособленные наречия и диалекты, не входящие в состав крупных самостоятельных языков (например, карагасский, сары-уйгурский и пр.), либо отдельные диалекты самостоятельных языков, относящиеся к другой классификационной группе (например, северные диалекты алтайского языка и пр.).

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

В. И. Лыткин

К ВОПРОСУ О ВОКАЛИЗМЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

I. ПРОБЛЕМА ВОКАЛИЗМА В УГРО-ФИНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аракчеевский режим в языкознании привел к полному застою разработку вопросов угро-финского языкознания в сравнительно-историческом плане. Выходившие за последние два десятилетия работы были написаны преимущественно в статическом плане или в духе марровской «теории» языка. До сих пор еще нет ни одного более или менее серьезного печатного труда, посвященного проблеме сравнительно-исторического изучения угро-финской семьи языков. Изучение родственных языков в сравнительно-историческом плане считалось предосудительным. Вполне понятно поэтому, что работы проф. Д. В. Бубриха по исторической фонетике финского и удмуртского языков, написанные в аспекте сравнительно-исторического метода (1946—1948 гг.), были встречены марристами в штыки[1].

Гениальными работами И. В. Сталина по языкознанию положен конец крикливому шельмованию сравнительно-исторического метода и высокомерному третированию всякой попытки изучения семей языков. И. В. Сталин указал, что исследование вопросов языкового родства «могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[2].

Эти указания И. В. Сталина для нас, занимающихся изучением истории угро-финских языков, имеют особенно большое значение, ибо разработка исторической грамматики и лексики этих языков возможна только путем применения сравнительно-исторического метода.

Наша работа посвящена одному частному вопросу исторической фонетики угро-финских языков, а именно вопросу системы гласных этих языков.

Сравнительно-историческим изучением гласных звуков угро-финских языков занимаются давно. В течение последних 60—70 лет вышел ряд

---

[1] См. «Изв. АН СССР», Отд. лит-ры и языка, 1949, т. 8, вып. 6, стр. 498—499, 504—506; см. также статью Н. Н. Чебоксарова «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 179.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 34.

работ, посвященных вокализму угро-финских языков[1]. Однако в большинстве работ рассматривается история гласных отдельных угро-финских языков: финского, лапландского (саамского), хантыйского, мансийского, удмуртского и т. д. Вокализмом угро-финских языков в целом занимались сравнительно мало; если и появлялись работы общеугро-финского характера, то они обычно освещали лишь отдельные вопросы системы гласных угро-финских языков (гармонию гласных, чередование ступеней и т. п.). Основная задача сравнительной фонетики — установление звуковых соответствий между родственными языками — до сих пор в отношении угро-финского вокализма не разрешена. Чем объясняется такое положение в области изучения угро-финского вокализма? Объясняется это чрезвычайной сложностью и запутанностью взаимоотношений гласных между отдельными языками угро-финской семьи. Если в индоевропейских языках легко устанавливаются для большинства гласных закономерные звуковые соответствия и имеется возможность возводить гласные звуки отдельных языков к единым архезвукам (например, русск. **ы** — к долгому ***y***, древнерусск. **ъ** — к краткому ***y***, древнерусск. «ять» — к дифтонгу или долгому ***e*** и т. д.), то в угро-финских языках, на данной стадии развития науки об этих языках, мы ограничены в возможностях. Этим объясняется то, что в этимологиях угро-финских слов фонетическая мотивировка дается только с точки зрения согласных звуков, что в значительной мере снижает степень доказуемости родства сопоставляемых слов или аффиксов.

Это слабое место в технике сравнительного языкознания угро-финских языков давно осознавалось угро-финоведами; для его устранения были выдвинуты соответствующие теории и гипотезы (теория чередования гласных в «праязыке», чередование ступеней и т. д.), которые тем или иным образом объясняли все многообразие отклонений от «нормы» (а этих отклонений в угро-финских языках, пожалуй, больше, чем закономерных соответствий гласных звуков).

---

[1] B. Munkácsi. A magyar-ugor szótár. Magánhangzók, в журнале «Magyar nyelvõr», Budapest, 1885, № 14. (Угро-финский словарь. Гласные); его же. A magyar magánhangzók történetéhez, в журнале «Nyelvtudományi Közlemények», Budapest, 1895, № 25 (К истории венгерских гласных); A. Genetz. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi- ja useampitavuisissa sanoissa, Helsingfors, 1896. (Гласные первого слога в двух- и многосложных словах финского, лапландского и мордовского языков); E. Setälä. Über Quantitätswechsel im Finnisch-ugrischen, Helsingfors, 1896; Gombocz. A magyar a-hangok történetéhez в журнале «Nyelvtudományi Közlemények», Budapest, 1909, № 89. (К истории венгерского звука ***a***); Lehtisalo. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Uralischen vom qualitativen Standpunkt, Helsinki, 1933; Karjalainen. Zur ostjakischen Lautgeschichte, Helsingfors, 1905; Kannisto. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen, Helsingfors, 1919; Steinitz. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, 1944; Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск, 1948; его же. Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948.

В последнее время делаются серьезные попытки разработки угро-финского вокализма с целью установить регулярные звуковые соответствия и определить систему звуков в языке-основе[1].

В нашей работе мы остановимся на рассмотрении некоторых положительных результатов таких исследований.

Прежде всего ученых интересовал вопрос о гармонии гласных в угро-финских языках. Гармония гласных встречается в следующих языках угро-финской семьи: венгерском, финском, мордовском, марийском, тавдинском и лосвинском диалектах мансийского языка и некоторых говорах хантыйского языка. Коми, удмуртский и саамский (лапландский) языки не знают сингармонизма.

Вопрос о том, насколько древнее явление представляет собой гармония гласных угро-финских языков, до сих пор удовлетворительно не разрешен. Поэтому Синнеи, один из крупных венгерских лингвистов, говорит лишь о двух возможностях происхождения сингармонизма в угро-финских языках, а именно: или гармония гласных была в угро-финском языке-основе и в отдельных языках исчезла, или язык-основа не знал этого явления вокализма; сингармонизм же выработался позже в отдельных языках, вне зависимости их друг от друга. Впрочем, Синнеи все же более вероятным считает второе предположение[2]. Штейниц, напротив, склонен считать более правдоподобным первое предположение[3].

С вопросом о сингармонизме непосредственно связан вопрос о качестве гласных первого слога. Гласные первого слога угро-финского языка-основы с достаточной уверенностью можно разделить на два вида: гласные переднего ряда и гласные заднего ряда.

Но с полной последовательностью ни один угро-финский язык не сохранил этих гласных в отношении их принадлежности к переднерядным или заднерядным, так как в отдельных языках произошла передвижка гласных (вперед или назад). Наличие гармонии гласных и сохранение первоначального гласного (в отношении принадлежности к передне- или заднерядным) находятся во взаимной связи: в тех угро-финских языках, где в настоящее время имеется гармония гласных, первоначальные переднерядные или заднерядные сохранились в большей степени, чем в тех, где гармония гласных отсутствует.

В большей степени, таким образом, сохранилось качество гласных (в отношении переднерядности или заднерядности) в венгерском, финском,

---

[1] См. указанные работы Лехтисало, Штейница, Бубриха.

[2] S z i n n y e i. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin, 1922, стр. 43—44.

[3] Штейниц в § 2 своей работы «Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus» пишет: «После установления (доказательства) гармонии гласных также в хантыйском языке (1935 г.), пожалуй, больше не может быть сомнения в финно-угорском происхождении этого явления».— При переводе с иностранного языка на русский мы употребляем современные названия угро-финских народов: марийский вм. черемисского, хантыйский вм. остяцкого и т. д.

мордовском, марийском и других языках[1]. Правда, и в этих языках в некоторых случаях (под влиянием соседних гласных, гласного следующего слога и т. д.) произошла передвижка гласных, но такие случаи чрезвычайно редки. Поэтому Мункачи находит возможным установить следующее правило: «Если венгерская форма (принимая во внимание также финскую, мордовскую и марийскую формы) заднерядная, заднерядной была и форма праязыка; если венгерская (а также финская, мордовская и марийская) форма переднерядная и эта переднерядность не возникла (по свидетельству других угро-финских языков) под влиянием *j*, то форма праязыка была переднерядной»[2].

В остальных угро-финских языках произошла массовая передвижка гласных первого слога, выразившаяся в замене переднерядных средне- и заднерядными. Обратный процесс (передвижка вперед), как говорит, например, Мункачи, наблюдается в ничтожном количестве примеров, в которых такая передвижка большей частью произошла под влиянием соседних палатальных звуков. «В наибольшем размере и разнообразии явление передвижки назад наблюдаем в коми и удмуртском языках»[3], например, удм.[4] *кур-* «просить», венг. *kér*; удм. *лул* «душа», венг. *lélek*; удм. *ул-* «жить», венг. *él-*; удм. *тол* «зима», венг. *tél*; удм. *ву* «вода», коми *ва*, венг. *víz* и т. д.

Таким образом, в отношении качества угро-финских гласных нужно считать установленным то, что в угро-финском языке-основе имелись гласные переднего и заднего ряда, хотя имеются и тут неясности (ср. финск. *talvi* «зима» с заднерядным гласным при венг. *tél*, марийск. *тэл*, морд. *т'эл'э* с переднерядным гласным). Однако причины и условия передвижки гласных, наблюдаемой во многих угро-финских языках (удмуртском, коми и т. д.), остаются до сих пор невыясненными.

Кроме веляризации, в пермских языках произошел и другой процесс — сужение гласных первого слога. Если признать, что действительно угро-финские гласные сохранились в первоначальном виде в венгерском, финском и мордовском языках, то следующее сопоставление дает ясную картину сужения гласных пермских языков (табл. 1).

Это сужение гласных первого слога пермских языков мы пытались увязать[5] с явлением отпадения конечных гласных, которое произошло еще в пермском языке-основе в глубокой древности, до встречи предков коми и удмуртов с камскими булгарами. Повидимому, сужение гласных первого слога протекало в процессе компенсационного удлинения: *toto*>

---

[1] См. Szinnyei. Указ. соч., стр. 44—45.

[2] B. Munkácsi. Magyar-ugor szótár в журнале «Magyar Nyelvőr», Budapest, 1885, т. XIV, стр. 60.

[3] B. Munkácsi. Указ. соч., стр. 23.

[4] Принятые в настоящей статье сокращения см. в конце.

[5] См. диссертацию автора «Древнепермский язык и историческая грамматика коми и удмуртского языков» (1946 г., рукопись).

Таблица 1

Коми слова	Гласные первого слога				
	ксми	удм.	венг.	финск.	морд.
мус «печень»	*у*	*у*	*ā*	*a*	*a*
ул- «низ»	*у*	*у*	*å*	*a*	*a*
уд- «поить»	*у*	*у*	*å*~*ā*	*a*	*a*
с'ур «рог»	*у*	*у*	*å*	*a*	—
с'о, с'ô «сто»	*о, ô*	*у*	*ā*	*a*	*a* < иранск. * *s'ata*
кол'- «оставить»	*о*	*ы*	*ā*~*å*	*a*	*a*
вуг «скоба, дужка»	*у*	*у*	*ā*	*o*	*o* < санскр. *anka*
куйим < *квим* кя. «три»	*и*	*и*	*ā*	*o*	*o*
кул' «чорт»	*у*	*ы*	*å*	*o*	— < индоевроп. * *kolja*
су- «догнать»	*у*	*у*	—	*a*	*a*
ки «рука»	*и*	*и*	*ē*	*ä*	*e*
кык «два»	*ы*	*ы*	*ē*	*a*	*a*
вир «кровь»	*и*	*и*	*ē*	*e*	*e*

tôt > *tôt*, т. е. отпадение конечного гласного вызвало удлинение оставшегося гласного, а затем уже сужение его.

С аналогичными явлениями мы встречаемся и в других языках. Так, например, в венгерском языке после отпадения конечного короткого гласного гласный первого слога во многих словах перешел в долгий гласный, представляющий собой более узкий гласный по сравнению с соответствующими краткими гласными:

* *negyi* > * *nêgy* (~ *negyed*) > *négy* «четыре»
* *kezi* > * *kêz* (~ *kezet*) > *kéz* «рука»,
* *jegi* > * *jêg* (~ *jeget*) > *jég* «лед» и т. д.[1]

С явлением компенсационного удлинения мы встречаемся в галицко-волынских памятниках древнерусского языка, в которых после отпадения конечных редуцированных в предшествующем слоге начинают писать «ять» вместо *е* (*учитъль* вм. *учитель*)[2].

Знаменательно также то, что в некоторых коми словах, сохранившихся в составе сложных слов с первоначальным конечным гласным звуком, появляется в первом слоге широкий гласный, а в этих же словах, бытую-

[1] Gombocz. Magyar történeti nyelvtan (литограф. изд.), Budapest, II, стр. 44—45, § 6, 12; Balassa és Simonyi. Tüzetes magyar nyelvtan, 213.— Венгерское *é* (*ē*) — это долгий гласный звук, средний между *е* и *i*.

[2] Звук «ять», несомненно, был звуком более узким, чем древнерусское *э*.

щих отдельно (следовательно, без конечного гласного), мы имеем в первом слоге узкий гласный, например: к. вс. *н'ôл'*, кя. *н'ул'*, удм. *н'ил'*, *н'ыл'*, *н'ул'* «четыре»~к.з. *н'эл'а-мын* «сорок» — из первоначального «четыре десятка», ср. финск. *neljä* «четыре»;

к. *вит*, удм. *вит'* «пять»~ к. *вэты-мын* «пятьдесят» — из первоначального «пять десятков», ср. морд. *вэт'э* «пять»;

к., удм. *кык* «два» ~ к. *кӧкйа-мыс* «восемь» — из первоначального «два до десяти», ср. финск. *kahte* «два».

Повидимому, первоначальный широкий гласный сохранился также в первом компоненте таких сложных (деэтимологизированных) слов, где конечный гласный (первого компонента) не дошел до нас. Такие сложные слова могли образоваться после отпадения конечного гласного (если только эти конечные гласные не отпали уже в составе сложного слова), но до сужения корневого гласного, например:

кя. *квим*, удм. *квин'м-*, кз. *куйим* (<**к8°нм-*) «три,» ~к. *комын*, вс. *кôмын*, удм. *квамын* (<**к8°н-мын* «три десятка») «тридцать», кз. *кой-мӧд* «третий»;

к., удм. *ки* «рука»~ к. *кэпыс'* «варежки» (удм. *пӧс'* «варежки»), ср. финск. *käsi* «рука»;

к., удм. *вир* «кровь»~к. нв. *вэрви* «длинный кровавый след на теле», ср. финск. *vere-* «кровь»[1].

Все приведенные сложные слова в современном языке мыслятся как простые слова: первый компонент их потерял связь с отдельно существующими словами, а значение второго компонента забыто.

Факт наличия в первом слоге пермских языков более узких гласных по сравнению со словами венгерского, финского и мордовского языков не подлежит сомнению — мы располагаем многими десятками примеров, подтверждающих это положение. Кроме того, на первоначальный широкий гласный указывают не только венгерский, финский и мордовский языки, но и индо-иранские (или, вернее, просто иранские) языки, откуда попали в пермские языки слова еще до действия закона сужения гласных первого слога и пережили этот процесс на пермской почве. Таковыми являются, например, следующие:

к., удм. *пурт* «нож» <иранск.; ср. осет. *farat'*, *färät'*, *farát'*; санскр. *paraçu* «топор» [Paas. FUF, II, 186];

к. *зон* «парень» з., «сын» п. < иранск.; ср. осет. *zan-äg*, *zän-äg* «мальчик», авест. *zan-*, древнеинд. *jan-* «рождать» [Kons., 38];

к. *кӧрт*, удм. *корт* «железо» < иранск.; ср. авест. *karĕta*, новоперс. *kārd* «нож», осет. *k'ard* «нож, меч» [Syrj. Chr.];

---

[1] Проф. Д. В. Бубрих склонен был считать открытые гласные этих сложных слов позднейшим явлением, которое связано с переносом ударения на второй слог, вызвавшим появление редуцированного гласного *э* (условно) в первом слоге (Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, § 66). Штейниц же возводит это звуковое явление к «праязыковому» чередованию гласных (см. ниже). Однако эти предположения не являются достаточно убедительными.

к. *с'урс*, удм. *с'урс*, *с'урыс* «тысяча» <иранск.; ср. древнеинд. *sa-hasram*, авест. *ha-zaaram* [Jacobs., 105—106];

к. *под-*, удм. *пыд* «нога» <иранск.; ср. санскр. *pād-* «нога», авест. *pǎd-* id [Kons., 2];

к. *бон*, удм. *бун* «лыко» < ир.; ср. авест. *banda* («band, fessel»), древнеинд. *bandhá* [Kons., 3];

к. *ордӧс*, удм. *урдэс* «сторона, бок» (суффикс ***ӧс-эс*** возник на пермской почве) <иранск; ср. авест. *arəδa-*, осет. *ärdöq* [Jacobs., 206, прим.].

Однако в пермских языках имеется известное количество слов, в которых не произошло сужения гласных первого слога, несмотря на то, что условия были налицо. Таковыми являются, например, следующие:

к. *раз'* «решетка в санях», финск. *raasku*, лапл. *raško*, венг. *rács*;

к. *квайт*, *кват'*, удм. *куат'* «шесть», венг. *hat*, морд. *kota* [NyH];

к. *кач'* «кора дерева», финск. *kasku*, *koskus*, венг. *háncs* [Inl. Affr.];

к. удм. *кар-* «делать» <иранск.; ср. авест. *kar-*, санскр. *kar-* «делать» [Kons.] и др.

Далее, мы встречаемся с отдельными случаями сужения в первом слоге двусложных слов, где мы не можем ожидать никакого компенсационного удлинения гласного, например: к. *ӧгыр*, удм. *эгыр* «горячий уголь» <иранск., ср. древнеинд. *āṅgāra-* «уголь» [Jacobs., 209].

Знаменательно, что в двусложных иранских заимствованиях обычно не происходило сужения, например: к. *амыс'* «лемех, сошник», *сари'* «море, взморье», *зарн'и* «золото», *н'амӧд* «портянки», *майӧг* «кол», удм. *андан* «сталь» (в иранском оригинале этих заимствований мы имеем тоже ***a***).

Приведенные примеры на отступление от закона сужения гласных первого слога говорят о том, что условия действия этого звукового закона нельзя еще считать вполне выясненными. Однако они не опровергают самого явления сужения, широко распространенного в пермских языках.

Выяснение причин чрезвычайного разнобоя в соответствиях гласных угро-финских языков производилось и в других направлениях. Многие ученые пытались найти выход в предположении о чередовании гласных, пронизывающем не только угро-финский язык-основу, но сказавшемся на дальнейшем развитии вокализма отдельных групп угро-финской семьи и отдельных языков этой семьи.

Теория чередования ступеней, выдвинутая в свое время Сеталя, касается также и системы гласных угро-финских языков. Эта теория выражается в следующем. В угро-финском языке-основе ударение было передвижное: в двусложных и многосложных словах оно могло падать как на первый, так и на второй слог. Ударение зависело отчасти от закрытости и открытости слога, отчасти — от качества гласного. Как гласные, так и согласные (в положении между гласными) угро-финского языка-основы были подвержены чередованию: под ударением появлялась сильная ступень, в безударном положении — слабая, и при этом существовало качественное различие между чередующимися гласными.

Чередования ступеней в первоначальном виде ни в одном современном угро-финском языке не сохранилось, остались лишь отдельные следы его, вроде хант. *mȯrt-* «ломать», *mȧrtə̑m* «я сломал», *mi̯rt'ȧ* «ломаю»; венг. *haza* «домой», *honn* «дома»; финск. *pala-* «гореть», *poltta-* «жечь» и т. д.[1]

При допущении чередования гласных в угро-финском языке-основе можно легко объяснить пестроту звуковых соответствий между современными угро-финскими языками: в одном языке сохранился один компонент чередовавшихся гласных, в другом — другой.

Так и поступают обычно угро-финноведы, занимающиеся проблемой вокализма. Например, проф. Штейниц предполагает существование в «праязыке» целой серии чередований гласных[2]. При чрезвычайно большом диапазоне чередующихся гласных (качественно отличных друг от друга) возможно объяснить почти любую неожиданность в появлении гласных того или иного угро-финского языка. В самом деле, в угро-финском языке-основе *а* чередуется с *о*, *ы* и с *у*, а *у* чередуется в свою очередь с открытым *о* (*ɔ*), открытое *о* — с редуцированным *ŏ*, последнее же чередуется с *у*,— словом, все гласные непереднего ряда чередуются между собой. Следовательно, опираясь на эти «праязыковые» чередования, можно легко объяснить появление любого велярного гласного в любом современном угро-финском языке, или, иными словами, любой гласный непереднего ряда любого современного угро-финского языка может быть возведен к какому угодно велярному гласному угро-финского языка-основы. Так же обстоит дело и с гласными переднего ряда.

Такое предположение о существовании чередований широкого масштаба обозначает, по существу говоря, отказ от установления звуковых корреспонденций. Однако необходимо остановиться подробнее на том, каким образом проф. Штейниц пришел к заключению о существовании в угро-финском языке-основе чередования гласных определенного качества.

Наряду с закономерными соответствиями имеется также большое количество «пестрых» соответствий, например, венг. *hál-* «ночевать», манс. *kūl-*, удм. *kĭ̯li-* (гласный восходит к угро-финскому **а*; следовательно, по звуковым корреспонденциям, установленным Штейницем, в мансийском слове должно быть *ā*, а в удмуртском — *и*). Отступление от нормы (т. е. необычное соотношение венг. *ā*~манс. *ū*~удм. *ĭ̯* вм. закономерного *а*~*а*~*и*) Штейниц объясняет «праязыковыми» чередования гласных, а самые типы чередований гласных он устанавливает «на основании ныне существующих парадигматических чередований в хантыйском языке **а*~**и*~**ĭ̯*: хант. яз., сургутск. д. *кǡллā̄т* (Präs.)~*килā̄т* (Prät.)~*kĭ̯ла* (Imperf.)»[3].

---

[1] S z i n n y e i. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 46—47.

[2] См. W. S t e i n i t z. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, 1944, § 10.

[3] Там же.

На основании таких чередований хантыйского языка (*kat* «дом», *kutəm* «мой дом» и т. д.) автор устанавливает целую систему чередования гласных для угро-финского языка-основы.

Во всех угро-финских языках имеется, по мнению Штейница, то или иное количество следов (в отдельных языках уже неясных) парадигматического чередования гласных. «Особенно важно при этом то, что мы можем установить в целом ряде случаев во многих угро-финских языках в одном гнезде слов (Wortfamilie) одинаковое угро-финское чередование; так, например, в основе лежит угро-финское чередование ***ə ~ ŏ*** в следующих словах: хант. яз., вахск. д. *kələt*, конд. д. *χutəm* и т. д. «три»~конд. д. *χŏmət* и т. д. «третий» и лапл. яз., сев. д. *goalmad* «третий»~*gŏl'bmâ* «три» и т. д.»

На основании этих «поразительных совпадений» в чередовании гласных отдельных языков Штейниц предполагает для угро-финского языка-основы следующие чередования: ***а ~ о***, ***а ~ ę***, ***а~ы***, ***ə ~ и***, ***ə~ŏ***, ***и~ŏ***, ***ä~i***, ***ä~e***, ***е~ĕ***.

Нам кажется, что нет достаточных оснований для предположения существования именно этих рядов чередующихся гласных.

Во-первых, примеров на совпадение, о котором пишет Штейниц, чрезвычайно мало (он приводит 7 примеров, в которых совпадение наблюдается,— если не считать случайного сохранения в отдельных языках только одного компонента чередующейся пары,— обычно только в двух языках из 10 с лишним угро-финских языков; исключениями являются слова, обозначающие «жечь» и «сон», в которых одинаковое чередование ***а~о*** наблюдается в трех языках).

Во-вторых, в большинстве угро-финских языков чередование гласных носит спорадический характер и поэтому вряд ли можно говорить о «парадигматичности»; чередования, встречающиеся в отдельных угро-финских языках, совершенно не похожи на чередования в индоевропейских языках, носящие вполне закономерный характер.

В-третьих, неизвестны происхождение и условия бытования чередования гласных отдельных финских языков; во всяком случае, часть чередований могла возникнуть в отдельной жизни этих языков. Так, например, нет необходимости возводить к общепермскому ****о~*и*** из общеугро-финского ****ə~*и*** (как это делает Штейниц) коми диалектные *он — ун* «сон», *с'ой-* «есть» — *с'ува* «ем», так как в этих словах ***о — у*** восходит к общекомийскому закрытому ***ô*** (см. ниже, стр. 73).

Не исключена возможность, что и в других языках некоторые чередующиеся пары восходят к одному звуку.

Мы отнюдь не намерены отрицать чередования гласных в угро-финском языке-основе. Мы хотим лишь показать, что говорить о качестве чередующихся гласных пока нельзя, так как для этого нет еще достаточного количества научных данных.

И. В. Сталин, вскрывая идеалистические концепции Н. Я. Марра, считавшего сравнительно-исторический метод «идеалистическим», дал такую

оценку этому методу: «...Нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьёзные недостатки, всё же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ Н. Я. Марра...»[1]

Эти указания товарища Сталина обязывают нас вскрывать недостатки сравнительно-исторического метода на материале конкретных языков.

Одним из серьезных недостатков сравнительно-исторического метода (в аспекте применения его к фонетическим исследованиям) является оперирование при сопоставлениях не фонемами, а физическими звучаниями, притом искусственно вырванными из звуковой системы языка.

Исследователи очень часто оперируют при сравнении звуков и возведении их к архезвукам комбинаторными оттенками фонем как вполне самостоятельными звуковыми величинами, таким образом приравнивая их к фонемам. Компаративистов этого типа интересует физический звук, как таковой, улавливаемый слухом исследователя, а не социальная роль, которую выполняет тот или иной звук в изучаемом языке.

Такую ошибку допускали зарубежные лингвисты, занимавшиеся исторической фонетикой восточнофинских языков (Вихман, Карьялайнен, Паасонен, Каннисто, Мункачи и др.). Так, например, Карьялайнен[2] — прекрасный знаток хантыйского языка — воспроизводит в хантыйском языке-основе до 20 гласных звуков, среди которых 8 различных *о* (закрытое, открытое, более переднее, слаборедуцированное, более переднее открытое, слаборедуцированное закрытое и т. д.). Несомненно, среди этих 20 звуков хантыйского языка-основы, реконструированных Карьялайненом, наряду с фонемами имеются и комбинаторные оттенки фонем.

Значительно бо́льшую ценность представляют работы В. Штейница и Д. В. Бубриха, посвященные вопросам исторической фонетики угрофинских языков. Эти ученые оперируют в своих работах понятием фонемы; они проводят резкую грань между фонемой и ее комбинаторным вариантом. На этих исследованиях, повидимому, сказалось благотворное влияние русской школы фонологов: основателя учения о фонеме проф. Петербургского университета А. И. Бодуэна де Куртенэ и, в особенности, ученика его, известного фонетиста академика Л. В. Щербы[3].

Работа Штейница замечательна во многих отношениях. Одним из ее достоинств является то, что в ней рассматриваются не отдельные угрофинские звуки (как это обычно делалось предшественниками Штейница), а вся система гласных фонем. Штейниц впервые[4] устанавливает состав гласных фонем угро-финского языка-основы; во многих случаях ему

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

[2] Karjalainen. Zur ostjakischen Lautgeschichte, Helsingfors, 1905.

[3] Ученый демократической Германии, профессор Берлинского университета В. Штейниц, начиная с 1926 г., не раз приезжал в СССР.

[4] До Штейница Лехтисало в своей статье «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Uralischen«(«Finnisch-ugrische Forschungen», т. 21, стр. 55) делал попытку установить фонетическую систему «прауральского» языка, т. е. угро-финско-самодийского языка-основы.

удается весьма убедительно мотивировать бытование гласного определенного качества в языке-основе, в некоторых случаях установить закономерные звуковые соответствия, совершенно новые по сравнению с тем, что было установлено до него. Познакомимся поближе с доводами Штейница и результатами предпринятого им исследования.

Совершенно новым в работе Штейница является подразделение угро-финских гласных на редуцированные и полные (полного образования). К такому выводу Штейниц пришел на основании данных вах-васьюганского диалекта хантыйского языка, представляющего собой, по мнению автора, весьма архаичный[1] диалект (в отношении вокализма), и горномарийского языка. В названных языках существуют, наряду с гласными полного образования, редуцированные гласные, употребление которых в общем одинаково в марийском и хантыйском языках[2]. В других угро-финских языках редуцированные гласные перешли в гласные полного образования, однако в этих языках они не совпали с соответствующими гласными полного образования. Из табл. 2 можно видеть, что развитие редуцированных гласных и соответствующего гласного полного образования пошло в разных направлениях.

Таблица 2

Угро-финск. язык-основа	Общехантыйский	Общеманси-ский	Венгерский	Марийский		Мордовский	Общелапланд-ский	Прибалт.-фин-ские	Пермский
				горный	луговой				
Редуцированное *ŏ*	*ŏ*	*ŏ*	*o*	*ə̂*	*и*	*o*	*ŏ*	*и*	*i̯*
o полного образования	*o*	*ā*	*o*	*o*	*o*	*и*	*o, w*	*o*	*и*

Редуцированные гласные Штейниц видит, например, в следующих словах: хант. вах-вас. *tŏγəl»* «перо, крыло»; манс. *tówl*; венг. *toll*; мар. *-təl*(<**tə̂l*); морд. *tolga*; лапл. *dŏl'ge*; к. *tį̆l*; удм. *tį̆lį̆*. Редуцированные гласные были также в словах, соответствующих следующим словам коми языка: *лыд* «число», *выл'* «новый», *кыз-* «кашлять», *сыл-* «таять», *лы* «кость», *шыр-* «резать, стричь» и др.[3]

[1] Вах-васьюганский диалект «сохранил в основном без изменения все гласные звуки, встречающиеся в настоящее время в угро-финских языках» (см. W. Steinitz. Указ. соч., § 23).

[2] В хантыйском языке долгие и краткие гласные *а, о, у* действительно выступают как самостоятельные фонемы, например: *кā̆р* «кора», *кă̄р* «связка нанизанных предметов», *кā̆мын* «на улице», *кă̄мын* «сколько», *хō̆н* «царь», *хŏ̄н* «живот», *с'ō̆рыс* «море», *с'ŏ̄рыс* «тысяча», *хӯ̆т* «шерсть», *хŭ̄т* «рыба», *шӯ̆к* «горе», *шŭ̄к* «крошка» (среднеобский диалект, сообщение научного сотрудника Института языкознания АН СССР хантыйца Н. И. Терешкина).

[3] См. W. Steinitz. Указ. соч., § 12.

Гласный *о* полного образования встречается в следующих словах: хант. вах.-вас. *kol-* «умереть», манс. *kāl-*, венг. *holt*, мар. *kol-*, морд. *kuloms*, финск. *kuole-* (<**kole-*), к., удм. *kul-*. К угро-финскому *о* Штейниц возводит также гласный первого слога следующих слов коми языка: *с'ул* «кишка», *н'ул-* «лизать», *с'ул* «вид плавающей птицы», *рок* «каша», *ч'уж* «солод» и т. д.

Путем установления звуковых соответствий между этимологически общими словами разных угро-финских языков Штейниц приходит к выводу о том, что «следующие гласные можно считать для угро-финских языков вполне доказанными»[1].

Полные	*ɔ*	*a*	*ä*	
»	*o*		*e*	
»	*u*	*ɨ*	*i*	
Редуцированные	*ŏ*		*ĕ*	*ŏ̆*

Штейниц приходит к такому выводу в результате анализа большого количества примеров: в его работе фигурирует свыше трехсот сопоставлений слов разных угро-финских языков. Сопоставления делаются с учетом истории гласных отдельных языков, при этом во многих случаях автор выдвигает свои теории в отношении развития системы гласных того или иного угро-финского языка (так, например, он предполагает, что долгие гласные в финском и венгерском языках возникли совершенно независимо друг от друга и притом в каждом под влиянием другого, не угро-финского, языка).

Несмотря на все сказанное, по работе Штейница можно сделать ряд критических замечаний. Прежде всего возражения вызывают те комментарии автора, которыми он сопровождает сопоставления слов. Цель этих комментариев — объяснить, почему гласный звук данного слова того или иного языка (или языков) не подходит под парадигму звуковых соответствий.

Комментарии эти трех родов:

1. Особые случаи (например, положение звука в конце слова, рядом с *l*, *š*, между *f*, *g*, *k* и т. п.), в которых появляется не тот гласный, который ожидается. Если бы примеров на каждый особый случай было много, то замечания этого рода были бы вполне резонными, однако эти особые случаи подтверждаются иногда только 1—2 примерами. Нужно сказать, что эти особые случаи (если они действительно являются «особыми») восточнофинских языков требуют специального исследования,— тогда только они будут представлять научную ценность.

2. Автор очень часто апеллирует к малоубедительному «праязыковому» чередованию гласных; такие ссылки мы находим в большинстве тех этимологий, в которых фигурирует языковый материал многих (4—6) угро-финских языков.

[1] Там же, § 9.

3. В работе имеется немало замечаний в виде: «неясно, какого происхождения» гласный звук, который не только не подходит под парадигму корреспонденций, но и его появление нельзя объяснить ни «особыми случаями», ни «праязыковым» чередованием.

Эти замечания выводят из строя большое количество слов и делают некоторые реконструируемые гласные мало убедительными, ибо основной костяк сравниваемых слов, на основании которых производится реконструкция того или иного звука, во многих случаях чрезвычайно слаб. Этим и объясняется тот факт, что другой исследователь угро-финского вокализма — Лехтисало[1], оперирующий теми же этимологиями, что и Штейниц, приходит к другим выводам относительно многих реконструируемых звуков языка-основы, например (мы приводим только коми слова; соответствующие им параллели имеются и в других угро-финских языках):

Коми	По Лехтисало	По Штейницу
мус «печень»	* *ō*	* *a*
с'ур «рог»	* *ō*	* *a*
вом «рот»	* *ā*	* *ɔ*
пурны «кусать»	* *u*	* *ŏ*
йи «лед»	* *ē*	* *ä*
ки «рука»	* *ē*	* *ä*
пин' «зуб»	* *ē*	* *ŏ*
с'ин «глаз»	* *i*	* *ĕ* и т. д.

Кроме того, многие общеизвестные сопоставления отсутствуют в работе Штейница (например, венг. *far* «хвост», *kell* «надо», *kér-* «просить» и т. д. [NyH][2].

Не объясняется ли это отсутствие тем, что эти звуки не находят себе места в парадигмах звуковых соответствий, установленных Штейницем? Точно так же слова, заимствованные, из индо-иранских языков, почти совсем не использованы, а они могли бы служить ценным источником для истории гласных, тем более, что они попали в угро-финские языки в самые разнообразные периоды жизни угро-финнов. Часть из них попала даже в язык-основу.

---

[1] См. Lehtisalo. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Uralischen, «Finnisch-ugrische Forschungen», т. 21, стр. 1—55.

[2] Например, у Штейница на букву *в* приведено 18 этимологий, а 30 этимологий, известных мне из работ Уотилы [«Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen» (Helsinki, 1933) и «Syrjänische Chrestomathie» (Helsinki, 1938)], отсутствуют; среди отсутствующих следующие этимологии (приводим коми слова): *важ* «старый», *вартны* «ударить», *вермыны* «победить», *вербс* «муж», *вердны* «кормить», *вежбр* «ум», *вошны* «потеряться», *вбсн'и* «тонкий», *вуг* «рукоятка», *вуӡны* «перейти», *вот* «налог», *вурны* «шить», *вунны* «забыть», *вундыны* «резать», *вузавны* «продать», *варыш* «ястреб», *выйим* «имеется», *вбрт* «ниченки» (ткацкая принадл.), *вины* «убить», *во* «год», *выйбӡ*, «даже», *воӡ'* «рано», *воӡ'ир* «клык», *вой* «ночь», *вол'* «постель», коми-пермяцкое *вон* «брат», *вон* «полог», *восны* «тошнить», *вож* «ветка», *вурдыс'* «крот», *вурун* «шерсть»

Там, где автор оперирует индо-иранскими заимствованиями общеугро-финского характера, выводы его вполне приемлемы, например, возведение к угро-финскому ***a*** гласного звука слов финск. *sata*, коми *c'o*, удм. *c'y* и т. д. «сто» подтверждается звуковым видом индо-иранского оригинала (ср. санскр. *çatam*). К сожалению, Штейниц явно избегает пользоваться индо-иранскими заимствованиями: например, он совсем не оперирует такими заимствованиями, как венг. *arany* «золото», *ág* «ветка» и т. д., индо-иранский оригинал которых помог бы автору установить качество угро-финского первоначального гласного (ср. авест. *zaranya-* «золото», индо-иранск. *anka-s* «крюк, скоба»). Вообще же выводы Штейница следует проверить и на более новых заимствованиях (древнечувашские заимствования в пермских языках, коми заимствования в обско-угорских языках, более новые иранские заимствования в отдельных угро-финских языках и т. д.).

В результате перечисленных упущений автора за бортом оказывается большое количество слов, не укладывающихся в парадигмы соответствий, установленные Штейницем для определенного (хотя и довольно широкого) круга слов.

Известный венгерский лингвист О. Беке в своей рецензии на разбираемую книгу Штейница[1] подвергает сомнению выводы автора относительно угро-финских редуцированных гласных. По его мнению, в марийском языке редуцированные гласные (по крайней мере, часть из них) являются звуками позднейшего происхождения, возникшими на марийской почве, поэтому нельзя путем сопоставления их с хантыйскими редуцированными реконструировать угро-финские редуцированные. Свои доводы по истории гласных марийского языка Беке строит на основе рукописного материала по марийской диалектологии, имеющегося в его распоряжении.

Хотя на других вопросах угро-финского вокализма, затронутых в работе Штейница, О. Беке не останавливается, его заключение о том, что еще не пришло время разрешать проблему угро-финского вокализма, говорит о скептическом отношении и к некоторым другим положениям Штейница общеугро-финского характера[2]. Вместе с тем Беке считает заслугой Штейница разработку истории гласных отдельных угро-финских языков[3].

[1] См. журнал «Magyar nyelvőr», Budapest, 1948, № 1, стр. 40—42. К сожалению, мы не могли ознакомиться с рецензией Итконена напечатанной в FUF.

[2] Совершенно справедливо Беке отмечает, что в нашем распоряжении до сих пор нет научных словарей мансийского, хантыйского, марийского, мордовского и финского языков; в удмуртском и саамском словарях представлено лишь несколько диалектов; нельзя считать полным и коми словарь Вихмана-Уотилы (речь идет о книге: Y. W i c h m a n n. Syrjänischer Wortschatz. Herausgegeben von T. E. Uotila, Helsini, 1942), так как в нем также представлены далеко не все диалекты; кроме того, и венгерский язык (единственный угро-финский язык, располагающий древними памятниками письменности) ждет еще исследователя истории звуков.

[3] Например, Штейниц совершенно верно говорит о том, что общепермское ***o***, сохранившееся в коми языке без изменения, перешло в удмуртском языке в ***y***, например, к. *пож* «решето», удм. *пуж* (ср. финск. *pohtaa*). Проф. Д. В. Бубрих уточняет

Нам кажется, что вопрос об угро-финских редуцированных гласных Штейницем поставлен своевременно. Мысль Штейница о том, что в угро-финских языках существовали редуцированные гласные, в последнее время находит подтверждение и в коми языке. Данные языка стефановских памятников и коми диалектологии, а также коми заимствования в хантыйском языке позволяют предположить, что в общекоми языке существовали более краткие (редуцированные) и более долгие гласные (см. ниже). Но это не значит, однако, что мы должны искать редуцированные гласные именно в тех словах, в которых находит их Штейниц.

Нельзя не согласиться с мнением проф. О. Беке о том, что прежде, чем заняться решением проблемы вокализма в общеугро-финском масштабе, необходимо углубленно изучить историю гласных отдельных угро-финских языков. Необходимо прежде всего установить, какие гласные существовали в общеудмуртском, общеэрзянском, общегорномарийском и т. д.; далее, установить, какие гласные фонемы были в общемордовском, общемарийском, общепермском и других языках. Для этого необходимо детально изучить диалекты этих языков, заимствования из соседних языков и, наоборот, слова, перешедшие в соседние языки.

Между тем основную трудность в деле разработки проблем угро-финского вокализма представляют именно восточнофинские языки, в частности пермские (коми и удмуртский), в которых, по общему признанию лингвистов, настолько «запутана» система гласных, что, несмотря на ближайшее родство их между собой (примерно такое же, как между русским и украинским, или русским и польским), в большинстве случаев нельзя установить закономерные соответствия гласных. Не случайно Вихману, специально занимавшемуся проблемой вокализма пермских языков[1], пришлось предположить существование в «прапермском» языке чередования гласных самого разнообразного типа (чуть ли не каждый гласный мог чередоваться с любым другим гласным). Эти выводы Вихмана, которыми, кстати сказать, в своих исследованиях оперируют многие зарубежные лингвисты[2], нас совершенно не удовлетворяют, тем более, что часть из них опровергается языковыми фактами пермских языков[3].

время этого перехода — процесс перехода наблюдался еще недавно: им захвачены некоторые заимствования из русского языка, как *кусо* «коса» (орудие). (См. «Историческая фонетика удмуртского языка», § 62). Мы можем прибавить сюда еще следующие русские заимствования удмуртского языка: *укно* «окно», диалектное *Муско* «Москва».

[1] Y. Wichmann. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsingfors, 1915.

[2] См., например, Jacobsohn. Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922.

[3] См. ниже также нашу диссертацию «Древнепермский язык и историческая грамматика коми и удмуртского языков» (1946 г., рукопись). Д. В. Бубрих и Штейниц также отрицательно относятся к чередованиям гласных «прапермского» языка, установленным Вихманом (см. Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка, стр. 56; W. Steinitz. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, § 30).

Если считать в настоящее время действительно актуальным сравнительно-историческое изучение гласных отдельных угро-финских языков, и в особенности пермских языков, то продолжение настоящей статьи в виде двух отдельных глав, посвященных вокализму коми языка, найдет свое оправдание.

II. О ЗАКРЫТЫХ ГЛАСНЫХ СРЕДНЕГО ПОДЪЕМА В ЯЗЫКЕ КОМИ

1. Закрытое *ô*

В древнем коми языке как отдельная фонема было представлено закрытое *ô*, противостоявшее открытому *о*. Для него в стефановской азбуке существовала особая буква «вой». Почему же Стефан Пермский для одного и того же (с точки зрения современного языка коми) звука *о* придумал две буквы? Эта загадка была разрешена только тогда, когда автору данной работы удалось в 1928 г. обнаружить фонему закрытого *ô* в одном окраинном коми-зырянском диалекте, а именно в верхнесысольском[1].

Закрытое *ô* в верхнесысольском диалекте встречается в определенных словах, независимо от положения его в слове и от качества соседних звуков. Оно определенно выступает как звук-смыслоразличитель (*пон* «конец», *пôн* «собака»; *корс'а* «ищу», *кôрс'а* «веник»; *кос* «промежуток», *кôс* «сухой» и т. д.). Артикуляция этого звука, взятого в отдельности, следующая: положение губ совершенно такое же, как при *у*, но язык расположен немного выше того места, где он расположен при произнесении открытого *о*.

Вероятно, такого же качества было закрытое *ô* и в древнепермском языке. Во всяком случае в древнепермских памятниках письменности (XIV—XVII вв.) буква «вой» употребляется в тех словах, где в верхнесысольском диалекте мы встречаем закрытое *ô*, а буква *о* встречается в словах, где в верхнесысольском диалекте — открытое *о*, например:

др.-п. *вôз'з'а* «навстречу», вс. *ôз'* «передняя часть»;
» *с'ôйадныд* «едите», вс. *с'ôйны* «есть»;
» *кôйд* «подобно, как», вс. *кôд'* — то же;
» *кôдкö* «кто-то», вс. *кôдкö* — то же;
» *дорын* «около, при, у», вс. *дорын* — то же;
» *лой* «меси», вс. *лой* — то же;
» *лоны* «быть», вс. *лоны* — то же;
» *морт* «человек», вс. *морт* — то же и т. д.

[1] Верхнесысольский диалект характерен для жителей территории только трех сельсоветов, расположенных у верховьев р. Сысолы, южного притока р. Вычегды (с. Грива, с. Ужга и с. Койгородок с относящимися к ним деревнями), и верховьев р. Кобры, северного притока р. Вятки (с. Кобра); см. нашу статью «Диалект Кобры» в «Сборнике комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка», под ред. В. И. Лыткина, вып. 1, Сыктывкар, 1930.

Закрытое *ô* общекоми языка в коми-язьвинском диалекте перешло в ударяемое *у*[1]. Это ударяемое *у* коми-язьвинского диалекта строго соответствует верхнесысольскому и древнепермскому закрытому *ô*, например, кя. *уз*, вс. *ôз* «земляника»; кя. *с'уй-*, вс. *с'ôй-*, др.-п. *с'ôй-* «есть, кушать»; кя. *уз'-*, вс. *ôз*, др.-п. *вôз'-* «перед, передняя часть»; кя. *куд'*, вс. *кôд*, др.-п. *кôйд* «подобно, как»; кя. *кудик*, *куд*, вс. *кôд*, др.-п. *кôд* «кто, который»; кя. *ч'ум* «чулан, амбар», др.-п. *ч'ôм*, «шалаш, шатер, палатка» и многие другие.

Между тем безударное коми-язьвинское *у* соответствует звуку *у* других коми диалектов[2].

Может быть, закрытое *ô* существовало еще во времена Лепехина (1771 г.) и в косинском диалекте[3] коми-пермяцкого языка. Лепехин передает самоназвание пермяков словом *коми утир*. Этому слову *утир* соответствует в других коми-пермяцких диалектах *отир*, а в коми-зырянских — *войтыр* (в верхнесысольском говоре этого слова нет, а в памятниках древнепермской письменности оно фигурирует в русской графике, не различающей двух *о*).

Нужно полагать, что территория коми диалектов с закрытым *ô* еще в недалеком прошлом была гораздо шире, чем теперь. Во всяком случае на это указывают заимствованные из коми языка слова в обско-угорских (хантыйском и мансийском) и русском языках, где современному коми *о* (из *ô*) соответствует *у*. Например, в следующих заимствованиях встречаем *у* во всех диалектах хантыйского языка: *пуш* < к.**пôж* (совр. *пож*) «решето»; хант. *туйд* < к.**дôйд* (совр. нв. *дойд*) «сани»; хант. *курас* < к. **кôрöс'* (совр. *корöс'*) «веник»; *туш* < к.**тôш* (совр. *тош*, вс. *тôш*) «борода»; хант. *ут*, *вут* < к.**вôт* (совр. *вот*) «налог»; хант. *с'ур* < к.**с'ôр* (совр. *с'ор*, вс. *с'ôр*) «шест для сушки белья» и т. п. и т. д.[4]

Вероятно, закрытое *о* отражается и в следующих словах русского языка, заимствованных, как нам кажется, из языка коми: русск. вятск. (Даль) *чум* < к.**ч'ôм* (совр. *ч'ом*, др.-п. *ч'ôм*) «шалаш», клеть»; русск. Пермск. губ. *чункас* (Даль), *чумкас* (Шренк) < к. *ч'омкост* «мера длины, расстояние между двумя охотничьими избушками, 5—8 км» (*ч'ом* — охотничья избушка, *кост* — промежуток); русск. *пуз* «мера сыпучих тел»

---

[1] Коми-язьвинский диалект был изучен нами совместно с научным сотрудником Чкаловского областного музея С. А. Поповым летние месяцы 1949—1952 гг. (см. ниже).

[2] См. ниже.

[3] Один из коми-пермяцких диалектов по р. Косе, притоке Камы (Коми-пермяцкого округа, Молотовской области).

[4] Правда, в отдельных диалектах хантыйского языка в заимствованных словах встречается иногда *у* и вместо открытого коми *о* (хант. *курт*, *корт* < к. *горт*, вс. *горт* «дом»; хант. *порёс*, *пурöш* < к. *порс'*, вс. *порс'* «свинья» и т. д.), что, повидимому, объясняется относительной закрытостью общекоми обыкновенного (не закрытого) *о* (в весьма архаичном коми-язьвинском диалекте *о* произносится очень закрыто). См. K a r j a l a i n e n. Zur ostjakischen Lautgeschichte, MSFO, XXIII, Helsingfors, 1905.

www.ruslang.ru

(см., например, «Двинские грамоты») < к.**nôж* (вс. *nôж*) «решето»[1]; весьма возможно, что с.-р. *губа* заимствовано из к.<**гôб*[2].

Некоторые древнечувашские заимствования переданы были, как показывает верхнесысольский говор, тоже через закрытое *ô*, например, чув. *köl'De*>к. *кол'та*, вс. *кôл'та*, удм. *кул'то* «сноп»; чув. *kumba*, *komba*> к. *гоб*, вс. *гôб*, удм. *губи* «гриб».

То же самое можно сказать о слове *роч'* в коми языке — вс. *рôч'*, кя. *руч'*, удм. *з'уч'* (<**руч'*) «русский», заимствованном из какого-то древнего карельского или вепсского диалекта (ср. эст. *rootsi*, финск. *ruotsi* «швед»); предки коми и удмуртов этим словом сначала, повидимому, называли варягов, а затем это название было перенесено на русских.

Большой интерес представляет передача звука *о* в русских заимствованиях языка коми: различение двух *о* (закрытого и открытого) севернорусскими диалектами находит отражение и на почве коми языка (ср. с.-р. *кôжа*>к. кб. *кôжа*; с.-р. *стôл*>к. кб. *стôл*: с.-р. *ос'*>к. кб. *ос'*; с.-р. *лос'*>к. кб. *лос'* и т. д.)[3].

Интересно отметить, что закрытое *ô* теперь сохранилось только у коми, говорящих на верхнесысольском диалекте и находящихся в стороне от исторических путей сообщения, на расстоянии 30—40 км от других языковых коллективов. При соприкосновении с другими диалектами и языками это закрытое *ô*, повидимому, утрачивалось. Процесс утраты этого звука в верхнесысольском диалекте наблюдается и сейчас[4]. Молодое поколение начинает смешивать этот звук с открытым *о*. Особенно эта утрата замечается в Койгородке, где мужская часть молодежи почти утратила этот звук. Интеллигенция и люди, жившие в других местностях, обычно тоже утрачивают это закрыое *ô*, заменяя его обыкновенным *о*, существующим как в верхнесысольском диалекте, так и в других диалектах языка коми, а также в русском языке. Эту утрату следует объяснить влиянием школы и воздействием диалектов других языковых коллективов, с которыми в последнее время верхнесысольцы приходят в более тесное соприкосновение.

[1] См. В. И. Лыткин. Фонетика северно-великорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский, «Материалы и исследования по русской диалектологии», М., 1949, Изд-во АН СССР, т. II, стр. 140, 192.

[2] *Губа* (сев. и зап.) — гриб, особенно съедобный, блица; в этом значении губы противопоставляются поганкам. *Губы ломать* — арх. «итти по грибы» (Даль). Ср. к. *гоб* (гоби-), скр., нв., лл., кб. *гôб* «обабок, губчатый гриб» (обозначает только съедобные грибы, для понятия «гриб вообще» употребляется слово *чак* «гриб»); удм. *губи* «гриб».

Семантическое тождество и закономерность звуковых соответствий между этими севернорусским и коми словами, а также территориальная близость их бытования позволяют считать севернорусское *губы* заимствованием из древнекоми *гоб*.

Обратный порядок заимствования фонетически необъясним. Кроме того, к. *гоб*. и удм. *губи* считают заимствованием из древнечувашского языка (см. ниже).

[3] См. «Материалы и исследования по русской диалектологии», изд. АН СССР, М., 1949, т. II, стр. 157—199.

[4] Наши наблюдения относятся к 1928 г.

Таким образом, о существовании закрытого *ô* в древнем коми языке говорят следующие данные:

1) древнепермский язык, где для этого звука имеется специальная буква, отличающаяся от буквы, обозначающей открытое *о*;

2) верхнесысольский диалект языка коми, сохранивший различие между этими двумя фонемами *о*;

3) коми-язьвинский диалект, где древнепермскому и верхнесысольскому закрытому *ô* соответствует ударяемое *у*, а древнепермскому и верхнесысольскому открытому *о* соответствует тоже открытое *о*;

4) заимствованные слова, попавшие из древнего коми языка в соседние языки и сохранившие прежний звуковой вид (*у* < *ô*).

На основании этих источников мы можем установить, в каких словах была эта фонема закрытого *ô*[1]:

вс. *вôд-*, кя. *вуд-*, ост. д. *вод-* «лечь»; вс. *вôк*, з. *вок* «брат»;

вс. *гôб*, ост. д. *гоб* «гриб, обабок»; вс. *гôз*, ост. д. *гоз* «пара», ср. кя. *гýзйа* «чета»; вс. *гôр* «на спину» (фигура при игре в лодыжки);

вс. *дôзмöк*, кя. *дуз*, ост. д. *доз* «посуда»;

вс. *жôз'мы-*, в., с., л. *жоз'мы-* «прокиснуть»; вс. *жôл'кмунöма* «прокисший»; в., с., л. *жол'кмун-* «прокиснуть»;

вс. *ǯôǯ*, кя. *ǯуǯ*, ост. д. *ǯоǯ* «пол»; вс. *зôр*, ост. д. *зор* «кол, дубина»; вс. з'ôн', кя. з'ун', ост. д. з'он' «целый»;

вс. *йôкуш*, з. *йокыш* «окунь»;

вс. *кôб-*, з. *коб-* «перестать» (про дождь); вс. *кôд*, кя. *куд*, ост. д. *код* «пьяный»; вс. *кôд*: *кôз'улкôд*, нв., скр. *коз'увкот* «муравей»;

вс. *кôд'*, кя. *куд'*, др.-п. *кôйд* [сош.], ост. д. *код'*, *койд* «как» (при сравнении); вс. *кôди*, кя. *кудик*, в. *коди* «кто, который»; вс. *кôз'ыл*, з. *коз'ул-* «звезда»; вс. *кôз'улкôд*, ост. д. *коз'-* «муравей»; вс. *кôй* «охотничья лопатка» (но: кя. *кой*); вс. *кôй-*, ост. д. *кой-* «выливать, выплескивать»; вс. *кôл'-*, кя. *кул'-*, ост. д. *кол'-* «оставить»; вс. *кôл'к*, кя. *кул'к*, ост. д. *кол'к* «яйцо»; вс. *кôл'та*, ост. д. *кол'та* «сноп»; вс. *кôмын*, з. *комын* «тридцать»; вс. кôн'ör, з. *кон'-* «бедняжка»; вс. *кôпрэс'-*, ост. д. *копр-* «кланяться»; вс. *кôра*: *кôра дôд'*, п., с., л. *кора* «обитые корой сани»; вс. *кôрс'а* «веник», кя. *кур* «лист», кя. *курис'* «веник», ост. д. *кор* «лист»; вс. *кôс*, кя. *куск*, ост. д. *кос* «поясница»; вс. *кôс'ал-*, кя. *кус'өлт-*, др.-п. *кôс'-* [ле.], ост. д. *кос'-* «разорвать»; вс. *кôс'кöм*, скр. *кос'кöм* «паровое поле»; вс. *лôв*, кя. *лул*, др.-п. *лôл* [ле.], ост. д. *лол-* «душа»; вс. *лôнтэс'-* «гореть», кя. *лунти-*, ост. д. *лонт-*, *ломт-* «топить (печку)»;

вс. *мôртал* «мерить» (в., с., л. *мурт-*); вс. *мôн'*, кя. *мун'*, ост. д. *мон'* «сноха»;

вс. *нôп*, кя. *нуп*, ост. д. *ноп* «котомка»; вс. *н'ôл'*, кя. *н'ул'*, ост. д. *н'ол'* «четыре»; вс. *н'ôн'*, с., л. *н'он'* «сосок»;

---

[1] Установление особых гласных звуков имеет большое значение для изучения истории гласных в угро-финских языках, поэтому мы приводим более или менее подробный перечень слов, содержащих эти гласные (*ô*, *о*).

вс. *ô* «год», кя. *та-у* «этот год», кя. *ус'а*, п. *ос'а* «яровой хлеб»; з. *во* «год» (скр. *у*: *мӧйм-у* «прошлый год»); вс. *ôж*, з. *вож*, п. *ож* «оглобля»; вс. *ôз*, кя. *уз*, ост. д. *оз* «земляника»; вс. *ôзыр*, ост. д. *озыр* «богатый» (лл. *узыр*); вс. *ôз'* «рано», кя. *уз'з'иг* «раньше», др.-п. *уôз'-*, з. *воз'* (уд. *вӧз'*), п. *оз'* «рано»; вс. *ôз'*, кя. *уз'*, др.-п. *уôз'*, з. *воз'* (уд. *вӧз'*), п. *оз'* «перед»; вс. *ôз'ӧс*, з. *воз'ӧс* (уд. *вӧз'ӧс*), п. *оз'ӧс* «долг, заем»; вс. *ôйдӧрлун*, з. *войд-* «позавчера» (кя. *өд'ө́рлун*, п. *уд'эрлун*); вс. *окал-*, кя. *укал-*, ост. д. *окал-* «целовать»; вс. *ôл'пас'*, кя. *ул'пас'*, з. *вол'-*, п. *ол'-* «постель»; скр. *ол'*: *ув-ол'* «покрывало, подстилка»; вс. *ômол'*, кя. *умөл'*, в. с., л. *омӧл'* «плохой» (п. *умол'*); вс. *ômон*, з. *вом-*, п. *ом-* «поперек»; вс. *ôн*, ост. д. *он* «сон» (сев. *ун*); вс. *ôр-*, кя. *ур-*, з., п. *ор-* «оборваться»; вс. *ôроп*, кя. *урп*, з. *ворп*, п. *орп* «черенок, рукоятка»; вс. *ôрс-*, кя. *урс-*, з. *ворс-*, п. *орс-* «играть»; вс. *ôрт*, скр. нв. *орт* «дух, двойник»; вс. *ôс'та*, кя. *ус'т-* «открытый», з. *вос'т-* (уд. *вӧс'т-*), п. *ос'т-*[1]; вс. *ôстын*: *ӧт ôстын* «на одинаковом расстоянии» (скр., сев., п. *вэс'т-* «прямо против»); вс. *ôт*, з. *от* «ширина» (материи); вс. *ôч'а*, др.-п. *уôз'з'а*, з. *во-* (уд. *вӧ-*), п. *о-* «навстречу»; вс. *ôч'асӧн*, з. *во-* (уд. *вӧ-*) «постепенно»; вс. *ôшкы'-*, кя. *ушки-*, др.-п. *вôшк-* [ле.], ост. д. *ошк-* «хвалить»;

вс. *пôд* «стебель, основание», вс. *пôда* «пеший», кя. *пуд* «нога», кя. *пудөн* «пешком», к. *под*, з. *подӧн*; вс. *пôж*, кя. *пуж*, ост. д. *пож* «решето»; вс. *пôл-*, кя. *пул-*, з., п. *пол-* «бояться»; вс. *пôн*, кя. *пун*, ост. д. *пон* «собака»;

вс. *рôд-*; нв., л. *род-* «стесняться»; вс. *рôз'*, с., кч. *роз'* «дыра» (сев. *руз'*); вс. *рôй*, скр., сев. *рой* «древесный мох»; вс. *рôч'*, зп. *роч'*, кя. *руч'* «русский»;

вс. *с'ô*, ост. д. *с'о* «сто»; вс. *сôд-*, кя. *суд-*, ост. д. *сод-* «прибывать»; вс. *соз'*, ост. д. *соз'* «пригоршня»; вс. *сôй*, ост. д. *сой* «рука выше кисти»; вс. *с'ôй-*, кя. *с'уй-*, др.-п. *с'ôй-*, ост. д. *с'ой-* «есть»; вс. *сôл*, кя. *сул*, ост. д. *сол-* «соль»; вс. *с'ôр*, ост. д. *с'ор* «шест»; вс. *сôрит-*, вв. *сорит-* «наговаривать»; вс. *сôс*, кя. *сус*, ост. д. *сос* «рукав»; вс. *сôс'с'-*, кя. *сус'ки-*, с., л. *сос'с'ы-* (сев., п. *сус'с'ы-*) «не признаваться, отрицать»; вс. *с'ôӧд-*, кя. *с'уд-*, скр. *с'оӧд-*, л., и., нв. *с'од-* «дать корм скоту»;

вс. *тôм*, кя. *тум*, ост. д. *том* «молодой»; вс. *тôр*, ост. д. *тор* «кусок, вещь»; вс. *тôш*, кя. *туш*, ост. д. *тош* «борода»;

вс. *ч'ож*, лл., п. *ч'ож* «быстрый»; вс. *ч'ôм*, кя. *ч'ум*, др.-п. *ч'ôм*, ост. д. *ч'ом* «шалаш»; вс. *ч'ôрыд*, кя. *ч'урөт*, др.-п. *ч'ôрыд* [ле.], в., с. *ч'орыд*, п. *чорыт* «твердый»;

вс. *шôбди*, кя. *шугди*, с., в. *шобди*, п. *шогди* «пшеница»; вс. *шôй*, с., л., кч. *шой* «труп» (в., иж. *шуй*); вс. *шôром*, с., л., кч. *с'орӧм*, «скирда».

---

[1] При сопоставлении слов мы для краткости (чтобы не перечислять в с е диалектные фонетические разновидности) иногда приводим только ту часть слова, которая представляет интерес при рассмотрении данного звукового явления, например, з. *во-* вм. *воч'а*, *воз'ч'а*, *воч'ч'а*. Русский перевод в этом случае относится к первому слову, приведенному полностью. Из диалектов мы приводим лишь то, что является необходимым для выяснения качества данного звука.

В следующих словах на закрытое *ô* указывает только коми-язьвинский диалект, в котором мы видим ударяемое *у* там, где в остальных коми диалектах стоит открытое *о* (соответствующих слов верхнесысольского диалекта в моем распоряжении нет):

кя. *вуч'-*, нв. *воч'-* «чинить»; кя. *вун*, п. *вон* «брат»; кя. *вун'* «веревка, пояс плетеный», нв. *вон'*, скр. *вӧн'* «пояс, подвязка» и т. д.; кя. *вут* «налог», с., в. *вот*;

кя. *гурѳлт-* «рявкнуть, крикнуть», с., в. *горӧд-* и т. д.; кя. *гурзи-* «плакать, реветь», с., в. *горзы-* и т. д.; кя. *гурз'ѳт-* «отрыгать», с., в. *горз'ӧд-* и т. д.

кя. *жуп'*, в., л., с. *жон'* «зяблик»;

кя. *кул'* «шишка», с., в. *кол'* и т. д.; кя. *кумиз'* «трава лука, зеленый лук», п. *комиз'* [Вид.];

кя. *мул'и*: *тѳр-мул'и* «клюква», нв. *мол'* «пуговка, шарик»; кя. *муш*: *мал'а-муш* «пчела», п. *мош* (впрочем, также кя. *мош*);

кя. *нум* «комар», ост. д. *ном*; кя. *нурас'-* «жаловаться», с., в. *норас'-* и т. д.; кя. *н'ужтѳм* «некрасивый», п. *н'ожтӧм*;

кя. *пус* «мост», с., в. *пос* и т. д.;

кя. *рус* «прутик», нв. *рос* то же, скр. *рос* «голик»;

кя. *ус'кѳл* «шаг», скр., нв. *вос'ков*;

кя. *шум* «уголь», с., в. *шом* и т. д;

В приведенных словах верхнесысольскому *ô*, коми-язьвинскому *у* и древнепермскому *ô* в других диалектах языка коми соответствует открытое *о*.

Лишь иногда, в некоторых диалектах языка коми, мы имеем вместо *о* — *у* или *ӧ*, например: лл. *узыр*, вс. *ôзыр*; п. *умӧл'*, вс. *ôмӧл'*; сев. *ун*, вс. *ôн*; п. *уд'эр-лун*, вс. *ôйдӧр-лун*; сев. *руз'*, вс. *рôз'*; сев., п. *сус'с'ы*, вс. *сôс'с'ы*; в., иж. *шуй*, вс. *шôй*; уд. *вӧз'*, вс. *ôз'*; уд. *вӧз'ӧс*, вс. *ôз'ӧс*; уд. *вӧс'т-*, вс. *ôс'т-*; уд. *вӧйт'ч'а*, вс. *ôч'а*. Если *у* вместо вс. *ô*[1] встречается (правда, очень редко) в разных диалектах зырянского и пермяцкого языков, то *ӧ* мы имеем исключительно в удорском диалекте и притом только вместо начального верхнесысольского *ô* — в виде *вӧ-*.

Наличие особой фонемы закрытого *ô* в верхнесысольском диалекте и древнепермском языке, последовательное соответствие этому *ô* ударяемого *у* в коми-язьвинском диалекте — все это заставляет предполагать существование особой фонемы (отличавшейся от обыкновенного открытого *о*) еще в общекоми языке-основе.

Наряду с закрытым *ô* в языке коми издревле существовало и открытое *о*, которое появляется во всех современных диалектах (в том числе и в верхнесысольском и коми-язьвинском) в виде обыкновенного *о*, а в древнепермском письме обозначалось особой буквой.

---

[1] Это чередование *у* — *о* по диалектам объясняется вовсе не «праязыковым» чередованием, а двояким рефлексом древнего **ô*.

Примеры: кя., вс. *бол'*: *ва-бол'* «пузырь»[1]; кя., вс., др.-п. *бос'т-* «взять»; вс. *бобö* ласкательное слово (ср. русское «голубчик»); кя. *борд* «крыло, плавник»; кя., вс. *вол'-* «сдирать кору деревьев»; вс., др.-п. *во-* «приходить»; кя. *вож* «разветвление у вил», «хребет (Урала)»; кя., нв. *волал-*, скр. *вöлал-* «тесать ножом»; кб. *вомыз'* «сглаз», др.-п. *вомыз'ас'-* [ле., 65], «удивляться», кя. *вомз'ал-* «сглазить»; кя. *вомөд* «фарватер»; кя. *вот*: *ч'эран'-вот* «паутина»; кя. *вошгис'-* «деваться»; др.-п. *вормöдч'ы-* ц.-сл. «провещевать», ср. скр. *кыв-вор* «дар речи»;

кя. *гогөт* «скобель»; вс. *гожöм*, кя. *гожөм* «лето»; кя., вс. *горт* «дом»; кя. *гор* «печка»; кя. *гормөг* «стручковый перец»; кя. *горш* «горло»; кя. *гос* «жир»; кя. *гора* «голос»;

кя. *дозмөр* «глухарь»; кя. *дой* «фурункул»; кя. *дом* «привязь»; вс., кя. *дон* «цена»; вс., кя., др.-п. *дор-* «около, у, при (послелог)»; кя. *дор-* «ковать»; кя. *дорөш* «край, ребро»;

кя. *зон* «сын»; кя. *з'ориз'* «незрелая» (про ягоду); кя. *йог* «сор»; кя. *йон* «сильный»; кя. *йорт* «товарищ»; кя. *йос'ты-* «сузить верх стога, очи нить карандаш» (но: вс. *йôс'* «острый»);

кя. *коба* «прялка (ручная)»; кя. *кодөм* «колодец»; кя. *кодөр* «когда»; кя. *кой* (но: вс. *кôй*) «охотничья лопатка»; кя., вс. *кок* «нога»; вс., кя. *кокн'и* «легкий»; кя., вс. *кол-* «быть нужным»; кя. *коз'-* «кастрировать»; кя. *колас* «промежуток»; кя. *кол'ми-* «угореть»; вс., кя. *коми* «самоназвание коми»; кя. *ком угөл* «часть избы перед печкой»; кя. *комөт* «промежуток времени, во время чего-нибудь»; кя., вс. *кор-* «просить, звать»; кя. *кост* «промежуток»; вс. *котöрт-*, кя. *котөрт-* «бежать»; кя. *коч'өгйөз* «колики (в боку колет)»; кя. *кошйи-* «искать»;

кя. *лоб-* «головка (лопасть) прялки»; др.-п. *лô-*, кя., л. *ло-* ~ *лу-* «быть»; кя., др.-п. *лой-* «месить»; вс., кя. др.-п. *локт-* «приходить»; кя. *лоп* «селезенка»; кя. *л'ока* «весьма, очень»;

кя. *мод'* «сказка», вс. *мойданкыв* «загадка»; вс., кя. *мог* «дело»; кя. *морөс* «грудь»; вс., кя. *морт* «человек»;

кя. *нод'йа* «вид костра»; кя. *ной* «сукно»; вс., кя., др.-п. *нолл-* «носить»; кя. *норт* «длинные охотничьи салазки»; кя. *нот-* «вести, тащить»; кя. *н'окөрч'ч'и-* «поклониться»;

кя., вс. *ог*, *он*, *оз* и т. д. «я, ты, он и т. д. не (сделал чего-нибудь)» кя., вс. *ол-* «жить»; кя. *ордлө* «ребро»; кя., др.-п. *орд-* «к, вблизи, у (послелог)»; кя. *отсал-*, вс. *олтсал-* «помогать»; кя., вс. *ош* «медведь»;

кя. *поз* «гнездо»; кя. *поз'ө* «можно»; кя. *пол'ит* «гладкий»; вс., кя. *пон* «конец»; вс., кя., др.-п. *понд-* «начать»; кя. *понда* «из-за, за (послелог)»; кя. *порс'* «свинья»; кя. *посн'ит* «мелкий»; кя. *пот-* «лопнуть»; кя., вс. *поч* «жердь»; кя. *рон'жа* «вид птицы»;

---

[1] Мы приводим примеры только из древнепермского языка, верхнесысольского и коми-язьвинского диалектов, т. е. из тех источников, где различие между двумя древними *о* сохранилось. В остальных диалектах языка коми в этих словах стоит тоже открытое *о*.

кя. *согра* «болотистый лес»; кя. *сой* «сестра»; кя. *сорөт-* «мешать, размешать»; кя. *сорс* «гребешок (у птицы)»; кя. *сот-* «жечь»; вс. *соч'* «сестра», кя. *с'орд пөлат'* «задние полати» (ср. скр. *с'орд*, *с'оорд* «лес за деревней»); кя. *с'орн'и* «разговор»; кя. *с'оркн'и* «репа»;

кя. *торк* «плохой сорт кудели»; кя. *ч'ож* «дядя по матери», кя. *ч'ол'ка* «вьюнок (насекомое, живущее в луже)»; кя. *ч'от-* «хромать»; кя. *ч'оч'көм «белый»*;

кя. *шог* «печаль, болезнь»; кя. *шогми-* «удаваться»; кя. *шонди* «солнце»; кя. *шор* «ручей»; вс. *шоныд*, кя. *шонөт* «тепло».

2. Закрытое *ӧ*

Весьма возможно, что в древнекоми речи, наряду с двумя *о*, существовали и два *ӧ* (открытое и закрытое). Коми-язьвинский диалект дает некоторое основание предполагать существование в общекоми языке таких двух *о*. В этом диалекте, наряду с *ӧ* (огубленный гласный среднего ряда среднего подъема), имеется более узкое *ӧ*, которое мы обозначаем условно через *ӱ*. Фонема *ӱ* — это огубленный гласный среднего ряда, верхнего подъема, вроде лабиализованного *ы*.

Коми-язьвинское *ӱ* встречается как под ударением, так и в безударном положении, однако в безударном положении этот звук мы находим в определенных фонетических условиях (перед палатальным согласным). Поскольку в безударном положении перед палатальным согласным заднерядное *у* вовсе не встречается (см. ниже), постольку мы имеем возможность предположить, что безударное заднерядное *у* перед палатальным согласным перешло в среднерядное *ӱ*, и допустить, таким образом, существование в древнекоми языке только у д а р я е м о г о среднерядного *ӱ*.

Этому ударяемому коми-язьвинскому *ӱ* в других диалектах языка коми обычно соответствуют гласные среднего ряда (*ӧ*, *о*) и лишь иногда, в особых фонетических условиях (см. ниже), мы находим узкие гласные (*у*, *ы*, *и*).

П р и м е р ы: кя. *бӱж*, ост. д. *бӧж* «хвост»; кя. *вӱр*, ост. д. *вӧр* «лес»; кя. *лӱз*, ост. д. *лӧз* «синий» и т. д.; кя. *кӱз*, п. *кӧз*, вс. *кӧз*, ост. д. *коз* «ель»; кя. *кӱс*, п. *кӧс*, вс. *кӧс*, ост. д. *кос* «сухой»; кя. *ӱм*, п. *ӧм*, уд. *вӧм*, вс. *ӧм*, ост. д. *вом* «рот» и т. д.

В языке древнепермских письмен, повидимому, уже не было закрытого огубленного среднерядного *ӱ*. Об этом можно говорить не только потому, что Стефан Пермский не придумал особой буквы для этого звука (он не придумал особой буквы и для *ӧ*), но и потому, что те древнепермские слова, в которых в коми-язьвинском диалекте стоит *ӱ*, в своей огласовке в общем соответствуют современным коми-зырянским словам: ср. др.-п. *туй*, кя. *тӱй*, совр. коми *туй* «дорога»; др.-п. *тол* (читаем *тӧл*), совр. коми *тӧл-*, кя. *тӱл* «ветер»; др. -п. *тожды-* (читаем *тӧжды-*), кя. *тӱжды-*, ост. д. *тӧжды-* «заботиться, печалиться»; др.-п. *войтыр* (может быть, *вӧйтыр* или *вӧйтыр*), кя. *ут'өр*, в. *войтыр* «народ»; др.-п. *порйас'-*

(читаем *пӧрйас'-*), кя. *пӱрйал-*, ост. д. *пӧрйал-* «обманывать»; др.-п. *кожин* (можно читать *коз'ин*, *кӧз'ин*), кя. *кӱз'ин*, вс. *кӧз'ын*, вс., л. *коз'ин* «подарок»; др.-п. *пӧлтос* «дух», кя. *пӱлс'и-*, с., в. *пылс'ы-* «париться в бане».

Сказать определенно, что в древнепермском языке уже не было *ӱ*, очень трудно, так как памятники письменности не предоставляют достоверных данных о произношении слов, где можно ожидать *ӱ*.

Хантыйские заимствования из древнекоми языка указывают только на то, что в оригинале стоял узкий гласный звук: хант. *i̯šəп* < к., ср. кя. *ӱшӧн* «окно»; хант. *tü̯ɪəs* < к., ср. кя. *тӱйис* «бурак» (посуда из бересты); хант. *tuj̯d* < к. **дӱйд*, ср. кя. *дӱд'*, сев. *дойд* «сани»; хант. *yi̯*, *s'ɪйi̯* < к., ср. кя. *с'ӱй-* «сунуть».

Впрочем в коми-язьвинских словах *тӱйис* и *с'ӱй-* среднерядное *ӱ* могло получиться из заднерядного *ы* под влиянием последующего палатального согласного (см. ниже).

Открытому *ӧ* коми-язьвинского диалекта мы видим совершенно иное соответствие в других диалектах языка коми, чем кя. *ӱ*:

кя. *бӧр* «задняя часть чего-либо» — ост. д. *бӧр*; кя. *дӧра* «холст» — ост. д. *дӧра* (л. *дəра*); кя. *гӧг* «пуп» — ост. д. *гӧг*; кя. *гӧгӧр* «кругом» — ост. д. *гӧгӧр*; кя. *гӧн* «волос» — ост. д. *гӧн*; кя. *гӧп* «яма» — ост. д. *гӧп*; кя. *гӧрд* «красный» — ост. д. *гӧрд*; кя. *гӧр* «соха» — ост. д. *гӧр;* кя. *гӧрдли-* «ржать», ост. д. *гӧрдл-*; кя. *гӧрз'з'и-* «вязать» — ост. д. *гӧрз'з'ал-*; кя. *гӧтӧр* «жена» — ост. д. *гӧтыр* (с фонетическими вариантами во 2-м слоге); кя. *йӧкти-* «плясать» — ост. д. *йӧкты-* (с фонетическими вариантами во 2-м слоге); кя. *йӧл* «молоко» — ост. д. *йӧл-*; кя. *йӧн* «осот» — ост. д. *йӧн;* кя. *йӧрт-* «запереть» — ост. д. *йӧрт-*; кя. *йӧрнӧс* «рубашка» — п. *йӧрнӧс*, *йəрнӧс*, лл. *йӧрдӧс*; кя. *йӧз-ай* «тесть, свекор», ост. д. *йӧз* «чужой» (*ай* «отец»); кя. *кӧин* «волк» — ост. д. *кӧин*; кя. *кӧк* «кукушка» — ост. д. *кӧк*; кя. *кӧсйи-* «желать» — ост. д. *кӧсйы-*; кя. *кӧт-* «заместить» — ост. д. *кӧт-*; кя. *кӧтас'-* «мокнуть» — ост. д. *кӧтас'-* и т. д. (*вӧл*[1] «лошадь», *вӧл-* «быть», *вӧт-* «догонять», *вӧйт-* «топить», *кӧл-* «веревка», *кӧлт-* «бродить бреднем», *кӧм* «башмак», *кӧнтус'* «конопля», *кӧриш* «лепешка», *лӧг* «сердитый», *лӧс'вт* «приятный», *лӧн'* «тихий», *мӧйму* «прошлый год», *мӧс* «корова», *н'ӧб-* «купить», *нӧрвс* «холм», *ӧгвр* «уголь», *ӧзйи-* «загореться», *ӧкти-* «собирать», *ӧни* «теперь», *ӧлт-* «махать», л. *ӧлӧз'* «подол», *ӧтвр* «та сторона», *ӧтик* «один», *ӧш-* «вешать», *ӧшка* «бык», *пӧдлал-* «закрыть», *пӧим* «зола», *пӧк* «икра», *пӧл-* «один из пары», *пӧл'т-* «дуть», *пӧртч'-* «раздеть», *пӧрис'* «старый», *пӧт* «сытый», *рӧж* «челнок для вязания сетей», *рӧм* «цвет, оттенок», *сӧз'* «чистый», *сӧлт-* «наложить», *сӧп* «желчь», *с'ӧквт* «тяжелый», п. *с'ӧктал-* «чинить лапти», *с'ӧла* «рябчик», *с'ӧлал-* «плевать», *с'ӧлвм* «сердце», *с'ӧрис'* «с собой», *тӧб-* «свернуть, завернуть», *тӧл* «зима», *тӧд-* «знать», *тӧлис'* «месяц», с. *тӧнлун* «вчера», *тӧр-* «вместиться», *чӧкти-* «велеть», *ч'ӧл* «тихий», *ч'ӧлт-* «сбросить», *ч'ӧрс* «веретено»,

[1] Приводятся слова со звуком *ӧ*, встречающиеся в коми-язьвинском; слова, взятые из других диалектов, отмечены соответствующим обозначением.

ч'ӧс «западня», *ч'ӧскӧт* «вкусный», *чӧч* «вместе», *чӧчкӧрт-* «подравнять», *шӧр* «середина», *шӧрал-* «кроить», *шӧрт* «пряжка», *шӧт-* «класть в овин снопы»).

3. Закрытое э̂

О существовании двух *э* (закрытого и открытого) свидетельствуют:

1) восточнокамский диалект, где в некоторых случаях вместо обычного коми *э* появляется ударяемое *и*;

2) древнепермский язык, где современное коми *э* передается двумя буквами: *э* и *ѣ*; «ять» обычно встречается в тех словах, где в коми-язьвинском наблюдается *и*.

Примеры на соответствие кя. *и*, др.-п. *ѣ* и ост. д. *э*:

др.-п. *бѣр* [леп. 109, 114], *бер* [е., 109, 114] «весь, всякий, все»; лл., кч. *бэрс'ама*, кч. *бэрс'а* «всякий, всяческий», вым. *бэр* «много, довольно много»;

кя. *кижӧ* «на, к» (о времени), др.-п. *ложыд кѣжъ* [ле., 71, 73] «на воскрешение» (в ц.-сл. тексте «в воскрешение»), *панывъ кѣжъ* [е., 35], *панывъ кежъ* [леп., 35] «навстречу, для встречи» (в ц.-сл. тексте «в сретение») — скр. *толыс' кэжӧ* «на месяц», *вэк кэжӧ* «навеки» и т. д.;

кя. *киж-* «уклоняться», др.-п. *кѣжидныд* [тр., 4] «вы уклонились, свернули с дороги»; к. *кэж-* «сторониться, сворачивать с дороги, чтобы пропустить прохожего (проезжего), заезжать, завернуть». Может быть, первоначальное значение слова *кэж-* было «ждать, ожидать, подождать». В этом случае нужно сюда отнести др.-п. *кѣжтӧмыш* [сош., 2] «неожиданно», *кѣжаламъ* [ле., 143] «ожидаю чаю», *кѣжашанъ* [е., 15], *кежашанъ* [леп., 15] «надежда, упование»;

кя. *лич'ч'и-* «спуститься», др.-п. *лѣтчас* [е., 28], *лѣчтас* [леп., 28] < *лѣтчасъ*, *летчомъ* [ле., 120]; к. *лэтч'ы-* (с диалектными фонетическими вариантами во 2-м слоге);

др.-п. *нѣм-* [е., 37, 48, 145], *нем-* [леп., 37, 48, 145; ле., 114] «век»; скр., уд. *нэм*, нв., иж. *н'эм* «век, вся жизнь»;

др.-п. *рѣгыд* (тр., 6) «скоро, быстро»; скр., нв. *рэгыд*;

др.-п. *вѣл-* (сош., 2), *вел-* (ле., 28, 108, 120, 127, 152, 178, 183, 199) «небо» — с., п., лл. *вэл-* «верх»; в коми-язьвинском нет примера на этот случай, а кя. *вӧл-* «верх» сюда не относится, так как этому слову соответствует обычное *выл-*;

др.-п. *вѣлмос(ш)ис* [тр., 1], *вѣлмосшис* [сош., 5], *юермошьшiнь* [е., 204], *юермошшинь* [леп., 204], *юелмоштинъ* (л., 210) «явился»; скр., печ., нв. *вэмӧс*, лл., вс., кч. *вэлмӧс* «явь»;

кя. *виж* «желтый, зеленый», др.-п. *вѣж(а)* (сош., 8), *вежа-* [ле., 4, 5, 7, 102, 103, 121, 135, 140, 150, 180, 195] «святой»; п., кб. *вэж* «зелень, зеленый, желтый», нв. «пожелтевшая от отсутствия света зелень»; скр., нв., л., п. «неспелый», нв. «светлый, блеклый»; нв. *вэж йурс'иа* «светловолосый», скр. *вэж ор* «желтый гной», скр. *вэ ж йэ̆ыд* «бело-бело»; наряду с этим скр., иж., лл., крч., кч. *виж* «желтый, зеленый»; скр. *турун виж* «зеле-

ный» (*турун* «трава»), скр. *кол'к виж* «желтый» (*кол'к* «яйцо»). Значение этих двух слов (*вэж*, *виж*) в большинстве коми диалектов не дифференцировано, но у *вэж*, безусловно, имеется, помимо семантики цвета, еще значение «светлый»; поэтому можно согласиться с Г. С. Лыткиным[1], производящим слово *вэжа* «святой» от слова *вэж*.

Впрочем возможна и другая этимология: ср. кя. *туй-виж*, скр. *туй-вэж* «перекресток дороги» значит кя. *виж*, скр. *вэж* «крест»; ср. в., с. *вэж-ай*, кя. *вижай* «крестный отец», с., в. *вэж-ан'* «крестная мать», скр. *вэжа ва* «освященная вода» (*вэ̂жса* первоначально должно было обозначать «крестный, крестом освященный»).

Как показывают вышеприведенные примеры, буква «ять» в древнепермских текстах встречается не всегда последовательно; это говорит о том, что закрытое *э̂* начинало в древнепермском языке уже утрачиваться, отождествляясь с открытым *э*. Что «ять» действительно обозначало особую фонему, говорит то обстоятельство, что в коми-язьвинском диалекте «ятю» соответствует ударяемое *и* (за исключением одного слова с начальным *ѣ — ѣн*), тогда как древнепермскому открытому *э* всегда соответствует в коми-язьвинском диалекте *э*. Это можно видеть из следующих примеров:

кя. *лэбал-* «летать», др.-п. *лебат-* (ле., 36) «воздух», з. *лэб-* «лететь»;

кя. *мэ* «я», др.-п. *мэн-* [кылд., ле., 79, 45, 77]; к. *мэ-*, *мэн-* — основы личного местоимения 1 л. ед. ч.;

кя. *мэд* «наи-», др.-п. *мэд: мэд-ал* [тр., 2] «благодать», буквально «наиучтивость, наисмирение»; в других коми диалектах: *мэд*, *мэдс'а* «наи-, самый»; первоначальное значение *мэд* «весь, все»; *мэд-с'а* (*с'а* — сравнительный суффикс) «всех, чем все»;

кя. *йэски-* «верить», др.-п. *эскы-*, лет. *эскы-*;

кя. *мэзди-* «разнять (спорящих), освободить», др.-п. *мэзӧс* [ле., 2, 3, 20, 21, 25, 29, 36, 41, 81, 83, 84, 99, 110, 148, 151, 154, 160, 195, 176, 177, 194, 198, 201, 203; е., 39] «спаситель»; к. *мэз-ды-* «освободить», *мэз-мы-* «освободиться»;

кя. *пэт-* «выйти, выходить», др.-п. *пэт-* [ле., 69, 134], зп. *пэт-*;

кя. *с'эт-* «дать», др.-п. *ш'эт-* [тр. 6, сош., 10, леп., 59], *с'эт-* [е., 59, ле., 185], зп. *с'эт-*;

кя. *тэ* «ты», др.-п. *тэ-*, *тэн-* [тр., 3; е., 39; ле., 101, 175, 180, 195, 203, 213, и т. д.], зп. *тэ-*, *тэн-*;

кя. *тэрмӧт-* «торопить», др.-п. *тэрмӧдш'и* [тр., 5] «поторопись, поспеши», зп. *тэрмас'-*;

кя. *вэрми-* «преодолеть, победить», др.-п. *вэрмы-* [ле., 74] «мочь», зп. *вэрмы-* «мочь, одолеть, побороть»;

кя. *вэс'кӧт* «прямой, правый», др.-п. *вэс'-* (ле., 77, 149, 43, 51) «праведный, справедливый, истинный», п., с., нв. *вэс'кыд* «прямой, правый».

---

[1] Г. С. Лыткин. Зырянский край, СПб., 1889.

В приведенных выше словах следует предположить существование открытого *э*.

На основании того же коми-язьвинского диалекта можно предполагать открытое *э* и в следующих словах: *бэд'* «палка», *бэрдӧн* «у, при», *бэргӧт-* «вертеть, повернуть», *вэкн'ит* «узкий», *вэрд-* «кормить», *вэрз'имӧн* «верхом», *вэс'кӧт-* «направить», *вэс'* «напрасно», *вэшйи-* «подвинуться», *эстӧн* «там», *эта* «этот», *жэл'* «заноза», *ӟэк* «обрубок дерева», *зэлӧт* «тесный», *зер* «дождь», *з'эскӧт* «тесный», *кэл'ди-* «бледнеть», *кэр* «бревно», *кэр-* «делать»,- *кэрал-* «рубить», *кэсли-* «точить», *лэпти-* «поднять», *лэч'* «ловушка», *лэч'ӧт* «острый», *л'эмӧт-* «клеить», *н'эр-* «дразнить», *н'эрӧт* «железá», *н'эссӧт-* «чихать», *пэл* «большой палец», *пэрна* «крест», *пэслал-* «стирать», *пэрта* «быстро», *пэч'ик* «щелчок», *пэч'кӧлт-* «прясть», *пэш-* «зажигать», *сэрп* «нечистый, поганый», *сэтӧр* «смородина», *с'эрал-* «смеяться», *с'эрмӧт* «узда», *тэс'* «толокно», *тэл'* «густой кустарник», *тэч'* «складывать», *ч'эпл'ал* «щипать», *ч'эри* «рыба», *ч'эч'ч'и-* «вставать», *шэбрас* «покрывало, одеяло», *шэг* «лодыжка», *шэрдин* «лоток» и др.

Нужно считать первоначальным открытое *э* также в следующих словах древнепермского языка, хотя в коми-язьвинском диалекте нет соответствующих им слов: *вэр* [тр., 3, 4, 6] «раб», *вэрӧс* [тр. 1] «мужчина» — с. скр. *вэрӧс* «муж»; *кэлм-* «молить»; *мэд* [тр., 3, 4; ле., 179, 180, 181] — к. з. *мэд* «пусть».

Особо надо остановиться на закрытом *э* в начале слова: кя. *ич*: *ичӧн* «по, сообразно», кч. *йэч*—частица (*мый-йэч* «сколько-то»), в., с. *эчӧн* «подобно, как» (при сравнении действия, уменья, ловкости); с., в. *эч* — частица; крч., ок. *эч* «сила, мощь», крч., нв. «приличие»; нв. «уменье, искусство, мастерство, способность»; Вид. «сила, ловкость, проворность»; др.-п. *йэч*: *оти ечъ аискотъ* [е., 117], *ечь* [леп., 117] букв. «одного достоинства с отцом»;

кя. *ича* «мало», п. *йэча*, з. *эча*;

кя. *иг*, *ин*, *из*, *игӧ*, *идӧ*, *из*; *ин*! *идӧ*! — отрицательный глагол в прош. вр. и в повелительном накл., с., п., лл. вв., печ. *эг*, *эн* и т. д., сев. *иг*, *ин* и т. д., др.-п. *ин*;

кя. *им* «есть, имеется», скр., печ., п. л., *эм*;

кя. *им* «иголка», ост. д. *йэм*;

кя. *ин'* «женщина», скр., с. *эн'* «самка» и «мать» в выражении *эн'а-ныла* «мать с дочкой»; *ин'* «самка, жена» п., «женщина» п., крч., иж.; др.-п. *ин'* «мать»;

др.-п. *инэлт* [ле., 186, 187] «оставить», п. *йэнӧвт*, скр. нв. *эновт*;

кя. *ижа* «дерн», п. *йэжа*, з. *эжа* «дерн», иж. *эж* «поверхность ч.-л.», лет. *пас'-эж*, скр., с., л. *пас'-эжӧд* «верх шубы», др.-п. *йэж*: *йя-ежъ-семъ* [е., 121], *ия-еж-семъ* [леп., 121] «воплотившийся», букв. «облекшийся в телесный покров».

В этих примерах первоначальное закрытое *э̂* отражается очень разнообразно. Повидимому, существовало чередование закрытого *э̂* с *йэ̂*, а также *э̂* с *и*.

Чередование *йэ̂* (с закрытым *э̂*) с *йи* можно предполагать в одном случае: кя. *ит-* «соединять, связывать», скр., нв., п. *йит-*, лл., иж., уд., вым. *йыт-*, др.-п. *йэт-*: *отиетосъ* [е., 104], *отіетосъ* [леп., 104], букв. «воедино соединенный».

Древнекоми закрытое *э̂*, повидимому, по качеству стояло близко к древнерусскому «ять»: не случайно для обозначения древнепермского закрытого *э̂* была заимствована из русского алфавита буква «ять».

В отношении времени исчезновения закрытого *э̂* можно сказать лишь то, что в древнепермском языке стефановского периода оно еще существовало, ибо в ранних памятниках древнепермской письменности [тр., сош. — XV в., кылд. — 1510 г.] буква «ять» употребляется последовательно, например: *рѣгыд* «скоро» [тр., 6], *кѣж-* «ждать» [тр., 4], *кѣжтӧмыш* «внезапно» [сош., 2], *вѣллиш* «с неба» [сош., 2], *вѣлмӧсш'ис* «явился» [тр., 1; сош., 5], *вѣжа* «святой» [сош., 8]. В лепехинско-евгениевских текстах, которые подверглись многократной переписке представителями разных диалектов XV—XVII вв., буква «ять» уже смешивается с буквой *э*, например: *кѣжаш'ан* [е., 15], *кэжаш'ан* [леп., 15], *кѣжаламъ* [ле., 143] «надежда»; *кѣж* [е., 35], *кэж* [леп., 35] «к» — послелог; *вэл* [ле., 28] «верх»; *лѣтч'-* [ле., 28], *лэтч'-* [ле., 120] «спуститься»; *вэлмош'ш'-* [ле., 204, 210] «явиться»; *бѣр* [леп., 109, 114], *бэр* [е., 109, 114] «всякий»; *нѣм-* [е., 37, 48, 145], *нэм-* [леп., 37, 48, 145; ле., 114] «век».

Таким образом, в древнепермском языке закрытое *э̂* исчезло к XVI—XVII вв.

Выводы: 1. В общекоми языке-основе, наряду с открытыми *о*, *ӧ*, *э*, существовали соответствующие закрытые гласные.

2. Можно с полной уверенностью утверждать, что из трех закрытых фонем две закрытые *о̂* и *э̂* еще имелись в ранних памятниках древнепермского языка [тр., сош., кылд.— XV—XVI вв.], где они обозначались особыми буквами: закрытое *о̂* — через «вой», а закрытое *э̂* — через «ять». В лепехинско-евгениевских текстах, которые представляют собой стефановский перевод, переписанный во второй половине XVII в. с древнепермского алфавита на русский, буква «ять» уже смешивается с буквой *э*, а закрытое *о̂* не находит отражения из-за отсутствия в русском алфавите особой буквы для этого звука, если не считать смешения русских букв *е* и *о* (объяснимого только сходством древнепермских букв «вой» и *э*), наблюдаемого в тех словах, где должно было быть закрытое *о̂*. Что касается третьего закрытого гласного — закрытого *ӧ* (*ӱ*), то нужно сказать, что оно в древнепермских памятниках не находит никакого отражения, ибо в стефановской азбуке не было особой буквы не только для обозначения закрытого *ӧ*, но и для передачи обыкновенного открытого *ӧ* — оба эти звука передавались через ту же букву, что и открытое *о*.

3. Закрытое *о̂* сохранилось до сих пор в верхнесысольском диалекте языка коми, представляющем собой окраинный диалект, отделенный

расстоянием в 40 км от соседнего среднесысольского говора (это верхнесысольское закрытое *ô* восходит не только к общекоми закрытому *ô*, но и к закрытому *ӧ*). Закрытое *ӧ*, обозначаемое нами через *ӱ*, сохранилось в коми-язьвинском диалекте, представляющем собой совершенно изолированный диалект, расположенный в глухом уголке Красновишерского района Молотовской области. В этом коми-язьвинском диалекте мы имеем рефлексы и двух остальных закрытых гласных: закрытое *ô* здесь передается через ударяемое *ы*, а закрытое *ê* — через ударяемое *и*.

4. В других диалектах языка коми эти закрытые гласные фонемы слились с открытыми: закрытое *ô* — с открытым *о*, закрытое *ê* — с открытым *э* и закрытое *ӧ* — с гласными среднего подъема *ӧ*, *о*. Исчезновение этих закрытых фонем нужно приурочить ко времени образования зырянской и пермяцкой разновидностей языка коми. Это явление происходило в XV — XVII вв. в вычегодско-сысольском крае и Прикамье путем концентрации разных диалектов, обусловливавшейся экономической и политической концентрацией говорящих на этих диалектах.

III. О ВОКАЛИЗМЕ КОМИ-ЯЗЬВИНСКОГО ДИАЛЕКТА[1]

Система гласных диалекта язьвинских коми представляет исключительный интерес. Она коренным образом отличается от вокализма прочих диалектов языка коми, как зырянских, так и пермяцких. Это отличие выражается главным образом: 1) в составе гласных фонем и 2) в ударении. Остановимся более подробно на этих двух моментах коми-язьвинского вокализма.

1. Состав гласных фонем

В коми-язьвинском диалекте имеются следующие восемь гласных фонем: *а*, *о*, *э*, *ӧ*, *и*, *ӱ*, *ы*, *е*. Все они выступают как звуки-смыслоразличители, т. е. являются фонемами. Примеры: *тӧл* «зима», *тӱл* «ве-

[1] Язьвинские коми живут по среднему и верхнему течению р. Язьвы, южного притока р. Вишеры, являющейся в свою очередь левым притоком р. Камы. 54 деревни, занимаемые коми-язьвинцами и входящие в состав 6 сельсоветов (Бычинского, Тимино-Бельковского, Верхнеязьвинского, Талавольского, Антипинского и Ваньковского), составляют Верхнеязьвинский куст Красновишерского района Молотовской области. На коми-язьвинском диалекте говорят около 5 тыс. человек. Большинство взрослого населения двуязычно (наряду с родным языком часто слышна и русская речь).

Коми-язьвинцы, отделенные уже в течение нескольких веков от остальных коми пространством свыше сотни километров, живут совершенно обособленно. Этот диалект нами изучался летом 1949—1952 г. совместно со старшим научным сотрудником Чкаловского областного краеведческого музея С. А. Поповым. См. также В. И. Лыткин и С. А. Попов. Язьвинские коми. «Советская этнография», 1950, № 4.

тер», *тул* «гвоздь, клин», *төл* «перо (птичье)»; *йу* «река», *йӱ* «лед»; *тар* «тетерев», *төр* «полный»; *с'уй* «ешь», *с'ӱй* «глина»; *пӧл* «один из пары», *пӱл* «доска», *пул* «бойся» и «брусника», *пэл* «большой палец»; *пон* «конец», *пун* «собака», *пан* «начинай»; *йөр* «омут», *йор* «весть», *йӧр* «город», *йур* «голова»; *им* «иголка», *ӱм* «рот»; *зэр* «дождь», *зөр* «лопата», *зӱр* «овес»; *рӱч'* «лиса», *руч'* «русский»; *ӱшөн* «окно», *ӱшан* «заблудишься» и т. д.

Большинство этих фонем по своим физиолого-акустическим свойствам резко отличается от гласных других диалектов языка коми, а фонемы *ө* и *ӱ* являются специфическими фонемами этого диалекта.

Фонема *ө* при изолированном произношении представляет собой звук заднего ряда, нижнего подъема, напоминающий русское *а* (а также коми-зырянское и коми-пермяцкое литературное *а*), но несколько более задний и узкий, чем *а*; акустически он очень близок к ленинградскому предударному *а* (ʌ) в словах *вода*, *сама* (*вʌдá*, *сʌмá*); этим и объясняется то, что коми-язьвинцы в своей русской речи предударное *а* произносят по-литературному.

Этому *ө* первого слога в других коми диалектах обычно соответствует *ы* (*пөж*, другие коми диалекты *пыж* «лодка»; *нөр*, другие коми диалекты *ныр* «нос» и т. д., см. ниже). Однако коми-язьвинское *ө* по своим физиолого-акустическим свойствам вовсе не *ы*, и поэтому русское *ы* коми-язьвинцы никогда не передают через свое *ө*, а передают через *ӱ* и *и* (см. ниже).

Этот совершенно специфический звук долгое время нам не удавалось уловить как особую фонему. Разные комбинаторные варианты этой фонемы *ө* сначала нами воспринимались различно. Так, например, в словах *бөйáр* «богатый», *көртá* «хлеб» это *ө* воспринималось сначала как *а* (коми-зырянское фольклорное *байар* «боярин»), в словах *гóртө* «домой», *сóт'ч'өм* «сгорело» слышалось коми *ӧ* (ср. коми *гортӧ*, *сотч'ӧм*), в слове *турөн* «трава» — звук *о* или *у* (ср. з. *турун*); в словах *кӱз'өл* «длинноватый», *пөмө'л* «горяченький» мы слышали в уменьшительном суффиксе *-ол* звук *о* (ср. з. *куз'ов* «длинноватый», *вижов* «зеленоватый» и т. д.).

Лишь после длительной тренировки слуха нам удалось правильно воспринять эту специфическую фонему.

Другая специфическая фонема коми-язьвинского диалекта *ӱ* — это огубленное *ы*, но более переднее, чем русское *ы* в слове *мыть*. Русское *ы*, находящееся в соседстве с губным согласным, и русское *у* — в соседстве с палатальными, коми-язьвинцы обычно передают через свое *ӱ*, например: *вӱдра* «выдра», *мӱт'* «мыть», *зӱбка* «зыбка», *пӱл'* «пыль», *кӱз'н'ʒч'* «кузнец», *тӱисóк* «бурак»[1].

[1] Слово *тӱисóк* следует считать заимствованным из русского языка, хотя северно-русское *туес* в свою очередь когда-то было заимствовано из языка коми или удмуртского.

Генец[1] обозначает этот звук через «игрек». Действительно, коми-язьвинское *ӱ* на слух в известной мере напоминает немецкое *ü*, хотя артикуляция его более задняя, чем у немецкого *ü*.

В других коми диалектах этому *ӱ* соответствуют разные звуки: чаще всего *ӧ* и *у* (коми-язьвинск. *бӱж*, др. д. *бӧж* «хвост»; кя. *лӱз*, др. д. *лӧз* «синий»; кя. *ч'ӱн'*, др. д. *ч'ун'* «палец»; кя. *тӱй*, др. д. *туй* «дорога» и т. д.); реже *о* (кя. *с'ӱй*, др. д. *с'ой* «глина»; кя. *дӱд'*, др. д. *дод'* «сани» и т. д.); в единичных случаях мы встречаем соответствие и в виде *ы* (кя. *кӱнӧ*, др. д. *кыны*-«ткать»; кя. *пӱлс'инӧ*, др. д. *пылс'ыны*- «париться в бане») (см. ниже).

Мы предполагаем, что в древности в коми языке существовала особая фонема закрытого огубленного *ӧ*, которая сохранилась (в виде *ӱ*) только в коми-язьвинском диалекте, в остальных же диалектах языка коми она исчезала, слившись с другими гласными фонемами (см. выше).

Фонема *ӧ* — это довольно сильно огубленный гласный среднего ряда, среднего подъема; при его произношении язык артикулирует несколько выше и ближе к передней части рта, чем при произношении коми-зырянского и коми-пермяцкого *ӧ*. В современных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах фонема *ӧ* является нелабиализованным гласным, однако имеется основание предполагать, что в древности в языке коми она повсюду была лабиализованной[2]. Коми-язьвинское *ӧ* акустически несколько напоминает немецкое *ö*[3], тогда как *ӧ* остальных коми диалектов стоит ближе к английскому *e* (например, в слове *girl* «девушка»). Коми-язьвинскому огубленному *ӧ* (собственно *ӧ*°) обычно в других коми диалектах соответствует неогубленное *ӧ* (*йӧл* «молоко», *мӧс* «корова», *гӧр* «соха», *тӧд*- «знать» и т. д.).

Звуки *ӧ* и *ӱ* на слух довольно близки друг к другу, поэтому в первое время нам стоило больших трудов различать произношение таких пар слов: *тӧл* «зима» — *тӱл* «ветер», *вӧт* «догоняй» — *вӱт* «сновидение»; *пӧл* «один из пары» — *пӱл* «доска» (в известных нам диалектах языка коми эти пары слов являются омонимами, так как в обоих случаях мы имеем неогубленное *ӧ*).

Звуки *е* и *и*, являясь гласными переднего ряда, образуются несколько более сзади, чем соответствующие русские и сыктывкарско-зырянские гласные. Это более заднее образование особенно ощутимо на слух в положении после *л*, который в коми-язьвинском диалекте является твердым согласным, а не полумягким *l*, как это мы видим в вычегодском произ-

[1] Генец изучал этот диалект в 1889 г. во время своего краткого пребывания в д. Паршаково, расположенной на территории Талавольского сельсовета. В результате поездки появилась работа «Ost-permische Sprachstudien» (Helsingfors, 1897).

[2] Д. В. Бубрих считал, что «древнее пермское *ӧ* (т. е. общепермское.— *В. Л.*) было в довольно значительной мере огубленным» (Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948, стр. 33).

[3] Учащиеся д. Паршаково, изучающие в верхнеязьвинской семилетней школе немецкий язык, немецкие гласные *ö* и *ü* передают коми-язьвинскими *ӧ* и *ӱ*.

ношении. Поэтому в первое время в этом фонетическом положении мы воспринимали коми-язьвинское переднерядное *е* как неогубленное среднерядное зырянское *ӧ*, а коми-язьвинское переднерядное *и* — как неогубленное среднерядное зырянское *ы*. Это наблюдалось, например, при записи следующих слов: *лен* «название одной крупной рыбы», *леч'* «ловушка», *леч'ӧт* «острый, наточенный», *лӥнӧ* «выстрелить», *лич'ӧт* «просторный, не тесный», *либнӧ* «подняться».

Коми-язьвинские *и* и *е* на слух близки к верхневычегодским *и* и *е* в словах: *мунис* «он ушел», *муне* «идет», *петис* «он вышел», *пете* «выходит» и т. д.

Фонема *о* у коми-язьвинских старожилов несколько у́же (более высокого подъема), чем в русском, коми-зырянском и коми-пермяцком литературном произношении.

Отодвинутостью назад коми-язьвинского гласного *и* объясняется также то, что коми-язьвинцы в своей русской речи и в заимствованиях из русского языка русское *ы* передают обычно через свое *и* и лишь иногда — через *ӥ* (см. выше), например, *волӧси* «волосы», *клӧпи́* «клопы», *ри́жик* «рыжик».

Гласные *а* и *у* на слух не отличаются от соответствующих звуков русского литературного языка.

Гласные звуки коми-язьвинского диалекта представлены в табл. 3:

Таблица 3

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
Верхний		*и*	*ӥ*			*у*
Средний		*э*	*ӧ*			*о*
Нижний					*ӧ*	
				а		

Примечание. Гласные *ӥ*, *ӧ* *у*, *о* — лабиализованные, остальные — нелабиализованные.

Все эти восемь гласных фонем встречаются в первом (корневом слоге), в суффиксальных же слогах употребляются три гласных звука: *ӧ*, *и*, *а* (в виде исключения встречаются *у*, *ӥ*, являющиеся здесь, повидимому, звуками позднего происхождения).

Таким образом, в коми-язьвинском диалекте имеются парные (по переднерядности и заднерядности) гласные *ӧ* — *о*, *ӥ* — *у*, но гармонии гласных не существует. (В угро-финоведении распространено мнение о том, что в пермских языках нет гармонии гласных потому, что там отсутствуют парные гласные.) Отсутствие гармонии гласных в коми-язьвинском

диалекте можно объяснить особенностями вокализма непервого слога: здесь в непервом слоге встречаются только непарные и притом нелабиализованные гласные (*а*, *и*, *ɵ*).

2. Ударение

В отношении ударения между диалектами языка коми нет единства. В большинстве коми-зырянских диалектов ударение в значительной мере свободное, т. е. от изменения места ударения не только не меняется значение слова, но говорящие не замечают этого изменения. Ударение можно ставить факультативно на любой слог слова: *ке́ркаын — керка́ын — керкаы́н* «в избе» (впрочем наблюдается известная тенденция, в особенности в коми-зырянском литературном языке, ставить ударение на первый слог). Кроме того, в коми-зырянских диалектах ударяемый слог выделяется незначительно среди безударных слогов, отличаясь от последних главным образом своим тоном и долготой и лишь отчасти силой.

В коми-пермяцких диалектах ударение является осново-разноместным (но не свободным), т. е. в пределах основы слова оно может падать на разные слоги, но в каждом отдельном случае на определенный слог (*ги́жа* «пишу», *кыза́* «толщина», *мӧсо́ккез* «коровушки»); говорящий произвольно не может переносить ударение с одного слога на другой. В коми-пермяцких диалектах ударение иногда дифференцирует значение слов, например, *йӯан* «пьешь», *йуа́н* «питье, напиток». В коми-пермяцком ударении экспираторный момент занимает больший удельный вес, чем в коми-зырянском. В целом коми-пермяцкое ударение по своему качеству мало отличается от ударения окружающих севернорусских диалектов.

Коми-язьвинский диалект в отношении ударения занимает особое место среди диалектов языка коми. Познакомимся поближе с этой интересной системой ударения.

Самой характерной чертой акцентуации этого диалекта является двойственность в поведении корневых гласных в отношении удерживания на себе ударения: одни корневые гласные при словоизменении и словообразовании удерживают на себе ударение, другие не удерживают.

Нам удалось установить следующие закономерности в отношении переноса и непереноса ударения с корня слов:

1. Корневые гласные *а*, *о*, *ӧ*, *э* всегда удерживают на себе ударение, например: *ва* «вода»— *ва́тɵг* «без воды»; *мӧс* «корова» — *мӧслɵ* «корове»; *ке́рку* «изба» — *ке́ркуйɵ* «в избу»; *зон* «сын» — *зо́нпийан* «сынок», «парень»; *са́йкɵтɵл* «холодноватый»; *та́к* «крепкий» — *та́кӡикɵс'* «более крепки́»; *пел'* «ухо» — *пе́л'йɵзнислɵ* «своим ушам»; *го́жɵмс'а* «летний»; *бе́ргɵтч'инис* «повернулись они».

2. Корневая гласная *ɵ* при словоизменении и словообразовании никогда не удерживает на себе ударения, например, *ɵж* «овца», *ɵжи́т* «твоя овца́», *ɵжйɵ́з* «овцы»; *ɵжпи́ан* «ягненок»; *шɵр* «мышь», *шɵрлɵ́* «мышке»; *пɵж* «лодка», *пɵжйɵ́зɵн* «в лодках»; *пɵм* «горячий», *пɵмɵ́л* «горяченький»;

с'ѳл «пой», *с'ѳлнѐ* «петь», *с'ѳлá* «пою»; *зѳр* «овес», *зѳрйá* «овсяной, с овсом»; *пѳс* «ушко», *пѳсáлнѳ* «продеть нитку (в иголку)» и т. д.

3. Гласные *и*, *ы*, *ӱ* удерживают ударение в том случае, если этим гласным в других коми диалектах соответствуют более широкие звуки: коми-язьвинскому *и* соответствует в других диалектах звук *э*, коми-язьвинскому *ы* — звук *о* и коми-язьвинскому *ӱ* — звук *ӧ* или *о* (иногда также *ы* и *ы*), т. е. если эти коми-язьвинские гласные происходят (как мы предполагаем) от особых закрытых гласных *э̂*, *о̂*, *ӱ̂* [1].

Примеры (мы приводим на эти гласные, по возможности, исчерпывающее количество примеров, поскольку они являются ценным материалом для истории гласных языка коми):

а) Коми-язьвинское *и* из древнего *э̂*: *гиз*, др. д. *гез* «веревка» (крученая), *гúзѳн* «веревкой»; *ч'ир*, др. д. *ч'ер* «топор», *ч'ёрѳн* «топором»; *ч'йгнѳ*, др. д. *ч'егны* «сломать».

Сюда относятся также следующие слова коми-язьвинского диалекта, в которых *и*, соответствующий гласному *э* других коми-диалектов [2] и происходящий от закрытого *э̂*, сохраняет на себе ударение: *вим* «мозг», *вúжѳр* «сознание», *виж* «зеленый, желтый, светлый», *вúжал-* «завидовать», *вúжѳкти-* «ревновать», *вúшйан* «штаны», *виж-* «менять», *тúй-виж-* «разветвление дороги», *вúсѳт-* «чистить», *ӡúнѳт* «короткий», *ӡúндѳс* «сорт кудели», *им* «иголка», *им* «есть, имеется», *úчѳн* «по, подобно», *úжа* «дерн», *ин'* «женщина», *иг*, *ин*, *из* и т. д. «я не, ты не, он не (что-нибудь сделал)», *кúбас* «грузило», *кúже* (послелог «к»), *киж-* «отворачивать», *ки-пис'* «рукавица», *л'ит-* «теребить», *лиз'-* «выпускать, освобождать», *лúч'ч'и-* «спускаться», *мúдал-* «нанять», *н'úбѳт* «мягкий», *пúшли-* «пробовать», *пис* «дрова», *пúмѳт* «темный», *пúз'ин* «силок», *рúз'ѳт-* «распороть», *сúки* «тогда», *сúтѳн* «там», *сúч'ч'о* «туда», *ч'иг-* «сломаться», *ч'úжйӧл* «молозиво», *шúдлал-* «доставать» [3].

Следующим коми-язьвинским словам с ударяемым *и*, стоящим в конце корня, в других диалектах соответствует тоже узкий гласный *и* или *ы*: *ви* «масло», *ди* «остров», *ви* (послелог «до», «по»): *вúйѳн*, *вúйѳз'* и т. д. (у Генеца *виѳ́н*, *виѳ́з'*), *зи* «оса»; в следующих словах ударение колеблется: *ки* «рука»: *кúтѳм* «безрукий», *кúс'им* «из моей руки», *киѳ́н* «в руке», *кúис'* «из руки»; *ли-* «стрелять»: *лúнѳ-линѐ* «стрелять», *лúйа-лийá* «выстрелю»; *сúйа-сúда* «он», *силáн* «у него», *сикѳ́т* «с ним»; *нúда* «они», *нилúс'* «у них», *нитѐг* «без них»; *с'и* «волос», *йурс'ú* «волосы на голове»; *кин'á-кúн'а* «кроме».

б) Коми-язьвинское *ы* из древнего закрытого *о̂*: *тыш*, вс. *тôш*, др. д. *тош* «борода», *тúшѳн* «бородой»; *с'ый-*, вс. *с'ôй-*, др.-п. *с'ôй-* (написано через особую букву «вой») «есть, кушать», *с'ýйѳнѳс* «едят».

[1] См. предыдущую главу.

[2] Для некоторых из этих слов есть соответствие и в памятниках древнепермской письменности в виде «ять», например, *кѣж* «отворачивать», *кѣж* (*ж* — послелог), *лѣч'ч'и-* «спускаться», *вѣжа* «святой» из «светлый».

[3] Размер статьи не позволяет привести примеры из других диалектов языка коми.

Сюда относятся также следующие слова, в которых звук *ӯ*, происходящий от закрытого *ô*, сохраняет на себе ударение при словообразовании и словоизменении[1]: *вуч'-* «чинить», *вун* «брат», *вун'* «веревка, пояс плетеный», *вӯт* «налог», *вуд-* «лечь», *гӯрӧлт-* «рявкнуть», *гӯзйа* «чета», *гӯрзи-* «плакать, реветь», *гӯмӧш-* «зачерпнуть», *гӯрз'ӧт-* «отрыгать», *гӯртӧ* «домой», *ӯуз* «посуда», *жун'* «зяблик», *ӟуӟ* «пол», *з'ун'* «целый», *куд* «пьяный«, *куд'* «как, подобно», *кӯдик* «который», *кул'-* «оставить», *кул'* «шишка», *кӯл'л'и-* «провожать», *кӯрис'* «веник», *кул'к* «яйцо», *кӯмич* «зеленый лук» [ср. *komidz'* п.. Вид.], *кур* «лист», *куск* «поясница», *кӯс'ӧлт-* «разорвать», *лул* «душа, жизнь», *лӯнти-* «топить» (например, печку), *мӯл'и: тӧр-мӯл'и* «клюква», *мун'* «сноха», *муш: мал'а-муш* «пчела», *нум* «комар», *нӯрас'-* «жаловаться», *нуп* «крошны», *н'ул'* «четыре», *пул-* «бояться», *н'ӯжтӧм* «некрасивый», *пӯдӧн* «пешком», *пуж* «решето», *пун* «собака», *пус* «мост», *рус* «прутик», *суд-* «прибывать, увеличиваться в количестве», *сул* «соль», *сус* «рукав», *с'уд-* «дать корм скоту», *тум* «молодой», *ӯс'кӧл* «шаг», *ӯс'а* «яровое», *уз* «земляника», *уз'* «рано, перед», *ӯкал-* «целовать», *ӯл'пас* «постель», *умӧл'* «плохой», *ур-* «оборваться», *урп* «черенок, рукоятка», *урс-* «играть» *ӯс'та* «открытый», *ӯта* «широкий» (про материю), *ӯшки-* «хвалить», *ч'ӯрми-* «затвердеть» (например, грязь), *ч'ум* «чулан», *ч'ӯрӧт* «твердый», *шӯгди* «пшеница», *шум* «уголь». Ударение колеблется: *ӧу-* «приходить», *ӧуӧ!* «приходите!», *ӧуӧлтис* «вдруг пришел».

Соответствия в других диалектах мне неизвестны: *лӯма* «место при игре», *бӯӄра* или *пӯга* «косматый», *ч'ӯч'ч'ас'-* «качаться», *дӯнйӧз* «серьги», *йӯкса* «ремень в лыжах», *кӯт'ал-* «токовать» (о птицах), *рӯчӧт-* «распутывать».

в) Коми-язьвинское *ӱ* из древнего закрытого среднерядного *ӧ*: *вӱр*, др. д. *вӧр* «лес», *вӱрӧн* «в лесу»; *зӱр*, др. д. *зӧр* «овес», *зӱрӧн* «овсом».

Сюда относятся также следующие слова, в которых *ӱ* удерживает на себе ударение (в других коми диалектах соответствует *ӧ*): *бӱж* «хвост», *бӱрйи-* «выбирать», *бӱрд-* «плакать», *вӱй-* «тонуть», *вӱт* «сновидение», *вӱкти-* «брезговать», *вӱзйи-* «предлагать», *вӱр* «лес», *вӱра* «вымя», *вӱрз'и-* «тронуться», *вӱрт* «ниченки» (ткацк. принадл.), *дӱм-* «сделать запруду», *дӱмас* «заплатка», *ӟӱнди*, а также *ӟӣмди-* «споткнуться», *з'ӱр-* «трястись», *кӱк-* «куковать», *кӱӟ* «полуостров», *кӱз'-* «сеять», *кӱжа* «галечник», *лӱтсал-* «подбавить», *л'ӱм* «черемуха», *лӱз'* «овод», *лӱсйи-* «тесать», *лӱз* «синий», *лӱп* «валежник, принесенный водой», *лӱд-* «наливать», *мӱд-* «иной, другой», *мӱд-* «намереваться», *мӱрт-* «быть острым», *нӱш* «колотушка», *н'ӱр* «прутик», *н'ӱл* «стрела», *гӧм-н'ӱл* «стрела молнии», *нӱбал-* «нести», *пӱд-* «задыхаться», *пӱж-* «парить», *пӱр-* «падать, валиться», *пӱрйал-* «обманывать», *пӱрт* «котел»,

---

[1] Этому *ӯ* коми-язьвинского диалекта в верхнесысольском диалекте соответствует закрытое *ô*, в древнепермском языке — тоже закрытое *ô*, обозначаемое буквой «вой» (*вôӟӟа* «навстречу», *с'ôй-* «кушать», *кôйд* «подобно, как», *кôдкӧ* «кто-то», *ч'ôм* «шалаш»). В остальных же диалектах коми языка мы находим обычно *о* (лишь иногда *ӯ*; см. подробно в предыдущей главе).

пӱл «доска», *пӱлсал-* «снимать скорлупу», *рӱкти-* «ехать рысью», *с'ӱй-* «совать», *сӱт-* «рубнуть», *с'ӱд* «черный», *с'ӱрйи-* «не отставать, следовать»[1] *с'ӱм* «чешуя рыбы», *тӱжди-* «печалиться», *тӱл* «ветер», *ч'ӱд* «черника», *чӱг* «жирный, упитанный», *ч'ӱрөс* «чулок», *ӱшөн* «окно», *ӱтөр'* «вне дома».

Коми-язьвинскому *ӱ* в большинстве диалектов языка коми соответствует *о* (в верхнесысольском закрытое *ӧ*) и лишь в некоторых случаях в удорском и коми-пермяцких диалектах мы видим *ӧ*: *дӱд'* «сани», *з'ӱз'ӧк* «гусь», *з'ӱл'* «старинная медная пуговица», *кӱс*, п. *кӧс* «сухой», *кӱз*, п. *кӧз* «ель», *кӱз'ин* «подарок», *кӱйал-* «разбрасывать», *с'ӱй* «глина», *сӱз'* «пригоршня», *тӱй* «вошь», *тӱй-* «толочь», *ч'ӱз'ӧл* «маленькая рыбка», *ч'ӱрөт* «жесткий, твердый», *шӱч'* «редкий», *шӱч'ч'и-* «отдохнуть», *шӱма*, п. *шӧма* «кислый», *ӱм*, п. *ӧм*, уд. *вӧм* «рот», *ӱй* «ночь», *ӱсөт-*, п. *ӧс-*, уд. *вӧс-* «тошнить», *ӱт'ӧр*, уд. *вӧйтыр* «народ», *ӱш-*, п. *ӧш-*, уд. *вӧш-* «потеряться», *ӱнмөс'с'и-* «уснуть», *ӱн*, п. *ӧн*, уд. *вӧн* «полог».

В следующих двух словах коми-язьвинскому *ӱ* соответствует в других диалектах *е*: *л'ӱжмөг* «шиповник», *шӱд-* «попасться», скр. *л'өжнӧг*, *шөд-*.

Мне неизвестны соответствия следующим коми-язьвинским словам: *п'ӱрми-* «оскомину набить», *пӱнтасөн* «заимообразно», *ӱтитөн* «вот там», *с'ӱр-* «ударить по зубам», *пӱлис'ми-* «заходить» (про солнце), *ӱл'л'а дӧрка* «головастик».

Здесь приведено до 80 примеров со звуком *ӱ*, удерживающим ударение, которому в других диалектах языка коми соответствуют гласные среднего подъема (*ӧ*, *о*, *э*). Однако имеется несколько слов, в которых коми-язьвинскому *ӱ* в других диалектах языка коми соответствуют узкие гласные (*у*, *ы*, *и*). В следующих словах коми-язьвинскому *ӱ* в других диалектах соответствует *у* (стоит он в соседстве с мягкими согласными *й*, *л'*): *тӧлис' йӱга* «с лунным светом, лунная» (например, ночь), *йӱгал-* «блестеть», *кӱйли-* «лежать», *л'ӱва* «слюна», *с'ӱй-* «сунуть», *тӱй-* «годиться», *йӱс'* «лебедь», *тӱй* «дорога», *шӱл'ал-* «расщеплять», *ӱй-* «плыть», *тӱйис* «бурак», *с'ӱй-* «сунуть».

Примеры на соответствие звука *ы* (*и*) коми-язьвинскому *ӱ*: *пӱлс'и-* «париться в бане», *тӱдал-* «виднеться», *кӱскөс пөд* «сухой кашель» (з. *кызпыд*), *кӱ-* «ткать», *йӱ* «лед», *шӱ* «голос, звук», *йӱ* «связка в снопе», *тӱ-тӱ!* «вот там!» [ср. коми-зырянскую загадку: *ты войтыштӧ*, *та войтыштӧ*, *век оз войтышт* «там собирается капнуть, здесь собирается капнуть, но все не капает». (Серьги)]. В последних пяти коми-язьвинских словах гласный стоит в конце корня; впрочем ударение в словах *кӱ-* и *тӱдал-* колеблется.

Таким образом, отступления от нормы мы видим в словах, в которых разбираемые звуки (*и*, *у*, *ӱ*) или находятся в конце корня (*ди* «остров», *йӱ* «лед» и т. д.), или же место ударения колеблется (*лӥнө-линӧ* «стрелять», *вӱнӧ-* «приходить» — *вӱөлтис* «вдруг пришел», *кӱлӧ-кӱнө* «ткать» и др.).

4. Гласные *и*, *у*, *ӱ* при словообразовании и словоизменении не удерживают на себе ударения, если им в других диалектах языка коми

[1] Ср. з. *с'ӧрыс'* «за собой, с собой».

соответствуют узкие гласные: коми-язьвинскому *и* соответствует в других диалектах *и*, коми-язьвинскому *ӥ* — *ӥ*, коми-язьвинскому *ӥӥ* — *ӥ*.

Примеры:

а) Коми-язьвинское *и*: *вис'-*, др. д. *вис'-* «болеть», *вис'ӧ* «болеет, хворает»; *н'им*, др. д. *н'им* «имя», *н'имӥс* «его имя»; *кис'т-*, др. д. *кис'т-* «лить, выливать», *кис'та́* «лью» и т. д.

Сюда относятся также следующие слова: *би* «огонь», *ви-* «убить», *виз'-* «держать», *вин'ди-* «подавиться», *визӧл* «быстротечный, быстрый», *вис'та́л-* «рассказать, показать», *визӥ́лт-* «протекать, течь», *вич'ч'и́-* «ждать», *вич'кӥ́-* «церковь», *виз'* «пост», *гид* «хлев», *гил'ӧт-* «щекотать», *гиж-* «писать», *динӧн* (послелог «около»), *ӟиӟи́* «береговая ласточка», *з'ига́л-* «упасть», *з'имл'а́л-* «свернуть», *з'имл'а́с'-* «прятаться», *ига́н* «запор», *из* «камень», *иӟ-* «впитываться», *ит-* «связать», *идӧрт-* «убрать», *ин* «место» (также местный послелог, ср. *йугӧт инӧн* «в светлом месте»), *инми-* «попасть», *изӧт-* «молоть», *изӧн* «жернов», *ид* «ячмень», *киз'* «пуговка», *кил'мӧшт-* «першить», *йики́* «мякина», *кин'а́* «кроме», *киз'ӧр* «жидкий», *китса́л-* «звать», *кис'ми́-* «спеть, созревать», *лич'ӧт* «просторный, не тесный», *мийа́н* «наш», *л'и* «слой под корой дерева, употребляемый в пищу», *н'има́лӧ кӧнӧм* «есть хочется» (букв. «сосет живот»), *н'имӧл* «заяц», *н'имдӥл'* «волнушка» (гриб), *н'ин* «лыко», *н'ич* «мох», *н'ил'ӧг* «скользкий» (например, «грязная дорога»), *н'инӧм* «ничего», *пис'ка́* «оспа», *пил'по́н* «плечо», др. д. *пэл'пон* (из *пил'пон* под влиянием так называемой народной этимологии, ср. *пэл'* «ухо»), *пис'кӧт-* «продырявить», *пи* «мальчик», *пийа́л-* «отелиться», *пин'а́* «борона», *пин'* «зуб», *пис'кӧс* «дыра», *пин'ги́с'-* «ссориться», *пиз'ӧс* «колено», *сиз'ӧм* «дремучий лес», *с'ин* «глаз», *с'иа́л-* «поставить капкан», *с'иа́с'-* «опереться о дно реки шестами рыболовного снаряда «сырп», *с'из'-* «попадать, попасть», *с'из'ди-* «зарубать», *сим-* «ржаветь», *с'иӧс* «хомут», *с'ибди-* «застревать, завязнуть», *тийа́н* «ваш», *ч'ики́л'* «коса, волосы», *ч'ин-* «уменьшаться», *ч'ил'кӧт-* «доить».

В следующих словах коми-язьвинскому *и* в других диалектах языка коми соответствует *ы*: *лис'ти-* «сметь, осмеливаться», *либ-* «подниматься», *мил'* «фурункул», *рис'*, п. тоже *рис'* «творог», *пиз'*, п. тоже *пизь* «мука», *пиз'ӧрт* «выжать», *пич'кӧра́л-* «выжать»; в других диалектах соответствует *ӥ*: *ч'икил'а́*, з. *ч'укл'а́* «кривой», *с'имӧт*, з. *с'умӧд* «береста»; соответствует *э*: *витли-*, з. *вэтлы-*, «сходить», *л'ика́н*, з. *л'эк* «маленький обрубок дерева».

Нет соответствий в других диалектах: *с'инга́* «шнур в рыболовном снаряде» («сырп»), *ч'ил'* «искра», *ч'ирга́н* «трещотка для вспугивания лошадей».

б) Коми-язьвинскому *ӥ*, не удерживающему на себе ударения, соответствует в других коми диалектах тоже *ӥ*: *мӥн-*, др. д. *мӥн-* «итти», *мӥна́* «иду», *мӥни́н* «ты шел»; *бӥр*, др. д. *бӥр* «хороший», *бӥра́* «очень»; *пӥрт*, др. д. *пӥрт* «нож», *пӥртӧ́н* «ножом», *пӥртӧса́лка* «ножны».

Такое же совпадение в звуке *ӥ* между коми-язьвинским и другими диалектами языка коми мы видим в следующих словах коми-язьвинцев

(в которых корневое *у* не удерживает на себе ударения): *бус* «пыль», *бурс'и́* «грива», *вуж* «корень», *вурӧ́н* «шерсть», *вуӟӧ́р* «тень», *вузáс'-* «торговать», *вуӟ-* «перейти», *вунс'и-́* «забыть», *вунди-́* «резать», *вур-́* «шить», *гу* «яма», *гут* «муха», *кок гумáла* «нога ниже колена», *дуб* «недосоленый», *жугáл-* «сломаться», *ӟ'уг-* «спутать», *дугди-́* «перестать», *ӟ'урӧ́г* «скрипучая дорога зимой», *зурги-* «сунуть», *зубӧ́т* «больно», *зу* «щетка», *зуд* «брусок», *зурáл-* «лягаться» (про лошадь), *йу* «река», *йукáл-* «щепать», *йур* «голова», *йурбӧ́т-* «молиться», *йугӧ́т* «светлый», *йуктáл-* «поить», *йу-* «пить», *йуáл-*, *ӵӧ́йал-* «спросить», *йуски-* «распрягать», *курӧ́г* «курица», *кусӧ́т-* «потушить», *куд* «лукошко», *куч'и́с'-* < *кутч'и́с'-* «хвататься, держаться», *кучӧ́м* «какой», *ку* «кожа», *кутáл-* «ловить», *курӧ́т* «горький», *курч'áл-* «жевать», *куж-* «уметь», *кусн'áл-* «гнуть», *курáл-* «собирать», *курт-* «грести, загребать», *кут-* «поймать», *кул-* «умирать», *курс'áл-* «прогоркнуть», *лудӧ́к* «клоп», *лун* «день», *лукáл-* «бодать», *мукӧ́д дӧрн'и* «иногда», *муӟ'-* «устать», *му* «земля», *нуд* «рукоятка», *н'ул-* «лизать», *н'улт* «тина», *пу* «дерево», *пукти-́* «положить», *пукс'и-* и *пӧкс'и-* «сесть», *пу-* «варить», *пуӟ-* «засучить», *пур-* «кусать», *пукáл-* «сидеть», *рушти-* «стонать», *рушми-́* «дрябнуть», *сур* «пиво», *сунӥáл-* «дремать», *сулáл-* «стоять», *султӧ́т-* «поставить», *с'ур* «рог», *с'урӧ́мми-* «зачерстветь», *с'урдú* «спина», *с'у* «зерновой хлеб», *тупки-* «заткнуть», *тул* «клин, гвоздь», *тулӧ́с* «весна», *тулáн* «куница», *турú* «журавль», *тупкӧ́с* «затычка», *турӧ́н* «трава», *тукти-́* «бухнуть, разбухать», *т'упáл-* «макать», *уӟáл-* «работать», *унӥáл-* «выть» (про собаку), *ут-* «лаять», *удáл-* «поить», *улӥáл-* «выдергивать посконь», *уӟ* «долг», *ур* «белка», *ул* «низ»: *улӧ́н* «внизу», *улӧ́* «вниз», *унá* «много», *ул* «сучок», *ч'уж-* «родиться», *ч'ужйи-* «пнуть», *чуп-* «рубить», *ч'укӧ́рт-* «сморщить», *ч'ушки-* «жалить», *ч'ужмӧ́р* «горностай», *ч'уман* «берестяная коробка», *ч'укил'á* — *ч'икил'á* «кривой», *шуд* «счастье», *шупáл-* «сохнуть».

В других диалектах соответствует *о*: *лу-*, др. д. *ло-* «сделаться» (прош. время кя. *лóи* «я сделался»), *ву-́* наряду с *ву-́*, др. д. *во-* «приходить» (прош. время кя. *вó-*), *ул-*, др. д. *ол-* «жить», *урдá*, др. д. *ордá* «бурундук», *кудӧ́р*, з. с. *кодыр* «когда».

В слове *мурт-* «вонзить» в коми-пермяцком языке имеем *ӧ* — *мӧртны*.

В других диалектах нет соответствия: *муг-* «заартачиться», *ӟунги-́* «выпить», *курáл-* «остановить плот», *тулóм* «порог, перекат», *с'уг* «лохмотья».

в) Коми-язьвинскому корневому *ӧ*, не удерживающему при словообразовании и словоизменении на себе ударения, соответствует в других диалектах языка коми *у*, например, *ӧс'-*, др. д. *ус'-* «падать», *ӧс'и́н* «ты упал», *ӧс'á* «падаю, упаду»; *рӧч'*, др. д. *рӧч'* «лиса», *рӧч'ӧ́н* «лисой», *рӧч'ӧ́ӧз* «лисы» (мн. ч.), *рӧч'лáн* «у лисы».

Такое же соответствие мы видим и в следующих словах коми-язьвинского диалекта: *гӧс'ӧ́н* «тайком», *гӧс'ál-* «украсть», *ӧ̄ӧл'* «слюна», *кӧн'-* «закрыть глаза», *кӧл'-* «сдирать», *кӧӟ'и́* «как», др. д. *куӟ'и* и *кыӟ'и*, *кӧз'* «длинный», *кӧл'бу́к* «вид гриба», *кӧл'* «чорт», *кӧч'и́к* «кожа», *рӧӟ'ӧ́г* «рожь», *сӧл'-* «высморкаться», *сӧӟ'ӧт-* «достать», *сӧн'ис* «нитка», *тӧс'* «зерно», *ч'ӧн'* «палец», *шӧл'ál-* «стегать, бить», *шӧз'и-* «киснуть» (про тесто), *шӧкл'ál-* «свистеть», *ӵӧ́ал-* — *йуáл-* «спросить», *ӧл'* «сырой», *ӧз'-* «спать», *уч'ӧ́т*,

п. *уч'ӧт*, з. *ич'ӧт* «маленький», *ӱд'өрлун*, п. *уд'эрлун*, з. *войдӧрлун* «позавчера», *ӱл'ина́ шөд* «скоромные щи».

Нужно полагать, что коми-язьвинское безударное *ӱ*, встречающееся только перед палатальным согласным, образовалось из *у* под влиянием последующего мягкого согласного. Характерно, что перед мягким согласным безударное *у* совсем не встречается (единственное исключение *муз'нө́* «уставать»). Весьма показателен пример *йуа́л-* — *ӱйа́л-* «спросить», в котором вследствие перестановки *йӱ* появляется *ӱ*.

Из приведенных примеров на *и*, *у*, *ӱ* видно, что—как весьма наглядно показывает диалектный материал языка коми — эти гласные двоякого происхождения: одним, удерживающим на себе ударение, соответствуют в других коми диалектах гласные среднего подъема (более широкие гласные, чем разбираемые гласные верхнего подъема — *и*, *у*, *ӱ*), а другим, не удерживающим на себе ударения,— гласные верхнего подъема. Имеются только единичные отступления от этих соответствий.

Об этой закономерности достаточно убедительно говорят итоговые данные статистического характера. Нами приведено следующее количество примеров на соответствия:

Коми-язьвинскому ударяемому	*и*	соответствует в	других коми диалектах	*ə*	в	42	словах
»	»	»	*у*	»	»	»	»	»	*о*	» 70	»
									ӧ	» 55	»
									о (*ӧ*)	» 23	»
»	»	»	*ӱ*	»	»	»	»	»	*ə*	» 2	»
									у	» 10	»
									ы (*у*)	» 7	»
Коми-язьвинскому безударному			*и*			»	»	»	»	»	*и*	» 73	»
»	»	»	*у*			»	»	»	»	»	*у*	» 112	»
»	»		*ӱ* (из *у*)			»	»	»	»	»	*у*	» 30	»

только перед палатальными.

Остальные же гласные по отношению к ударению не носят двойственного характера: корневые гласные *а*, *ə*, *о*, *ӧ* при суффиксации всегда удерживают на себе ударение, а корневой гласный *ө* никогда не удерживает на себе ударения.

Таким образом, место ударения коми-язьвинского диалекта зависит от качества гласных, притом если это касается гласных *и*, *ӱ*, *у*, то даже от их качества в прошлом[1]. Вследствие взаимообусловленности между качеством гласного и

[1] В коми-пермяцких диалектах, в связи с утратой редуцированных гласных, ударение было морфологизировано, т. е. оно стало падать на определенные морфемы основы слова. Однако в местной топонимике очень часто можно встретить древнее размещение ударения, например: *ю́сьва*, кя. *йӱ́с'* «лебедь»; *И́ньва*, кя. *ӣн'* «женщина, жена»; *Льӧ́мью*, кя. *л'а́ум* «черемуха»; *Кӧ́смос*, кя. *ку́с* «сухой»; *Кува́*, кя. *ку-'* «кожа»; *Кырӣ́ыв*, кя. *Көрӣ́өл* (коми название дер. Антипино, букв. «вершина горы»); *Тыла́ево*, кя. *Төла́вел* (название коми-язьвинской деревни, букв. «на подсеке, место на подсеке») и т. д.

местом ударения в коми-язьвинском диалекте мы имеем определенный порядок расположения гласных, который заключается в следующем:

1) в первом слоге встречаются все гласные фонемы, при этом на *а*, *э*, *о*, *ӧ* падает ударение, а на *ѳ* в неодносложном слове ударение не падает; *ы*, *и*, *ӱ* первого слога неодносложного слова могут быть ударяемыми и безударными;

2) в непервом слоге в исконно коми словах и фонетически освоенных заимствованиях встречаются обычно *а*, *и*, *ѳ* (редко *ы* и еще реже *ӱ*), остальные же гласные в этом положении не употребляются [1];

3) в предударных слогах не может стоять *а*, *о*, *э*, *ӧ*, а в заударных не употребляются *о*, *э*, *ӧ*. Благодаря этому в русской речи коми-язьвинцев севернорусские предударные гласные *а*, *о* и заударное *о* передаются через коми-язьвинское *ѳ*, севернорусское безударное (предударное и заударное) *э* передается через коми-язьвинское *и*, например: *мишо́к* «мешок», *кѳсе́* «коса» (сельскохоз. орудие), *за́ич'* «заяц», *жо́лѳп* «желоб», *рѳвгѳво́р* «разговор» и т. д.

На какой суффикс переносится ударение?

При склонении наблюдаются такие закономерности в переносе ударения:

а) если в слове только один суффикс словоизменения (падежный, определительно-притяжательный или суффикс множественного числа), то ударение переносится на него, например: *пѳжни́м* «наша лодка», *ѳжйѳ́з* «овцы», *ѳжлѳ́* «овце», *мийа́н* «наш, у нас», *нили́с'* «у них»;

б) если налицо падежный и притяжательный суффиксы, то ударение переносится на падежный суффикс, а притяжательный остается без ударения, например: *ѳжитла́н* «у твоей овцы», *ѳжитлѳ́* «твоей овце», *пѳжна́нит* «вашей лодкой»;

в) если среди суффиксов словоизменения имен имеется суффикс множественного числа, то ударение переносится на него, а падежные и притяжательные суффиксы остаются безударными, например: *ѳжйѳ́знимлан* «у наших овец», *ѳжйѳ́злис'* «у овец», *ѳжйѳ́вис* (= *ѳжйѳ́звис*) «его овцы, овцы-то», *мийа́нлѳ* «нам», *мийа́нч'иним* «у нас (что-нибудь взять)», *тийа́нч'инит* «у вас (что-нибудь взять)», *ѳжйѳ́итлис'* (= *ѳжйѳ́зитлис'*) «у твоих овец».

Таким образом, при переносе ударения с корня слова предпочтение отдается суффиксу множественного числа, затем падежному суффиксу,

[1] Характерно, что во всех диалектах языка коми наблюдается стремление избежать употребления в суффиксальных слогах лабиализованных гласных. Этим и объясняется то, что в коми-язьвинском диалекте в непервом слоге не употребляются лабиализованные *ӧ*, *ӱ*. Наличие *э* в суффиксальных слогах некоторых диалектов (верхневычегодского, ижемского и т. д.) вместо неогубленного *ӧ* большинства говоров языка коми, повидимому, можно объяснить тем, что во время переоформления всей системы гласных в этих говорах существовало еще лабиализованное *ӧ*, и поэтому не оно выступило в суффиксальных слогах вместо былых редуцированных, а нелабиализованное *э* (*пэтѳ*> вв. *пэтэ*, др. д. *пэтӧ*). В других же диалектах делабиализация произошла раньше исчезновения редуцированного *е*.

и, наконец, на последнем месте стоит определительно-притяжательный суффикс.

При спряжении ударение переносится на первый слог суффикса спряжения (если этот суффикс двусложный), т. е. на временно-личный суффикс, например: *муна́мъ* «идем, пойдем», *муно́нъс* «идут», *муна́нис* «пойдут», *муни́нис* «они ушли», *муно́ма* «он ушел (оказывается)», *муно́мас'* «они ушли (оказывается)», *о́бъ муно́мас'* «они не ушли (оказывается)».

В переносе ударения при словообразовании наблюдаются следующие закономерности.

Словообразовательные суффиксы при словоизменении удерживают на себе ударение:

а) если ударение переносится с корня слова на словообразовательный суффикс с гласным, удерживающим ударение (*а*, *и*), то в этом случае при словоизменении ударение сохраняется на этом гласном, например: *кута́лъ* «ловит», *кута́ла* «ловлю», *кута́лънъс* «ловят» и т. д.; *киз'а́с'нъ* «застегнуться», *пин'а́лан* «у бороны», *иӡа́с'ик* «соломинка», *нълпийа́нлъ* «девочкам», *ига́нис* «его запор», *с'ъла́на морт* «певец», *уӡа́лканим* «когда мы работали», *уӡа́лкам* «когда я работал», *йз'ка́ним* «когда мы спали», *уӡа́лтъг* «без работы, не работая», *мэдгърс'а́ис* «самые большие-то», *ърга́ллинъ* «хохотать», *н'имълпйа́нйъз* «зайчики», *мийа́нъ* «нас», *тулъма́лъ* вода бурлит» (*тулъ́м* «порог»), *Тъли́с'с'а* (фолькл., имя девочки «Лунная, с луны»), *Тъли́с'с'алан* (р. п.);

б) суффикс *ълт* со значением однократности действия, например: *ъскъ́лтнъ* «покатиться», *вундъ́лтнъ* «резнуть», *гижъ́лтнъ* «черкнуть», *ъчкъ́лтнъ* «рвануть»;

в) понудительный суффикс *ът*, например: *кусъ́тъмас'* «они погасили (оказывается)», *чъкъ́тнъ* «испортить», *изъ́тнъ* «молоть», *сълъ́тнъ* «растопить», *пъшйъ́тнъ* «утащить»;

г) отрицательный суффикс *тъ́ж*, например: *с'уртъ́млъ* «комолому», (букв. «безрогому»), *с'уртъ́мйъз* «комолые»;

д) суффикс прилагательного *ъ́в*, например: *пуъ́ввй* «деревянный», *н'имълъ́ввй* «заячий»;

е) уменьшительный суффикс *ъл*, например: *ъӡ̆ътъ́ла вждан* «довольно большим вырастешь»;

ж) суффикс *ър*: *пиӡъ́ртнъ* «выжать», *киз'ъ́ртнъ* «расжижать», *идъ́ртнъ* «убирать», но: *шъмъртнъ́* «обнимать»;

з) суффикс *-ъ́в* > *-ъс'* или *-ъм*: *унмъ́с'с'инис* «они уснули», *с'уръ́ммис* «зачерствел»;

и) некоторые другие суффиксы: *тулъ́ссъ* «весну», *кудъ́рс'а* «какого времени», *йӡ'ъ́сйъс* «двери».

Ударение переносится через гласный основы на словоизменительный суффикс в следующих случаях:

а) через *и* конца основы, например: *ъчкинъ́* «косить, щипать траву», *пуктинъ́* «положить», *инминъ́* «попасть», *кис'минъ́* «спеть, поспевать», *ъчкитъ́ӡ'* «до косьбы», *ълис'а́н'* «издалека», *къгис'а́н'* «откуда»;

б) через уменьшительный суффикс глагола *-өт (т)*, например: *сулөшнэ́* «постоять», *сулөшта́* «постою», *вич'ч'өшта́м* «подождем», *курөшти́ки* «схватив», *н'өлөшнэ́* «глотнуть«, *йӧв'өшти́* «поспал»;

в) через многократный суффикс *-өлл*, например: *гижлөлли́с* «он описывал», *гижлөллинэ́* «описывать», *с'өллөлли́* «я певал», *йӧлөлли́* «я пивал»;

г) через суффикс *-ис'*, например: *сус'кис'нэ́* «не признаваться», *пин'гис'нэ́* «ссориться»;

д) через непродуктивный суффикс качественного прилагательного *-өт*: *зуб'э́т* «больно» — *зубөтэ́л* «больновато», *өӟэ́т* «большой» — *өӟөтэ́с* «велики», *өӟөтэ́л* «великоват».

Ударение не переносится на сравнительный суффикс *-ӟик*, хотя в предшествующем слоге стоит гласный, не удерживающий ударение, например: *пэ́мӟик* «горячее», *пөдэ́ӟик* «глубже», *өӟэ́тӟик* «больше», *йӧч'э́тӟикөс'* «более мелки», *нэ́жӟикөс'* «более тупы».

Следующие суффиксы перетягивают на себя ударение с такого корня, в котором гласный является ударяемым (удерживающим ударение):

а) *ик*: *мӧ́дла дор*, *мӧ́дөр* «другая сторона», но: *мӧдо́к местаи* «в другом месте», *муна́м мӧдо́кла* «идем за другим», *мӧдо́клас'* «с другого места»;

б) *и*: *мӧдо́ н'уж* «иначе», *мӧдо́ местаө* «на другое место»;

в) порядковый суффикс числительного *-өт*: *квӥ́мас'* «трое», *квӥ́мис'* «трижды», *н'у́л'ис'* «четыре раза», *н'у́л'ас'* «четверо», но: *квимэ́т* «третий», *н'ул'э́т* «четвертый»;

г) уменьшительный суффикс *ин'ч'ик-*: *шӧ́ч'а* «редко», но: *шӧч'и́н'ч'ика* «реденько».

3. К вопросу о редуцированных гласных

Мы видели, что при суффиксации ударение переносится в одних случаях с корневого гласного на суффиксальный слог, а в других—остается на корне. При этом мы установили на большом фактическом материале, что это сохранение ударения на корневом слоге или же перенос его на суффиксальный слог всецело зависит от качества гласного: определенные гласные корня слов (*а*, *о*, *э*, *ӧ*, *и* из закрытого *э̂*, *у* из закрытого *о̂* и *ӧ* из закрытого *ӧ*) удерживают на себе ударение, другие же гласные (*ө*, а также *и*, *у*, *ӧ*, происходящие не от закрытых гласных среднего подъема) не удерживают на себе ударения при прибавлении к корню суффиксов. Такая двойственность в поведении гласных по отношению к ударению делает намек (как нам кажется) на былое количественное различие между этими двумя группами гласных фонем. Невольно возникает вопрос, не было ли в общекоми языке редуцированных гласных фонем в тех случаях, когда корневой гласный не удерживает ударение?

Штейниц[1] на основании данных вах-васьюганского диалекта

[1] W. Steinitz. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm, 1944.

хантыйского (остяцкого) языка, в котором, наряду с гласными полного образования, существуют редуцированные гласные фонемы, и данных горномарийского языка, в котором тоже имеются редуцированные гласные, встречающиеся, как правило, в тех же корнях слов, что и в хантыйском,— приходит к выводу, что редуцированные гласные, как особые фонемы, некогда существовали в угро-финском языке-основе. Эти редуцированные гласные в настоящее время, по словам Штейница, сохранились только в архаических диалектах хантыйского и марийского языков. Нам кажется, что их следы сохранились также в коми-язьвинском (весьма архаичном во многих отношениях) диалекте в виде *ө* и *и*, *ы*, *ӱ* (из *ы*), которые не удерживают ударение.

Что касается первого гласного (*ө*), то можно с большей уверенностью высказать мысль, что этот гласный имеет прямое отношение к редуцированным гласным, о которых говорит Штейниц. Коми-язьвинские слова со звуком *ө* обычно соответствуют хантыйским и марийским словам с редуцированными гласными, каковыми являются, например, следующие слова коми-язьвинского диалекта: *лөд'д'инӧ* «считать», *төл* «перо», *көзнӧ* «кашлять», *сөлнӧ* «таять», *шөрнӧ* «стричь», *лө* «кость», *пөрз'ӧтнө* «крутить» (про снег), *тө* «озеро», *көнӧм* «живот», *лөм* «снег», *пөж* «лодка»[1]; *гөж* «ноготь», *көз* «толстый», *гөриʒ'а́* «локоть»[2], *көн* «мерзлый»[3].

Далее, Штейниц видит первоначальный редуцированный гласный (который чередовался в свое время с гласным полного образования) и в следующих словах языка коми[4]: *көлнӧ* «слышать» (293)[5], *гөр* «ступа» (294), *н'өлөшнӧ* «проглотить» (263), *көч* «круг» (279), *нөл* «девушка» (286).

Таким образом, редуцированные гласные угро-финского языка-основы и коми-язьвинское *ө* имеют непосредственную связь; поэтому данные о звуке *ө* коми-язьвинского диалекта могут принести известную пользу в деле разработки угро-финского вокализма.

Приведем коми-язьвинские коренные слова со звуком *ө*: *бөг* «пена», *бөд* «каждый», *бөд-* «расти», *бөчки-* «колоть», *бөдм'а́л-* «наматывать», *бөр-* «износиться» (об одежде), *бөра́* «опять»; *вөн* «сила», *вөл* «верх», *вөлйа́*: *с'ӱд вөлйа́* «черноватый», *вөлд-* «расширять», *гөжт-* «падать», *гөж* «коготь, ноготь», *гөн* «войлок, варежки», *гөр* «ступа», *гөрк* «внутренность», *гөрд* «кровь», *гөрч'ика́л-* «жевать», *гөриʒ'а́* «локоть», *гөри́с'* «крупный», *гөрн'и́ч'* «горшок», *гөма́л-* «греметь», *дөдӧ́к* «голубь», *дөш* «ленивый», *дөл* «совершенно», *дөр* «долго», *зөр* «лопата», *зөрт* «тереть, скоблить», *ǯөн* «половина», *ǯөнйа́н* «колокол», *з'өр* «шарниры», *йөр* «омут», *йөр-* «грызть», *йөл* «верхушка», *йөл-* «размножаться», *көмӧ́н* «сколько», *көк* «два», *көй-* «ловить»,

[1] См.: W. Steinitz. Указ. соч., § 11, примеры № 1, 2, 5, 6, 8, 9, 14, 19, 33, 35, 44; Штейниц предполагает здесь редуцированное *ŏ*.

[2] Штейниц предполагает здесь редуцированное *ŏ̆* (см. § 12, примеры № 47, 57, 62).

[3] Штейниц предполагает здесь редуцированное *ĕ* (см. § 13, пример № 74).

[4] Мы берем коми-язьвинские слова; Штейниц ими не оперирует.

[5] В скобках мы указываем номер примера в работе Штейница.

кӧтэ́н «где», ***кӧдэ́*** «рвется от гниения», ***кӧч*** «круг», ***кӧз'*** «береза», ***кӧш*** «скорлупа», ***кӧшэ́т-*** «шелестеть, издавать легкий шорох», ***кӧша́л-*** «надеть», ***кӧски-*** «тащить», ***кӧз*** «толстый», ***кӧнэ́м*** «живот», ***кӧн*** «мерзлый» ***кӧрт-*** «оторваться», ***кӧрӧш(т)-*** «царапнуть», ***кӧрни́ш*** «ворон», ***кӧрэ́м*** «рука», ***кӧл*** «язык», ***кӧл-*** «слышать», ***кӧлт-*** «плыть по течению», ***кӧмэ́с*** «лоб», ***кӧрйэ́л*** «вершина горы», ***кӧмэ́н*** «сколько», ***кӧми́н'*** «ничком», ***кӧмэ́р*** «облако», ***лӧ*** «кость», ***лӧд'д'и-*** «считать», ***лӧм*** «снег», ***мӧк*** «плотва», ***мӧгӧр*** «тело», ***мӧй*** «что», ***мӧди́к*** «другой», ***мӧч'ч'и-*** «пода́ть», ***мӧшк*** «горб», ***мӧж*** «вина», ***мӧн-*** «освободиться, развязаться», ***мӧрд'д'и-*** «отобрать», ***мӧрс'и-*** «трудиться», ***мӧрэ́л*** «пень», ***мӧлкэ́д*** «характер», ***мӧмда́*** «сколько», ***нӧж*** «тупой», ***нӧр*** «нос», ***нӧрӧшч'ч'и-*** «опереться на локоть», ***нӧл*** «дочь, девушка», ***нӧм: ни́нӧм*** «ничего», ***н'ӧл*** «пихта», ***н'ӧл-*** «глотать», ***пӧк-*** «подпереть», ***пӧд-*** «глубина», ***пӧч*** «блоха», ***пӧчк*** «внутренность», ***пӧчэ́н*** «оторочка на обуви», ***пӧш*** «пенька», ***пӧшйи-*** «убегать», ***пӧш*** «лодка», ***пӧжйа́н*** «большое шило», ***пӧс*** «ушко» (например, у иголки), ***пӧс'тэ́г*** «вид маленькой птички», ***пӧза́н*** «стол», ***пӧр*** «всегда», ***пӧр*** «через», ***пӧр*** «раз»: ***ӧт-пӧр*** «однажды», ***пӧр-*** «зайти», ***пӧрз'ӧт-*** «замести» (о вьюге), ***пӧм*** «горячий», ***сӧсйа́л-*** «цедить», ***сӧн-*** «грести», ***сӧна́н*** «гребень», ***с'ӧр*** «смола, липкий», ***сӧркйа́л-*** «тяжело дышать», ***сӧрса́*** «стожар с сучьями», ***сӧл*** «талый», ***с'ӧл-*** «петь», ***с'ӧли́*** «шея», ***тӧ*** «озеро», ***тӧш*** «обух», ***тӧшка́л-*** «толочь», ***тӧр*** «полный», ***тӧрп*** «губа», ***тӧл*** «перо», ***тӧла́*** «сугроб», ***тӧлэ́п*** «прядь, соломинка», ***тӧма́*** «порядочно», ***чӧк-*** «испортиться», ***чӧн*** «дым», ***чӧшки-*** «мести», ***ч'ӧшйа́н*** «платок», ***ч'ӧр-*** «сушить на воздухе мясо», ***ч'ӧрйи-*** «крошить», ***ч'ӧрс-*** «освободить от скорлупы ячмень и т. п.», ***шӧгэ́рт-*** «сгибать», ***шӧд*** «суп», ***шӧр*** «мышь», ***шӧрз'и-*** «освобождать стебель от листьев», ***шӧмра́л-*** «сжимать», ***ӧчки-*** «рвать, косить», ***ӧз̌ӧ́т*** «большой», ***ӧж*** «овца», ***ӧжэ́л*** «долото», ***ӧсти-*** «посылать», ***ӧрэ́ш*** «квас», ***ӧл-*** «даль».

Показательно, что коми-язьвинскому ***ӧ*** первого слога в других диалектах языка коми и в удмуртском языке почти всегда соответствует ***ы*** (кя. *шӧр* «мышь», др. д. *шыр*, удм. *шыр*).

Весьма знаменательно то, что коми-язьвинским ***и***, ***у***, ***ӱ***, не удерживающим на себе ударения, соответствуют у з к и е звуки не только в диалектах языка коми (коми-зырянских и коми-пермяцких), но и в удмуртском языке, где коми-язьвинскому ***и*** соответствуют ***и***, ***у*** — ***у*** (редко ***ы***), ***ӱ*** — ***у***, ***ы*** и ***и***. В то время как коми-язьвинским ***и***, ***у***, ***ӱ***, удерживающим ударение, соответствуют в других диалектах языка коми гласные среднего ряда (за небольшим исключением), в удмуртском языке такому ***у*** нередко соответствуют широкие звуки (***о***, ***э***, ***а***), хотя чаще всего мы имеем тоже ***у***; в звуках, соответствующих коми-язьвинскому ударяемому ***и***, мы видим в удмуртском языке явное преобладание гласных среднего подъема (***е***, ***о***). Коми-язьвинскому ударяемому ***ӱ*** в удмуртском языке чаще всего соответствуют ***ӧ***, ***у***, ***ы*** и иногда лишь ***о***.

Тот факт, что коми-язьвинским корневым гласным, не удерживающим ударения (***ӧ*** — всякое и ***и***, ***у***, ***ӱ*** — в определенных словах), соответствуют как в других диалектах языка коми, так и в удмуртском языке всегда узкие гласные, говорит о том, что эти гласные ***и***, ***у***, ***ӱ*** некогда

отличались от тех гласных (***и***, ***ы***, ***ӹ***), которые теперь удерживают на себе ударение.

Словом, имеется некоторое основание предполагать существование в общекоми языке редуцированных гласных (вроде ***ӑ***, ***ӥ***, ***ӹ*** или ***ӑ***, ***ӛ***, ***ӧ***), которые в коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах не сохранились как особые фонемы, отличающиеся от прочих фонем в количественном отношении. Следы этих редуцированных гласных сохранились в коми-язьвинском диалекте, носители которого, находясь среди дремучего леса предгорьев Урала и развиваясь в течение многих столетий изолированно от прочих коми, сохранили весьма архаические языковые черты. В этом диалекте мы имеем до сих пор следы редуцированных в виде ***е***, ***и***, ***ы*** (***ӹ***), не удерживающих на себе ударения.

В древнепермском языке редуцированных гласных фонем, повидимому, уже не было. Однако система ударения[1] пережиточно еще сохранилась. Так, например, при корневых гласных ***а***, ***о***, ***э***, ***ӧ*** ударение удерживается на первом слоге в громадном большинстве случаев (80%) и лишь изредка (20%) переносится на суффиксальный слог. Этот перенос ударения, вероятно, происходит под влиянием тех слов, которые не удерживали ударения на первом слоге в силу того, что там имелись редуцированные гласные.

Такой перенос (носящий спорадический характер) мы видим, например, на суффикс множественного числа- ***йас*** (*оломайа́с* «живущие», *немйа́с* «века» и др.), на суффикс 1 л. настояще-будущего времени глагола ***ам***, ***-амным*** (*кора́м* «призову», *келма́мным* «молим» и др.), на глагольный словообразовательный суффикс ***-ал*** (*йордйа́л-* «судить») и на некоторые другие суффиксы. Но, однако, наряду с этим, употребляются слова с данными суффиксами и без переноса ударения на эти суффиксы (*о́ломайас* «живущие», *ке́жалам* «надеюсь» и др.). Иногда такие слова употребляются с двойным ударением (*гре́кйа́слыс'* «от греков», *йо́рдйа́лӧм* «осуждение»).

В тех словах, в которых в коми-язьвинском диалекте стоит безударный гласный, в языке памятников древнепермской письменности XVI — XVII вв. в размещении ударения мы наблюдаем перебои: в половине случаев видим ударение на суффиксальном слоге (как и в коми-язьвинском диалекте) и в половине случаев — на первом слоге (*вы́лӧн* «вверху», *мы́нты* «отпусти», *гӥжӧм* «писание» и т. д.). Примеры второго рода, где ударение перенесено на первый слог под влиянием слов, фонетически сохранявших ударение на первом слоге (т. е. имевших там ***а***, ***о***, ***ӧ***, ***э***, ***и***, ***ы***, ***ӹ***, полного образования), говорят о том, что в древнепермском языке этого периода редуцированных гласных (не удерживающих на себе ударения) уже не было.

[1] Об ударении мы можем судить только по евгениевским текстам, представляющим собой язык населения сысольско-вычегодского бассейна XVI—XVII вв.

Замечательно, что в тех хантыйских заимствованиях из языка коми, которым соответствуют коми-язьвинские безударные *ө*, *у* (*ӱ*), *и*, мы встречаем обычно редуцированные гласные, например:

хант. *пэс* «насечка стрелы» из др.-коми **пэс*; ср. зп. *пыс*, кя. *пөс* «отверстие, ушко»;

хант. *пэсан* «стол» из др.-коми **пэзáн*; ср. з. *пызан*, п. *пызáн*, кя. *пөзáн*;

хант. *сэр* «лопата» из др.-коми **зэр*; ср. зп. *зыр*, кя. *зөр* и т. д.

В этих словах предполагается общехантыйское **ə*[1]:

хант. *пăрэс'* из др.-коми * *бўрис'*; ср. совр. коми: скр. *бурыс'*, уд., и., нв. *бурс'и*, п. *бурс'и*, *бурис'*, кя. *бурс'и́* «грива»;

хант. *йо̆к-* из др.-коми * *йук-*; ср. совр. коми: зп. *йук-*, кя. *йук-*, др.-п. *йук-* «делить»;

хант. *ко̆рэк* из др.-коми * *курöг*; ср. совр. коми: нв. *курöг*, и. *курӧ́г*, кя. *курө́г* «курица»;

хант. *то̆рун* из др.-коми * *турун*, ср. совр. коми: скр., нв., уд., л. *турун*, иж. *турын*, и. *туру́н*, кя. *туро́н*, *туру́н* «сено, трава» и т. д.

В этих словах предполагается общехантыйское редуцированное закрытое * *ӑ* или редуцированное закрытое * *о̆*[2]:

хант. *истэк* из др.-коми * *лятө́г*, ср. совр. коми: скр., л. *изтӧг*, иж. *истэг*, нв. *истöг*, кч. *истöг*, кя. *истө́г* «спички»;

хант. *ис-* из др.-коми * *из-*, ср. совр. коми: зп. *из-*, кя. *из-* «молоть».

В древнепермской графике есть указание на редуцированное произношение древнепермского *у*. Этот гласный звук *у* в памятниках древнепермской письменности передается той же буквой, какой передается и согласный *в*; вероятно, этот звук *у* был очень краток и напоминал билабиальное *в*.

В задачу данной статьи не входит решение вопроса о редуцированных гласных (это тема особой работы). Но для полноты характеристики системы гласных этого интересного говора мы коснулись некоторых вопросов исторической фонетики, в том числе и совершенно нового вопроса о количественных различиях между гласными фонемами языка коми.

Коми-язьвинский диалект дает богатый материал также для разрешения до сих пор не разрешенного вопроса о происхождении ударения в пермских языках.

Говор язьвинских коми, с своеобразной системой гласных, с исключительной архаичностью этой системы, предоставляет нам (наряду с памятниками древнепермской письменности) богатейший материал для освещения вопроса исторической фонетики языка коми и открывает научным работникам, занимающимся вопросами истории языка коми, широкое поле деятельности.

---

[1] K a r j a l a i n e n. Zur ostjakischen Lautgeschichte, Helsingfors, 1905, стр. 180.

[2] Там же.

Сравнивая факты коми-зырянских и коми-пермяцких говоров, с одной стороны, с фактами коми-язьвинского диалекта и древнепермского языка — с другой, мы заметим большие различия между ними, которые объясняются изменениями, происходившими за последние столетия на широкой территории коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов. В самом деле, если даже взять только систему гласных, то увидим, что в зырянских и пермяцких говорах исчезли закрытые гласные фонемы (*о̂*, *э̂*, *ӧ̂*), редуцированные (*ъ*, а может быть, и *ӳ*, *ӱ*) перешли в гласные полного образования, утратилась лабиализация *ӧ*, изменилась коренным образом система ударения и т. д., словом, произошло коренное переоформление всей системы гласных, выработалось совершенно новое качество.

* * *

Материал, приведенный в последних двух главах статьи, дает нам некоторые основания судить о системе гласных общекоми языка. Мы предполагаем для коми языка-основы следующие гласные фонемы: а) полного образования — узкие гласные (средневерхнего подъема) *э̂*, *о̂*, *ӧ̂*, напоминающие открытые *и*, *ы*, *ӱ*; средние (среднего подъема) *э*, *ӧ* (огубленное), *о*; широкий (нижнего подъема) *а*; б) редуцированные — узкий переднего ряда *э̆* (или открытый *ӱ̆*), узкий заднего ряда *о̆* (или открытый *ы̆*) и широкий среднего (среднезаднего) ряда *ӑ*(*ъ*).

Гласные фонемы общекоми языка можно представить в следующем виде (табл. 4):

Таблица 4

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Узкие	*э̆*, *э̂*	*ӱ* (*ӧ̂*)	*о̂*, *о̆*
Средние	*э*	*ӧ*	*о*
Широкие	—	*а*, *ӑ*	—

Гласным среднего подъема противостояли гласные верхнего подъема *э*, *ӧ*, *о* — *э̂*, *ӧ̂*, *о̂*; гласным полного образования *а*, *э̂*, *о̂* противостояли редуцированные *ӑ*, *э̆*, *о̆*; средним (передне-средним) *ӱ*, *ӧ* противостояли задние *ы* (*о̂*), *о*. Звук *ӧ* был огубленным гласным. При суффиксации гласные полного образования корневого слога, как правило, удерживали на себе ударение, а редуцированные не удерживали его.

Такая система гласных в современных диалектах нигде не сохранилась. По вокализму ближе всего стоит к языку-основе коми-язьвинский диалект, развивавшийся в течение ряда веков изолированно от остальных коми диалектов. Здесь сохранилась старая система ударения, сохранились также фонема *ӧ̂* (*ӱ*), огубленное *ӧ*, особая фонема *ъ* на месте редуцированного *ӑ* общекоми языка. В коми-язьвинском диалекте общекоми переднерядные полное *э̂* и редуцированное *э̆* сузились и слились в одном

звуке *и*, а *ô* и *ŏ* слились в звуке *у*; но, слившись в один звук, эти гласные в коми-язьвинском диалекте сохранили различие в ударении; *и* и *у*, восходящие к общекоми закрытому *ə̂* и *ô*, удерживают на себе ударение, а *и* и *у* из редуцированных гласных ударения не удерживают.

В остальных диалектах языка коми произошли еще бóльшие изменения, а именно: фонема *ӱ* исчезла (она слилась с другими гласными — *ӧ*, *о*, *ы*), закрытые *ô* и *ə̂* слились с соответствующими открытыми, звук *ӧ* потерял лабиализацию, широкий редуцированный *ă* сузился и перешел в узкий гласный полного образования *ы*, редуцированные *ə̆* и *ŏ* сузились и перешли соответственно в гласные полного образования *и* и *у*; коренным образом изменилась система ударения.

Выводы относительно системы гласных общекоми языка побуждают нас к пересмотру некоторых из тех положений общепермского вокализма, к которым пришли Штейниц и проф. Д. В. Бубрих[1]. Штейниц и Д. В. Бубрих предполагают существование в общепермском языке-основе следующих семи гласных фонем: *у*, *о*, *а*, *ы*, *ӧ*, *и*, *э*, т. е. тех же гласных, которые имеются в современном удмуртском литературном языке и в зырянско-пермяцких диалектах языка коми. Между тем нам кажется, что состав гласных фонем общепермского языка был значительно обширнее, чем состав гласных современных пермских языков. Не исключена возможность, что, кроме вышеприведенных семи гласных, в языке-основе имелись также редуцированные гласные, гласный *ӱ* и некоторые другие.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время, при совершенной неизученности вокализма удмуртских диалектов, трудно говорить о системе гласных общепермского языка. Для этого прежде всего нужно установить систему гласных общеудмуртского языка-основы и только после этого подойти к проблеме общепермского вокализма.

Аналогичные исследования должны быть произведены и в отношении вокализма других восточнофинских языков, что позволит приступить к изучению системы гласных угро-финских языков.

Сокращения, принятые в статье

1. Сокращенные обозначения диалектов и языков: в.— вычегодский диалект языка коми; вв.— верхневычегодский диалект; вс.— верхнесысольский диалект; вым.— вымский диалект; др.-п. — древнепермский язык (язык стефановских письмен); др. д. — см.: ост. д.; з.—коми-зырянские диалекты; зп.— зырянско-пермяцкие диалекты; и.— иньвенский диалект; иж.— ижемский диалект; к.— диалекты коми (коми-зырянские, коми-пермяцкие, коми-язьвинский и др.); кб.— кобринский диалект; кч.— кочевской диалект; крч.— керчемский диалект; кя.— коми-язьвинский диалект; л.— лузский диалект; лет.— летский диалект; лл.— лузско-летский диалект; нв.— нижневычегодский диалект; ок.— диалекты Коми-Пермяцкого округа; ост. д.— остальные диалекты коми (кроме ранее перечисленных по данному слову); п.—коми-пермяцкие диалекты; печ.— печорский диалект; с.— сысольский диалект;

[1] См.: W. Steinitz. Указ. соч., § 30 и Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка, § 52.

сев.— северные диалекты (нв., вым., уд., иж.); скр.— сыктывкарский диалект; с.-р.— севернорусский диалект; уд.— удорский диалект; удм.— удмуртский язык.

2. Прочие сокращения: Вид.— F. S. Wiedemann. Syrjänisch-deutsche Wörterbuch, СПб., 1880; е.— евгениевские тексты древнепермского языка; леп.— лепехинские тексты древнепермского языка; ле.— лепехинско-евгениевские тексты древнепермского языка; кылд. — древнепермская надпись в рукописном номоканоне 1510 г.; сош. — древнепермская надпись на иконе сошествия; тр.— древнепермская надпись на иконе троицы; ц.-сл.— церковно-славянский; FUF — Finnisch-ugrische Forschungen; Jacobs.— H. Jacobsohn. Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922; Inl. Affr.— I. H. Toivonen. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten, FUF, № 19, Helsinki, 1928; Kons—T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki, 1933; NyH — Szinnyei. Magyar nyelvhasonlítás, Budapest, 1920; Syrj. Chr.— T. E. Uotila. Syrjänische Chrestomathie, Helsinki, 1938.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
Том I 1952

В. И. Лыткин

ОБ УДАРЕНИИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Среди угро-финских языков коми-пермяцкий язык по своему ударению занимает особое место. В других угро-финских языках ударение или стоит на определенном слоге (в финском и венгерском — на первом, а в удмуртском — на последнем), или же является свободным, нефиксированным (в эрзя-мордовском и многих коми-зырянских диалектах), притом в этих языках лексическое ударение не несет морфологической функции (если не считать единичных случаев).

Для ударения коми-пермяцкого языка характерно то, что оно в значительной мере морфологизировано, т. е. его местоположение зависит от морфемы: одни морфемы всегда безударны, другие ударяемы, третьи перетягивают ударение на себя или на предшествующий слог. В результате получается весьма оригинальный тип разноместного ударения. Поскольку место ударения обычно определяется морфемным составом слова, постольку оно может в одних словах падать на первый слог, в других — на второй, на третий и т. д.; но в каждом отдельном слове ударение занимает вполне определенное место (слов с неустойчивым ударением очень немного), причем ударение покоится всегда на какомнибудь слоге основы слова, а словоизменительные суффиксы всегда являются безударными. Поэтому коми-пермяцкое ударение мы называем осново-разноместным.

Место ударения в коми-пермяцком языке зависит от ряда условий и определяется следующими правилами.

Безударными являются следующие категории суффиксов:

1) падежные суффиксы: *мо́ртлӧн* «у человека», *мо́ртлӧ* «человеку» и т. д.;

2) суффикс звательной формы: *во́нӧ*! «брат!»;

3) притяжательные суффиксы: *ба́ляыт* «твоя овца, овца-то», *ба́лянным* «наша овца» и т. д.;

4) суффиксы множественного числа существительных и предикативных слов: *мо́рттэз* «люди», *ку́зьӧсь* «длинны»;

5) уменьшительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных *-ка*, *-иньӧй*, *-у*, *-тор*: *зо́нка* «парень», *ма́миньӧй* «маменька», *ма́му* «мамочка», *ня́ньтор* «хлебец»;

6) словообразовательные суффиксы прилагательных **-*а*** (**-*я***), **-*ся***, **-*са***, **-*ӧсь***, **-*тӧм***, **-*ан***, **-*ӧм***, **-*ыт***, **-*ыр***, **-*овӧй***: *дӧ́на* «дорогой», *ло́вья* «живой», *тӧ́вся* «зимний», *тӧ́дса* «знакомый», *сэ́рпӧсь* «поганый», *пыдӧ́стӧм* «бездонный», *кӧ́дзан фронт* «посевной фронт», *бӧ́рйӧм депутат* «избранный депутат», *вӧ́ськыт* «прямой», *му́овӧй* «земляной», *гу́дыр* «мутный»;

7) уменьшительный суффикс **-*жык***, употребляемый преимущественно с прилагательными и наречиями: *ку́зьжык бедь* «более длинная палка», *бедь ку́зьжык* «палка длиннее», *кузя́жыка нюжӧ́т* «длиннее растяни»;

8) словоизменительные суффиксы глагола (лицо, число, время, инфинитив, наклонение и т. д.): *му́на* «иду», *му́нан* «идешь», *му́нім* «мы шли», *му́нӧм* «он ушел, оказывается», *му́насӧ* «пойдут», *му́нӧ* «идите», *ӧг мунӧ* «не идем», *му́нны* «итти», *пу́ктыны* «положить» и т. д.;

9) продуктивные суффиксы отглагольных наречий («деепричастий»): **-*икӧ***, **-*тӧн***, **-*ӧмӧн***, **-*тӧдз***, **-*тӧг***, **-*мӧн***: *уджа́лікӧ* «работая», *уджа́втӧн* «во время работы, работая», *уджа́лӧмӧн* «работав, работая», *уджа́втӧдз* «до работы», *уджа́втӧг* «без работы, не работая», *сӧ́ймӧн* «столько, сколько нужно для еды»;

10) наречия с застывшими падежными суффиксами обычно тоже являются безударными: *та́тӧн* «здесь», *та́тчӧ* «сюда», *дзи́кӧдз* «совершенно», *вы́лань* «кверху», *ро́чӧн* «по-русски», *о́рдчӧн* «рядом», *о́ддьӧн* (наряду с *ӧ́ддьӧн*) «очень»;

11) в наречиях образа действия с суффиксом **-*а*** наблюдается колебание: *кре́пыта — крепыта́* «крепко», *бу́ра — бура́* «хорошо»;

12) послелоги и частицы: *му́* ***вылын*** «на земле», *ме́* ***одзын*** «передо мною», *ги́жин* ***бы*** «написал бы ты».

Таким образом, все словоизменительные и часть словообразовательных суффиксов являются безударными. Значительное же количество словообразовательных суффиксов имеет на себе ударение, а именно:

1) уменьшительный суффикс существительного **-*ок***: *книгао́к* «книжка», *керкуо́к* «избушка», *лымо́к* «снежок»;

2) продуктивные отглагольные словообразовательные суффиксы существительного **-*ан***, **-*ас***, **-*ӧт***, **-*ӧм***, **-*ись***: *оло́н* «жизнь», *печка́н* «прялка», *дӧма́с* «заплата», *кӧртӧ́т* «повязка», *гижӧ́т* «письмо», *олӧ́м* «жизнь», *бӧрйӧ́и* «выборы», *вӧрзаптісь* «лесозаготовщик»; однако в отглагольных существительных с суффиксами **-*ӧм*** и **-*ись*** ударение иногда стоит не на этих суффиксах: *пе́ссьӧм* «борьба», *по́лӧм* «боязнь» и т. д.; *уджа́лісь* «рабочий», *велӧ́тчись* «учащийся» (в последних двух словах предшествующие суффиксы **-*ал***, **-*ӧт*** перетягивают на себя ударение (см. ниже п. 8.);

3) отыменные словообразовательные суффиксы **-*ӧс***, **-*ӧр***, **-*а***: *пуртӧ́с* «ножны», *пытшкӧ́с* «внутренность», *мыгӧ́р* «туловище, рост», *пиня́* «борона», *пасьта́* «ширина»;

4) уменьшительный суффикс прилагательного **-*ынник***: *томы́нник* «молоденький», *рамы́нник* «смиренький»;

5) словообразовательные суффиксы прилагательного **-*ӧв***, **-*ав*** (**-*яв***): *кызӧ́в* «толстоват», *небытӧ́в* «мягковат», *арья́в кад* «осеннее время»;

6) суффикс порядкового числительного **-ӧт**: *нёльӧ́т* «четвертый», *витӧ́т* «пятый»;

7) суффикс коллективного числительного **-нан**: *кыкна́нным* «мы двое», *витна́нныс* «они пятеро»;

8) словообразовательные суффиксы глаголов **-ав** (**-ал**), **-асьӧ**, **-ам**, **-ӧт**, **-ӧвт**, **-ыв**, **-ышт** со значением законченности действия, **-ись**, **-ит**, **-уйт**, **-ӧрт**, **-ӧсьт**, **-ырт** и некоторые другие: *вунда́вны* «резать», *шагня́вын* «шагать», *юа́сьны* «расспрашивать», *лӧга́сьны* «рассердиться», *мича́мны* «проясниться», *сувтӧ́тны* «поставить», *вунӧ́тны* «забыть», *оськӧ́втны* «шагнуть», *сайӧ́втны* «заслонить», *дугды́вны* «перестать на время», *юы́штны* «выпить», *ныры́штны* «раздавить», *кутчи́сьны* «схватиться», *кӧсйи́сьны* «обещаться», *люби́тны* «любить», *кочу́йтны* «кочевать», *котӧ́ртны* «бежать», *пизьӧ́сьтны* «запачкать мукой», *пидзы́ртны* «выжать»;

9) приставка превосходной степени **мед** тоже имеет на себе ударение: *ме́дбур* «самый лучший», *ме́дъён* «самый сильный»;

10) в двусложных производных основах и основах с мертвыми суффиксами ударение может стоять как на первом, так и на втором слоге: *бӧра́* «опять», *ка́га* «ребенок», *ӧшы́н* «окно», *шо́нді* «солнце», *дуді́* «голубь», *мате́г* «мыло» и т. д.;

11) довольно часто наблюдается колебание в месте ударения: *по́жум* — *пожу́м* «сосна», *че́ри* — *чери́* «рыба», *ва́рыш* — *вары́ш* «ястреб», *сэ́тӧр* — *сэтӧ́р* «смородина», *кы́мӧр* — *кымӧ́р* «облако», *сёрнитны* — *сёрни́тны* «разговаривать», *ю́гӧр* — *югӧ́р* «луч», *бакӧ́стны* — *бако́стны* «замычать», *ӧ́ддьӧн* — *ӧддьӧ́н* «очень», *ви́лись* — *вили́сь* «снова», *о́дзлань* — *одзла́нь* «вперед», *у́на* — *уна́* «много», *кы́тшӧм* — *кытшӧ́м* «какой», *бы́дӧн* — *быдӧ́н* «все», *чу́жӧм* — *чужӧ́м* «лицо», *бу́ра* — *бура́* «хорошо» и др.;

12) в русских заимствованиях сохраняется ударение оригинала: *колхо́з*, *письмо́*, *сове́т*, *тра́ктор* и др.;

Ударение иногда переносится с одного слога на другой, например:

1) при присоединении суффикса сравнительной степени прилагательного или наречия **-жык** ударение переносится на предшествующий этому суффиксу слог: *то́пыт* «плотный», *топы́тжык* «более плотный», *топы́тжыка* «более плотно»;

2) при присоединении падежного суффикса к местоимению **мѝян** «наш» ударение переносится на второй слог: *мия́нлӧ* «нам», *мия́нлісь* «у нас», *мия́нкӧт* «с нами» и т. д.;

3) при наличии в одном слове двух ударных суффиксов, в следующих словах говорящие предпочитают глагольный суффикс именному: *уджа́лісь* «рабочий», *вело́тчись* «учащийся».

В коми-пермяцком языке местом ударения иногда различаются грамматические категории, например: *сёя́н* «кушанье», *сёян* «кушаешь»; *юа́н* «питье», *ю́ан* «пьешь», *пета́с* «всходы», *пе́тас* «выйдет, взойдет»; *гарӧ́ышта* «докопаю», *га́рӧытша* «копну»; *олӧ́м* «жизнь» — *о́лӧм* «он жил».

Таким образом, о месте ударения неодносложных основ коми-пермяцкого языка можно сказать следующее: в прилагательных ударение обычно падает на первый слог (исключением являются оговоренные выше случаи и некоторые единичные слова); в глаголах ударение падает на первый слог в том случае, если нет словообразовательного суффикса, имеющего свою огласовку, — в последнем случае оно переносится на этот суффикс (встречаются отдельные суффиксы, на которые не переносится ударение, например, *-ышт* с уменьшительным значением и некоторые другие); в производных основах существительных ударение падает на суффикс, за исключением случаев, отмеченных выше.

Из вышеизложенного видно, что ударение коми-пермяцкого литературного языка, в основе которого лежит (в отношении ударения) кудымкарский говор, морфологизировано. По размещению ударения мало отличаются от кудымкарского и многие другие говоры Коми-Пермяцкого округа (верхнеиньвенский, косинский, кочевской, нердвинский и т. д.). Словом, коми-пермяцкие диалекты в своем большинстве в отношении ударения представляют единство; принципы размещения ударения у них одни и те же, диалектные отклонения касаются лишь отдельных слов.

Однако имеются коми-пермяцкие диалекты, где мы наблюдаем совершенно иную систему ударения. Так, например, нам удалось установить совершенно иной тип ударения в оньковском и нижнеиньвенском диалектах. Остановимся специально на ударении этих диалектов.

Оньковский диалект, занимающий территорию одного сельсовета (Оньковского) Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа с населением около 1500 человек, является самым восточным диалектом по р. Иньве, правому притоку Камы. Этот диалект отличается от прочих иньвенских диалектов не только своей специфической акцентуацией, но и «лэканьем», — это единственный коми-пермяцкий диалект иньвенского бассейна, где сохранился звук *л* (в других иньвенских диалектах, на которых говорит около 70 тыс. населения, звук *л* заменился звуком *в* или, вернее, билабиальным *w*): оньковское *лок* «иди», *вӧл* «лошадь», *кылӧ* «слышит» вместо остальных иньвенских *вок*, *вӧв*, *квӧ* [1].

В чем же выражается специфика ударения этого диалекта? Самой характерной чертой акцентуации этого диалекта является двойственность в поведении корневых гласных в отношении удерживания на себе ударения: одни корневые гласные при словоизменении и словообразовании удерживают на себе ударение, а другие не удерживают. Нам удалось установить [2] следующие закономерности, касающиеся переноса и непереноса ударения с корня слова:

---

[1] В коми-пермяцком литературном языке употребление *л* введено искусственно — по нормам употребления этого звука в коми-зырянском литературном языке.

[2] Оньковский говор изучен нами совместно со старшим научным сотрудником Чкаловского областного краеведческого музея С. А. Поповым летом 1951 г.

1. Корневые гласные неверхнего подъема ***а***, ***о***, ***ӧ***, ***э*** всегда имеют на себе ударение и удерживают его на себе при словообразовании и словоизменении, например: *ка́н'лӧн* «у кошки», *ва́йа* «принесу», *ва́шӧта* «прогоню», *ло́кны* «приходить», *ко́йышны* «выплеснуть», *во́нлӧ* «брату», *гӧрны* «пахать», *вӧрын* «в лесу», *нӧбӧта* «тащу», *пэ́талны* «выйти на время», *мэ́нӧ* «меня», *кэ́пис'с'эз*[1] «рукавицы», *са́ртас* «лучина», *э́стӧн* «здесь».

2. Корневые гласные верхнего подъема ***и***, ***ы***, ***у*** в неодносложных словах не имеют на себе ударения, например: *гижа́* «пишу», *киӧ́с* «я свою руку (вин. пад.)», *кис'ти́с* «он вылил», *пыра́* «зайду», *ыжма́лны* «шалить», *шырлӧ́н* «у мышки», *вурс'ӧ́ны* «шьют», *тулы́сын* «весной», *вунда́* «жну», *куз'ӧ́с'* «длинны», *кытч'ӧ́* «куда», *бычӧ́м* «хорошо».

Исключением являются несколько слов с корневым ***и*** иного происхождения (это ***и*** исторически происходит из закрытого ***э̂***, в других коми диалектах соответствует ему звук ***э***), в которых ударение сохраняется на корневом гласном, например: *си́чанис'* «оттуда» (коми-перм. лит. *сэтчанысь*)[1], *ч'и́гис* «сломался» (коми-перм. лит. *чегис*).

Такой тип ударения, когда место ударения зависит от качества гласного, мы называем качественно-вокальным (квалификативно-вокальным).

Русские заимствования в этом диалекте не подчинены закону качественно-вокального ударения: в них сохраняется место русского ударения (*молоти́тны* «молотить», *коси́тны* «косить», *плато́к* «платок»).

3. Перенос ударения при коренных ***и***, ***ы***, ***у*** на суффиксальный слог подчинено следующим правилам:

а) при склонении и спряжении слов с непроизводными основами ударение переносится на словоизменительный суффикс, притом при спряжении оно переносится на первый слог словоизменительного суффикса, а при склонении—на суффикс множественного числа, например: *муна́мӧ* «идем», *муни́сӧ* «они ушли», *кан' кыйӧ́ шырр э́зӧс* «кошка ловит мышей», *пурттэ́зыслӧн конэ́'ч'ч'эз лэ́ч'ытӧс'* «концы ножей остры»;

б) при склонении и спряжении слов с производными основами ударение стоит на том словообразовательном суффиксе, который в коми-пермяцком литературном языке является ударным (см. выше) и не переносится на словоизменительный суффикс, например: *у̯э́лны* «работать», *йукта́ла* «пою, напою», *умӧ́с'с'ис* «он уснул», *вийӧ́та* «цежу», *гудйи́с'ӧны* «скребутся», *уз'ӧ́сыс ӧ́с'та* «дверь-то открыта», *тулы́сын* «весной», *руз'ӧ́гтӧг* «без ржи» и т. д. (см. ниже, нижнеиньвенский диалект).

Здесь на фоне качественно-вокальной акцентуации мы уже видим отдельные случаи морфологизации ударения, причем предпочтение оказывается суффиксу множественного числа перед другими словоизменительными суффиксами существительного (*пурттэ́зыслӧн* «у его ножей»); в словах

[1] Диалектные слова мы передаем транскрипцией в отличие от слов коми литературного языка, передаваемых нами орфографическим письмом (см. выше).

с производной основой ударение переносится с корня не на словоизменительный, а на определенный словообразовательный суффикс.

Однако система качественно-вокального ударения в оньковском диалекте этим не нарушается, ибо указанная морфологизация ударения касается только тех слов, в корне которых стоит гласный верхнего подъема, не удерживающий ударения.

4. Сравнительный суффикс ***-жык*** в этом диалекте так же, как и в литературном языке, перетягивает ударение на предшествующий слог, независимо от качества гласного этого слога и качества гласного предыдущего слога (сам сравнительный суффикс всегда безударный), например: *ӟэ́ныт* «короткий», *ӟэны́джык* «короче»; *с'ӧ́кыт* «тяжелый», *с'ӧкы́джык* «тяжелее»; ***кыз*** «толстый», ***кы́жжык*** «толще». Таким образом, этот суффикс ***-жык*** не подчиняется законам качественно-вокального ударения, он нарушает этот закон.

Тип оньковского ударения не представляет собой исключения: точно такое же ударение имеется в коми-язьвинском диалекте, отделенном от оньковского пространством в несколько сот километров[1]. Здесь тот же тип качественно-вокального ударения, те же законы переноса ударения с первого слога, содержащего гласный верхнего подъема, на суффиксы и т. д. Так, например, ударение переносится на следующие словообразовательные суффиксы и при словоизменении остается на них: ***кив'а́с'нө*** «застегнуться», *ӱза́лтөг* «без работы, не работая», *ига́нис* «его запор», *өчкө́лтнө* «рвануть», *кусө́тнө* «погасить», *өӟөтө́ла өжда́н* «довольно большой вырастешь», *киз'ө́ртны* «разжижать», *унмӧ́с'с'инис* «они уснули», *с'урө́ммис* «зачерствел», *ӱ́з'өс* «дверь» и т. д. (эти суффиксы в коми-пермяцком литературном языке тоже являются ударными). В этих примерах мы не видим нарушения квалификативно-вокального типа ударения, но закрепление ударения за определенным суффиксом уже говорит о частичной морфологизации ударения, как это мы видели и в оньковском диалекте.

В коми-язьвинском диалекте мы наблюдаем иногда и отступление от квалификативно-вокального ударения. Кроме рассмотренного выше случая с сравнительным суффиксом (оньковское ***-жык***, коми-язьвинское ***-ӟ́ик***), в коми-язьвинском диалекте встречаются еще следующие:

а) порядковый суффикс числительного ***-өт*** перетягивает на себя ударение независимо от того, какой гласный стоит в корне слова, например: *квӣ́мас'* «трое», *квӣ́мис'* «трижды», *нӯ́л'ис'* «четыре раза», *н'ӯ́л'ас'* «четверо» (в первом слоге этих числительных раньше был гласный среднего подъема, ср. коми-зырянское ***комын*** «тридцать», коми-зырянское и коми-пермяцкое *н'ол'* «четыре»), но: *квимө́т* «третий», *н'ул'ө́т* «четвертый»;

б) суффикс- ***ик*** тоже перетягивает на себя ударение, например: *мӯ́дла дор*, *мӯ́дөр* «другая сторона» (это ***ӱ*** происходит от гласного среднего

[1] Коми-язьвинский диалект (Красновишерского района Молотовской области) нами изучался в 1949—1952 гг. совместно с С. А. Поповым.

подъема, ср. коми-пермяцкое *мöдöр*), но: *мӱдӥк мэстан* «в другом месте», *мунам мӱдӥкла* «идем за другим», *мӱдӥклас'* «с другого места»;

в) перетягивает ударение и удерживает на себе при дальнейшей суффиксации уменьшительный суффикс *-ин'ч'ик*: *шӱч'а* «редко» (*ӱ* раньше был гласным среднего подъема, ср. коми-пермяцкое *шоч* «редкий»), но: *шӱч'ӥн'ч'ика* «реденько».

Таким образом, в этих двух тождественных по месту ударения диалектах мы видим качественно-вокальное ударение, на фоне которого (при закономерном переносе ударения на суффиксальный слог в словах с корневыми гласными верхнего подъема) происходит частичная морфологизация ударения, выражающаяся в прикреплении его к суффиксам, несущим в современном языке определенную морфологическую функцию. В отдельных случаях мы видим уже полную морфологизацию, выражающуюся в том, что место ударения диктуется суффиксом (*-жык*, *-ӟик*, *-ӧт*, *-ӥк*) всегда — не только в тех словах, где в первом слоге (корне) находится гласный верхнего подъема, но и в тех, где стоят гласные среднего и нижнего подъема.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с ударением в нижнеиньвенском диалекте. Этот диалект охватывает следующие пять сельсоветов Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа: Тиминский, Купросский, Крохалевский, Аксеновский и Доегский. Этот диалект является промежуточным между оньковским и остальными иньвенскими диалектами коми-пермяцкого языка и в территориальном, и в лингвистическом отношениях. Он занимает промежуточное место и в отношении ударения. Категорий слов, подчиненных качественно-вокальному ударению, в этом диалекте сравнительно немного, так как в процессе взаимовлияния разных форм произошла нивелировка, выравнивание. Действительно, многие словообразовательные суффиксы окончательно перетянули на себя ударение и закрепили его за собой. Если в оньковском и коми-язьвинском диалектах ударение падает на ряд словообразовательных суффиксов только в словах, в корневом слоге которых имеется гласный верхнего подъема (*ы*, *и*, *у*), то в нижнеиньвенском диалекте эти словообразовательные суффиксы являются всегда ударными — независимо от качества корневого гласного: не только *пымáвны* «потеть», *тышкáс'ны* «драться», *сувтӧ́тны* «остановить», *пин'ӧ́втны* «вывихнуть», но и *котрáс'ны* «бегать», *пӧрӧ́тны* «повалить», *пэтáвны* «выйти на время», *койы́шны* «выплеснуть», *рэктáн* «мотовило».

Далее, в неглагольных основах (в именах, местоимениях и наречиях) произошло выравнивание места ударения: при словоизменении с верхнерядных гласных первого слога ударение не стало переноситься на суффиксальный слог (*шы́рӧс* «мышку», *йӱ́рӧс* «голову», *кы́ӧс* «мою руку», *пӱ́ввӧ* «на дерево», *сы́вӧ* «ему», *рӱ́ч'ыс* «лисица-то», *тӱ́йвӧт* «по дороге», *зӱ́дыс* «его брусок» и т. д.).

В этом отношении ударение нижнеиньвенского диалекта не отличается от коми-пермяцкого литературного языка: в общем продуктивные

словообразовательные суффиксы по своей акцентуации в том и другом одинаковы; в словах, содержащих продуктивные словообразовательные суффиксы, а равно и в неглагольных словах ударение полностью морфологизировано; в этих категориях слов от прежнего качественно-вокального ударения не осталось никаких следов.

Прежний тип ударения сохранился лишь в глаголах с непроизводной основой, где ударение подчинено тем же закономерностям, каким и в оньковском и коми-язьвинском диалектах, т. е. если в первом слоге (корне) стоит *ы*, *у*, *и*, то при словоизменении ударение переносится на словоизменительный суффикс; если в корне глагола стоят другие гласные, то ударение падает на них и при словоизменении не переносится на другой слог, например: *пыра́* «зайду», *с'ывны́* «петь», *пукти́с* «положил», *ус'ны́* «упасть», *вис'ны́* «болеть», *гижа́с* «напишет», *ва́йны* «принести», *пэ́тны* «выйти», *го́рӧ* «пашет», *с'о́йны* «есть» и т. д.

Эта черта является наиболее существенным отличием нижнеиньвенского диалекта от основной массы коми-пермяцких диалектов. Здесь (в глаголах с непроизводной основой) выравнивание места ударения еще не произошло, ударение еще не морфологизировано.

Прежний тип ударения сохранился также в двусложных деэтимологизированных словах и в словах с непродуктивными суффиксами (в этих категориях слов, разумеется, невозможна никакая морфологизация ударения). Небезинтересно привести эти слова.

Ударение на *о*, *э*, *а*, *ӧ* первого слога:

бо́би «бабочка», *ч'э́ри* «рыба», *о́ни* «теперь», *шо́нди* «солнце», *шо́гди* «пшеница», *с'о́ртн'и* «репа», *вӧ́сн'и* «тонкий», *ко́кн'и* «легкий», *по́сн'и* «мелкий», *тӧ́н'ʒ'и* «давеча», *го́л'и* «шишка»;

ба́л'а мош «пчела», *ба́л'а* «овца», *ка́га* «ребенок», *вӧ́ра* «вымя», *ӧ́шка* «бык», *ра́ка* «ворона», *ка́ча-ра́ка* «сорока», *с'ӧ́ва* «рябчик», *ко́ба* «прялка», *дӧ́ра* «холст», *па́рга* «кудельная пыль под ткацким станом», *ша́н'га* «лепешка, шаньга», *кӧ́да* «который», *э́та* «этот», *э́на* «эти», *э́тн'а* «вот эти», *ӧ́н'н'а* «теперешний», *ʒ'ӕ́л'капиан* «ягненок», *тӧ́н'н'а* «давешний», *кэ́вйа* «жёны братьев», *га́л'а* «кремень», *ч'ага* «трут», *ба́ка* «березовый гриб, нарост на березе»; исключения: *н'авда́* «вид сорной травы», *карта́* «двор, хлев»;

сэ́тӧр «смородина», *до́змӧр* «глухарь», *пэ́чӧр* «крапива», *вэ́жӧра* «умный»;

кӧ́ʒ'ӧс «семя», *ʒ́э́ндӧс* «сорт кудели», *кэ́рӧс* «гора», *кӧ́н'ӧс* «кадка», *ӧ́мӧс* «удила»; исключение: *йэрнӧ́с* «рубашка»;

пэ́мыт «темный», *ʒ́э́ныт* «короткий», *с'ӧ́кыт* «тяжелый», *вэ́ч'ыт* «острый, наточенный», *па́с'кыт* «широкий», *вэ́с'кыт* «прямой», *ч'о́рыт* «твердый», *н'э́́'быт* «мягкий», *са́йкыт* «холодный», *шо́ныт* «теплый»;

ва́ч'кӧм «мелкая солома при молотьбе», *э́ччӧм* «вот такой», *сэ́ччӧм* «такой», *с'ӧ́лӧм* «сердце»;

шӧ́рис' *чун'* «средний палец», *о́'ʒис'* *ч'ун'* «указательный палец»; исключение: *кэпи́с'* (< **кэ-пис'* или *ки-пис'*, *ки* «рука») «рукавица»;

с'э́ров «гнида», *ко̆ин* «волк», *то́ин* «пест», *йэ́л'дӧг* «груздь», *ма́йӧг* «кол», *ко́ӟ'ув* «муравей», *а́бу* «нет», *мӧ́йму* «прошлый год», *кэ́рку* «изба», *ва́рыш* «ястреб», *по̆им* «зола», *о̆тик* «один», *ко́рос'* «веник», *с'э́рмӧт* «узда», *а́шын* «завтра»; исключение: *ӧшы́н* «окно»; *ч'о́ч'ком* «белый», *н'а́риӟ'* «волокуша»; исключения: *ӟ'оӟ'о́г* «гусь», *карта́с* «лучина», *кола́с* «промежуток», *ч'эра́н'* «паук», *моро́с* «грудь».

Если в первом слоге стоят **ы**, **у**, **и**, то ударение падает на второй слог деэтимологизированного слова, причем суффиксальная часть этих слов в отношении состава фонем тождественна с суффиксальной частью вышеприведенных слов (ср., например, *дӧзмӧ̆р* и *кымӧ̆р*, *кэ́рӧ̆с* и *йукмӧ̆с*):

туры́ «журавль», *дуды́* «голубь», *с'ура́* «цевка», *пэ́л' пычкы́* «ушное отверстие»; исключение: *и́ки* «ость»;

мыл'а́ «зачем», *зил'л'а́* «болото», *гырӟ'а́* «локоть», *сурса́* «позвоночный столб, спина», *суса́* «ткацкий челнок», *пин'а́* «борона», *вил'са́* «подсека», *бива́* «охотничья сумочка для спичек» и т. д.;

ч'ужмо̆́р «горностай», *киз'о̆́р* «жидкий», *уд'э́рвун* «позавчера» (*вун* «день»), *кымо̆́р* «облако»;

уӟ'о̆́с «дверь», *йукмо̆́с* «колодец», *пуртӧ̆с* «стручок», *быдӧ̆с* «все», *кымӧ̆с* «лоб»;

ыӟы́т «большой», *уч'э́т* «маленький», *кры́т* «горький»; исключение: *йӳгыт* (< * *йӳгыт*, где *ӳ* восходит к гласному среднего подъема, вроде закрытого *ӧ*);

кыч'о̆́м «какой», *быч'о̆́м* «хороший»;

ч'ики́с' «коса», *гыри́с'* «крупный»;

мыро̆́в «пень», *куро̆́г* «курица», *руӟ'ӧг* «рожь», *кырны́ш* «коршун», *куи́м* «три», *куч'и́к* «кожа», *тупи́ка* «тупой, тупоконечный», *с'имо̆́т* «береста», *изы́н* «жернов», *тупо̆́с'* «колобок, блин», *вуру́н* «шерсть», *туру́н* «трава», *из'а́с* «солома», *кука́н'* «теленок», *ту́ис* «бурак», *лудык* «клоп», *гудыр* «мутный», *вугыр* «крючок», *кыры́м* «рука», *зыры́м* «сопли», *кыми́н'* «ничком», *визы́в* «быстротечный», *ч'укы́ла* «кривой», *тулы́с* «весна».

Из приведенных примеров видно, что в деэтимологизированных словах нижнеиньвенского говора качественно-вокальный принцип ударения за редким исключением проводится последовательно.

Место ударения в этих словах зависит от качества гласного первого слога. Это можно наблюдать на примерах местоименных наречий и местоимений, одинаково образованных, но имеющих разную огласовку в корне:

та́ч'ч'ӧ «сюда» — *кыч'ч'о̆́* «куда», *та́ти* «по этому месту» — *кыти́* «по какому месту», *та́тӧн*, *э́стӧн* «здесь» — *кыто̆́н* «где», *та́чӧм* «такой» — *кыч'о̆́м* «какой».

Необходимо отметить, что в некоторых деэтимологизированных словах ударение уже этимологизировано под влиянием аналогии, например: *нарма́н* «грабли», *вэшйа́н* «штаны», *ч'овпа́н* «коврига», *кӧка́н* «черемица» (трава), *арга́н* «мелкая рыба», *гӧч'а́н* «сухой гриб». Эти слова в современном языке не расчленяются на корень и суффикс. Повидимому, здесь *-ан*

стало ударяемым под влиянием слов типа *пыза́н* «стол», *тува́н* «куница», *кушма́н* «редька», *н'ира́н* «льнотрепалка», *ита́н* «зарница» и т. д., т. е. под влиянием слов с коренными ***и***, ***у***, ***ы***.

В современном коми-пермяцком литературном языке и в большинстве диалектов ударение морфологизировано; там, например, словоизменительные суффиксы всегда являются безударными, определенная часть словообразовательных суффиксов имеет на себе ударение, а другая часть — безударная (см. выше). Поэтому следы прежнего ударения можно искать лишь в тех двусложных словах, где во втором слоге не мыслится никакой суффикс. В таких словах действительно мы находим следы прежнего ударения, например:

слова с гласными, удерживающими ударение[1]: *а́бу* «нет», *а́шын* «завтра», *ва́рыш* «ястреб», *ля́мпа* «лыжи», *ка́тша* «сорока», *ша́дра* «рябой», *во́мидз* «сглаз», *го́жум* «лето», *го́ли* «шишка», *то́рта* «пехло» (сельскохозяйственное орудие при молотьбе), *го́ля* «шея», *ко́зин* «свадебный подарок», *шо́гді* «пшеница», *шо́нді* «солнце», *ко́ми* «самоназвание коми», *мо́рос* «грудь», *о́роп* «рукоятка», *о́тир* «народ», *по́да* «скот», *е̑ди* «лещ», *е̑кыш* «окунь»;

во̑ра «вымя», *до̑ра* «холст», *мо̑йму* «прошлый год», *то̑ндзи* «в тот раз», *шо̑ри* «пополам», *о̑тӧр* «вне помещения, на улице», *о̑жын* «долото», *о̑ні* «теперь», *о̑тік* «один», *о̑шка* «бык», *о̑гыр* «уголь»;

пе́лыс «весло», *че́пӧль* «щепотка», *ке́рку* «изба», *сэ́тӧр* «смородина».

Слова с гласными, не удерживающими ударение:

вуру́н «шерсть», *вуджо̑р* «тень», *югӧ̑р* «луч», *дуді* «маленький голубок», *куи́м* «три», *мукӧ̑д* «другой, иной», *суни́с* «нитка», *сюри́* «нацевка», *тупо̑сь* «булочка, колобок», *тури́* «журавль», *туру́н* «трава, сено», *улу́к* «дугообразные оглобли бороны», *чукы́р* «морщина», *вугы́р* «крючок», *чужмо̑р* «горностай»;

гыжна́ «чесотка», *кыны́м* «сколько», *сыны́м* «столько», *кырны́ш* «коршун», *кыры́м* «горсть», *ыро̑ш* «квас»;

изы́н «жернов»; *ӧшы́н* (< * *ӱшы́н*) «окно».

Но: *ту́лыс* «весна», *чу́кыль* «изгиб», *чу́кӧр* «груда».

Однако в коми-пермяцких диалектах (за исключением нижнеиньвенского и оньковского) ударение настолько морфологизировано, что даже некоторые непродуктивные в современном языке суффиксы (например, ***-ас***, ***-ӧ̑м***) являются всегда ударными (*дӧма́с* «заплата», *гижӧ̑м* «письмо»).

Морфологизация ударения происходила постепенно путем влияния одних форм на другие, путем выравнивания места ударения в словах, выражающих одно и то же грамматическое значение.

Наличие слов с колеблющимся ударением как раз и указывает на то, что процесс морфологизации ударения в литературном языке и близких к нему диалектах еще не закончился, фонетическая нивелировка морфологических категорий продолжается. Такое колебание ударения мы видим

[1] Слова передаются в литературной орфографии.

не только в известной части деэтимологизированных слов (*че́ри — чери́* «рыба», *ва́рыш—вары́ш* «ястреб») и слов с непродуктивными суффиксами (*югӧ́р — югӧ́р* «луч», *сёрнитны — сёрни́тны* «разговаривать», *ба́кӧстны — бакӧ́стны* «замычать»), но и в словах с некоторыми продуктивными суффиксами (*пе́ссьӧм* «борьба» — *олӧ́м* «жизнь», *ви́лись — вили́сь* «снова»).

Наблюдается значительное колебание в ударениях деэтимологизированных слов между разными говорами литературного типа. Так, например, в «Коми-пермяцком орфографическом словаре», составленном С. Ф. Грибановым (Кудымкар, 1945), отражающем, повидимому, кудымкарский говор, в следующих словах ударение стоит на втором слоге, а в говоре дер. Вижеловка Воталовского сельсовета Юсьвинского района (по данным диссертации А. С. Кривощековой-Гантман, рукопись, Ленингр. гос. универс., 1951) — на первом: *варыш* «ястреб», *голи* «шишка», *джендӧс* «сорт кудели», *дӧра* «холст», *козин* «подарок», *конвӧс* «ластовище», *панӧв* «отруби», *пелыс* «весло», *сьӧла* «рябчик», *сэтӧр* «смородина», *чепӧль* «щепотка», *ёд* «лещ», *ёкыш* «окунь», *ӧгыр* «уголь», *ӧжын* «долото».

В говоре дер. Вижеловки, находящейся недалеко от восточной границы нижнеиньвенского диалекта, в приведенных словах сохраняется качественно-вокальное ударение, тогда как в этих словах кудымкарского говора качественно-вокальный принцип ударения уже нарушен. Нарушение этого принципа ударения мы наблюдаем также в отдельных деэтимологизированных словах говора дер. Вижеловки (ср. *асы́в* «утро», *чу́кӧр* «куча», *юкӧ́в* «пробор»).

* * *

На основании рассмотренного материала мы можем сделать некоторые выводы.

Ни в одном из четырех рассмотренных диалектов (оньковском, нижнеиньвенском, коми-пермяцком с примыкающими к нему говорами и в коми-язьвинском) качественно-вокальное ударение не сохранилось в чистом виде, так как везде уже аналогичные процессы привели к той или иной морфологизации.

С другой стороны, ни в каком из этих диалектов процесс морфологизации не завершен. Но, однако, по степени морфологизации эти говоры значительно отличаются друг от друга.

Коми-язьвинский и оньковский диалекты являются в отношении ударения наиболее архаичными: в этих говорах полностью морфологизировано ударение только по отношению к некоторым суффиксам (сравнительный суффикс *-жык*, порядковые суффиксы *-ӧт*, *-ик* и т. д.).

В оньковском и коми-язьвинском диалектах все слова по акцентуации можно разбить на две группы: в первой группе слов, имеющей в корне *а*, *э*, *о*, *ӧ*, ударение всегда падает на первый слог (исключением являются слова с суффиксами *-жык*, *-ӧт*, *-ик* и т. д.); вторая группа обнимает слова с корневым гласным *ы*, *у*, *и*.

В этих последних ударение стоит уже не на определенном слоге, а на определенных суффиксах (*пукáла* «сижу», «*пукӧта* «заставлю сидеть» и т. д., см. выше), т. е. в этих словах на фоне качественно-вокального ударения вырабатываются категории ударных и безударных суффиксов. Впоследствии слова второй группы с таким морфемным составом начинают оказывать воздействие на соответствующие слова первой группы, на слова с ударением на первом слоге, и в результате в последних появляются ударяемые суффиксы.

В свою очередь слова первой группы (с корневыми *а-ӧ-о-э*), имевшие первоначально (как показывают коми-язьвинский и оньковский диалекты) ударение на первом слоге, влияют на слова второй группы; в результате ударение в части этих последних слов начинает падать на первый слог.

Нижнеиньвенский диалект представляет собой как раз промежуточное звено в процессе постепенного выравнивания ударения в этих двух группах слов, происходившего путем взаимодействия их. В итоге такого длительного взаимодействия многие морфемы были выравнены в отношении ударности и неударности, иными словами, фонетические моменты в ряде случаев уступили место морфологическим.

Так, например, в нижнеиньвенском диалекте ударяемые словообразовательные суффиксы от слов с корневыми *у-ы-и* перешли на слова с корневыми *а-о-ӧ-э* (*корáс'ны* «сватать» и т. д.); в неглагольных словах под влиянием слов с корневыми *а-о-ӧ-э* появилось ударение на первом слоге также и в словах с корневыми *ы-и-у* (*шы́рӧс* «мышку», *мӳын* «в земле» и т. д.). Прежний тип ударения в этом диалекте сохранился только в глаголах с непроизводной основой и деэтимологизированных словах.

Результаты дальнейшего процесса морфологизации мы видим в остальных коми-пермяцких диалектах, на которых покоится коми-пермяцкий литературный язык. В этих диалектах мы встречаем прежний тип акцентуации только в тех двусложных словах, которые не расчленяются на морфемы, и, следовательно, ударение в них не может быть приурочено к определенной морфеме, т. е. не может произойти его морфологизации.

Процесс морфологизации ударения, повидимому, начался очень рано и протекал параллельно во многих диалектах языка коми. Во всяком случае, в памятниках древнепермской письменности (XIV—XVII вв.) мы уже находим некоторый намек на морфологизацию: там ударение ставится очень часто на определенные морфемы (на суффиксы *-ал*, *-ӧм*, *-йас*, *-ан* и т. д.). Частичная морфологизация ударения наблюдается и в некоторых коми-зырянских диалектах: например, в лузском диалекте глагольный суффикс *-ал* обычно является ударным (*ч'еригалны* «рыбачить»). Тенденцию постановки ударения на корневом слоге, наблюдаемую в некоторых коми-зырянских говорах, можно тоже отнести к морфологизации. Но, однако, морфологизация ударения в этих диалектах далеко не достигла той степени, какую мы видим в коми-пермяцком литературном языке и в большинстве коми-пермяцких диалектов.

Каковы причины морфологизации ударения, т. е. почему качественно-вокальный тип ударения уступил место морфологическому ударению?[1] Ответом на этот вопрос может служить наше предположение о существовании в языке-основе редуцированных гласных ***ӱ***, ***і̆***, ***ы̆*** (или вернее, ***ӧ***, ***ӭ***, ***ӓ***), которые являлись всегда безударными, в отличие от гласных полного образования (***а***, ***э***, ***о***, ***ӧ***, закрытые ***э***, ***о***, ***ӧ***). Исчезновение редуцированных положило начало нарушению качественно-вокального типа ударения.

Редуцированные, повидимому, слились с гласными полного образования еще тогда, когда некоторые суффиксы (ныне ударяемые всегда или в определенных случаях — в зависимости от диалекта) имели еще известную самостоятельность и, следовательно, тенденцию удерживать на себе ударение. Эти ударяемые суффиксы и ударяемые корни слова (там, где не было этих суффиксов) явились силой, оказавшей решающее влияние на морфологизацию коми-пермяцкого ударения.

О былом существовании редуцированных гласных в пермских языках говорят данные и других угро-финских языков.

---

[1] О том, что морфологизация ударения началась давно, говорят и памятники коми-пермяцкого языка XVIII века, где мы уже видим тот тип ударения, который теперь распространен в преобладающем большинстве диалектов Коми-Пермяцкого округа. Примеры: *еӱшне* «писать», *мӱнни* «итти», *тӱрпіесъ* »губы», *чорнӧтни* «говорить» и т. д. (Г. Ф Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб, 1791); *juwálńi* «спросить», *jùni* «пить», *gischne* «писать», *tschùnnes* «пальцы» и т. д. (его же. Sammlung Russische Geschichte, т. III, СПб., 1758, стр. 382).

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Д. Т. Таджиев

СЛОВО *ОБ* «ВОДА» В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

(Из материалов по таджикской лексикологии)

Исследование основного словарного фонда, наиболее устойчивой части лексики языка, имеет громадное значение для истории отдельных языков и для сравнительно-исторической грамматики родственных языков.

И. В. Сталин в своем гениальном труде по вопросам языкознания перечисляет ряд русских слов, входящих в основной словарный фонд современного русского языка и характерных для этого языка на всех этапах его исторического развития. И. В. Сталин пишет: «В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы «вода», «земля», «гора», «лес», «рыба», «человек», «ходить», «делать», «производить», «торговать» и т. д. назывались не водой, землёй, горой и т. д., а как-то иначе?»[1]

«Положение И. В. Сталина об основном словарном фонде языка и его общем словарном составе имеет огромное значение для теории и практики составления словарей (для лексикографии)»[2]. Далее, как отмечает академик В. В. Виноградов, «непрестанное образование новых слов на базе основного словарного фонда объясняется широтой и многообразием сфер действия языка»[3].

Как учит И. В. Сталин, словарный состав языка нельзя изучать в отрыве от грамматического строя языка, так как «словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придаёт языку стройный, осмысленный характер»[4].

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 10.

[2] В. В. Виноградов. О лингвистической дискуссии и работах И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Большевик», 1950, № 15, стр. 23.

[3] В. В. Виноградов. Гениальная программа марксистского языкознания «Вестник АН СССР», 1950, № 7, стр. 46.

[4] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

В таджикском языке существует ряд корневых слов (*сар* «голова», *даст* «рука», *дил* «сердце», *чашм* «глаз», *пой* «нога» и т. д.), на материале которых можно проследить многочисленные особенности грамматического строя языка.

Наша статья[1] посвящена разработке семантики одного из таких слов, а именно семантики слова *об* «вода».

Слово *об* «вода», входя в основной словарный фонд языка со времени глубочайшей древности (ср. авест. *āp-*, древнеперс. *āpī-*), послужило основой для создания огромного количества слов, выражений и терминов, обогативших словарный состав таджикского языка[2].

Создание толкового словаря таджикского языка является в настоящее время одной из важнейших задач таджиковедения. Лексикографическая работа по изучению словарного запаса современного таджикского языка[3] и таджикских местных говоров, развертывающаяся в последнее время, позволяет, как нам кажется, уже сейчас перейти к составлению отдельных статей монографического типа по корневым словам.

Лексические и синтаксические образования, имеющие своей основой слово *об*, развились в связи с производственной, научной и иной деятельностью таджиков. И. В. Сталин учит, что «язык... связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами

---

[1] Данная статья представляет собой переработанную и расширенную дипломную работу, написанную автором в 1941 г. под руководством проф. И. И. Зарубина.

[2] Известно, что Хорн усматривал возможность объяснить значения слова *об* «вода» и «блеск» совпадением в одном звучании исторически различных корней: *об* «вода», авест. *āp-* «вода» и *об* «блеск» // санскр. ābhā «блеск».

Думается, что нет необходимости следовать Хорну в его попытке совместить в слове *об* различные корни. Вполне закономерное значение «блеск» могло развиться из переносного употребления древнеиранск. *āp* «вода».

В современном таджикском языке слово *об* с его многочисленными значениями, включая и «блеск», воспринимается как одно слово. (P a u l H o r n. Grundriss der Neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, стр. 1).

[3] Таджикско-русский словарь, том I (А — Я), Таджикгосиздат, Сталинабад — Ташкент, 1946; Русско-таджикский словарь, Гос. изд. иностранных и национальных словарей и Таджикгосиздат, Москва — Сталинабад, 1949; A. M i r z o j e w. Duxtarxona cist?, Stalinobod, 1940; А. З. Р о з е н ф е л ь д. Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана, «Изв. Всес. геогр. об-ва», 1940, т. 72, вып. 6, стр. 861.

и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй»[1].

Многозначность *об* и наличие большого количества слов, выражений и терминов, образованных на основе этого слова, объясняется прежде всего социально-экономическими, материальными условиями жизни таджиков. Достаточно вспомнить такие таджикские пословицы, как *обу ободонӣ*, что означает «где вода, там и благоустройство (там и жизнь)», или же пословицу *то реша дар об аст, умеди самар аст* «пока корень в воде, есть надежда на плод». Не случайно слово *об* широко привлекалось к созданию новых понятий и проникало во все типы словосочетаний.

В лексических словосочетаниях типа *об* + определение и *об* в составе сложно-именного глагола удается полностью проследить другой путь обогащения таджикского словаря. Синтаксические сочетания с *об*, лексикализировавшись, становились в свою очередь отправной точкой для дальнейшего обогащения словарного состава таджикского языка.

Живое и активно употребляемое корневое слово *об* и теперь сохраняет за собой способность входить в состав новых лексических образований.

Весь круг значений слова *об* очень трудно определить. Наиболее общим значением его является «вода»→«любая жидкость». Приведем примеры: *оби чой* «заваренный чай» (букв. «вода чая»), *оби кӯкнор* «раствор мака» (наркотик), *оби шӯрбо* «чистый бульон», *оби равган* «растопленное масло», *оби анор* «гранатовый сок».

Помимо своего основного значения *об* как самостоятельная лексическая единица может выражать:

а) пространство, покрытое водой: ручьи, речки, реки, моря и т. п.: *гилемро ба лаби об андохта монд* «он разостлал ковер у воды», *обҳои дарунии СССР* «внутренние воды СССР»;

б) *об* — «полив»: *Ғӯзаатон бад нест, фақат аз ду об монда будааст* (Айнӣ. Еддоштҳо, II, 163[2]) «Ваш хлопок неплох, но только он не получил двух поливов», *оби сеюми пахта тамом шуд* «закончился третий полив хлопка»;

в) оросительная система, находящаяся в чьем-нибудь владении: *хукумати советӣ ба мо замину об дод* «советская власть дала нам землю и воду»;

г) *об* — «слеза»: *Боди сарди сахт аз чашмони кас об мебаровард* (Ниёзӣ. Вафо, 253) «Сильный холодный ветер вызывал слезы из глаз»;

д) *об* — «слюна»: *меваҳои ширинро дида даҳонаш об кушод* «при виде сладких фруктов у него потекли слюнки»;

е) *об* — качество драгоценного камня, определяемое степенью чистоты и игры: *дурру гавҳари хушоб* «жемчуг и драгоценные камни лучшей воды», *алмоси хушоб* «брильянт лучшей воды»;

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

[2] Цифра во всех случаях указывает страницу цитированной книги.

ж) *об* или же *оба* — «каемка вышивки» [1].

Многочисленные значения *об* устанавливаются также в лексических словосочетаниях типа *об* + определение, *об* в составе сложно-именного глагола и в производных и сложных именах. В этих словосочетаниях *об* приобретает значения: «сок», «напиток», «раствор», «настой», «ствар», «закал», «блеск», «слава» и др.

Так, например, *об* + определение, выраженное названиями различных фруктов и ягод, обозначает «сок»: *оби ангур* «виноградный сок», *оби анор* «гранатовый сок», *оби себ* «яблочный сок».

Сочетания *об* + определение, выраженное названиями металлического режущего предмета, обозначает «закал»: *оби поку баланд шудааст, дамаш мепаррад* «бритва перекалилась, у нее ломается лезвие».

Об с определением

В таджикском языке имеется большое количество сочетаний типа *об*+определение, которые образуют фразеологические сочетания и подтверждают известное положение языкознания о лексикализации сочетаний определения с определяемым. Следует, однако, отметить, что степень лексикализации этих фразеологических сочетаний совершенно разная: одни из них лексикализировались полностью, другие находятся на пути полной лексикализации.

Оби чашм, оби дида (*чашм, дида* «глаз») — «слеза», причем отдельные компоненты сочетания *оби дида* настолько слились, что при выражении понятия «слеза» прибегают еще раз к слову *чашм* «глаз»: *оби дидаи чашмони сиёҳи вай* «слезы из его черных глаз» (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, I, 6). А у С. Айни это сочетание мы встречаем как сложное слово: *обидидаҳо* (Айнӣ. Еддоштҳо, II, 256). *Оби даҳон* (*даҳон* «рот») — «слюна». *Оби набот* или *навот* (*набот* «кристаллический сахар») — «патока». *Оби дандон* (*дандон* «зуб») — «тягучий леденец». *Оби тилло* (*тилло* «золото») — «золотая краска (золотые буквы)». Например: *Акт бо навиштаҳои заррин ва бо тамаи давлатии бо оби тилло пахш карда шудааш бо як азамат ва шукӯҳи ҳаяҷоновари назарраборо ҷилва мекард* (Айнӣ. Ҷашни таърихӣ, 8) «Акт сверкал своими золотыми буквами и государственным гербом, тисненным золотом, и привлекал к себе внимание волнующим величием и торжественностью». Переносное значение этого сочетания (*оби тилло*) представляет большой интерес. Сочетание *ба оби тилло навиштан* означает «обратить большое внимание на чьи-нибудь слова или же придавать значение чему-нибудь важному, ценному по достоинству». Например: «*Сафар гапи падараша оби тилло катӣ менависад* «Сафар слова своего отца пишет золотыми буквами, т-е. он беспрекословно слушается своего отца». *Конституция Сталинӣ бо саҳифаҳои таърихи*

[1] Об этом значении *об* нам сообщила Е. М. Пещерова.

башарият бо оби тилло навишта мешавад «Сталинская Конституция будет вписана в страницы человеческой истории золотыми буквами».

Оби гарм (*гарм* «теплый») — «теплая вода», название целебно-лечебного источника; кроме того, *оби гарм* может обозначать «похлебка»: *ягон оби гарм кардӣ-мӣ?* «приготовила ли какую-нибудь похлебку — еду горячую, жидкую?» См. *Об гарм кардан*. *Оби мева* (*мева* «фрукты») —«фруктовая вода». *Обҳои маъданӣ* (*маъданӣ* «минеральный») — «минеральная вода». *Обҳои салқинкунӣ* (*салқинкунӣ* «прохладительный») — «прохладительные напитки». *Оби ҷӯш* (*ҷӯш* «горячий») — «горячая вода, кипяток». *Оби сел* — «поток». *Оби кӯл* (*кӯл* «озеро») — «озерная вода», «стоячая вода». *Оби борон* (*борон* «дождь») — «дождевая вода». *Оби заҳ* — «подземная вода, показывающаяся на поверхности земли». *Оби сиёҳ* (*сиёҳ*, «черный») — см. *оби заҳ*.

Оби хунук или *сард* (*хунук*, *сард* «холодный») — «холодная и сырая вода». *Оби хӯрданӣ* или *нӯшиданӣ*, *нӯшоӣ* (*хӯрданӣ*, *нӯшиданӣ*, *нӯшоӣ* «питьевой») — «питьевая и свежая вода». *Оби соф*, *оби зулол*, *оби шаффоф* (*соф*, *зулол*, *шаффоф* «чистый, прозрачный») — «чистая, прозрачная вода». *Оби равон* (*равон* «проточный») — «проточная вода». *Оби лой* (*лой* «грязный, мутный») — «грязная, мутная вода».

Оби никоҳ (*никоҳ* «свадьба») — «вода, употребляемая при совершении брачного обряда». *Оби ҳаёт* или *зиндагӣ* (*ҳаёт*, *зиндагӣ* «жизнь») — «живая вода»; в настоящее время *оби ҳаёт* употребляется иносказательно, обычно с иронией, в значении «водка, вино». *Оби шифо* (*шифо* «исцеление») — «вода, „исцеляющая“ больных»; *оби шифо* также иронически употребляется в значении «водка, вино». *Оби замзам* (*Замзам* — название священного источника в Мекке) — «вода Замзама». *Оби Кавсар* — «вода Кавсара» легендарного водоема в раю. *Оби раҳмат* (*раҳмат* «милость») — «вода милости, блага» — первые весенние дожди.

Об с определением легко может образовать и технические термины: *оби оҳакӣ* «известковая вода»; *оби кристаллизатсияги* «кристаллизационная вода»; *оби аммиакӣ* «аммиачная вода»; *оби дистиллатӣ* «дистиллированная вода».

Об в составе сложно-именного глагола

В таджикском языке при помощи многочисленных глаголов широко образуются сложно-именные глаголы. Путь образования этих сложно-именных глаголов ясно прослеживается: именная часть теряет свою значимость самостоятельного члена предложения, все теснее сливается с глаголом, образуя с ним одно лексическое понятие.

1. *Об кардан и об шудан* (*кардан* «делать», *шудан* «делаться, становиться») — «превратить или же превратиться в жидкость». В таджикском языке *об кардан* и *об шудан* применяются ко всем вещам в значении «превратить в жидкость», в то время как в русском языке аналогичное по зна-

чению сочетание строго различается по характеру отдельных предметов, превращаемых в жидкость. Поэтому таджикское *об кардан* в русском языке может означать и «растворить», и «растопить», и «плавить», и «разводить», и «выжимать» и т. п. В этом отношении подобные русские глаголы более конкретизированы.

Примеры: 1) *офтоб яхҳои рӯи ҳавлиро об кард* «солнце растопило лед во дворе»; 2) *дар печкаҳои махсусӣ пӯлодро об мекунанд* «в специальных печах плавят сталь»; 3) *дар хона имрӯз равған об мекунанд* «сегодня дома топят сало»; 4) *гӯраи ангура об карда ош катӣ хӯрдем* «выжав сок незрелого винограда, съели его с пловом»; 5) *барфҳо об шуданд* «снега растаяли»; 6) *дар ҷои гарм конфетҳо об мешаванд* «в теплом месте конфеты тают»; 7) *сиёҳиро об кун* «разведи чернила».

Развитие семантики *об кардан* и *об шудан* идет дальше, выражая понятия в переносном значении:

а) в значении «рассыпаться (разрушиться)»: *Ду сол нагузашта ин гиштҳо об шуда мерезанд* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 151) «Не пройдет и два года, как эти кирпичи рассыплются»;

б) «приходить в умиленное состояние»: *Як машк шунидам, ки одамро бемуҳобот об мекард* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 64) «Я слышала такую мелодию, от которой человек, без преувеличения, прямо таял (от удовольствия)»;

в) «изнемогать от чего-нибудь, чахнуть, худеть»: *Аз Зиё дарак намешуд. Хола даруни худро хӯрда об мешуд* (Икромӣ. Шодӣ, 121) «Не было вестей о Зиё. Старушка страдала и таяла».

В этом же значении употребляется и сочетание *обу адо кардан*: *Ин хел бошад, хафа шуда омада диламро обу адо накун* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 33) «В таком случае ты меня не мучай, приходя такой расстроенной».

Кроме того, *об кардан* имеет значение «продать, сбыть что-либо благополучно», может быть, даже и «выгодно», более того — «продать или сбыть с рук вещи украденные, найденные». В этом отношении русское слово «сплавить» в его переносном значении[1] имеет тот же смысл, что и таджикское *об кардан* в этом его переносном значении. Но эта аналогия может быть проведена только по отношению к имуществу, так как этот глагол в значении, аналогичном русскому «сплавить» — «освободить себя от какого-нибудь дела», в таджикском нами не был встречен.

Пример: *Ҳосили боғашро об карда гандум харида монд*[2] «продав урожай своего сада, купил пшеницу».

2. Глагол *додан* «давать» в сочетаниях с *об* дает также новые образования, новые значения. *Об додан* означает «дать воду, напоить, поливать,

[1] При изучении значения слова *об* в современном таджикском языке автором сравнивались примеры, взятые из таджикского языка, с примерами из русского языка. В этих целях мы пользовались толковым словарем В. Даля, толковым словарем русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова и картотекой словаря современного русского языка Института языкознания Академии Наук СССР.

[2] Этот пример нам сообщен И. И. Зарубиным.

орошать». В таджикском языке *об додан* «напоить кого-либо», как и в русском языке, чаще всего употребляется по отношению к тем, кому в силу различных причин самому осуществить это действие или нельзя, или трудно (ребенок, больной или старый человек, животное и т. п.).

Шокир аспа об дод «Шакир дал воду коню (напоил коня)». *Об додан*, кроме того, имеет значение «поливать, орошать землю»: *богҳоро об доданд* «полили сады», *заминҳои пахтаро хуб об диҳед* «полейте лучше хлопковые поля».

Об додан, где *об* имеет значение «слюна», может означать «растаять во рту»: *ҳалвои дар даҳонаш об додаро* «халва, растаявшая у него во рту».

Об додан, где *об* имеет значение «закал», может еще означать «закалить»: *корда обаш паст шудааст, об додан даркор* «закалка ножа испортилась (букв. «понизилась»), нужно перекалить».

В значении «закалять» встречается и сочетание *обутоб додан* (*обутоб* «закал» + *додан*)»: *Пӯлод чи тавр обутоб дода шудааст* «Как закалялась сталь» (название книги Н. Островского).

В таджикском языке имеется и сочетание *обутоб ёфтан* (*обутоб* + + *ёфтан* «найти») — «закаляться»: *Ин муаллим дар оғӯши оташу тӯфони муҳорибаи шадид обутоб меёфт* (Ниёзй. Вафо, 295) «Этот учитель закалялся в огне жестоких битв».

3. Вспомогательный глагол *гирифтан* («взять, брать») в сочетаниях с *об* дает различные значения. *Об гирифтан*— прежде всего «зачерпывать или брать воду»: *аз ҳавз об гирифтам* «я зачерпнул воду из бассейна»; отсюда же сложное слово *обгир*(*ак*) «сосуд для зачерпывания или хранения воды».

Об гирифтан означает также «набирать сок, наливаться»; в этих сочетаниях *об* — «сок»: *ангур об гирифта монд* «виноград налился (т. е. набрал сок)».

В качестве примера дальнейшего развития семантики можно привести переносное значение сочетания *об гирифтан* «наливаться соком» — «оживать», «полнеть»: *дарахтҳоя ҳам баданашон об гирифта монд* «деревья тоже ожили», *баданатон об гирифта мондааст* «вы пополнели».

Об гирифтан употребляется и в смысле «болячка, больное место, раздраженное водой»: *маибатон об гирифтааст* «болячка ваша раздражена водой, боль усилилась».

Кроме того, *об гирифтан* обозначает также «менять воду при стирке»: *се бор об гирифта сарутанро шуста партофтам* «я три раза воду сменила и выстирала белье».

4. *Об мондан* (*мондан* «пустить») — «поливать, орошать»: *богро падарам об монданд* «мой отец полил сад».

В Канибадаме *об мондан* в значении «поливать землю, сад» употребляется чаще, чем *об додан*.

5. *Об хӯрдан* (*хӯрдан* «пить») прежде всего означает «пить воду»; кроме того, может означать «быть орошаемым, быть политым» (в отношении садов,

полей): *боги мо об хӯрдагӣ* «наш сад полит», *пахтаи мо ҳоло се бор об хӯрд* «наш хлопок полит уже три раза (т. е. три раза пил воду)».

6. *Об кушодан* (*кушодан* «открывать») — прежде всего «открыть воду, пустить куда-нибудь воду»: *ба даҳанаи мо об кушоед* «пустите воду в наш канал», *имрӯз бегоҳӣ ба боғ об мекушоем* «сегодня вечером пустим воду в сад».

Кроме того, *даҳонаш об кушод*, как уже говорилось, означает «потекли слюнки»: *Дид ки дар сабатҳо мавизҳои калон-калони яккачин шакар баста истодааст. Ҳавасаш рафт. Даҳонаш об кушод* «Он увидел, что в корзинах лежит отборный, крупный сахарный изюм. Ему захотелось (поесть). У него потекли слюнки».

7. *Об пошидан* (*пошидан* «рассеивать») — «поливать двор, комнату обрызгать водой». Вместе с тем имеется и ряд других сочетаний для выражения понятия поливки двора или комнаты. Их значения очень трудно разграничить. Мы попытаемся дать эти значения и по возможности определить круг их применения. Особенно следует установить разницу между *об пошидан* и *об* в сочетании с глаголом *задан* «бить».

Об пошидан (в северных районах вместо *пошидан-чошидан*) в том же значении означает «поливать, разом выплескивая воду из сосуда или из рук на расстояние». *Об задан* — «поливать руками равномерно из сосуда».

Об задан и *об пошидан* настолько близки друг к другу по семантике, что возможно совпадение их по значению, даже замена одного другим.

Существуют и другие способы поливки, что соответственно находит выражение и в языке: *обро кӯл карда задан* «обильно поливать»; поэтому *об*, выступающее в вышеприведенных примерах в качестве единственного конкретизатора глагола, в данном примере становится самостоятельным членом предложения, прямым дополнением, получает оформление послелогом *ро*, и его слияния с *задан* не происходит.

Шакароб (*карда*) *задан* «обрызгивать равномерно водой землю или какой-либо предмет коротким движением руки так, чтобы вода попала на определенное место».

Шакароб карда занед, ки ба девор чалакса накунад «брызгайте осторожно, чтобы не забрызгать стену».

Гулрӯ ҷуворираро рӯй гардон карда, як шакароб заду боз ба кӯфтани он шурӯъ кард (Р. Ҷалил) «Гульру помешала кукурузу (в ступе), побрызгала водой и снова начала толочь».

Наконец, *об пуф кардан* — «брызгать воду изо рта».

8. *Об кашидан* (*кашидан* «тянуть») означает: 1) «носить воду», 2) «впитывать воду».

Об кашидан может обозначать еще и «плавать»: *аз байни мо Сангин нагз об кашида метавонад* «среди нас Сангин может хорошо плавать».

9. *Об рехтан* (*рехтан* «лить»), кроме основного значения «лить воду», еще означает «повесить».

10. *Об* с глаголом *газидан* «кусать» употребляется только в третьем лице единственного числа в значении «раздражать больное место водой»:

1) *коре кунед, ки маибатон об нагазад* «сделайте что-нибудь, чтобы не раздражать водой больное место»; 2) *яратон об газидааст, пахтадог кунед* «на вашу болячку попала вода (раздражалась водой), приложите нагретую вату».

Кроме того, сочетание *обгазид* вместе со вспомогательными глаголами *кардан* и *шудан* употребляется в отношении плодов и овощей — дынь, арбузов, огурцов, испортившихся оттого, что при поливе их подмочило водой; например, *обгазид шудааст* или *обгазид кардед*: *харбузая нӯгаш обгазид шудааст* «кончик дыни попортило водой».

Ҳама бодирингро обгазид карда мондед «вы загубили (перепортили) все огурцы водой».

11. *Об давидан* (*давидан* «бежать») по значению совпадает с *об гирифтан*, т. е. «набирать сок, наливаться, оживать, полнеть, поправляться». *Об* в сочетаниях с *давидан* означает «сок»: 1) *ба зардолу ҳам об давида монд* «абрикосы тоже налились соком»;

2) *баъд аз об хӯрдан, бадани дарахтҳоба об давид* «после полива деревья ожили»;

3) *...пас аз он ки Бозор фарбеҳ шуда, ба устухонаш об давид, толиби хизмат шуд, «маҳз барои савоб» ӯро ба чӯпонӣ гирифтам...* (Айнӣ. Дохунда, 58) «...после того как Базар поправился, он захотел работать, „только ради доброго дела“ я взял его в пастухи...»

Во всех этих примерах формальный разбор предложения устанавливает за *об* значение грамматического подлежащего. Однако, в отличие от обычного порядка слов (группа подлежащего на первом месте, сказуемое в конце предложения), в данных примерах *об* + личные формы глагола *давидан* стоят рядом, составляя один сложно-именной глагол. В данном случае получается непереходный глагол не за счет внедрения объекта, а за счет внедрения субъекта в группу сказуемого.

12. *Обба кофидан*, что означает букв. «печалиться по воде», в переносном значении — «нуждаться в поливе» (поле, посевы, сады и т. п.): *пахта обба кофидааст, об мондан лозим аст* «хлопок нуждается в поливе, нужно пустить воду»; *дарахтҳои бог хеле обба кофидааст* «деревья в саду очень нуждаются в поливе».

13. *Ба об фуромадан* (букв. «пуститься, погрузиться в воду») означает «искупаться, окунуться».

Як обба фуром гуфта ба лаби ҷӯй омадам «я пришел на берег ручья, чтобы окунуться (искупаться, выкупаться)».

14. *Оби чашм кардан* или *оби дида кардан* (*оби чашм, оби дида* «слеза» + *кардан* «делать») — «плакать»: *...боз оби чашм кард* (Ниёзӣ. Вафо, 81) «...он снова плакал».

Об с аффиксами

1. *Обӣ* (*об* + *ӣ*) означает: а) «растущий, живущий в воде»: *растанихои обӣ* «водяные растения», *кунгузи обӣ* «водяной жук», *аспи обӣ* «бегемот», *мори обӣ* «уж», *пари* и *обӣ* «русалка»; б) «приводимый в действие водою,

с помощью воды»: *осиёи обӣ* «водяная мельница»; в) «поливной» (в отношении полей, садов): *заминҳ̧ои обӣ* «поливные земли», ср. пословицу: *шавад обӣ, нашавад лалмӣ* (букв. «выйдет поливной — хорошо, а если не выйдет — будет богарный»)[1]; г) «голубой» (цвет); д) «водный»: *аз Москва се роҳи бузурги обӣ мегузарад* «через Москву проходят три больших водных пути», *транспорти обӣ* «водный транспорт».

2. *Оба* (*об* + *а*) — «каёмка вышивки».

3. *Обак* (*об* + *ак*) — ласкательно-уменьшительное от *об* «вода», как, например:

Канӣ, канӣ ассалом
Обаки сарди ваҳшӣ!
Як гап ба ту мегӯям,
Бояд маро бубахшӣ (Лоҳутӣ).

«Ну-ка, ну-ка здравствуй,
Холодная, дикая водичка!
Я скажу тебе что-то,
Ты не должна сердиться на меня»

Кроме того, *обак* является названием одного из сортов винограда (*ангури обак*).

4. *Обакӣ* (*об* + *ак* + *ӣ*) — «жидкий, мокрый»[2]: *ширӣ обакиаш лозим нест* «не нужно ее жидкое молоко», *...ба дастам як чизи обакии нимгарм расид* (Айнӣ. Одина, 142) «...под рукой у меня оказалось что-то тепловатое, мокрое».

5. *Обакон* (*об* + *ак* + *он*) — «детская болезнь», при которой тело покрывается мелкими нарывчиками; по-узбекски — *сув чечаки* (букв. «водяная оспа»).

6. *Обдон* (*об* + *дон*) — «сосуд для воды».

7. *Обча* (*об* + *ча*) — «небольшой огород»: *Мо деҳқонҳоем ки бештарин пахта, сабзавот, обча мекорем ва богдорӣ мекунем* (Айнӣ. Ғуломон, 621) «Мы такие крестьяне, которые сеют хлопок, разводят огороды и занимаются садоводством»; от *обча коштан* — сложное имя *обчакорӣ* «огородничество, бахчеводство».

8. *Беоб* (*бе* + *об*) — «безводный, несочный»: *биёбони беоб* «безводная пустыня», *себи беоб* «несочное яблоко».

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В таджикском языке имеется большое количество сложных имен с *об*, состоящих из двух или более знаменательных элементов. Эти имена можно разделить на следующие группы:

---

[1] Богарными в горных местностях называются неполивные земли.

[2] См. также у О. А. Сухаревой: *обакӣ* «жидко разведенный клей для обрызгивания основы при тканье». (Руководство для изучения таджикского языка, ч. II, Самарканд—Ташкент, 1930, стр. 148.)

1. Сложные имена, первая часть которых *об*, а вторая — основа настоящего времени глагола

1. *Обрез* (*рез* — осн. наст. вр. от *рехтан* «лить») — «сточная яма» (чаще всего в помещениях).

2. *Обхӯр* (*хӯр* — осн. наст. вр. от *хӯрдан* «пить») — «всякий живой человек, проживающий в определенной местности», это все равно, что *ошхӯр*, *нонхӯр*. Например: *Ошхӯр, обхӯри атрофро ҳамагӣ хабар кун. Як дег ош зиёдатар равад, равад ки обрӯй аз даст наравад* (Айнӣ. Дохунда, 95) «Всех людей со всего округа извести. Уйдет лишний котел плова, пусть, лишь бы не осрамиться».

Обхӯр еще может означать «средняя часть усов»[1].

Обхӯрак «сосуд, из которого ньют воду».

Обхӯраки паррандаҳои хонагӣ «сосуд для воды в птичьих клетках»: *обхӯраки бедона* «чашечка для питья перепелки», *обхӯраки каҳлик* «чашечка для питья куропатки» и т. д.

3. *Обдаро* (*даро* — осн. наст. вр. от *даромадан* «войти») — «место входа воды» (в отношении полей и огражденного пространства).

4. *Оббуро* (*буро* — осн. наст. вр. от *буромадан* «выйти») — «место выхода воды» (в отношении полей и огражденного пространства).

5. *Оброн* (*рон* — осн. наст. вр. от *рондан* «гнать») — «поливальщик» (только в отношении полей, садов и огражденного пространства). См. *обмон* и *обдор*.

6. *Обгир* (*гир* — осн. наст. вр. от *гирифтан* «брать») — «место, где берут воду»: *...ба тарафи обгир фуромада рафт* (Айнӣ. Дохунда, 25) «....пошла к тому месту, где берут воду».

Обгирак «сосуд для зачерпывания или хранения воды».

Когази обгирак «лощеная водонепроницаемая бумага». Здесь можно было ожидать другое значение: «бумага, впитывающая воду».

7. *Обчин* (*чин* — осн. наст. вр. от *чидан* «собирать») — «отверстие под стеною сада, поля, под каким-нибудь строением, где проходит оросительный канал». Слово это диалектное, канибадамское; ср. *обмӯрӣ*.

Обчинак «промокашка» (разг.); *когази обчинак* «промокательная бумага».

8. *Обзо* (*зо* — осн. наст. вр. от *зодан* «родить») — «водород» (арх.).

9. *Обдор* (*дор* — осн. наст. вр. от *доштан* «иметь») — «поливальщик» (в отношении полей и вообще огражденного пространства). Ср. *оброн* и *обмон*. *Ҳоло ҳам касоне ки маро аз дуртар бинанд, обдор гуфта, гумон мекарданд* (Айнӣ. Ғуломон, 390) «И сейчас еще, когда видят меня издали, думают, что я поливальщик».

Обдор также «сочный». Но большой интерес представляет его переносное значение. Идея сочности передается самым различным образом: *тарсакии обдор* «звонкая пощечина», *гапҳои обдор* «прочувствованные слова», *бӯсаи обдор* «крепкий поцелуй».

---

[1] Об этом значении *обхӯр* нам сообщил проф. А. А. Семенов.

Вай ба ҳар як суол ҷавобҳои пухта ва обдор медод (Намунаи адабиёти тоҷик, 1940, 481) «Он отвечал на каждый вопрос толково и обстоятельно».

Ман ҳам бо нохунҳои обдори шарарбор нағмаи торро ба гӯши фалаки даввор мерасондам (Айнӣ. Марги судхӯр, 21). «Звуки струн из-под моих вдохновенных пламенных пальцев достигали неба».

10. *Обгардон* (*ак*) — (*гардон* — осн. наст. вр. от *гардондан* «переливать») — «черпалка».

11. *Обшор* (*шор* — осн. наст. вр. от *шоридан* «стремительно течь») поэтически, образно употребляется как «изобилующий водой»:

Тоҷикистонро обшор кунем.
Ҳар тараф богу киштзор кунем.

(Мактуби халқи тоҷик ба рафиқ Сталин, «Тоҷикистони сурх» 29 сентября 1940 г.).

«Таджикистан сделаем изобилующим водой,
Повсюду вырастим сады и посевы».

Обшор еще может иметь значение «водопад»: *Кӯҳҳо, обшорҳо, чашмасорон, чӯю дарьё, чарогоҳу киштзорҳо, ҳамаашон зебо* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 133) «Горы, водопады, родники, реки, пастбища и поля — все прекрасно».

12. *Обдав* (*дав* — осн. наст. вр. от *давидан* «бежать») — «покатый» (в отношении полей, садов и огражденного пространства): *замини шумо ҳудо обдав аст* «ваша земля очень покатая (по ней вода стекает, не задерживаясь)».

13. *Обдон* (*дон* — осн. наст. вр. от *донистан* «знать»)— «знающий воду, т. е. хорошо плавающий».

14. *Обмон* (*мон* — осн. наст. вр. от *мондан* «пустить») — «поливальщик полей, садов и огражденного пространства». См. *оброн* и *обдор*.

Обмонӣ «поливка».

15. *Обкаш* (*каш* — осн. наст. вр. от *кашидан* «носить») — «водонос».

Духтари обкаш «девушка, носящая воду».

Обкашӣ «ношение воды, хождение за водой»: *Магар инҳо об намехӯранд, ки ҳанӯз ба обкашӣ намеоянд?* (Айнӣ. Дохунда, 22) «Разве они не пьют воду, что не приходят за водой?».

16. *Обчошак* (*чош* — осн. наст. вр. от *чошидан* «рассеивать» и суфф. *ак* или же *обчошакон* — «игра, заключающаяся в том, что брызгают друг на друга водой»: *мо бо бачагон обчошак* (*он*) *кардем* «мы с ребятами брызгались водой».

Слово *обчошак* (*он*) мною зафиксировано в северных районах. *Обчошак* имеет еще ритуальное значение для вызывания дождя при засухе[1].

17. *Объёрӣ* (*ор* — осн. наст. вр. от *овардан* «нести» и суфф. *ӣ*) — «полив, орошение»: *объёрии пахтаро нағз ташкил кунед* «организуйте получше полив хлопка».

[1] Об этом значении нам сообщила Е. М. Пещерова.

Объёрӣ кардан — «поливать, орошать»:

Абри лутфат ҳамеша ёрӣ кард,
Дашти истиқбол обьёрӣ кард.

(Мактуби халқи тоҷик ба рафиқ Сталин, «Тоҷикистони сурх», 29 сентября 1940 г.).

«Облако твоей милости всегда помогало
орошать землю счастья».

18. *Обрӯбак* (*рӯб* — осн. наст. вр. от *рӯфтан* «мести», суфф. *ак*) — «мусор, который несет вода в канале и выносит на поле».

... пеш аз лабшон задан обрӯбакҳояшро рӯфта барор, вагарна замин ифлос шуда мемонад (Айнӣ. Дохунда, 44) «...перед тем, как выравнивать края межи, вымети мусор».

19. *Обпарто* (*парто* — осн. наст. вр. от *партофтан* «бросать») — «водоотводный».

Кӯлҳои обпарто «водоотводные озерки, каналы».

20. *Обсофкун* (*ак*) — (*софкун* — осн. наст. вр. от *соф кардан* «делать воду чистой, прозрачной») употребляется в значении «миротворец», часто с оттенком легкой иронии (о человеке). *Обсофкун* аналогично русскому выражению «воды не замутит».

Обсофкунак также «черненький водяной жучок» (которому приписывается свойство делать воду чистой, прозрачной).

21. *Облойкун* (*лой кун* — осн. наст. вр. от *лой кардан* «мутит воду») — «человек, который любит ссорить людей, портить отношения между людьми, сплетник». Подобное выражение в переносном значении имеется и в русском языке: «мутить воду», отсюда и слово «смутьян». Но разница заключается в том, что в таджикском языке *облойкун* имеет только бытовой характер, а в русском языке значение слова «смутьян» гораздо шире.

22. *Обчакорӣ* (*обча* «огород» + *кор* — осн. наст. вр. от *коридан* «сеять» и суфф. *ӣ*) — «огородничество, бахчеводство».

23. *Обикорӣ* (*обӣ* + *кор* + *ӣ*) — «поливной» (в отношении посевных земель) в противоположность *лалмикори* «богарный».

24. *Обрав* (*рав* — осн. наст. вр. от *рафтан* «итти») — «место, где течет вода».

Ҷӯи обрав «канал с проточной водой».

Обрав также «слезящийся»: *Чашмони бенури обрав* (Айнӣ. Асарҳои мунтахаб, 22) «Мутные слезящиеся глаза».

Чашмони обравак дошт (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 152) «У него были слезящиеся глаза».

25. *Оббардор* (*бардор* — осн. наст. вр. от *бардоштан* «поднимать») — «требующий для варки много воды»: *гурунҷи оббардор* «сорт риса, требующий для варки много воды». *Оббардор* может употребляться в переносном значении по отношению к человеку, например: *Аҳмадҷон одами ҷудо оббардор-дия* «Ахмеджан человек очень терпеливый».

26. *Обсанҷ* (*санҷ* — осн. наст. вр. от *санҷидан* «измерять») — «водомер».

27. *Обхез* (*хез* — осн. наст. вр. от *хестан* «подниматься») — «полноводье».

28. *Обшӯй* (*шӯ* — осн. наст. вр. от *шустан* «мыть») — «промывка»: *...обшӯи муҳимтарин чорабинии агротехникӣ аст* («Тоҷикистони сурх») «...промывка — важнейшее агротехническое мероприятие».

2. Сложные имена, первая часть которых *об*, а вторая — причастие прошедшего времени

1. *Обшуста* (*шуста* — прич. прош. вр. от *шустан* «мыть») — «стиранный», «промытый» (о земле): *Гулнор куртаи гулии обшустаи худро нишон дода...* (Айнӣ. Дохунда, 24) «Гулнор, показывая свое цветное стиранное (т. е. полинявшее от многих стирок) платье...». *Ҷӯҳои обшустаи пахтаро каланд кати дуруст кардан даркор* «Нужно подравнять кетменем промоины, образовавшиеся на хлопковом поле».

Обшуста в переносном значении «избитый»: *Аммо услуб ва ташбеҳ ҳояш ҳамагӣ кӯҳна ва обшуста буданд* (Айнӣ. Шарқи сурх, 1949, № 11—12, 51) «Но стиль и сравнения его все были старыми и избитыми».

2. *Обрасида* (*расида* — прич. прош. вр. от *расидан* «касаться») употребляется в том же значении, что и *обшуста*, но с отрицанием — в значении «нестиранный», отсюда — «новый». *Ман як воқеаи обнарасидаи хандаовар дорам* (Айнӣ. Ёддоштҳо, II, 262) «Я знаю (букв. имею) одну новую смешную историю».

3. *Оббурда* (*бурда* — прич. прошедш. вр. от *бурдан* «унести») — «промытый» или «пробитый водой»: *Ағбаи оббурдаи Мастчоҳ* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 77) «Промытый водой перевал Матча». *Камари оббурда* (Ниёзӣ. Вафо, 183) «Углубление, промытое (пробитое) водой».

3. *Об* в сочетании с именами

1. *Машкоб* (*машк* «*бурдюк*») — «водонос». Интересно развитие семантики этого слова. Слово, первоначально означавшее тот предмет, в котором носят воду, впоследствии было перенесено на человека, который носит воду (это явление встречается и в других языках). Нередко можно услышать и форму *машкобчӣ* в том же значении.

2. *Гирдоб* (*гирд* «круг») — «водоворот»: *гирдоби фикр* «водоворот мысли» (переносное значение).

3. *Обмӯрӣ* (*мӯрӣ* «труба») — «отверстие под стеною сада, поля или под каким-нибудь строением, где проходит оросительный канал». Ср. слово *обчин*.

4. *Сероб* (*сер* «сытый») — «изобилующий водой»: *ҷоҳои мо сероб аст* «наши места изобилуют водой».

Сероб означает также «сочность»: *вай биҳии сероб овард* «он принес сочную айву».

Наконец, *сероб* может означать изобилие чего-либо вообще: *дар Исфара гурунҷ сероб* «в Исфаре много рису».

5. *Камоб* (*кам* «мало») — «маловодный» (о местностях): *маҳаллаи шумо камоб* «ваш квартал маловодный».

Камоб также означает «несочность чего-либо»: *себатон камоб будааст* «ваши яблоки несочные».

6. *Сароб* (*сар* «голова») — «исток и места, близкие к началу (букв. к голове) канала»: *маҳаллаҳои шумо сароб аст, барои ҳамин дарахтон аз об намекоҳанд* «ваш квартал близок к началу канала, поэтому деревья ваши не нуждаются в поливе».

7. *Пастоб* (*паст* «низкий») — «места далекие от начала канала»: *ҷоҳои мо пастоб аст, сабзавотҳо аз об мекоҳанд* «наше место находится далеко от начала канала, поэтому огороды нуждаются в поливе».

8. *Поёноб* (*поён* «низ») — «вода, спускаемая с полей, садов, а также то место, откуда выходит спускаемая вода»: *поёноби пахтаро ба боғ тӯғӣ кун* «направь воду с хлопкового поля в сад», *поёноби ҳавз* «место у бассейна, где спускается вода».

9. *Гулоб* (*гул* «роза») — «розовая вода». В этом сочетании *об* скорее всего означает «настой».

Гулобӣ — розового цвета: *шоҳии гулобӣ* «шелк розового цвета».

10. *Селоб*(*а*) (*сел* «поток») — «поток» (в данном слове *об* хотя и вошло в состав сложного слова, но никакого нового значения ему не придало; ср. *оби сел*): *селобаи гӯшт* «мясной сок», *селоби одамон* «поток людей» (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, I, III).

11. *Осиё*(*б*) (*ос* «мельница» — неупотребительное) — «мельница». Теперь чаще всего произносится *осиё*, звук *б* отпал. Хотя *осиёб* первоначально означало «водяная мельница», но потом компоненты его настолько слились, что сейчас оно уже не воспринимается как сочетание, состоящее из двух слов. Более того, когда появились другие виды мельниц, для понятия «водяная мельница» образовалось новое сочетание в виде *осиёи обӣ* наряду с *осиёи аловин* «паровая мельница» и *осиёи бодӣ*, *шамолин* «ветряная мельница».

12. Слово *мироб* (арабское слово *мир* «эмир», «повелитель») — «мираб, человек, в обязанности которого входит надзор за правильным расходованием воды в оросительной системе». Отсюда же слово *мироббошӣ* (*мироб* + тюркское слово *бош* «голова» и частица *ӣ*) — «старший мираб».

13. *Намакоб* (*намак* «соль») — «раствор соли, рассол». *Намакоб* в переносном значении еще употребляется в значении «мучение». *Дилам дар намаковай* (Турсунзода. Намунаи фольклори тоҷик, 1939, 49) «Сердце мое в соляном растворе (в тоске)».

14. *Зардоб* (*зард* «желтый» + *об* «сыворотка») — «желчь; гной».

Рангзардоб «бледный, с бледным лицом» (букв. «с желтым цветом лица»).

Зардоб в переносном значении употребляется как «горесть».

Зардоби дил «желчь (горесть) сердца»: *Сандуқи дилам кӯзаи зардов шудай* (А. Н. Болдырев. Намунаҳои фольклори тоҷик, 1938, 213) «Мое сердце стало кувшином желчи (т. е. наполнилось горечью)».

Кроме того, *зардоб* («желчь») употребляется в переносном значении «злоба, гнев» аналогично русскому «желчь»: *Бинобар он кайҳо дили ӯ бо зардоби кинаю адоват пур шуда буд* (Ниёзӣ. Вафо, 72) «Поэтому сердце его давно уже было полно чувства злобы, мести и ненависти (к врагам)».

15. *Ғарқоб* (*ғарқ* «утопление») — «утопление, потопление». Насколько можно заметить, *ғарқоб* употребляется всегда вместе со словом *хун* «кровь», в сочетании с глаголами *кардан* «делать» или *шудан* «делаться» и означает «утопать (в крови)»: *дилаш ғарқоби хун шуд* «сердце его утопало в крови (обливалось кровью)». Ср.: *ғарқи об кардан, шудан* «утопить(ся) в воде».

Кроме того, сочетание *ғарқоби хун* употребляется только в отношении *дил* «сердце» и *ҷигар* «печень».

16. *Хуноба* (*хун* «кровь» + *об* «жидкость» и суфф. *а*) — в сочетании с *дил* «сердце» в значении «кровь сердца, т. е. сильное страдание, огорчение»:

Навишта номаро пушти шер истам,
Зи оби дидаву хунобаи дил

(Турсунзода. Намунаи фольклори тоҷик, 1639, 224).

«Написав письмо, я спрячусь за льва,
от слез и крови сердца (т. е. от страдания, огорчения)».

17. *Симоб* (*сим* «серебро») — «ртуть»; *симобӣ* «серебристый, серый».

18. *Қурутоб* (*қурут* «сушеное кислое молоко»)— «кушанье из сыра, разведенного кипятком и заправленного маслом».

19. *Зардолуоб* (*зардолу* «урюк») — «компот из абрикосов».

20. *Ғӯраоб* (*ғӯра* «зеленые фрукты», в данном случае «зеленый абрикос») — «компот из зеленых абрикосов».

Ғӯраоб, кроме того, еще может означать и «сок зеленого винограда» — *ғӯраоби ангур*.

21. *Ғӯроба* «сок незрелых фруктов»; *ғӯробаи ангур* «сок незрелого винограда».

22. *Шакароб* (*шакар* «сахар») — букв. «сахарная вода», но *шакароб* «похлебка» (из очень сильно наперченного, мелко нарезанного лука).

23. *Нилоб* (*нил* «индиго») — «синяя краска, разведенная в воде».

Нилобӣ «синий, голубой» (цвет): *Ҳаво соф буд, осмон бо ранги нилобии бегубор медурахшид* (Айнӣ. Ғуломон, 804) «Погода была ясная, небо сияло ярким синим светом».

24. *Зокоб* (*зок* «купорос») — «раствор купороса»: *Дар он дегҳо як туркманзани миёнсол пашмҳоро дар зокоб меҷӯшонид* (Айнӣ. Ғуломон, II) «В тех котлах туркменка средних лет кипятила шерсть в растворе купороса».

25. *Обхона* (*хона* «комната») — во-первых, «часть бани, в которой моются» (*обхонаи ҳаммом*), во-вторых, «особая тюрьма в Бухарском эмирате».

26. *Обҷувоз* (*ҷувоз* «маслобойка») — «крупорушка».

27. *Обдаста* (*даста* «ручка») — «кувшин с носиком» (обычно употребляемый при умывании).

28. *Обкашак* (*кашак* «палка с крюком») — «палка с крюком, при помощи которой вытаскивают воду из колодца»: *обкашака гирифта биё, аз чоҳ об кашем* «принеси-ка палку с крюком, чтобы вытащить воду из колодца».

29. *Мурғобӣ* (*мурғ* «птица») — «утка». *Мурғобӣ* также «сосуд для воды в форме утки»[1].

30. *Дӯлоб* (*дӯл* «ведро, ковш»), наряду с другими значениями, означает вращающееся вертикально колесо, к которому привешены ведра для воды (в словаре Vullers'a приводится следующее описание этого слова: *Чархмонанде бошад, ки далвҳои об дар он таъбия кунад* «Нечто вроде колеса, на котором прикрепляют в определенном порядке (букв. упорядочивают) ведра для воды».

Это слово в первоначальном значении в современном литературном таджикском языке не употребляется, а встречается теперь в переносном значении.

Дӯлоб—«путаница, неразбериха»: *корҳо дӯлоб аст, бояд ба роҳ монем* «дела запутанные, нужно их исправить».

Дӯлоб с глаголом *кардан* — «разбранить, разругать, разделать, раскритиковать кого-либо»: *ғапҳои нодуруст навишта будааст, вайро дар маҷлси хелеҳ дӯлоб кардем* «мы его на собрании очень раскритиковали по поводу того, что у него неправильно было написано».

31. *Дӯғоб* (*дӯғ* «пахтанье») — «пахтанье, разведенное водой и употребляемое в качестве прохладительного напитка».

32. *Ғӯлунғоб* (*ғӯлунғ* «урюк») — см. *Зардолуоб*.

33. *Шӯхоб* (*шӯх* «буйный») — «буйная» (в отношении рек): *рӯди шӯхоб* «буйная речка».

34. *Шохоб* (шох «ветвь») — «рукав» (реки).

35. *Нароб* (*нар*, повидимому, восходит к *наҳр* «река») — «речная вода».

36. *Заҳоб* — «подземная вода, показывающаяся на поверхности земли».

37. *Мошоба* [*мош* «маш» (сорт горошка) + *об* + *а*)] — «похлебка, заправленная машем»[2].

38. *Чиркоб* (*чирк* «грязь») — «помои»; *чиркобхона* «помойная яма».

39. *Сардоба* (*сард* «холодная» + *об* + *а*) — «водохранилище, водоем».

40. *Пиёба* (*пиёзоба*) — (*пиёз* «лук») — «похлебка, заправленная жареным луком»; *мошпиёба* (*мошпиёва*) — «похлебка, заправленная машем и жареным луком».

41. *Мастоба* (*маст* «кислое молоко» + *об* + *а*) — «суп с рисом и рубленым мясом, заправленный кислым молоком».

42. *Қавсоб* (*қавс* «стрелец», знак зодиака, соответствующий ноябрю)— «поливка полей в последнем месяце осени»: *агар турбу шалғам қавсоб нахӯрад, талхиаш намеравад* «если редька и репа не получат позднего осеннего полива, то они будут горькими».

---

[1] Об этом значении нам сообщила Е. М. Пещерова.

[2] *Мош* «маш» — особый вид бобовых.

43. *Яхоб* (*ях* «лед») — полив полей в зимнее время.

44. *Чиллаоб* (*чилла* «сорок дней в середине зимы») — «полив полей зимой»: *Қавсоб ва чиллаоб дода монда буд* (Айнӣ. Ёддоштҳо, I, 213) «Он полил (землю) поздно осенью и зимой».

45. *Одоғ* (*обдоғ*) — (*доғ* «затопление») — «пойма, заливной луг»: *Азбаски дар одоғ* (*обдоғ*) *дар вақти обхез оби Зарафшон мебаромад ва дар дигар вақтҳо заҳи дарьё зада истода сернам буд, алафаш хуб мерасид* (Айнӣ. Ёддоштҳо, I, 239) «Так как в пойме во время половодья вода Зерафшана выходила из берегов, а в другое время земля была влажной от реки, трава росла хорошо».

46. *Обамбор* (*амбор* «амбар») — «водохранилище».

47. *Обраҳа или оброҳа* (*роҳ* «дорога») — «тропа, идущая вдоль оросительных каналов».

48. *Ҳороб* (*нор* «гранат») — «гранатовый сок».

49. *Шодоб* (*шод* «радостный») — «орошенный, зеленеющий, полный воды, напоенный влагой».

50. *Сабзоб* (*сабз* «зелень») — «вид опьяняющего напитка»: *сабзоб як нӯшокии масткунанда буд, ки ҳиндуҳо вайро аз як алафи барги канабмонанд мекашиданд* (Айнӣ. Ёддоштҳо, III) «сабзоб был опьяняющим напитком, который индусы приготовляли из какой-то травы, похожей на коноплю».

51. *Оббозӣ* (*бозӣ* «игра») — «купанье», *оббозӣ кардан* (*бозӣ кардан* «играть») —«купаться»: *мо ҳар рӯз дар инҷо оббозӣ мекунем* «мы каждый день здесь купаемся».

Оббозӣ доштан—«купать кого-либо» (чаще всего ребенка): *Сабоҳат бачаашро оббозӣ медорад* «Сабохат купает своего ребенка».

4. *Об* с именем, связанным союзом *у*

1. *Обунамак* «вода и соль» — в значении русского понятия «хлеб-соль»: *обунамакатона хӯрдам, наход ки ҳамин корро бар зиёни шумо кунам?* «я ел вашу воду и соль (хлеб-соль), неужели я буду делать это вам во вред?»

Здесь необходимо отметить то особое значение, которое придается таджиками слову *об*. Хотя в таджикском языке существует слово *нонунамак* «хлеб-соль», наряду с ним употребляется и слово *обунамак* в том же значении (ср. также *обхӯр* «всякий человек, проживающий в определенной местности»).

2. *Обуавқот* (*авқот* «пища») может означать «еда, питание, угощение»: *обуавқотат бошад биёр, дилам гурусна монд* «если у тебя есть какая-нибудь еда (кушанье), то принеси-ка, я проголодался»; *занак, ягон обуавқот кардӣ-мӣ?* «жена, ты приготовила какую-нибудь еду?»; *обуавқоташ ки нағз аст, рангу рӯяш дуруст менамояд* «поскольку питание у него хорошее, он и выглядит хорошо»; *аз Қӯқанд Ғафур омадааст обуавқот карда ҷег задан лозим буд* «из Коканда приехал Гафур, надо было бы его позвать и угостить».

3. *Обуош* (*ош* «кушанье») — «кушанье, еда, угощенье». Эти перечисленные значения *обуош* совпадают со всеми значениями *обуавқот*: *ту бегоҳӣ ягон обуош карда ист, ман меоям* «ты вечером приготовь-ка какую-нибудь еду, я приду»; *як обуош карда рафиқонро ҷеғ задан даркор буд* «надо было устроить угощение и позвать товарищей».

Кроме того, встречается и форма *ошуоб* (*ош* + *об*), это перестановка того же слова *обуош*. Слово *ошуоб* у С. Айни употреблено в значении «угощение»: *Дар бисту чил ҳам ошуоб, хатми қуръон шуда деги имом, муаззин ва калонони қишлоқ ҷӯшид* (Айнӣ. Дохунда, 75) «Когда устраивалось угощение на поминках 20-го и 40-го дней (после смерти) и при чтении корана на поминках, пользу извлекали имам, муаззин и старейшины кишлака».

4. *Обуҳаво* (*ҳаво* «воздух») — «климат, погода»: *обуҳавои Ленинград ба ман намефорад* «мне климат Ленинграда не подходит»; *ҳамин ҳафта ҷудо обуҳаво нағз шуд* «на этой неделе была очень хорошая погода».

5. *Обулой* (*лой* «грязь») — «ремонт, постройка»: *дар хона камтар обулой дорем* «у нас дома небольшой ремонт (или постройка)».

Интересно переносное значение этого слова. *Обулой* в сочетаниях со вспомогательными глаголами *кардан* и *шудан* означает «растратить, спустить, сбыть с рук»: *вай чанд ҳазор пулро обулой карда фиристонд* «он столько тысяч денег спустил». Кроме того, *обулой кардан* может иметь значение «спустить, продать нечестно, украдкой, растратить»: *ӯ беномус аст, чанд ҳазор сӯмро обулой карда фиристондааст* «он нечестный человек, растратил несколько тысяч рублей».

6. *Обухок* (*хок* «прах») в сочетаниях со вспомогательными глаголами *кардан* и *шудан* употребляется только в переносном значении — «мучить-замучить»: *ин бача модараша сӯзонда обухок кард* «этот ребенок извел (капризами) свою мать».

7. *Обуариқ* (*арақ*, «пот») — «пот». Можно думать, что *об* в данном случае, в значении «пот» — синоним *арақ*. Однако мне не удалось обнаружить случая, где бы *об* отдельно значило «пот». *Хонаатон ҷудо гарм будааст, мана обуарақ вер кард* «у вас в комнате очень жарко, я вспотел»; *як обуарақ кунад, дуруст шуда меравад* «вспотеет и поправиться» (о больном).

8. *Обутоб* (*об* «блеск» + *тоб* «блеск, сияние») — «блеск». Такой способ сочетания можно встретить во многих языках, когда для усиления выражения мысли из двух синонимов образуется одно сложное слово одно понятие.

Понятие «блеск» вкладывается в другие образы, и в какой-то мере — в переносном значении — *обутоб* в различных контекстах выражает: «зрелость», расцвет, совершеннолетие (о возрасте), наиболее удобное для того или иного события время» и т. п.:

а) *зардолуя айни обутобаш, афшондан даркор* «абрикосы совершенно зрелые, нужно их собирать (трясти)»;

б) *ҳозир пахтая обутобаш, чиданро сар мекунем* «сейчас хлопок совершенно готов, начинаем собирать»;

в) *духтаратона айни обутобаш* «ваша дочь совершенно взрослая»;

г) *акнун вақти обутоби лолачинӣ шуд* «теперь время собирать тюльпаны»;

д) *вақти обутобаш, харбуза коред мешавад* «уже такое время, хорошо если вы посадите дыню».

9. *Обуранг* (*об* «блеск» + *ранг* «краска, цвет») — «расцвечивание, разукрашивание, яркость», отсюда в переносном значении «расписывание с жаром, вдохновение»: *Қаҳрамониҳои Азизуллои дурӯғгӯйро ба чи обуранг ва бовариӣ ки нақл мекарда бошад, каромотҳои шайхҳои фиребгарро ҳам бо ҳамон обуранг ва боварии боз ҳам зиёдтар нақл мекард* (Айнӣ. Марги судхӯр, 23) «Он расписывал чудеса шейхов-обманщиков еще с бóльшим (может быть) жаром, вдохновением и большей верой, чем подвиги враля Азизуллы».

10. *Обурӯ* или *обрӯ* (*об* «блеск» + *рӯ* «лицо») — «блеск лица, красота»:

Чашмон дорӣ ки зираҷово роҳе не,
Обурӯ дорӣ ки дар ҷаҳон моҳе не.

(Намунахои фольклори тоҷик. Тартибдиҳанда Турсунвода, 1940, 180).

«Глаза имеешь такие, что тмину нечего делать[1].
Красоту имеешь такую, что затмевает луну».

Не случайно, что именно фольклор в своих недрах сохраняет много элементов старины, старые значения, старые формы. *Обурӯ* или *обрӯ* потеряло теперь свое первоначальное значение, оно употребляется в значении «авторитет, репутация, честь, слава»:

а) *Сангин байни бачагон обурӯи калон дорад* «Сангин среди ребят пользуется большим авторитетом»;

б) *пас аз он ки стахановчӣ шуд, байни коргарон обурӯи калон пайдо кард* «после того как он стал стахановцем, он обрел среди рабочих громкую славу»;

в) *Як дег ош равад, равад ки обрӯй аз даст наравад* (Айнӣ. Дохунда, 25) «Если уйдет лишний котел плова, пусть уйдет, лишь бы честь не потерять»;

г) *сар равад ки обурӯ нарвад* «пусть голова пропадет, лишь бы честь не пропала».

Обрӯ в сочетании со вспомогательным глаголом *кардан* «чтить память» (о покойнике): *пас аз мурданам обурӯи наез кун — гуфта кампир ба писараш васият мекард* «старушка завещала своему сыну: „После того, как я умру, хорошо почти меня“».

Обрӯ в сочетании с глаголом *рехтан* «лить» употребляется в значении «осрамиться, опозориться», а в каузативной форме «осрамить, опозорить кого-либо»: *Сангин обрӯятро мерезонад* «Сангин опозорит тебя (или осрамит тебя)».

---

[1] *Зира* «тмин» (лат. carum) употребляется, как символ красоты для сравнения с глазами.

Кроме того. вместо *резондан* может быть употреблена и каузативная форма от *рафтан* «итти» (*равондан*): *агар ҳамин корро кунад, обрӯяшро меравонам* «если он это сделает, я его опозорю».

От слова *обрӯ* образованы следующие составные и сложные имена:

1) *баобрӯ* или *бообрӯ* (*ба, бо* «с» + *обрӯ*) — «почтенный, уважаемый»;

2) *обрӯдор* (*обрӯ* + *дор*, основа наст. врем. от *доштан* «иметь») — «почтенный, уважаемый, пользующийся уважением»; .

3) *беобрӯ* (*бе* «без» + *обрӯ*) — «человек с дурной репутацией, опозоренный»; *беобрӯ* в сочетании со вспомогательным глаголом *кардан* — «опозорить, осрамить, оскандалить кого-либо», а с *шудан* — «опозориться осрамиться, оскандалиться»: *Қосим байни одамон Сафарро беобрӯ кард* «Касим перед людьми опозорил Сафара»; *муаллим дар синф Холиқро беобрӯ кард* «учитель в классе осрамил Халика»; *Салим бо корҳои бади худаш бародарашро дар байни рафиқонаш беобрӯ кард* «Салим своими плохими поступками осрамил своего брата перед его друзьями»;

4) *беобрӯ(г)ӣ* «бесчестье, срам, позор». Имеется еще сочетание *беобрӯгӣ кардан* в значении «совершать бесчестный поступок»: *Сафар беобрӯгӣ карда, обрӯи падарашро резонд* «Сафар совершил бесчестный поступок и осрамил своего отца».

11. *Обу ҳезум* (*ҳезум* «дрова») — «домашние дела»: *Хешҳо барои рӯбинон омада буданд, дар хона ба обу ҳезум каштар ёрӣ додан лозим шуд* (Улуғзода. Диёри навобод, 133) «Родственники пришли в гости, понадобилось немного помочь в домашних делах».

12. *Обухомак* (*хомак* «дыня») — «дыня»: *ягон обухомак харида наёмадед-мӣ?* «не купили ли вы какую-нибудь дыньку?»

13. *Обуазоб* (*азоб* «мучение») — «мучение»: *Оламро обуазоб гирад, парво надорам* (Айнӣ. Ёддоштҳо, I, 44) «Пусть мир потонет (погибнет) в мучениях, мне дела нет».

14. *Обу алаф* (*алаф* «трава») — «корм, пастбище»: *агар обу алафаш дуруст бошад, молҳоро ба ҳамон ҷо мебарем* «если пастбища (выгон) хороши, то мы приведем туда скот».

15. *Обу явғон* (*явғон* «похлебка») — «постная похлебка, жидкая горячая еда»: *То сабук кардани қарзҳо ба обу явғони хона, ба ширу ҷуғроти гов қаноат кунем* (Айнӣ. Ёддоштҳо, I, 27) «До расчета с долгами мы будем довольствоваться постной (без мяса и жира) похлебкой, коровьим молоком». В переносном смысле — также «угощенье».

16. *Обу хошок* (*хошок* «корм») — «уход» (за скотиной): *аз обу хошоки молҳо бохабар шуда ист, дар вақташ таги онҳоро тоза кун, об деҳ, хошок парто* «ухаживай за скотиной, чисти стойло, пои и корми своевременно».

17. *Обу осиё* (*осиё* «мельница») — «хозяйственные дела»: *Аъзоҳо имрӯзу фардо обу осиёшонро карда гиранд, баъд баромада мегундорем* (Улуғзода. Диёри навобод, 36) «Члены (колхоза) сегодня и завтра пусть займутся своими хозяйственными делами, а потом мы выйдем на сбор его (хлопка)».

Рассмотренные в этом разделе композиты или словосочетания можно разделить на две группы:

1) сочетания, в которых значение каждого компонента сложного слова в отдельности не осознается, но вместе они составляют одно понятие, как, например: *обурӯ, обутоб, обуазоб, обухок, обуарақ, обухомак* и др.;

2) сочетания, в которых значение каждого из компонентов в отдельности (особенно второго компонента) осознается, но значение композита или словосочетания шире обоих компонентов, как, например: *обу ҳезум, обу алаф, обу осиё, обу авқот и др.* В этом отношении весьма существенным является замечание академика Л. В. Щербы, который писал: «Однако словосложение не нуждается в формальном выражении, и любая синтаксическая группа может оказаться сложным словом, которое должно отличаться от группы лишь тем, что оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов»[1].

ОБ В ПОСЛОВИЦАХ, ПОГОВОРКАХ И ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Слово *об*, так же как слово «вода» в других языках, широко отражено в народном творчестве: в метких, ходячих выражениях, пословицах, поговорках, идиомах. Народное творчество закрепило отношение к воде, как к важнейшему элементу материальной жизни общества.

Академик В. В. Виноградов подчеркивает, что «изучение фразеологического творчества на базе основного словарного фонда составляет интересную и важную задачу советского языкознания»[2].

Пословицы, поговорки, идиомы и выражения таджикского языка все еще не изучены. Мы постараемся, насколько это возможно, дать толкование части таких выражений, относящихся к слову *об*, разделив их на две группы: 1) идиомы и крылатые выражения и 2) пословицы и поговорки.

1. Идиомы и крылатые выражения

1. *Ба об даромада, аз об хушк баромадан* (букв. «войдя в воду, выйти из нее сухим») — употребляется по отношению к изворотливым людям. В русском языке этому соответствует: «Выйти сухим из воды». Это выражение употребляется во всех глагольных формах.

2. *Касба об ҳам намедиҳад* (букв. «не дает никому даже воды»)— говорится об очень скупых людях: *Сафар касба об ҳам намедиҳад, шумо аз вай ҳеҷ чиз наталабед* «Сафар очень скупой, вы у него ничего не просите» Ср. русск. «у него снегу зимой не выпросишь».

3. *Аз гулии касе об ҳам намегузарад* (букв. «через горло кого-либо вода даже не проходит») — говорится в двух случаях:

---

[1] Л. В. Щ е р б а. Очередные проблемы языковедения, «Изв. АН СССР», Отд. лит-ры и языка, 1945, т. IV, вып. 5, стр. 182.

[2] В. В. В и н о г р а д о в. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, изд. Академии пед. наук, М., 1950, стр. 33.

а) когда человек очень сильно огорчен чем-нибудь: *Мурдани писарашро шунида, Саодат чунон хафа ки аз гулияш об ҳам намегузарад* «услышав о смерти сына, Саодат так сильно огорчилась, что через горло у нее даже вода не проходит»; ср. русск. «в горло ничего не лезет» или же «в горло ничего не идет»;

б) когда человек очень сильно болен и ничего не ест: *Сангина касалаш сахт, ҳозир аз гулиаш об ҳам намегузарад* «Сангин тяжело болен, сейчас ему даже вода не идет в горло».

4. *Умри касе об барин гузашта рафт* (букв. «жизнь кого-либо прошла, как вода»)—употребляется в случаях, когда жизнь прошла незаметно и быстро.

5. *Аз чанд обу алов гузаштагӣ* (букв. «он прошел через множество огней и воду») — говорится о бывалом, все испытавшем человеке. Выражение «сквозь огонь и воду прошел» в русском языке имеет такое же значение.

6. *Умри касе об барин дароз шавад* (букв. «жизнь человека да продлится как вода») — употребляется для пожелания долгой жизни: *Илоҳӣ умратон об барин дароз шавад, духтарам!* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, I, 177) «Дай бог вам долгой жизни (да продлится ваша жизнь как вода), доченька!»

Аналогичное выражение нам удалось встретить у В. Даля: «будь здорова, как вода, плодовита, как земля»[1]. Надо полагать, что здесь вода взята в том же значении, что и в таджикском языке.

7. *Обу алов барин* («что огонь и вода») — употребляется в случаях, когда хотят показать противоположность, противоречивость и несовместимость двух понятий: *дин ва фан обу алов барин гап* «религия и наука, что огонь и вода». Выражение «что огонь и вода» в русском языке имеет то же значение. Кроме того, в таджикском языке оно употребляется в высоком стиле и в бытовом языке. Оно может означать враждебные отношения между людьми: *Саид Қодир катӣ обу алов барин, якдигараша дида наметавонад* «Саид с Кадиром, что огонь и вода (враждебны), друг друга ненавидят». Это значение может быть сравнено по употреблению с русским выражением «живут, как кошка с собакой».

8. *Кучуки обба ғалтидагӣ барин* («подобно собаке, упавшей в воду») — но *кучук* «собака» употребляют в данном выражении в районах Канибадама и Ленинабада, а в Самарканде, например, вместо слова собака употребляют слово *пишак* «кошка», остальная же часть этого выражения остается без изменения. Выражение это применяется по отношению к людям, имеющим унылый, печальный вид. Ср. русск. «как в воду опущенный».

9. *Ба сари касе* (*чизе*) *об рехтан* (букв. «налить кому-либо на голову воду») — кроме своего прямого значения, употребляется и в переносном значении: «сплавить, сбыть, истратить, спустить с рук» (в имущественном отношении): *ба сари пули будагӣ об рехтем* «мы спустили все деньги, которые у нас были»; *ба сари гӯсфанд ҳам об рехтанд* «они уж и барана прикончили».

---

[1] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 1935, т. I, стр. 222.

В отношении человека это выражение означает «сделать сильный выговор», «разоблачить», а физически — «наказать», «арестовать» и даже «убить» в зависимости от контекста.

В русском языке выражения «намылить голову» или «задать головомойку», быть может, имеют что-то общее для выражения той же мысли, что и в таджикском языке. Но круг употребления русских выражений уже, они употребляются только в значении «сделать строгий выговор», «сильно выбранить».

10. *Аз дасти ин кас як пула оби хунук ҳам нахӯрдем* (букв. «из рук этого человека не пили даже и на грош воды») — говорится тогда, когда от кого-либо не видели никакой пользы, выгоды: *аз дасти ин фарзандонам як пула оби хунук ҳам нахӯрдам* «от этих своих сыновей я не видел никакой пользы».

11. *Об барин мегардад, медавад* (букв. «ходит или бежит как вода») — употребляется для выражения равномерности и быстроты движения кого-либо, чего-либо: *аспи вай об барин медавад* «его лошадь бежит быстро (как вода)»; *машина об барин гашта истодааст* «машина ходит плавно и быстро (как вода)».

Кроме того, употребляется это выражение в какой-то мере в переносном значении: *Одина ба саволҳои муаллим об барин ҷавоб дод* «Одина на вопросы учителя ответил, не запинаясь (букв. как вода)». Тут учитывается, вероятно, ритмичность и быстрота ответа.

12. *Хари касе аз об гузашт* (букв. «осел чей-либо перешел через воду»)— употребляется в случаях, когда кто-либо разными обещаниями, мольбами получает свое и больше знать ничего не хочет. Очень часто встречается в этом же значении сочетание *хараш аз лой гузашт* (букв. «его осел прошел грязь»): *Акнун калон шудӣ. Акнун харат аз об гузашт* (Икромӣ. Шоди, 193) «Теперь ты стал важным человеком. Теперь знать ничего не хочешь» (букв. «Теперь твой осел прошел через воду»).

13. *Ба обу арақ гӯтидан* (букв. «обливаться, покрываться потом») или же *зери обу арақи хиҷолат мондан* («от стыда, конфуза бросило в пот»)— говорится в случаях, когда человек сильно устыдился. Может быть, и *арақба гӯтидан* в том же значении: *Сухани Дилбар ва диққати аҳли маҷлис ӯро суп-сурх карда, ба зери обу арақ монда буд* (Икромӣ. Шодӣ, 102) «Слова Дилбар и внимание собравшихся заставили его покраснеть, и его даже бросило в пот»; *Духтур бо ин мулоҳизаи худ дар зери обу арақи хиҷолат монда, даворо навишита тариқи хӯрдани вайро гуфта дод* (Айнӣ Одина, 135) «Эти размышления бросили доктора в пот, он прописал лекарство и объяснил как его принимать».

В русском языке выражения «пóтом прошибло от стыда» или «от стыда в пот бросило» употребляются в том же значении, что и в таджикском.

14. *Дасти худро ба оби хунук назадан* (букв. «не опускать в холодную воду руки») — «ничего не делать»: *Зӯҳро баъд аз келин кардан, дигар дасташа ба оби хунук ҳам намеванад* «Зухра после того, как у него

появилась невестка, ничего не делает». В переходной форме глагола это выражение употребляется, когда кто-либо из уважения не дает делать ничего кому-либо (больше всего старшим), а все делает сам или через кого-либо: *Гулбиби як келини нағз кардааст, ки вай рӯзгорро ба даст гирифта, дасти Гулбибиро ба оби хунук намезанонад* «у Гулбиби такая хорошая невестка, что взяла все хозяйственные заботы на себя и не допускает, чтобы Гулбиби работала».

Кроме того, в этом же значении может встречаться сочетание *дасташро ба оби гарму хунук назадан* (букв. «своей рукой не дотрагиваться до теплой и холодной воды»): *Бар болои ин дар хонаи ман хобида, дасташро ба оби гарму хунук назада хӯрд, нӯшид* (Айнӣ. Дохунда, 57) «Кроме этого, он жил у меня в доме, ел и пил, ничего не делая»; *Албатта, кор накардан, дасти худро ба оби гарму хунук нарасонида, поли хонаро нашустан ва трактор ремонткуниро надонистани вай ҷиноят калон аст* (Васильевская. Тиру камон, 194) «Еще бы, это такое преступление, что она не работала, не уродовала рук стиркой, не мыла полов и не сидела над изучением трактора».

15. *Оби хунук* (*сард*) *рехтан* (букв. «налить холодную воду») — употребляется тогда, когда кто-либо своим поступком, действием, выходкой и т. п. нарушает, срывает что-либо (имеется в виду и дело, и слово): *мо нағз кор карда истода будем, ту омада болои айни ҷӯши корба оби хунук рехтӣ-дия* «мы хорошо работали, ты явился и в самом разгаре дела все испортил»; *Ин суханҳо ба сӯҳбати ҷӯшони домулло ва дигарон оби сард рехт* (Икромӣ. Шодӣ, 197) «Эти слова прервали оживленную беседу домуллы и других» (точнее: «оказали такое действие, как холодная вода»)[1].

Вместе с тем употребляется выражение *ба дили касе оби хунук задан* (букв. «чье-либо сердце облить холодной водой») — «успокоить, охладить» (о человеке): *Баъд аз он ки фаҳмиданд ман ҳатто як пули сиёҳ дар хонаи худ намемонам, ба дили худашон оби хунук зада маро ба ҳоли худ гузоштанд* (Айнӣ. Асархои мунтахаб, 107) «Когда они поняли, что я даже медного гроша не держу дома, они успокоились и отстали от меня».

16. *Рӯи обба баромадан* (букв. «выбраться на поверхность воды»)— «обнаруживаться; выходить на поверхность воды — достигать цели, получать известность; получать облегчение, свободу, жизнь; оживать»:

а) *агар сиррат ба рӯи об баромада монад, ба ҷавобгарии сахт кашида мешавӣ* «если твоя тайна обнаружится, ты будешь привлечен к строгой ответственности»;

б) *агар колхоз шуда ба ҳамдигар ёрӣ дода кор кунем, ҳамин мақсадамон ба рӯи об мебарояд* (Икромӣ. Шодӣ, 183) «если объединимся в колхоз и будем работать, помогая друг другу, мы достигнем своей цели»;

в) *як одами назарногир буду ба ин корҳо даромада рӯи обба баромада монд* «был он незаметный человек, взялся за эту работу и вышел в люди»;

г) *мо камбағалҳо бошем, ҳукумати шӯро шуду рӯи обба баромадем*

[1] *Домулло* — вежливое обращение к людям, известным своей ученостью.

(разг.) «а что касается нас, бедняков, мы ожили с приходом советской власти».

17. *Об барин* («как вода») — употребляется в значении «безвкусный»: *харбузатон об барин баромад* «дыня ваша оказалась безвкусной (как вода)»; *тарбузи харидагиаш об барин будааст* «абруз, который он купил, оказался безвкусным».

В русском языке выражение «много воды» употребляется в переносном значении, при желании подчеркнуть бедность мысли, что в таджикском не встречается.

18. *Ба лаби дарьё обба равад, оби дарьё ҳам хушк мешавад* (букв. «если он пойдет на реку за водой, в реке не окажется воды») — говорится о незадачливом человеке, о неудачнике.

19. *Виноро, арақро об барин мехӯрад* «пьет вино, водку, как воду».

20. *Пулро об барин сарф мекунад* «он тратит деньги, как воду» — как и в русском языке: «у него деньги текут, как вода».

21. *Об карда хӯрдан* (букв. «растворить и есть») — говорится о глубоком усвоении чего-либо — профессии, науки: *вай математикая об карда хӯрдагӣ* «он хорошо знает математику»; *Баъд аз он ки ман ба ӯ дах сол хизмат карда шашмақомро об карда хӯрдам, ба меҳмониҳо маро ҳамроҳи худаш мебурдагӣ шуд* (Айнӣ. Марги судхӯр, 21) «После того, как я прослужил у него 10 лет и досконально изучил шашмаком, он стал водить меня по гостям»[1].

Подобное выражение «глотать науку» мы встречаем и в русском языке но в русском языке «глотать науку» скорее всего выражает быстроту и успех овладения.

22. *Об задагӣ барин* (букв. «точно полито водой») — употребляется для выражения порядка, успокаивающего нервы, тишины: *ҳонаи Қодир тӯй гуфтеду бинам об задагӣ барин* «вы сказали, что у Кадира свадьба, а у него как будто никого нет»; *имрӯз кӯчаҳо об задагӣ барин* «сегодня на улице ничего особенного (тишина)».

Это образное, фигуральное выражение становится особенно понятным, если представить себе вид политого в знойный день двора или пола (земляного) помещения. Наступает прохлада, водворяется порядок, который действует успокаивающе. Более того, это же выражение в какой-то мере в переносном значении выражает благополучие, отсутствие беспорядка в жизни, в семье: — *Аҳволҳо чи тавр*? «Как дела?» — *Тинҷӣ, об задагӣ барин*! «Ничего, все в порядке».

23. *Об хӯред* («пейте воду»)— это выражает полную несостоятельность, несбыточность, невозможность выполнения какой-либо просьбы, требования, поступка, поручения, пустую фантазию и воображение. Встречается это выражение, как нам удалось установить, только в форме повелительного наклонения: *ба ин гапат об хӯр ки ман китобама ба ту дода,*

---

[1] *Шашмақом* — классические таджикские мелодии.

худам бе китоб монам «не воображай, что я тебе отдам свою книгу, а сам останусь без книги».

24. *Чашмро об додан* (букв. «напоить глаза»)— употребляется для образного выражения «глазеть, усладить свой взор»: *пулам-ку нест, ақаллӣ чашмама об диҳам* «денег-то нет, хотя бы глазами поглядеть»; *Аз ранги сабзи зумурраддини алафзор чашми худро об дода қадре ӯнсӯтар назар меандохтед...* (Айнӣ, Аҳмади девбанд, 6) «Если вы, усладив свой взор изумрудно-зеленым цветом луга, посмотрели бы немного в сторону...»; *духтарҳоя дида чашмашро об дода гаштааст* «увидя девушек, он глазеет на них».

25. *Чашми касе ба касе (чизе) об нахӯрад* (букв. «глаза не пьют воды»)— говорится о случаях, когда кто-либо не верит в благополучный исход порученного кому-либо дела или сомневается в благополучном исходе какого-нибудь дела: *корро ба Аҳмад супурда омадам, лекин ба вай чашмам об намехӯрад* «дело поручил Ахмеду, но я в нем не уверен»; *ҳамин корро кардаму нагз баромаданашба чашмам об намехӯрад-дия* «я сделал это дело, но сомневаюсь в его хорошем исходе (или же результате)».

26. *Дили касе ба касе (чизе) об нахӯрад* (букв. «сердце не пьет воды»)— имеет значение и применение такое же, что и предыдущее выражение — *чашмам об намехӯрад*: *Агар дилам об намехӯрд, ин гапҳоро ба ту намегуфтам* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 141) «Если бы я не верил, то тебе я об этом не сказал бы».

27. *Обба нарасидагӣ* (букв. «не коснувшийся воды») — прежде всего, когда говорится об одежде и означает «нестиранный», отсюда — «новый»: *куртааш нав, обба нарасидагӣ* «у него рубашка новая (нестиранная)».

Это выражение имеет и абстрактное значение: *як гапи обба нарасидагӣ дорам* «у меня есть совершенно свежая новость». Кроме того, в этом же значении может встречаться и сочетание «*об нарасидагӣ*».

28. *Аз пушти (давлати) шолӣ курмак об мехӯрад* (букв. «благодаря рису и курмак пьет воду»)[1] — чаще всего говорится о человеке, пользующемся какими-либо благами за счет другого лица.

29. *Аз об ҳалво сохтан* (букв. «из воды сварить халву») — «из ничего сделать что-либо»: *аз ин чӯбу чахсаш иморат намешуд, устои бечора «аз об ҳалво сохта» кард-дия* «из этого строительного материала нельзя было построить дом, но бедный плотник как бы «сварил халву из воды» и построил его».

30. *Ба санг об рехтан* (букв. «лить воду на камень») — ср. русск. «как об стену горох»: *Дар айни замон аз хусуси гапҳои беҳуда будани гӯру қиёмат гап задан ба санг об рехтан катӣ баробар буд* (Ҳ. Карим) «В то время говорить о бессмысленности загробной жизни — все равно, что лить воду на камень (как об стену горох)».

31. *Шири бо оби анор омехта* (букв. «молоко, смешанное с гранатовым соком») — ср. русск. «кровь с молоком»: *Вай беором чашмонашро бо остин*

[1] *Курмак* — вид сорной травы.

пок мекард, вале донаҳои ашк марҷонвор қатор шуда ба рӯи ранги шири бо оби анор омехта доштаи ӯ мешориданд (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 19) «Она непрестанно вытирала свои глаза рукавом, но слезы как кораллы падали каплями на ее лицо, которое было как бы кровь с молоком (букв. как бы молоко, смешанное с гранатовым соком)».

32. *Боз об ба лаби ҷӯй баробар шуда меравад* (букв. «снова до краев наполнится водой арык») — ср. русск. «все пойдет по-старому, благополучно»: *Ҷангро сиҳат-саломат тамом карда мебиёем, боз об ба лаби ҷӯй баробар шуда меравад* (Р. Ҷалил. Умри дубора, 65) «Кончится благополучно война, мы вернемся и (снова до краев наполнится водою арык) все пойдет как прежде, благополучно».

33. *Офтоб дар чакраи хурдатарини об ҳам акс меёбад* (букв. «солнце отражается и в маленьких каплях воды»).

34. *Аз савлати вай оби дарьё ях мекунад* (букв. «от его высокомерия вода в реке замерзает») — говорится о людях, которые мнят о себе, считают себя выше, чем они есть на самом деле.

35. *Оби маҳалле ба ман ҳаром* (букв. «вода какой-либо местности для меня запретна») — говорится в тех случаях, когда человек провинился или опозорен, и ему неприятно дальнейшее пребывание в том или ином месте.

36. *Сароби чизеро* (*пеши оби чизеро*) *гирифтан* (букв. «захватить исток чего-либо») — употребляется в значении «предотвращать»: *Ҳозир рафта пеши оби ин корро гирифтан лозим аст* (Икромӣ. Шодӣ, 131) «Сейчас надо итти и предотвратить это дело».

37. *Ба дасти касе об рехта ҳам наметавонад* [букв. «он не может (т. е. не имеет права) даже поливать кому-либо на руки»].

38. *Об гарм кардан* (букв. «греть воду») — в переносном значении употребляется в смысле «хоть какое-нибудь угощение»: *...дар атроф агар як об гарм қунанд, қишлоқи моро хабар мекунанд* (Айнӣ. Дохунда) «...если где-нибудь устроят хоть какое-либо угощение, пригласят наш кишлак».

2. Пословицы и поговорки

1. *Хобатро ба об гӯй* (букв. «скажи свой сон воде») — выражение, имеющее такое же значение, что и приведенное выше *об хӯред*, т. е. выражает несостоятельность, несбыточность, невозможность выполнения какой-либо просьбы, требования, поручения, поступка, пустую фантазию и воображение: — *Ӯҳӯ: Ин хобатро ба об гӯй дирӯз Шарофқассоб ба ман гуфт, ки агар насияҳои пештаратонро надиҳед, баъд аз ин як бурда гӯшт ҳам намедиҳам!* (Айнӣ. Дохунда, 194) «— Н-ну! Не говори глупости, вчера Шараф-мясник сказал, что если вы не заплатите за то, что брали прежде в долг, больше он ни кусочка мяса не даст!»

2. *На оташи сӯзон, на оби сард* (букв. «ни горячий огонь, ни холодная вода») — ср. русск. «ни рыба, ни мясо».

3. *Кулол ба мундӣ об мехӯрад* (букв. «гончар пьет воду черепком») — ср. русск. «сапожник без сапог».

4. *Кӯзаи нав оби хунук* (букв. «новый кувшин — холодная вода») — ср. русск. «новая метла чисто метет».

5. *То реша дар об аст, умеди самар аст* (букв. «пока корень в воде, есть надежда на плод») — пословица эта часто употребляется в значении «не терять надежду»: *Хайр, ҳоло банки шумо ки пули ман дар он аст, сиҳат ва саломат аст, «то реша дар об аст, умеди самар аст» гуфтаанд. Аз марги наёмада ин қадар тарсида рӯзе сад бор худро азоб дадан барои чист?* (Айнӣ. Марги судхӯр) «Хорошо, но ведь ваш банк, в котором лежат мои деньги, пока процветает. «Пока корень в воде, есть надежда на плод!» Смерть ведь еще не пришла. Зачем же так бояться, — умирать сто раз в день и непрестанно мучиться?»

6. *Санги вазнина об намебарад* (букв. «тяжелый камень вода не уносит») — пословица эта имеет нравоучительный характер. Рекомендуется быть выдержанным, степенным, солидным, сдержанным, крепким и устойчивым в обращении с людьми и в жизни вообще. Данное значение связано со словом *вазнин*, которое означает не только «тяжелый», но и в переносном значении «сдержанный» и др.

7. *Шавад обӣ, нашавад лалмӣ* [букв. «если удастся, (земля) будет поливная, если не удастся — богарной»] — эта пословица употребляется в значении: «получится — хорошо, не получится — тоже ничего!» Ср. русск. «попытка не пытка!»: *Шумо ӯро ба ман шиносонед. Ман аз вай «шавад обӣ, нашавад лалмӣ» — гӯён як ҳуҷра пурсида мебинам* (Айнӣ. Марги судхӯр) «Вы меня познакомьте с ним. Я спрошу у него о комнате, выйдет — хорошо, не выйдет — тоже ничего (попытка не пытка)».

8. *Тоқиро об бурд, хуб шуд ки ба сарам танг буд* [букв. «вода унесла тюбетейку, хорошо, что так вышло, (все равно) она мне была тесна] — ср. русск. «туда ему и дорога».

9. *Ҳар ки об аз дами шамшер хӯрад, нӯшаш бод* [букв. «кто пьет блеск (воду) с лезвия меча, пусть здравствует»] «всякий, кто мечом заслужил славу, пусть здравствует». Тут игра слов: в данном сочетании *об* не «вода», а «блеск» и «слава».

10. *Обмӯрӣ аз боғкалон* (букв. «отверстие под стеной, где проходит вода в сад, больше самого сада»). Имеется другое, аналогичное выражение: *мӯрӣ аз хона калон* (букв. «дымоход больше комнаты») — ср. русск. «овчинка выделки не стоит».

11. *Об овардагӣ ҳам баробар, кӯза шикастагӣ ҳам* (букв. «все равно, что воду принес, что кувшин разбил») — говорится о равной, не заслуженной оценке или вознаграждении за труд или различную степень участия в каком-либо деле.

12. *Оби ганда ба хандақ* (букв. «дурную воду — в канаву») — ср. русск. «дурную траву с поля вон»: *Хайр, Қори-амак, зарар надорад,— мегӯянд, дар асл пули шумо мурдор буд «Оби ганда ба хандақ», гуфтаанд, ҷояшро ёфта рафтааст* (Айнӣ. Марги судхӯр) «Это пустяки, дядюшка

Кори. Ведь деньги ваши все равно были нечестные. Ведь говорят «дурная вода пусть идет в канаву», вот они и ушли, куда следовало».

13. *На сабр дар дили ошиқ, на об дар ғалбер* [букв. «ни терпения в сердце влюбленного, ни воды в решете (не бывает)»].

14. *Моҳӣ ба об зинда, одам ба ҳаво* (букв. «рыба жива водой, человек — воздухом»).

15. *Заминро об вайрон мекунад, одамро гап* [букв. «землю портит (разрушает) вода, человека — слово»].

16. *Ташна дар хоб об бинад* (букв. «жаждущий во сне видит воду»)— ср. русск. «голодной куме хлеб на уме» или же «голодной курице просо снится».

17. *Оби равон қадр надорад* (букв. «протекающая вода не ценится») или же варианты: *оби дари хона қадр надорад* (букв. «вода у дома не ценится») и *об дар хона қадр надорад* (букв. «вода в доме не ценится») — ср. русск. «что имеем не храним».

18. *Оби дари хона тира аст* [букв. «вода возле (своего) дома мутная»] — говорится о том, что все свое не имеет ценности.

Гуфтаҳои Раҳимҷон дуруст буд. Лекин Қорӣ Наим ном ҳам ба правления даромада монда буд. Вай бо ёрии як одами аз шаҳр комиссия шуда омадагӣ ба Раҳим муқобилат кард ва дар вақти худ ба иҷрои кори вай халал дод. Шарикҳои нодон ҳам—аз шаҳр омадагӣ дуруст мегуфтагист—гӯён хап шиштан гирифтанд. Охир, оби дари хона тира мегӯянд, гапи Раҳимҷони мо нодуруст шуда баромад (Ҷ. Икромӣ. Шодӣ) «Рахимджан был прав. Но Кори Наиму также удалось пройти в правление. При помощи одного человека, приехавшего из города в качестве члена комиссии, он выступил против Рахима. И в свою очередь нанес ущерб выполнению его дела. Неискушенные же друзья, думая, вероятно, что приехавший из города говорит правильно, сидели молча. Говорят ведь, что «вода возле дома мутная», вот и слова нашего Рахимджана оказались неправильными».

19. *Бедавлат агар кишт кунад, об наёбад, бадавлатро киштаву накишта баробар* [букв. «бедняк, если посеет, воды не найдет, богачу все равно — посеет или не посеет (вода будет)»].

20. *Ҷон хонаи мардум — на гами об, на гами ҳезум* (букв. «хорошо в чужом доме, не нужно заботиться ни о воде, ни о дровах»).

21. *Об калапо намеравад* (букв. «вода не идет вспять»).

22. *Об аз сар лой* [букв. «вода от (самого) истока мутная»] и варианты: *об аз боло лой* [букв. «вода сверху (по течению) мутная»] или же *об аз сари чашма гилолуд* (букв. «вода от самого источника мутная») — ср. русск. «рыба гниет с головы».

23. *Оба дида мӯза каш, ҳаворо дида гӯза каш* [букв. «завидя воду, стаскивай сапоги, увидев погоду (хорошую), собирай хлопок»] — это выражение употребляется как совет приноровиться к обстоятельствам.

24. *Давои қурут оби гарм* (букв. «средство для растворения сухого кислого молока — горячая вода») — ср. русск. «ларчик просто открывался», т. е. все разрешится просто: *Корат набошад, агар замони*

большевикӣ шавад, замини ин бойҳои беинсофро худамон тақсим карда мегирем, дар он вақт давои қурут оби гарм шуда мемонад (Айнӣ. Ғуломон) «Это ничего. Если придут большевики, мы сами разделим землю этих бессовестных баев, и тогда все просто разрешится».

25. *Обу ободонӣ* [букв.: «где вода, там и благоустройство (там и жизнь)»]— говорится, когда речь идет о большом значении воды. Возможно употребление и в переносном значении.

26. *Обу одам* «где вода, там и человек» (Улуғзода. Диёри Навобод, 4).

27. *Ёр дар хонаю мо гирди ҷаҳон мегардем, об дар кӯзаю мо ташналабон мегардем* (букв. «друг в доме, а мы бродим по свету, вода в кувшине, а мы изнемогаем от жажды»).

Возможно употребление одной части этой поговорки (в данном случае второй) в том же значении: *Онҳо об дар кӯзаю мо ташналабон мегардем'— гуфтагӣ барин ташналаб буданд* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 83) «Они очень хотели пить, как говорится: вода в кувшине, а мы изнемогаем от жажды».

28. *Об дар хушкӣ намеистад* (букв. «вода в сухом месте не держится»): *Хӯҷаин: — ман ба як каф гандуми шумо зор нестам, давлати худам ба худам насиб кунад, бас аст, лекин нафъи шумо дар ин аст, ки ин як ғалбер гандумро ба амбори ман резед, агар баргашта баред, хоҳ бисьёр аст, хоҳ кам ба ду-се рӯз несту нобуд карда мефиристонед, об дар хушкӣ намеистад гуфтаанд, агар дар инҷо бошад, дар вақти маъталӣ ва мӯҳтоҷиатон дари амбори ман ҳамеша ба рӯи шумо боз аст* (Айнӣ. Дохунда) «Я не нуждаюсь в горсти вашей пшеницы, если мое богатство останется, этого мне достаточно, но ваша выгода заключается в том, чтобы вы это решето пшеницы всыпали в мой амбар; если же заберете, много ли (у вас) будет, мало ли, в течение нескольких дней вы израсходуете: «вода в сухом месте не держится»,— говорят. Если же здесь будет, то когда бы вам ни понадобилось, двери моего амбара всегда открыты для вас».

29. *Накӯӣ куну дар об андоз* (букв. «сделай добро и брось его в воду»), т. е. делай всегда добро и меньше всего говори о нем: *Бо вуҷуди ин ман аз вай наранҷидаам. Эҳтимол ӯ дар ин кор ҳам аз ман бадгумон шуда бошад, майлаш бадгумон шудан гирад. Ман як одами соддили бекинаам. Ман мехоҳам, ки ба вай некӣ кунам, ки гуфтаанд: «накӯӣ куну дар об андоз»* (Айнӣ. Ғуломон) «Несмотря на это, я на него не обиделся. Может быть, он меня в этом деле и подозревает, ладно, пусть подозревает. Я человек простодушный, беззлобный. Я хочу сделать ему добро, говорят же: «сделай добро и брось его в воду»».

30. *Хари лӯлия об деҳ, пулаша гир* (букв. «напои осла цыгана, получи за это деньги») — употребляется в значении «получить выгоду, не считаясь со средствами (способами)»: *Кадомаш ки як лаб нон диҳад, ман ғуломи ҳамун: гуфтаи худат барин ман сухани пурҳикмати «хари лӯлия об деҳ, пулаша гир»-ро ба гӯши худам маҳкам гирифтаам* (Айнӣ. Дохунда) «Кто бы ни дал мне кусок хлеба, я его раб. Как ты говоришь, я хорошенько усвоил мудрую пословицу: «напои осла цыгана, получи за это деньги»».

31. *Шутура бо кафлес (чумча) об намедиҳанд* [букв. «верблюда не поят шумовкой (ложкой)»] — говорится о нелепом, бессмысленном поступке; ср. русск. «толочь воду в ступе».

32. *Ба болои сӯхта намакоб* (букв. «сверх сожога рассол») — говорится в случаях, когда за одними неприятностями следуют другие; ср. русск. «пришла беда, открывай ворота»: *Дар пиёдагон ҳам ки ҳар кадом чор-панҷ пуд ҳезумро бардошта буданд, акнун барои қадам мондан тоқат намонда буд, «ба болои сӯхта намакоб» омад: бороне ки аввал дона-дона сар шуда буд, дар як дақиқа чунон ки аз сӯи ҳаво фаввора сар дода бошанд, шарросзада боридан гирифт* (Айнӣ. Ғуломон) «У пешеходов, каждый из которых нес 4—5 пудов дров, теперь не было сил двигаться. Получилось как «рассол на ожог», дождь, который шел мелко, вдруг так усилился, как будто с неба пустили фонтан».

33. *Оби Фарот ба ошиқи пояш намеояд* (букв. «река Евфрат не доходит до его щиколоток») — ср. русск. «ему море по колено».

34. *Об набошад, хок таяммум* [букв. «если нет воды, то землей (можно) совершать ритуальное омовение»] — ср. русск. «на безрыбье и рак рыба». В этом же значении возможно и такое сочетание: *об набошад, таяммум ҳам ҷоиз* (букв. «если нет воды, то допустимо и землею или песком совершать ритуальное омовение»). (См.: Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, I, 260).

35. *Бо ғалбер об кашондан* (букв. «носить воду в сите») — ср. русск. «носить воду решетом».

36. *Нон аз калон, об аз хурд* (букв. «от старших хлеб, от младших вода»), т. е. от старших пропитание, от младших уважение.

37. *Гилемгӯшата аз об кашида бин, чи мешавад* (букв. «вытащи-ка из воды коврик свой, что будет»). Данная пословица возникла в связи с добычей золота. В истоках Зерафшана жители, добывая золото, раскладывали в местах падения воды ковры таким образом, что крупицы золота застревали в ворсе. По значению и употреблению ср. русск. «цыплят по осени считают».

* * *

В ряде случаев на таджикский язык переводятся некоторые русские пословицы, поговорки и выражения, которые с течением времени закрепляются в языке:

1. *Обро лой карда моҳӣ доштан* (букв. «замутив воду, ловить рыбу») — ср. русск. «ловить рыбу в мутной воде»: *Гурӯҳи космополитҳои бемакон, ки обро лой карда моҳӣ доштанӣ мешуданд, беамон фош гардиданд...* «Группа безродных космополитов, которые хотели в мутной воде рыбу ловить, была беспощадно разоблачена» (статья «Ба муқобили космополитҳои бемакон», «Тоҷикистони сурх», 17 апреля 1949 г.).

2. *Ду қатра об барин* («как две капли воды») — ср. русск. «как две капли воды (похожи)»: *Ин кӯдаки вай аст? оҳо!.. Ду қатра об барин ба падараш монанд* (Р. Ҷалил. Одамони ҷовид, II, 253) «Это его ребенок? Да!.. Похож на своего отца как две капли воды».

3. *Обҳои бисьёре ҷорӣ шудаанд* (букв. «утекло много воды») — ср. русск. «много воды утекло» (много времени прошло): *Дар ин муддати набудани вай обҳои бисьёре аз наҳрҳои онҷо ҷорӣ шудаанд* (Ҷ. Икромӣ. Шодӣ, 182) «В этот период его отсутствия много воды утекло в тех речках».

4. *Гӯё дар даҳон об дошта бошанд* (букв. «как бы воды в рот набрали»)— ср. русск. «как воды в рот набрал».

В письменной литературе данное выражение нами не встречено, но не раз приходилось слышать его в речи образованных таджиков.

Отметим использование слова *об* в географических названиях Таджикистана, как то: *Варзоб*[1], *Мурғоб*, *Кӯлоб*, *Шӯроб*, *Обигарм*, *Қалъаи Лабиоб*, *Сурхоб*, *Хингоб*, *Обиборик* и др.

Необходимо учесть, что в данной статье, как это видно из ее названия, использован лишь материал современного языка. Много значений и выражений, относящихся к значению *об* в современном таджикском языке, возможно, не встретилось в использованных мною источниках; кроме того, в повседневной трудовой жизни таджиков *об* могло и может дать немало новых образований.

Алфавитный указатель слов с *об*

баобрӯ
ба об фуромадан
беоб
беобрӯ
беобрӯгӣ
боорбӯ
гирдоб
гулоб
дӯлоб
дӯғоб
вардоб
вардолуоб
воҳоб
вокоб
камоб
мастоба
машкоб
мироб
мошоба
мурғобӣ
намакоб
нароб
нилоб
нороб
оба
обак
обакӣ
обакон
обамбор
оббардор
обба коҳидан
оббоғӣ
оббоғӣ доштан
оббоғӣ кардан
оббурда
оббуро
об газидан
обгардон (*ак*)
обгир
обгирак
об гирифтан
обдав
об давидан
обдаро
обдаста
об додан
обдон
обдор
обдоғ
об вадан
обво
обӣ
оби бинӣ
оби борон
оби гарм
оби дандон
оби даҳон
оби дида
оби замзам
оби ваҳ
оби зиндагӣ
оби зулол
оби кавсар
обикорӣ
оби кул
оби лой
оби мева
оби набот
оби никоҳ
оби нӯшиданӣ
оби нушоӣ
оби равон
оби раҳмат
оби сард
оби сел
оби сиёҳ
оби соф
оби тилло
оби хунук
оби хӯрданӣ
оби чашм
оби чашм карбан
оби шаффоф
оби шифо
оби ҳаёт
оби ҷӯш
об кардан
обкаш
обкашак
обкашӣ
об кашидан
облойкун
обмон
обмонӣ
об монсан
обмӯрӣ
обпарто
об пошидан
обрав
обрасида
обраҳа
обрез
об реҳтан
оброн

[1] Член-корр. Академии Наук СССР проф. А. А. Фрейман любезно разъяснил мне этимологию этого названия: *Варғоб* значит «высокая вода».

обрӯбак
обрӯдор
обсанҷ
обсофкун
обсофкунак
обуавқ̣от
обуазоб
обу алаф
обуарақ̣
обулой
обунамак
обу осиё (б)
обуош
обуранг
обурӯ
обутакфин
обутоб
обухок
обухомак
обу хошок
обу явгон
обуқ̣аво
обу ҳ̣езум
обрӯ
обхез
обхона
обхӯр
пбхӯрак
об хӯрдан
обча
обчакорӣ
обчин
обчинак
обчошак(он)
обшор
обшӯй
об шудан
обшуста
обьёри
обҳ̣ои маъданӣ
обҳ̣ои салқ̣инкунӣ
обҷувоз
обоҳ
осиё (б)
пастоб
пиёба
пешоб
поёноб
сабзоб
сардоба
сароб
селоб
селоба
сҳроб
симоб
хуноба
чиллаоб
чиркоб
шакароб
шодоб
шохоб
шӯхоб
яхоб
ҳӯлунгоб
ҳӯраоб
ҳӯроба
ҳарқ̣об
қ̣авсоб
қ̣урутоб

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад,
В. А. Лившиц, А. И. Фархадян

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ФОНЕТИКЕ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

I. ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ ГОВОРЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА [1]

Фонетика юго-восточных говоров таджикского языка оставалась до сих пор неизученной. Отдельные наблюдения и сведения указывали на существенные расхождения фонетики юго-восточных говоров сравнительно с северо-западными и центральными говорами, особенно в вокализме.

Материалы, собранные кулябской диалектологической экспедицией Таджикского филиала Академии Наук СССР в 1948—1949 гг., дали возможность заполнить в известной мере этот пробел и подготовить предлагаемый очерк.

В Кулябской области представлены две группы юго-восточных говоров: кулябская и рогская. На кулябских говорах говорит почти все таджикоязычное население области, и они довольно близки к говорам каратегинским, с которыми граничат на севере. Вторая группа представлена лишь несколькими сельсоветами в Шуроабадском и частично в Даштиджумском районах; в основном же она распространена на левом берегу Пянджа, на территории Афганистана.

Будучи во многом весьма близкой к кулябским говорам, рогская группа вместе с тем по ряду своих черт тяготеет и к группе бадахшанских говоров.

Таким образом, собранный в Кулябской области материал достаточно широк по своему диапазону для того, чтобы судить об общих чертах юго-восточной фонетики, противополагающихся литературному языку, а также северо-западным и центральным говорам Таджикистана, и для того, чтобы положить его в основу дальнейшего изучения фонетики юго-восточных говоров.

Поэтому предлагаемый очерк кулябской и рогской фонетики может рассматриваться и как первый опыт характеристики юго-восточной фонетики в целом.

---

[1] Авторами первой части статьи являются В. С. Соколова, Р. Л. Неменова и Ю. И. Богорад.

Кулябская группа говоров, занимающая обширную территорию, не является внутри себя вполне однородной. Различия между говорами наблюдаются не только в отдельных районах, но даже и в отдельных сельсоветах; в полярных же своих точках эти расхождения могут быть весьма существенными. Так как в ходе изложения материала необходимы будут ссылки либо на группы говоров, либо на отдельные говоры, ниже приводится схематическая их классификация.

А. Севернокулябские говоры

Охватывают бóльшую часть области с районами: Даштиджумским, Муминабадским, Ховалингским, Сарихасорским, Бальджуанским и Кангуртским. Разделяются на три подгруппы:

1) центральную (Ховалинг, Сарихасор, Муминабад) с говорами: а) ховалингским (Ховалингский район), б) сарихасорским (южная часть Сарихасорского района), в) шуробдарачинским (северная часть Сарихасорского района), г) муминабадским (Муминабадский район);

2) западную (Бальджуан, Кангурт) с говорами: а) дарачинским (восточная часть Бальджуанского района), б) бальджуанским (центральная часть Бальджуанского района), в) даштакским (западная часть Бальджуанского района и Кангуртский район);

3) восточную с даштиджумским говором (на территории северной и центральной частей Даштиджумского района).

Б. Южнокулябские говоры

Распространены на территории Шуроабадского района и в южной части Даштиджумского района. Разделяются на две подгруппы:

1) давлятабадскую (Шуроабадский район) с говорами: а) давлятабадским, б) саричашминским, в) учкульским;

2) тагнобскую (южная часть Даштиджумского района) с говорами: а) тагнобским, б) хирманджоуским.

Рогская группа говоров также не вполне однородна; в пределах советской территории можно выделить следующие (весьма близкие друг другу) разновидности: рогскую, хильдысскую, шингунскую, вискичийскую. Лишь один из этих говоров — рогский — представлен компактной массой населения в 7—8 кишлаков, остальные же говоры —одним-двумя кишлаками[1].

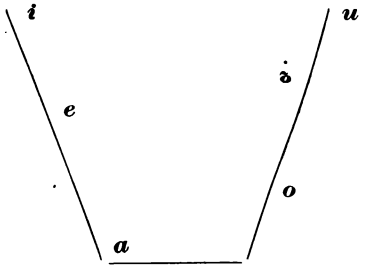
---

[1] Условные обозначения говоров: к.— кулябские говоры, с.-к.— севернокулябские, ю.-к.— южнокулябские. Подгруппы обозначаются полным названием, отдельные их говоры — начальной буквой: д.— даштиджумский, м.— муминабадский, х.— ховалингский, с-х.— сарихасорский, ш-р.— шуробдарачинский, др.— дарачинский, б.— бальджуанский, дш.— даштакский, с-р.— саричашминский, д-о.— давлятабадский, у.— учкульский, т.— тагнобский, хр.— хирманджоуский, р. — рогский, хл.— хильдысский, ш.— шингунский, в.— вискичийский.

1. Вокализм

Система вокализма (в пределах привлекаемого материала) юго-восточных говоров Таджикистана отличается от системы вокализма литературного языка, центральных и северо-западных говоров Таджикистана иной трактовкой гласных заднего ряда, отражающих исторические *u*, $\overline{u}$ и $\overline{o}$[1]. Именно: в литературном языке исторические *u* и $\overline{u}$ совпали в одной фонеме *u* (*šud* «он стал» и *dud* «дым»), противополагающейся фонеме *ŭ*, которая отражает историческое $\overline{o}$ (*rŭz* «день»). В юго-восточных говорах наблюдаем иные соответствия: здесь исторически долгие $\overline{u}$ и $\overline{o}$ совпали в одной фонеме *u* (*dud* «дым», *ruz* «день»), противополагающейся негубной фонеме заднего ряда *ъ*, которая отражает исторически краткое *u* (*šъd* «он стал»).

Таким образом, в исторической трактовке фонем заднего ряда юго-восточный вокализм совпадает с персидским. В остальном система вокализма не отличается от литературного языка и может быть представлена следующим образом:

Ф о н е м а *ъ*. Эта фонема чрезвычайно мутабильна в своем выявлении. Основной вариант ее звучания — неогубленный гласный заднего ряда второго сверху подъема, напоминающий на русский слух *ы*. (Однако сами таджики эту фонему с русским *ы* не отождествляют: русское *ы* таджики передают через *i*: *pъririf* «перерыв»). Этот вариант в отчетливой речи звучит почти во всех фонетических положениях. П р и м е р ы: «bъz» «коза», «gъl» «цветок», «gъzašt» «он прошел», «dъmb» «хвост», «gъšna» «голодный», «tъ» «ты», «kъšt» «он убил», «sъrx» «красный».

Под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией фонема *ъ* может сильно продвигаться вперед, становясь гласным смешенного, про-

---

[1] При описании гласных используется артикуляторная таблица Л. В. Щербы в шесть ступеней подъема. В статье применяется транскрипция, принятая в иранистике. Транскрипция, передающая фонемный состав слова, дается курсивом, без кавычек, транскрипция, передающая варианты фонем, дается в кавычках (в «елочках») прямым шрифтом. Дополнительные знаки: $\underline{\cdot}$ ($\underline{e}$) — сужение гласной, $\overline{\cdot}$ ($\overline{e}$) — расширение гласной, $\underline{\circ}$ ($\underline{š}$) — слогообразующий согласный, $\overline{\circ}$ ($\overline{š^{o}}$) — огубленность. Ударение ставится лишь в тех случаях, когда оно падает не на последний слог.

двинутого вперед ряда, напоминающим на русский слух *ы* (вариант «ъ»). Примеры: «šъd» «он стал», «jъγot» «кислое молоко», «qošъq» «ложка», «čъmča» «ложка», «šъmo» «вы», «čъqur» «глубокий», «šъnavid» «он услышал». В более быстрой речи этот вариант еще сильнее продвигается вперед, чрезвычайно сближаясь в своем звучании с фонемой *i*. Возникает, таким образом, возможность смешения фонемы *ъ* с фонемой *i*, что часто и происходит в указанных случаях (в соседстве с согласными среднеязычной артикуляции). Так, имеем следующие дублеты внутри говоров или соответствия между говорами: *šъd* || *šid* «он стал», *jъγot* || *jiγot* «кислое молоко», *qošъq* || *qošiq* «ложка», *čъmča* || *čimča* «ложка», *šъmo* || *šimo* «вы» и т. д. Сохранение *ъ* или переход его в *i* является одним из признаков, создающих различия между говорами. В нескольких словах отмечен переход *ъ* в *i* по всем говорам, с полной утерей дублетного произношения. Эти слова следующие: *lič* (< *lъč*) «голый», *oliča* (< *olъča*) «алыча», *jido* (< *jъdo*) «отдельный», *šištan* (< *šъštan*) «стирать».

В соседстве с губными согласными фонема *ъ* в заднем своем варианте может огубляться, и тогда она звучит как ненапряженное, вялое, слабоогубленное, краткое *ы*: «kъnŭm» «я сделаю», «mardŭm» «люди», «gandŭm» «пшеница», «bъgešŭm» «шелк».

Этот огубленный вариант возникает также в соседстве со звуком *š*, который артикулируется обычно с участием губ («š°»): «tánšŭ» «его тело», «bъdózŭš» «брось его», «xogŭš» «чесотка», «šuγ» «плетень».

Этот вариант характерен лишь для быстрой речи, при отчетливом произношении огубленность исчезает, и восстанавливается основной вариант «ъ».

В неударенных слогах фонема *ъ* сильно сокращается, особенно в открытых, где она может редуцироваться вплоть до «нулевого варианта» (при слогообразующем, эксплозивном предшествующем согласном «$\overset{\circ}{\text{š}}$mo»).

В зависимости от отчетливости произношения одно и то же слово может быть произнесено как: «dъraxt, dъraxt, dᵇraxt, «дерево». При этом нормальным для обычной речи является вариант «dᵇraxt». Своей чрезвычайной способностью к редукции фонема *ъ* отличается от двух других неустойчивых гласных *a* и *i*, которые только заметно сокращаются, но не редуцируются.

Весьма существенно, что фонема *ъ* в количественном отношении вообще противополагается всем остальным гласным: она является более краткой и в ударенных слогах.

Это показывают следующие цифровые данные по длительности гласных в односложных словах[1].

---

[1] Длительность гласных дается в сигмах (1 σ = 1/100 сек.). В скобках указано количество измерений, из которых выведена средняя длительность. Буквой «х» обозначаются данные ховалингского говора, а буквой «м» — муминабадского.

Между звонкими смычными

					х.	м.
ъ	*bъd*	«он был»	средняя	длительность	10,0 (20)	12,3 (20)
i	*did*	«он увидел»	»	»	14,4 (24)	14,7 (21)
u	*dud*	«дым»	»	»	16,1 (26)	—
o	*bod*	«ветер»	»	»	16,9 (24)	17,5 (25)
	dod	«он дал»				
e	*bed*	«ива»	»	»	17,3 (18)	17,5 (23)
	deg	«котел»				
a	*bad*	«плохой»	»	»	18,1 (13)	18,2 (20)
			Перед *r*			
ъ	*pъr*	«полный»	средняя	длительность	9,5 (18)	12,3 (22)
	bъr	«режь»				
i	*gir*	«возьми»	»	»	14,1 (23)	16,7 (16)
	pir	«старый»				
u	*dur*	«далекий»	»	»	17,2 (18)	18,7 (18)
	ǯur	«соленый»				
e	*der*	«поздний»	»	»	17,4 (13)	18,2 (17)
	ser	«сытый»				
a	*sar*	«голова»	»	»	18,3 (13)	20,8 (18)
	dar	«дверь»				
o	*bor*	«груз»				
	dor	«виселица»	»	»	18,7 (19)	20,0 (18)

Таким образом, краткость, а вместе с ней ненапряженность и шумность звучания являются существенными признаками фонемы ъ во всех ее вариантах. Поэтому, когда две другие неустойчивые фонемы *а* и *i* сокращаются настолько, что теряют напряженность и свою качественную определенность, они тем самым отождествляются с фонемой ъ, поскольку указанные признаки характеризуют именно фонему ъ.

В результате наблюдаются частые переходы фонем *а* и *i* в фонему ъ, особенно в неударенном открытом слоге, наиболее благоприятном для сокращения. Примеры перехода:

i > ъ	*a* > ъ
bъrinǰ «рис»	*bъhor* «весна»
bъni «нос»	*bъland* «высокий»
šъkor «охота»	*bъromad* «он вышел»
bъbi «бабушка»	*dъraʊ* «жатва»
gъre «узел»	*dъroz* «длинный»
mъǰa «ресница»	*dъraxt* «дерево»
sъtora «звезда»	*dъrun* «внутри»
tъriza «окно»	*zъmin* «земля»
ǰъreb «обман»	*kъniz* «служанка»
čъroγ «лампа»	*nъmat* «войлок»
šъkast «он сломал»	*pъga* «завтра»
šъrin «сладкий»	*sъfed* «белый»
gъlem «палас»	*tъyor* «готовый»
dъga «другой»	*tъrošid* «он сбрил»
nъšeb «склон»	*xъlos* «свободный»
bъgu «скажи»	*ǰъtir* «тесто»

Этот переход неравномерен по говорам, распространяется на различные слова и на разное количество слов, что создает различия между говорами.

Так, по говорам существуют следующие соответствия: ш-р. *tъɣo* // х. *taɣo* «дядя», ш-р. *xъlos* // х. *xalos* «свободный», ш-р. *bъhor* // х. *bahor* «весна», ш-р. *dъga* // х. *diga* «другой», с-к. *giranda* // ю-к. и р. *gъrъnda* «злой (букв. кусачий) пес». Для ряда слов встречается дублетное произношение ъ внутри одного говора: х. *nъšun* // *nišun* «знак», *nъvasa* // *navasa* «внучка», *zъmistun* // *zamistun* «зима».

Переход *a* и *i* в фонему ъ в одних словах и сохранение ее в других внутри одного говора, а также неравномерность этого перехода по говорам могут быть объяснены следующими причинами:

1. Фонетическими причинами, а именно влиянием соседних согласных. Переход чаще осуществляется перед сонантами, а также в соседстве с глухими и щелевыми согласными (т. е. в положениях, наиболее благоприятных для сокращения неустойчивых *a* и *i*) и реже между звонкими и между смычными. Так, имеем: *badar* «отстранение», б. *gaza* «горный проход», *beva* «вдова», *didan* «видеть», *kabut* «зеленый», но: *bъni* «нос», *bъlan* «высокий», *gъlem* «палас», *dъrid* «он разорвал», *sъfed* «белый», *šъkam* «живот», *šъrin* «сладкий», *nъšeb* «склон», *pъga* «завтра» и т. д.

2. Частотой употребления слова. Переход происходит чаще в более употребительных, привычных словах и реже — в менее употребительных. В малоупотребительных словах даже в благоприятных фонетических позициях *a* и *i* обычно сохраняются. Так имеем: *zača* «роженица», *kilas* «ящерица», *parъk* «переправа из камней через речку», *safedor* «тополь» (но *sъfed* «белый»), *fila* «молозиво», *čala* «кольцо» (но *čъlik* «палец»), *šila* «огородное пугало», *padar* «отец», *zirak* «сообразительный», *sina* «грудь». Напротив, в очень часто употребляемых словах переход происходит и в неблагоприятных фонетических положениях: *dъga* «другой», *bъbi* «бабушка», хл. *dъda* «отец», в глагольном префиксе *bъ-* (*bъgu* «скажи», *bъda* «беги»).

3. Этимологическими связями слова. Фонемы *a* и *i* сохраняются в сложных или осложненных суффиксами словах, составные части которых еще живо ощущаются. Например: *rahaki* «прохожий» (от *rah* «дорога»), *saraka* «сначала» (от *sar* «начало»), *saruru* «вся голова, вместе с лицом» (от *sar* «голова» и *ru* «лицо»), ю-к. и р. *kadon* «сеновал» (от *ka* «солома»), *rušani* «свет» (от *rušan* «светлый»), *aspaki* «верховой» (от *asp* «лошадь»). Точно так же сохраняются всегда *a* и *i*, попадающие в неударенный открытый слог в результате словоизменения: *dъxtaro* «девушки» (от *dъxtar* «девушка»), *bъrava* «пойдет» (от глагольной основы *rav* «итти») и т. д.

Переход *a* и *i* в фонему ъ может происходить и в закрытых неударенных слогах, но значительно реже и в наиболее благоприятных условиях: между глухими или перед сонантами в часто употребляемых словах, а также в соседстве с увулярными, сильно сокращающими гласную. При этом для севернокулябских говоров случаи такого перехода весьма редки, чаще встречаются они в южнокулябских и рогских говорах, где фонема ъ вообще более активна и распространяется на большее количество слов. Примеры: с-к. *dъstarxon* (<*dastarxon*) «скатерть», *tъmba* (<*tamba*)

«подпорка», *γъrbol* (<*γirbol*) «решето», ю-к. и р. *bъryun* (<*biryon*) «жареное мясо», *gъrya* (<*girya*) «плач», *rъšqa* (<*rišqa*) «клевер», *qъšloq* (<*qišloq*) «кишлак», х-р. *boſъnda* (<*bofanda*) «ткач», ш. *dъstъrxun* (<*dastarxon*) «скатерть», *čъšma* (<*čašma*) «источник», ш., р. *tъšna* (<*tašna*) «хотящий пить».

В ударенных закрытых слогах наблюдается аналогичная картина, причем наиболее благоприятным положением для перехода является слог, закрытый двумя согласными (положение, сильно сокращающее длительность гласной). Существенно, что в ударенных слогах переход в фонему *ъ* фонемы *а* наблюдается значительно реже, чем фонемы *і*. Это может быть объяснено тем, что ударенное *а* более протяженно (а, следовательно, и более полнозвучно), чем *і* (см. цифровые данные на стр. 158). Ниже приводятся все засвидетельствованные случаи перехода:

$$а > ъ$$

В северокулябских говорах: *dъst* // *dast*, ш-р., д. *dъst* «рука», *mъ(n)* // *man* «я».

В южнокулябских и рогских говорах: р. *tandъr* «гром», р. *pъšъk* «кошка», р. *nъmъk* «соль», *munъnd* «подобно» и те же, что в севернокулябских говорах, но без параллельного произношения с *а*.

$$і > ъ$$

В северокулябских говорах: *gъrd* «вокруг», *nъsm* «половина», *sъnf* «класс», *čъrk* «грязь», *šъγ* «плетень», *mъdъr* «заведующий», *čъz* «что-то, нечто», *kъrm* // *kirm* «червяк», с-р. *dъl* // *dil*, ш-р., д. *dъl* «сердце, нутро».

В южнокулябских и рогских говорах: *aqъb* «сзади», *gъndъšk* «воробей», *mъsoſъr* «странник, чужак», *mъsli* «подобно», *maylъs* «собрание», *oγъl* «хлев», *pъčъr* «шёпот», *oylъk* «зарплата», д-о., р. *čъl* «сорок», х-р. *ſъgъr* «мысль», р. *čodъr* «покрывало» и те же, что в севернокулябских говорах.

Помимо приведенных примеров, весьма характерным является переход *а* в *ъ* в закрытых слогах в наиболее употребительных служебных морфемах. Решительно во всех говорах произошел переход *а* в *ъ* в глагольном окончании 1-го л. ед. числа *-ъm* < *-am* (которое может быть и ударенным и неударенным: *kárdъm* «я сделал» и *bъkъnъ́m* «я сделаю»), равно как в местоименных суффиксах (всегда неударенных):

Единств. число	Множ. число
-ъm < *-am*	*-ъmun* < *-amon*
-ъt < *-at*	*-ътun* < *-aton*
-ъš < *-aš*	*-ъšun* < *-ašon*

Для южнокулябских и рогских говоров характерен также переход *а* в *ъ* в ударенном именном суффиксе: *-ък* < *-ak*. При этом в рогских говорах

этот переход является совершенно закономерным и распространяется на все случаи употребления суффикса, а в южнокулябских в довольно значительном количестве слов сохраняется ***а***. Примеры: *bandъk* «завязка», *donъk* «зернышко», *gъrdъk* «кружок, бляха», *xorъk* (*р. xuvarъk*) «сестренка», *sъfedъk* «беленький», *savatъk* «корзинка», *nъmolъk* «платочек», *taxtъk* «крышка». Только для рогских говоров: *zanъk* «женщина», *mardъk* «мужчина», *bačъk* «мальчик», *dъxtarъk* «девочка», *belčъk* «лопатка», *dъstъk* «потолочная балка» и др.

В глагольном суффиксе *-ак* (*raftak*) перехода ***а*** в ***ъ*** вовсе не наблюдается.

Для рогского говора, кроме того, характерен переход ***а*** в ***ъ*** в предикативной связке: ***ъs*** < ***ast***. Примеры: *u maalim-ъs* «он учитель», *oli xov-ъs* «он сейчас спит». В составе сложных глагольных форм (перфект, настоящее определенное время) перехода ***а*** в ***ъ*** в связке ***as***(***t***) никогда не происходит: *dodas* «он дал», *dodeisas* «он дает».

Другой случай распространения фонемы ***ъ*** — переход в нее фонемы ***и***. Этот переход сравнительно редок (особенно для севернокулябских говоров) и происходит только в закрытых слогах как ударенных, так и неударенных. Дело в том, что фонема ***и*** принадлежит к группе устойчивых гласных, которые резко противополагаются неустойчивым гласным только в одном фонетическом положении — в неударенном открытом слоге, в остальных же фонетических положениях разница в длительности обеих групп гласных несущественна. А поскольку фонема ***и*** несколько короче других устойчивых фонем (см. цифровые данные на стр. 158) и поскольку она и артикулярно близка к фонеме ***ъ***, то, сокращаясь под влиянием определенных фонетических условий и теряя при этом свою напряженность (полнозвучность) и в некоторой степени свою качественную определенность, она может смешаться с фонемой ***ъ***, произношение которой и закрепляется в часто употребляемых словах. Эти фонетические условия следующие: 1) слог, закрытый двумя согласными, сильно сокращающий гласную, и 2) влияние соседних согласных: увулярных (сильно сокращающих и расширяющих ***и***), глухих согласных, особенно смычных (сокращающих и оглушающих ***и***), сонантов ***l*** и ***r*** (расширяющих ***и***). Засвидетельствованные случаи перехода следующие: *xъšru* «красивый», *bъγъz* «беременная», *ambъr* «щипцы», *naxъt* «горох», *jaromъšt* (ю-к. и р. *jъromъšt*) «он забыл», *omъxta* «привыкший», *pъl* «деньги», *sъm* «рубль», *sъn* «сторона», ю-к. и р.: *xъrd* «он съел», *lъftъk* «кукла», *tamъl* «обычай», *qъltъk* «подмышка».

В трех словах засвидетельствовано ***ъ*** вместо ***и*** в неударенном открытом слоге: *pъšok* «одежда», р. *gъsola* «теленок», *kъtal* «перевал». Дать фонетическое объяснение для этих случаев затруднительно.

Третий случай распространения фонемы ***ъ*** — передача ею русских гласных в заимствованных словах. Здесь чаще всего фонемой ***ъ*** передаются русские редуцированные неударенные гласные: *pъririj* «перерыв», *načaylъk* «начальник», *bъrgat* «бригада», *odъx* «отдых», *mъlesa* «милиция», *dakъmen* «документ». В закрытых слогах фонемой ***ъ*** могут передаваться и ударенные

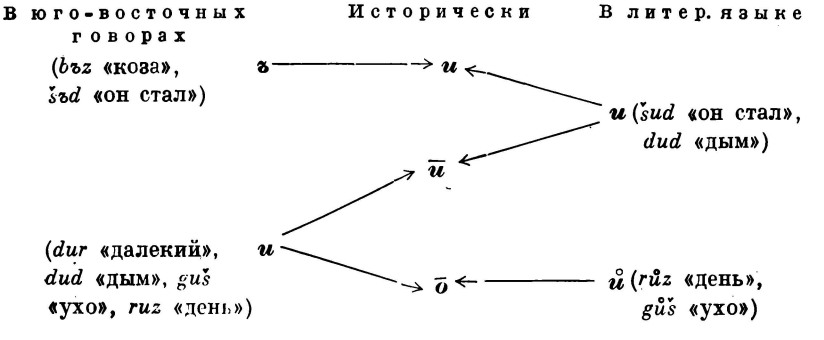
русские гласные: *bъmba* «бомба», *fъrma* «ферма», *dъxtur* «доктор», *nalъk* «налог», *bъrgadъl* «бригадир», *katalъk* «котелок», *kъrs* «курс».

Совершенно закономерно возникает фонема *ъ* в русских словах, начинающихся двумя согласными, выполняя здесь слогообразующую функцию, поскольку таджикский язык не знает слогов, начинающихся двумя согласными. Примеры: *tъraktur* «трактор», *sъruk* «срок», *pъlon* «план», *sъport* «спорт», *gъrom* «грамм» и т. д.

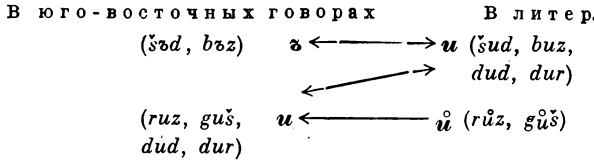
В рогских говорах и в некоторых южнокулябских говорах такое вставочное *ъ* появляется и в таджикских словах между двумя согласными в исходе слова. Это происходит почти исключительно перед сонантами и в единичных случаях перед щелевыми. Фонема *ъ* как качественно неопределенный гласный развивается здесь из эксплозии предшествующего согласного: *áqъl* «ум», *náqъl* «рассказ», *záxъm* «удар», *fъgъr* «мысль», *dъrávъš* «вязальный крючок», *čъšъm* «глаз», *šárъm* «стыд», *gárъm* «теплый». А раз слово начинает привычно восприниматься, как двусложное, то и ударение может перейти на последний слог, окончательно закрепив этим фонему *ъ*: *azъ́l* «шутка», *gъrъ́m* «сучок», *čъšъ́m* «глаз».

Следующий случай распространения фонемы *ъ* — употребление ее в диалектизмах. Примеры: *bъling* «внешний угол дома», т. *balъk* «младший брат», *podъs kardan* «отдавать на попечение», *rъžd* «ровный, гладкий», *mъnčъk* «горсть», ш. *nъnik* «младший брат или сестра», р. *pъtъrmi* «сугроб», *revъč* «название кушанья», *tъlt* «лохматый», *fъlx* «ветхий», *fъrt* «глоток», *xъtš* «гнить», *šъpъk* «крышка от очага».

Фонема *u*. Гласный заднего ряда, верхнего подъема, сильно огубленный. Как уже указывалось вначале, фонема *u* юго-восточных говоров, в отличие от литературного языка, исторически продолжает собою две долгие фонемы *ū* и *ō*, вовсе не включая в себя краткого *ŭ*: *dud* «дым», *ruz* «день», *dur* «далекий», *zud* «быстрый», *guš* «ухо», *gušt* «мясо», *dust* «друг», *kabud* «синий», *zur* «сильный», *namud* «показался», *zonu* «колени», *ruba* «лиса». В результате употребление *u* юго-восточного и *u* литературного совпадает лишь частично — только в тех словах, где имеется этимологически долгое *ū*. В тех же словах, где имеются этимологические *ō* или *ŭ*, юго-восточные говоры и литературный язык используют различные фонемы, что можно наглядно проследить на следующих соответствиях:

В результате непосредственные соответствия между литературным языком и юго-восточными говорами дают следующую картину:

Различный исторический путь обоих *u* — юго-восточного и литературного, — кроме различия в их словарном употреблении, сказывается и на различном фонетическом их выявлении. Именно литературное *u*, продолжая собою не только долгое, но и краткое *ŭ*, тем самым попадает, как известно, в группу неустойчивых гласных, способных сокращаться и редуцироваться. Юго-восточное же *u*, продолжая собою только долгие фонемы (*ū* и *ō*), попадает тем самым в группу устойчивых гласных. Таким образом, юго-восточное *u*, в противоположность литературному, является гласным стойким, сравнительно мало меняющимся в зависимости от фонетических условий.

Более или менее значительно фонема *u* может сокращаться лишь в закрытых слогах в соседстве с увулярными или фарингальными согласными, а также перед *r*, особенно, если слог закрыт двумя согласными. Это сокращение сопровождается некоторым расширением фонемы *u* и утратой в той или иной степени (в зависимости от степени сокращения) ее полнозвучности и напряженности: «dᵘxt» «сшил», «dъrᵘɣ» «ложь», «xᵘn» «кровь», «xᵘrd» «он съел» и т. д. Такой вариант раскрытого, краткого и потерявшего напряженность *u* с вялой артикуляцией, в частности с вялой работой губ, близок к фонеме *ъ*, для которой как раз и характерны краткость и ненапряженность. Поэтому в указанных фонетических положениях может произойти смешение *u* с фонемой *ъ* (в часто употребляемых словах), что дает переход *u* > *ъ*. Случаев такого перехода немного, и они не равномерны по говорам: так, в сарихосорском имеется *xъn* «кровь», а во всех остальных севернокулябских говорах — *xun* или во всех кулябских говорах имеется *luftak* «кукла», в рогском же — *lъftъk*. Все засвидетельствованные случаи этого перехода уже были приведены при описании фонемы *ъ*.

В остальных фонетических положениях заметных качественных изменений *u* не происходит.

Следует отметить характерное для юго-восточных говоров соответствие фонемы *u* литературному *o* перед носовыми: *xuna* // литер. *xona* «дом», *nun* // литер. *non* «хлеб», *dandun* // литер. *dandon* «зубы», *zamistun* // литер. *zamiston* «зима», *num* // литер. *nom* «имя» и т. д. Однако этот фонетический факт в пределах рассматриваемого материала не может быть определен, как действующий фонетический закон. Во-первых, он наблюдается не во всех юго-восточных говорах. В частности, в пределах рассматриваемого материала он характерен только для севернокулябских говоров,

в большинстве же южнокулябских и рогских говоров он либо вовсе не встречается, либо встречается в минимальном количестве слов (в 2—3 словах). Во-вторых в севернокулябских говорах замена *о* фонемой *и* перед носовыми распространяется не на все случаи, а охватывает лишь то или иное количество слов, меняющихся по говорам. При этом наибольшего распространения за счет *о* фонема *и* достигает в говорах, граничащих с Каратегином и Дарвазом (так, в сарихасорском говоре, граничащем с Каратегином, и в даштиджумском говоре, граничащем с Дарвазом, наблюдается почти сплошной переход *о* в *и* перед носовыми), и минимального —в говорах крайнезападных и южных: так, даштакский (западный) и муминабадский (граничащий с южнокулябскими) говоры имеют лишь по 3—4 слова с заменой *о* на *и*. В-третьих, внутри говоров часто наблюдается дублетное произношение *и* // *о* в одном и том же слове: х. *dandun* // *dandon* «зубы», б., дш. *nun* // *non* «хлеб», х. *num* // *nom* «имя», х. *ǰon* // *ǰun* «душа», х. *mon* // *mun* «оставь», с-х., х., б. *zъvun* // *zъvon* «язык» и т. д. В новых словах, заимствуемых в настоящее время (из русского языка, из литературного таджикского), *о* перед *п* сохраняется: *rayon* «район», *pъlon* «план», *gъrom* «грамм» и т. д.

Все эти факты говорят о том, что в пределах кулябского языкового массива замена *о* перед *п* фонемой *и* не является живым фонетическим процессом. Словарная ограниченность и неравномерность этой замены по говорам говорит также о том, что и в прошлом ни кулябские, ни рогские говоры не были очагом возникновения перехода *о*>*и* и что произношение *nun*, *xuna* и т. д. занесено извне в результате скрещения диалектов. Большее распространение *и* вместо *о* к границам Каратегина и Дарваза, а также те имеющиеся сведения об этих говорах, которые свидетельствуют о более закономерном переходе в них *о* в *и* перед носовыми, позволяют предполагать распространение на Куляб *и* вместо *о* именно оттуда. Во всяком случае представляется весьма существенным детально рассмотреть с этой точки зрения факты каратегинских и дарвазских говоров.

Остальные фонемы (*а*, *і*, *е*, *о*). С качественной стороны они мало чем отличаются от литературного языка.

Для фонемы *е* существенно отметить, что она позиционно может быть значительно более узкой, чем в литературном языке. Наиболее всего она сужается перед носовыми, где по степени закрытости достигает 2-го подъема сверху («ɪ̨»), и на русский слух воспринимается, как *і*: «raftɪ̨n» «вы ушли», «gъlɪ̨m» «палас», «girɪ̨n» «возьмите». При подчеркнуто отчетливой речи *е* в этом положении восстанавливается в более широкий вариант «е» («raften», «gъlem», и т. д.), но для обычной речи нормальным является очень узкое звучание. Несколько уже литературного кулябское *е* в открытых слогах в середине слова, где для него характерна артикуляция между 3 и 2-й ступенями подъема (вариант «ẹ̈»): «šẹ̈roz» «вышивка», «melẹ̈sa» «лижет». В этом положении *е* может быть несколько дифтонгоидным, сужающимся к концу своего звучания. Впрочем, это сужение конечного отрезка звучания *е* обычно бывает очень слабым и мало замет-

ным и наблюдается, кажется, только перед щелевыми. В остальном кулябское *e* не отличается от *e* литературного языка.

Ф о н е м а *i* сравнительно с *i* литературного языка имеет более узкий диапазон по признаку ряда. Кулябско-рогское *i* всегда артикулируется в пределах переднего ряда, не отодвигаясь назад даже под влиянием увулярных: «qɪ̯zɪ̯q» «забавный» и т. д. В тех же случаях, когда влияние увулярного не преодолевается, и *i* продвигается назад, оно тем самым попадает в сферу фонемы *ъ*, благодаря чему имеются такие переходы, как *šъγ*<*šiγ* «плетень», *oγъl*<*oγil* «хлев», *aqъb*<*aqib* «сзади». В тех же говорах, где *i* в этих словах сохраняется, оно остается передним: «oγɪl», «aqɪb» (с-к. говоры). Диапазон *i* по подъему не отличается от *i* литературного языка.

Кроме того, как уже говорилось при описании фонемы *ъ*, кулябско-рогское *i*, как и *a*, сравнительно с *i* и *a* литературного языка, являются более устойчивыми в неударенных открытых слогах. Они не так сильно сокращаются и сохраняют свою качественную определенность. Это, как уже указывалось, объясняется тем, что редукция *i* и *a* ведет к их смешению с фонемой *ъ*, к переходу в фонему *ъ*, благодаря чему кулябские *i* и *a* в неударенных открытых слогах расщепляются на две фонемы: в ряде слов фонемы *a* и *i* переходят в фонему *ъ* (в тех словах, где они сильнее сокращаются), в других словах (где они меньше сокращаются) они сохраняются, как гласные с отчетливым качеством. Условия, благоприятные как для перехода, так и для сохранения фонем *a* и *i*, уже детально рассматривались при описании фонемы *ъ*.

К о л и ч е с т в е н н ы е в з а и м о о т н о ш е н и я г л а с н ы х. В отношении количественных взаимоотношений гласных юго-восточный вокализм представляет в основном ту же систему противоположения устойчивых и неустойчивых гласных, которая характерна для литературного языка, но с существенными отклонениями. К группе устойчивых гласных, отражающих исторически долгие гласные, в юго-восточных говорах относятся *e*, *o* и *u*, а к группе неустойчивых — *ъ*, *i* и *a*, которые отражают либо исторически краткие (*ъ*, *a*), либо краткий и долгий (*i*).

Как устанавливается в «Фонетике таджикского языка», противоположение устойчивых и неустойчивых гласных существует только в одном фонетическом положении — в неударенном открытом слоге; в остальных фонетических положениях количественного противоположения обеих групп гласных нет. В юго-восточных же говорах одна гласная из группы неустойчивых — фонема *ъ* оказывается несколько короче остальных гласных во всех фонетических положениях. Это можно видеть из цифр, приведенных на стр. 158, где *ъ* в односложном слове оказывается короче остальных гласных, и в самом благоприятном для сохранения длительности положении — между звонкими согласными — его средняя длительность не превышает 12 σ. Наличие этой всегда краткой фонемы обусловливает и другие особенности юго-восточного вокализма с количественной стороны. Акустическое представление краткости и связанной с нею качественной

неопределенности закрепляется за фонемой ъ. Благодаря этому две другие неустойчивые гласные *а* и *і* не могут в неударенных открытых слогах редуцироваться до утраты качественной определенности, так как в таком случае они перейдут в фонему ъ. В результате юго-восточные *а* и *і* в неударенных слогах более устойчивы, чем в литературном языке, и не сокращаются, как правило, ниже 8 σ для *а* и ниже 6 σ для *і*. А раз фонемы *а* и *і* не редуцируются в неударенных открытых слогах, то они уже не так резко противополагаются группе устойчивых гласных. Это можно видеть на следующих цифрах длительности гласных в неударенном открытом слоге:

Между звонкими		Перед сонантами *m, n* и *l*	
	x.		
ъ *bъgu* «скажи», *bъdav* «беги», *bъgi* «возьми»	2,1 (23)	ъ *gъmon* «мысль», *bъni* «нос», *gъno* «вина»	2,9 (17)
і *dida* «увидевший», *digar* «другой», *didor* «облик, вид»	6,1 (15)	*і* *dina* «вчера», *binak* «гадалка»	6,9 (9)
		а *balo* «беда»	7,8 (5)
а *gado* «нищий», *badan* «тело», *badi* «зло»	8,5 (19)		
и *duda* «сажа», *gu̯a* «угол»	13,8 (10)	*и* *gulak* «ребенок», *dumod* «зять»	11,5 (13)
е *beda* «ива», *dego* «котлы»	11,9 (16)	*е* *gelos* «вишня», *bemor* «больной»	11,5 (10)
о *dodar* «брат», *bodom* «миндаль»	12,9 (14)	*о* *bolo* «верх», *dono* «знающий»	13,5 (17)

Хотя *і* и *а* сокращаются заметно больше, чем устойчивые гласные (*и*, *е*, *о*), однако грань между ними не так резка, как в северо-западных и центральных говорах. Здесь происходит сближение обеих групп гласных в их общем противоположении фонеме ъ. Приведенные цифры как раз и говорят о промежуточном положении фонем *і* и *а*: по своей длительности они почти настолько же отстоят от устойчивых гласных, насколько от фонемы ъ. Существенно также, что для юго-восточного вокализма характерна не только бо̀льшая устойчивость *і* и *а*, но и бо́льшая сокращаемость устойчивых гласных. Если устойчивые гласные по материалам «Фонетики таджикского языка» сокращаются в неударенном открытом слоге между звонкими в среднем лишь на 18% своей исходной длительности (длительности в односложном слове), то юго-восточные устойчивые гласные сокращаются в этом положении в среднем на 25%. С другой стороны, если по материалам «Фонетики» неустойчивые гласные в том же положении сокращаются в среднем на 50—70%, то юго-восточные *а* и *і* сокращаются только на 50—58%. Таким образом, для юго-восточных говоров намечается сближение фонем *а* и *і* и устойчивых гласных. К этому нужно

добавить, что и абсолютная длительность устойчивых гласных юго-восточных говоров заметно короче абсолютной длительности устойчивых гласных северо-западных и центральных говоров, что можно видеть из следующих сравнительных цифр:

	Длительность устойчивых гласных	
	в северо-западных и центральных говорах	в юго-восточных говорах
В односложном слове между звонкими	21,6 (60)	16,9 (68)
В неударенном открытом слоге между звонкими	18,2 (193)	12,7 (40)

Таким образом, устойчивые гласные юго-восточных говоров не столь протяженны и менее полнозвучны, что тоже сближает их с неустойчивыми гласными.

В результате четкое противоположение устойчивых и неустойчивых гласных в юго-восточных говорах в известной мере стирается, и намечается их сближение в их общем противоположении фонеме *ə*. Здесь уже не так четко выражены характерные черты обеих групп гласных, поскольку неустойчивые теряют способность редуцироваться, а устойчивые теряют свою длительность, напряженность и сопротивляемость влиянию окружающих условий. В настоящее время фонемы *a* и *i* все же ближе к *ə*, чем к устойчивым гласным, так как устойчивые гласные при благоприятных фонетических условиях могут значительно удлиняться в неударенном открытом слоге, резко противополагаясь фонемам *a* и *i*. Это происходит, например, в положении перед *r*, которое удлиняет устойчивые гласные, но не удлиняет неустойчивые. Последнее можно наблюдать на следующих примерах:

ə	*dəroz* «длинный» *dərun* «внутри» *gərəft* «он взял» *dəraxt* «дерево»	1,8 (20)
i	*diruz* «вчера» *širin* «сладкий» *piri* «старость»	7,3 (19)
a	*dara* «ущелье» *garon* «тяжелый» *bara* «ягненок»	8,6 (19)
u	*duri* «дальность»	16,8 (7)
e	*'berun* «снаружи» *seri* «сытость»	16,5 (3)
o	*boron* «дождь» *doru* «лекарство» *borik* «узкий»	19,0 (6)

Подобное удлинение устойчивых гласных для отчетливой речи возможно в любом согласном окружении и вовсе невозможно для всех неустойчивых гласных (*ə*, *i*, *a*).

2. Консонантизм

Консонантизм кулябских и рогских говоров в той или иной степени отличается от консонантизма литературного таджикского языка. Однако, если система гласных рассматриваемых юго-восточных говоров одинакова и может быть противопоставлена системе гласных литературного языка северо-западных и центральных говоров Таджикистана, то консонантизм юго-восточных говоров не представляет собой такого единства. Так, состав согласных фонем севернокулябских говоров иной, чем в южнокулябских и рогских говорах. Такое различие в составе согласных между севернокулябскими и южнокулябскими, а также рогскими говорами является одним из существенных классификационных признаков между этими группами говоров. В то же время консонантизм каждой из названных групп говоров отличен от консонантизма литературного языка.

Особенности консонантизма севернокулябских говоров

Фонемы *ʕ* и *ḥ*. Характерным отличием севернокулябских говоров от литературного языка является наличие в этих говорах верхнефарингальных фонем: глухого *ḥ* и звонкого *ʕ*.

Глухой щелевой *ḥ* в севернокулябских говорах употребляется во всех соответствующих словах арабского происхождения и обычно не имеет параллельного произношения с нижнефарингальным *h*: *ḥozir* «сейчас», *ḥol* «положение», *hosil* «урожай», *hota* «огород», *ḥaq* «право», *ḥen* «время», *hilagari* «хитрость», *ḥis* «часть», *ḥisob* «счет», *ḥiǰra* «помещение для гостей», *ḥalol* «дозволенный», *harom* «запрещенный», *ḥalqa* «серьги», *ḥarakat* «движение», *ḥasus* «зависть», *ḥašar* «помочь», *mahkam* «крепкий», *saḥat* «здоровье», *tъḥmat* «клевета», *hъrmat* «уважение», *sohib* «хозяин» и др. Даже значительная часть местной интеллигенции сохраняет в своем произношении в словах арабского происхождения верхнефарингальную глухую фонему.

Что касается звонкого (щелевого) *ʕ*, то в отличие от фонемы *ḥ*, он произносится, главным образом, представителями старшего и среднего поколения. При этом наиболее часто произношение *ʕ* встречается в тех случаях, где эта фонема занимает начальную позицию: *ʕalomat* «признак», *ʕaql* «ум», *ʕid* «праздник», *ʕilm* «наука» и др. Реже можно услышать *ʕ* в середине слова. В этой позиции *ʕ* встречается в таких словах, как *taʕin kad* «назначил», *taʕǰib* «удивленный», *ǰamoʕa* «кишлачный совет», *ǰamʕa* «пятница» и др.

Основная масса слов с *ʕ*, так же как и с *ḥ*,—арабского происхождения, но иногда *ʕ* встречается и в иранских словах: *ʕasp* «лошадь». Русское слово район в некоторых севернокулябских говорах произносится с *ʕ raʕyon*.

Количество слов с произносимым *ʿ* колеблется по говорам. В тех говорах, где эта фонема имеет меньшее распространение, она заменяется нижнефарингальным щелевым *ḥ*. Так, в шуробдарачинском говоре имеем: *tahǰib* // х. *taʿǰib* «удивление», *tahmin* // х. *taʿmin* «обеспечение», *sohat* // х. *soʿat* «часы», *tъhum* // х. *taʿom* «пища».

В части севернокулябских говоров существует дублетное произношение слов с *ʿ* и с *ḥ*: *ʿaql*// *haql* «ум». Иногда (очень редко) *ʿ* заменяется верхнефарингальным глухим: *maʿaqul* // *maḫqul* «подходящий».

Фонема *ḥ*. Нижнефарингальная, щелевая фонема *ḥ*, в отличие от литературного языка, может быть охарактеризована, как фонема неустойчивая, которая в ряде случаев, особенно в начале и конце слова, может отпадать. Впрочем, при этом обычно сохраняется параллельное произношение. Так, например: *hezum* // *ezum* «дрова», *hamra* // *amra* «попутчик», *hami* // *ami* «этот», *hamiqa* // *amiqa* «вот столько», *da* // *dah* «десять», *ra* // *rah* «дорога». Это отпадение фонемы *ḥ* распространяется в севернокулябских говорах не на все слова.

Характерным для севернокулябских говоров, по сравнению с литературным языком, северо-западными и центральными говорами является то, что нижнефарингальный щелевой может выпадать в середине слова между гласными. Он так же, как и при выпадении в начале и конце слова, не заменяется обычно никаким другим согласным. Количество случаев с выпадением срединного *ḥ* (между гласными или между гласным и сонорным) в севернокулябских говорах очень ограничено. Наибольшее количество слов с выпадением срединного *ḥ* отмечено в шуробдарачинском говоре, но и там они имеют параллельные формы с *ḥ*: *mehmun* // *memun* «гость», *dahan* // *daan* «рот», *bahor* // *baor* // *buor* «весна».

По своей фонетической характеристике фонема *ḥ* такая же, как в литературном языке, северо-западных и центральных говорах,— нижнефарингальный, щелевой, преимущественно глухой. Между двумя гласными, как во всех таджикских говорах, где эта фонема наличествует, она может легко озвончаться, однако это озвончение не дает новой фонемы. Звонкое *ɦ* является лишь вариантом фонемы *ḥ*, возникающим между гласными: «bahor» «весна», «bihišt» «рай».

Фонема *ḥ* часто используется в севернокулябских говорах как вставочный звук между двумя гласными: *bača-ḥ-ak* «мальчик» (так же, как в других таджикских говорах). В тех севернокулябских говорах, где в середине слов между гласными выпадают фонемы *ʿ* и *d*, они тоже обычно заменяются вставочным *ḥ*: *bahaql* «умный», *sohat* «часы», *tъhum* «пища», *omaha* «придя», *istaha* «стоя». В двух словах отмечено наращение *ḥ* в начале слова: *helak* «сито», *hayvon* «веранда».

Фонема *r*. В севернокулябских говорах *r* является сравнительно устойчивым звуком, обычно не выпадающим из слова (в отличие от северо-западной группы таджикских говоров, где эта фонема выпадает в середине слова перед согласными *d* и *t*). Однако редкие случаи такого выпадения *r* в середине слова в севернокулябских говорах все же имеются:

так ***r*** выпадает в прошедших временах глагола *kardan*: *kad* «он сделал», *kadam* «я сделал» и т. д.

Чаще ***r*** может отпадать в исходе слова. Правда, это происходит только в наиболее употребительных словах: *diga* «другой», *dъxta // dъxtar* «дочь, девушка», *bъgi* «возьми», *aga* «если».

Ф о н е м ы ***v*** и ***b***. Согласный ***v***, будучи фонетически равным ***v*** литературному, в севернокулябских говорах, как и в других говорах Таджикистана, имеет более широкое употребление, чем в литературном языке. В севернокулябских говорах в большинстве слов фонема ***v*** соответствует литературному поствокальному ***b***: *xoʋ* (литер. *xob*) «сон», *šaʋ* (литер. *šab*) «ночь», *oʋ* (литер. *ob*) «вода», *čuʋ* (литер. *čub*) «палка», *seʋ* (литер. *šeb*) «яблоко», *laʋ* (литер. *lab*) «губа», *xaʋar* (литер. *xabar*) «известие», *taʋaq* (литер. *tabaq*) «блюдо», *saʋat* (литер. *sabad*) «корзина». В ряде же слов, которые проникли в диалект, повидимому, позже, поствокальное ***b*** сохраняется, не допуская даже дублетного произношения с ***v***: *ḥisob* «счет», *kitob* «книга», *kotib* «секретарь», *maktab* «школа», *xub* «хорошо».

Другим случаем распространения фонемы ***v*** в севернокулябских говорах, что отличает их от северо-западных и центральных таджикских говоров, является соответствие фонемы ***v*** в некоторых словах литературному ***b*** в начале слова. Засвидетельствованных слов, где имеется такое соответствие, немного: *ʋega // bega* (литер. *begoh*) «вечер», *ʋedor // bedor* (литер. *bedor*) «бодрствующий», *ʋekor // bekor* (литер. *bekor*) «бездельник», *ʋardoštan // bardoštan* (литер. *bardoštan*) «поднимать». Как видно из приведенных примеров, все эти слова имеют параллельные формы произношения с фонемой ***b***.

Ф о н е м а ***d***. Характерной особенностью этой фонемы для севернокулябских говоров является то, что в ряде глагольных форм эта фонема выпадает: в глагольных формах ***d*** неустойчиво между гласными. Как указывалось выше, выпадая между двумя ***a***, ***d*** обычно заменяется вставочным ***h***, а выпадая после ***i***, заменяется вставочным ***y***: *omaha* (литер. *omada*) «придя», *istaha* (литер. *istoda*) «встав», *šiya* (литер. *šuda*) «сделав».

Севернокулябское ***d***, как и остальные звонкие в исходе слова, часто отпадает, в отличие от северо-западных таджикских говоров, где звонкие в конце слова большей частью оглушаются и переходят в соответствующие глухие. Так, ***d*** в севернокулябских говорах отпадает в словах: *čan* «сколько», *dar kad* (литер. *dard kard*) «заболел», *bъlan* «высокий», *gar // gard* «пыль», *darman* «больной», а также закономерно в глаголах наст. вр. 3 л. ед. ч.: *mebina* «он видит».

Остальные согласные не отличаются от соответствующих согласных литературного языка. Следует отметить только, что увулярный ***x*** в севернокулябских говорах произносится более энергично, чем в других таджикских говорах и литературном языке, т. е. сильная струя воздуха, преодолевая на своем пути преграду — язычок, заставляет его вибрировать, отчего всегда этот согласный произносится с хрипом.

Особенности консонантизма южнокулябских и рогских говоров по сравнению с севернокулябскими

Отсутствие фарингальных. В противоположность севернокулябским говорам, в южнокулябских и рогских говорах совершенно отсутствуют верхнефарингальные фонемы ***ʕ*** и ***ḥ***. При этом обе фонемы в говорах не заменяются никакими другими фонемами: *aql* «ум», *avli* «двор» и т. д.

Нижнефарингальная щелевая фонема ***h***, имеющаяся как в литературном таджикском языке, так и в других говорах, в южнокулябских и рогских говорах также отсутствует (за исключением двух переходных южнокулябских говоров учкульского и хирманджоуского, где она наличествует но менее устойчива, чем в севернокулябских говорах): *ezum* «дрова», *matov* «месяц», *memon* «гость» и т. д.

Между гласными взамен ***h*** могут появляться (во избежание зияния) фонемы ***v*** и ***y***: *buvor* (литер. *bahor*) «весна», *xuwar* (литер. *xohar*) «младшая сестра», р., д. *muwot* (литер., *muyhoi tu*) «твои волосы», *nasiyat* (литер. *nasihat*) «совет», *intiyon* (литер. *imtihon*) «экзамен» *siyat* (литер. *sahat*) «здоровье», *oyingar* (литер. *ohangar*) «кузнец».

Фонема ***y***. Эта фонема в южнокулябских говорах очень неустойчива и может отпадать: *yak* // *ak* «один», *yoft* // *oft* «нашел» и т. д. Использование того или иного произношения колеблется по говорам. В рогских говорах эта фонема вовсе не встречается в начале слова. Так, произносится: *ax* (литер. *yax*) «лед», *ákta* (литер. *yakta*) «один», *anga* (литер. *yanga*) «невестка», *o* (литер. *yo*) «или», *oft* (литер. *yoft*) «он нашел» и др.

Фонема ***v*** (***w***). Губная, звонкая щелевая в южнокулябских и рогских говорах, в отличие от литературного языка и остальных таджикских говоров, является губо-губной во всех фонетических положениях («w»): «watan» «родина», «waxš» «Вахш», «bewa» «вдова» и т. д. В части южнокулябских говоров (учкульском и хирманджоуском) существует дублетное произношение губо-губного ***w*** и губо-зубного ***v***.

По употреблению фонема ***v*** (***w***) в южнокулябских и рогских говорах в общем близка к севернокулябским, но распространяется в начале слова (на месте литературного ***b***) на большее количество слов: в., ш. *wand* (литер. *band*) «он завязал», в. *wega* (литер. *begoh*) «вечер», *won* (литер. *mon*, ю-к. *bon*) «положи», в., ш. *win* (литер. *bin*) «посмотри», в. *war* (литер. *bar*) «унеси», *wekor* (литер. *bekor*) «бездельник», *wardošt* (литер. *bardošt*) «он поднял», *wedor* (литер. *bedor*) «бодрствующий», ш. *wi* (литер. *bibi*) «бабушка», ш. *wo* (литер. *bobo*) «дедушка», *warxurdan* (литер. *barxurdan*) «встречаться».

Наибольшее количество слов, где начальному литературному ***b*** соответствует фонема ***v*** (***w***), представлено в рогских говорах.

Остальные согласные южнокулябских и рогских говоров не представляют особенностей по сравнению с согласными севернокулябских говоров. Следует отметить только, что увулярный ***x*** произносится в южнокулябских

и рогских говорах менее энергично, с меньшим хрипом, чем в северно-кулябских говорах. Также следует отметить, что в южнокулябских и рогских говорах выпадения фонемы *d* между гласными в глагольных формах не происходит.

II. ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК[1]

Персидский язык, несмотря на давность его изучения, в фонетическом отношении исследован далеко не достаточно. По некоторым, даже основным, пунктам можно наблюдать в описании звуков у исследователей большие расхождения и противоречия, в чем легко убедиться, сравнивая наиболее распространенные учебники персидского языка в их фонетической части, не говоря уже о разногласиях в описаниях отдельных исследователей.

Некоторые из этих вопросов были в 1949 г. обследованы в фонетическом семинаре для аспирантов Академии Наук СССР, в котором, помимо авторов, активное участие приняли также аспиранты К. Кауфман, И. Оранский и студент т. Грюнберг.

Предметом обследования служило произношение одного из авторов—преподавателя разговорного персидского языка в Ленинградском государственном университете А. И. Фархадяна, который хотя и является уроженцем Гиляна, но с раннего детства знает персидский язык, получил образование в персидской школе, бóльшую часть жизни провел в Тегеране, и его произношение показательно для речи интеллигентного персоязычного тегеранца.

При обследовании для измерения длительности гласных применялись записи на кимографе.

Особое внимание было уделено следующим неясным пунктам персидской фонетики, которые и являются предметом публикации. Именно: качественная характеристика и взаимоотношение гласных переднего ряда *ӓ* и *e*; характеристика дифтонгов и их фонологическая значимость; выяснение артикуляционного диапазона увулярного согласного *g*; длительность гласных и ее фонологическая роль.

1. Соотношение фонем *ӓ* и *e*[2]

Фонемы *ӓ* и *e* наиболее близки друг к другу как по артикуляции, так и по длительности. Следовательно, их позиционные варианты могут смешиваться между собой и приводить к переходу одной фонемы в другую. Поэтому весьма существенной представляется детальная характеристика

[1] Авторами второй части статьи являются В. С. Соколова, В. А. Лившиц и А. И. Фархадян.

[2] Транскрипция применяется та же, что и в первой части статьи. Дополнительные знаки: $\overline{\cdot}$ (*e̤*)—сужение гласной, $\overline{<}$ (*i̯*)—расширение гласной, $\overline{\exists}$ (*i* ⊣)—продвижение назад, $\overline{\wedge}$ (*d̂*) — глухоконечный согласный, $\overline{\cdot\cdot}$ (*q*) — глухоначальный согласный, $\overline{\cdot\cdot}$ (*k̇*) — среднеязычная артикуляция.

обеих фонем в различных положениях, чтобы выявить условия наибольшего их схождения и, напротив, наибольшего расхождения.

Фонема ***ӓ*** в ударенных слогах имеет сравнительно узкий диапазон звучания, который колеблется от переднего гласного нижнего подъема (вариант «а») до переднего гласного 2-го подъема (вариант «*æ*»). Последний вариант, близкий английскому «*æ*», встречается лишь в соседстве со среднеязычными: «sǽg» «собака», «fᵊrəə̯j» «отрада», «zạrdǽk» «желток», «kæ̯šḱ» «сушеное кислое молоко» и т. д. Положение между двумя среднеязычными дает наибольшее сужение ***ӓ*** («kə̯ə̯šḱ») с некоторым акустическим впечатлением «е»-образного звучания. Противоположный крайний вариант ***ӓ*** — наиболее задний и открытый — возникает в соседстве с увулярными согласными. Но и в этом положении персидское ***ӓ*** лишь несколько продвигается назад (вариант«а¬»), сохраняя передний тип звучания и не доходя даже до нейтрального (смешанного) «а». Примеры: «ha¬g» «право», «tara¬qqi» «развитие», «ха¬г» «осел», «gʸa¬m» «печаль» и т. д. Этот вариант близок по звучанию к основному типу таджикского *а*, как оно звучит, например, в слове *bad* «плохой». Основной же вариант персидского ***ӓ*** — это переднее ***а*** между 1 и 2-й ступенями подъема (вариант «ạ»), более открытое, чем английское *æ* и более закрытое, чем ***а*** таджикское.

В неударенном открытом слоге фонема ***ӓ***, сильно сокращаясь, может терять свою качественную определенность, будучи ненапряженным кратким гласным смешанного ряда: «mᵊɣɔlɨ» «статья», «fᵊrib» «обман», «mᵊrɔ» «меня».

Фонема ***е*** имеет очень широкий диапазон от сравнительно закрытого ***і*** (вариант «і» или «ɨ̯») до открытого ***е*** (вариант «ɛ» или «ɛ»). Узкий вариант фонемы ***і*** (вариант «і») сравнительно редок и встречается только в соседстве с согласными среднеязычной артикуляции и при этом в открытом слоге «bačі» «мальчик», čі || čı «что», «ḱi» — союз подчинительный, «kɨ̯tɔb» «книга». При этом он больше характерен для быстрой речи, при отчетливом же произношении восстанавливается в более широкий вариант звучания. Основное звучание, характерное для фонемы ***е***, это закрытое ненапряженное ***е***, образующееся между 3 и 2-й ступенями подъема (вариант «е»): «gereft» «он взял», «majles» «собрание», «esm» «имя» и т. д. Этот вариант в отчетливой речи звучит во всех фонетических положениях.

Наиболее широкий вариант («ɛ») встречается в абсолютном исходе под ударением: «xɔnɛ́» «дом», «didɛ́» «увидевший», а также в ударенных закрытых слогах перед сонантами, расширяющими гласную: «dɛl» «сердце». Этот широкий вариант не является обязательным и при более четком произношении уступает место основному, более узкому варианту: «xɔnẹ, dide; del» и т. п.

Приведенное в примерах исходное ***е*** соответствует этимологическому ***ӓ*** (|| современному таджикскому ***а***). Повидимому, следует сформулировать для персидского языка общий закон перехода фонемы ***ӓ*** в ***е*** в исходе

слова. Во всяком случае, об этом говорят исследованные факты. Этот переход уже настолько закрепился и фонологизировался, что перестал связываться с фонетическим положением. Именно: прибавление к исходному ***е*** (<***ӓ***) какого-либо суффикса (т. е. изменение фонетического положения) не восстанавливает ***е*** в ***ӓ***. Так, например: «xɔne» «дом» и «xɔnɪhɔ» «дома́», «bače» «мальчик» и «bačɪhɔ» «мальчики». Эти примеры убеждают в том, что исходное «е // ɪ» нельзя считать вариантом фонемы ***ӓ***, так как тогда необъяснимо было бы появление варианта «ɪ» в «xɔnɪhɔ» «дома́» или «xɔnɪrɔ» «дом» (вин. пад.), так как фонема ***ӓ*** в таком фонетическом положении не имеет узких вариантов звучания (ср. «daftar» «тетрадь» и «daftáre man», но не «daftɪre man» «моя тетрадь»). Кроме того, относить исходное «е» к фонеме ***е***, а не к ***ӓ*** заставляет также и тот факт, что оно может сужаться до «ɪ» («xɔnɛ || xɔnẹ || xɔnɛ || xɔnɪ» в зависимости от стиля речи и от характера паузы после слова), но не может расширяться до «а». Иначе говоря, оно фонетически отождествляется с фонемой ***е***, а не с фонемой ***ӓ***. В персидском языке почти нет случаев этимологического краткого ***і*** (>перс. ***е***) в исходе слова. Это обстоятельство, вероятно, ускорило переход ***ӓ*** в ***е***, так как для противоположения обеих фонем в этом положении нет достаточных оснований. Но раз вариант «е» здесь закрепился, то он уже ассоциировался по своему звуковому тождеству с фонемой ***е***, а не с фонемой ***ӓ***. О полном звуковом совпадении варианта «е» (<***ӓ***) с фонемой ***е*** говорят несколько имеющихся слов с этимологическим кратким ***і*** (>перс. ***е***) в исходе. Так, исходные гласные в словах «čɪ» (<*či*) «кто», «kɪ» (<*ki*)—союз подчинительный—ничем не отличаются от исходных гласных в словах «bačɪ» (<*bäčä*) «мальчик», «digčɪ» (<*digčä*) «котелок».

Фонетические предпосылки указанного закономерного перехода фонемы ***ӓ*** в ***е*** могут быть следующие. Как уже говорилось, наиболее узкий вариант ***ӓ***, доходящий в быстрой речи до открытого «ɛ», возникает в соседстве со среднеязычными согласными (или передними гласными). Любое же персидское имя в связной речи постоянно сочетается с изафетом — показателем его определяемости. Поэтому исходное ***ӓ*** в именах перед изафетом (-(***у***)***е***) получало постоянный и чрезвычайно частый, а потому и устойчивый вариант «ɛ || е»: «xɔnɛye man» «мой дом», «xɔnɛye kalɔn» «большой дом», «xɔnɛye safid» «белый дом» и т. д. Благодаря частоте употребления этого варианта, он мог в конце концов создать новый фонетический облик слова, распространившийся на все случаи его употребления: «xɔnɛ». Иначе говоря, переход ***ӓ*** > ***е*** осуществился через звено «еуе»: *xanä* > «xɔnɛye || xɔnéye» > *xane*. Однако это рассуждение остается все же в пределах гипотезы. Можно предполагать, что и в абсолютном исходе персидское ***ӓ*** имело «е»-образный вариант. Однако это не

подтверждается фактами других иранских языков: исходное ударенное ***a***, напротив, бывает обычно более открытым и более задним (таджикский, татский, курдский и другие языки).

В неударенном открытом слоге фонема ***e*** может еще сильнее, чем ***ӓ***, сокращаться и редуцироваться: «b^{e}kunan» «сделают», «n^{ɪ}šǫn» «знак», «k^{ɪ}tǫb» «книга». При этом ***e*** может продвигаться назад вплоть до смешанного ряда под влиянием увулярных и фарингальных: «šǫx^{ъ}u» «его рога», «rǫh^{ъ}u» «его путь», «bɔγ^{ъ} man» «мой сад» и т. д. В результате возникает возможность смешения фонем ***ӓ*** и ***e*** в этом положении. Поскольку при редукции ***ӓ*** происходит его сужение (чем ***ӓ*** отчетливее, тем оно шире), то в подавляющем большинстве случаев смешение фонем идет по линии перехода ***ӓ*** в ***e***, а не обратно: *beráye* (< *bäráye*) «для», *zeban* (< *zäban*) «язык», *sefid* (< *säfid*) «белый», *hezar* (< *häzar*) «тысяча». Случаи перехода ***ӓ*** в ***e*** в этом положении довольно часты и наблюдаются обычно в том фонетическом окружении, где ***ӓ*** наиболее сильно редуцируется (перед сонантами ***r***, ***n***, ***m***, ***l*** и рядом со щелевыми, особенно с глухими).

Отдельные случаи перехода ***ӓ*** в ***e*** наблюдаются и в других фонетических положениях, в частности в соседстве со среднеязычным ***y***: *bayed*<*bayäd* «нужно», *nemayende* (< *nämayändä*) «представитель» и др. Следует отметить, что ***ӓ*** заменилось фонемой ***e*** в неударенных служебных морфемах: в местоименных суффиксах (*xódem* «я сам», *xódet* «ты сам» и т. д.), в предлоге направления *be* (< *bä*) и союзе *ve* (< *vä*) «и».

Эти наблюдения следует проверить на более широком материале. Но во всяком случае расщепление в персидском языке исторически краткого ***a*** на две фонемы ***ӓ*** и ***e*** налицо. Поэтому важно при транскрибировании персидских слов как можно тщательнее проверять их фонемный состав.

2. Дифтонги

Дифтонги ***ou*** и ***ei*** в персидском языке следует считать самостоятельными фонемами. Этимологически они соответствуют сочетаниям ***äv*** и ***äy*** (// современным таджикским ***av*** и ***ay***): *doulät* «государство», *rou* «иди», *roušän* «светлый», *ougat* «обстоятельства» *eivan* «веранда, терраса», *mei* «вино», *pei* «след», *meidan* «площадь».

Определить их как самостоятельные фонемы, а не как дифтонгические сочетания двух фонем, позволяют следующие факты:

1. Сильное фонетическое расхождение с составляющими фонемами: передний гласный «ạ» или даже «æ» дает в дифтонгоидном сочетании задний огубленный гласный «o» («ạ + v>ou»). В таджикском языке, где не произошло слияния в дифтонг, качество ***a*** хорошо сохраняется в аналогичных сочетаниях: «daulat» «государство», «rau» «иди», «aivon» «веранда, терраса», «maj» «вино» и т. д. Если считать, что в персидском языке в сочетании «ei»

имеется закономерный переход ***äv*** в ***e*** перед ***y***, т. е. сочетание фонем ***e*** + ***y***, то для сочетания «eu» аналогичного объяснения дать нельзя.

2. Весьма существенно, что персидское ***v*** всегда губо-зубное и губо-губных, сонорных вариантов даже в исходе слова не имеет, чем отличается от таджикского ***v*** и сходится с ***v*** татского языка, где тоже есть дифтонги, как особые фонемы (***ou*** и ***ey***). Так, в персидском языке: «gɔv», но не «gɔw» (тадж. «gow || gou») «корова», «div», но не «diw» (тадж. «dew || deu») «див». Выходит, что «u» (< ***v***) появляется в персидском языке исключительно в сочетании ***ou*** (< ***äv***). При таком положении его нельзя считать вариантом фонемы ***v***; его возникновение фонетически не объясняется, он — фонологичен, как неотделимый компонент дифтонга ***ou***.

3. Оба дифтонга ***ou*** и ***ei*** не разлагаются на первоначальные составные элементы, в каких бы фонетических условиях они ни оказались. Добавление словоизменяющих суффиксов не приводит к изменению слогоделения и разложению дифтонга, что должно было бы случиться, если бы на месте дифтонга было дифтонгичное сочетание двух фонем (как это происходит, например, в таджикском языке). Так, при присоединении изафета: «jó^{u}-e u» «его «ячмень», но не «jä-ve u» (в тадж. «jau» «ячмень», но «já-vi u» «его ячмень»), «gerú^{u}-e män» «мой залог», но не «gerä-ve män» (в тадж. «garáu» «залог», но «garä-vi man» «мой залог»), «pé^{i}-ye män» «мой след», но не «pä-ye män» (в тадж. «pai» «след», но «pa-yi man» «мой след»).

Следует, однако, указать, что в глаголах переход ***äv*** в ***ou*** происходит только в повелительном наклонении, т. е. в неосложненной основе: *rou* «иди», *dou* «беги» и др., не распространяясь на производные формы, где иное слогоделение способствует сохранению традиционного произношения: *mirävät* «я иду», *midävät* «я бегу». Таким образом, возникают чередования в глагольных основах: *räv-* || *rou*, *däv-* || *dou*, *šäv-* || *šo*^{u}.

4. Выявление дифтонгов в речи говорит о фонетическом единстве их компонентов. Оба дифтонга являются нисходящими, т. е. с более слабым вторым компонентом. В речи этот второй компонент может очень сильно ослабляться (особенно в дифтонге ***ou***), в результате чего дифтонг превращается в дифтонгоид — неоднородный гласный, сужающийся к концу своего звучания: «o^{ᵘ}» и «e^{ᶦ}». Такое звучание наиболее характерно для дифтонга ***ou***: «jo^{ᵘ}» «ячмень», «mo^{ᵘ}jud» «существующий», «ro^{ᵘ}šan» «светлый». Для дифтонга ***ei*** такое звучание нормально в положении перед гласными: «pe^{ᶦ}(y)e u» «его след», «me^{ᶦ}(y)e nɔb» «чистое вино». В более быстрой речи такое звучание распространяется и на другие фонетические положения, исключая абсолютный исход, где дифтонг ***ei*** довольно устойчив: «mei» «вино», «pei» «след» и т. д.

Второй элемент дифтонга ***ou*** может ослабляться настолько, что дифтонгоидность («o^{ᵘ}») уже не будет слышна, т. е. дифтонг ***ou*** имеет своим

фонетическим вариантом монофтонг «o̯». Это происходит обычно в открытых слогах, причем возникший монофтонг при четкости произношения восстанавливается в «oᵘ» и далее в «ou». Так, имеем: «j̆o || j̆oᵘ» «ячмень», «ro̯ || roᵘ» «иди», «do || doᵘ» «беги», «j̆o̯ı man || j̆o̯ᵘı man» «мой ячмень», «o̯γ̱t || oᵘγ̱t» «обстоятельства», «o̯baš || o̯ᵘbaš» «босяк».

Таким образом, для дифтонга ***ou*** характерна тенденция к монофтонгизации. Возникающий при этом монофтонгичный вариант дифтонга «o || o̯ || u» фонетически может совпадать с фонемой ***o***. Однако это пока не ведет еще к слиянию варианта «o» с фонемой ***o***, поскольку этот вариант факультативен и неустойчив. В дальнейшем, если монофтонгизация ***ou*** станет нормой, возможным окажется или частичный, или полный переход фонемы ***ou*** в ***o***.

3. Фонема g

Увулярный звонкий согласный персидского языка, соответствующий в таджикском языке двум фонемам ***q*** и ***γ***, недостаточно четко определяется в литературе. Поэтому ниже дается его детальное описание. Фонема g имеет очень широкий диапазон звучания: она может быть любым увулярным звуком за исключением глухого щелевого («x»).

В начале слова g — обычно сильно аффрицированный смычный неполнозвонкий, с глухим началом и звонким концом «gʸe˩r» «кроме», «gʸɔ̯rat» «набег», «gʸa ˥ m» «печаль» и т. д. Степень аффрикации и степень звонкости зависят от стиля речи: при отчетливом произношении g меньше аффрицирован и более звонкий. Приведенное в примерах произношение отражает полный стиль речи. При подчеркнуто четком произношении g может стать чистым смычным и полнозвонким: «g̱ɔ̯rat, ga ˥ m» и т. д. При обычном стиле речи аффрикация может усилиться настолько, что щелевой элемент становится основным и дает впечатление щелевого звука, лишь со слабой начальной смычкой: «ᵍγ̱ɔšvn» «армия», «ᵍγ̱ɔt̯el» «убивающий». Кроме того, в неполном стиле речи g может стать почти на протяжении всего своего звучания глухим, сохраняя только звонкий конец, и может быть иногда воспринят, как «q», если он сохраняет смычный характер: «q̱adam» «шаг», «q̱ɔf̯el» «невнимательный».

Однако полностью глухим g в этом положении никогда не бывает, звонкий исход сохраняется обязательно.

Между гласными g — всегда полнозвонкий и нормально щелевой (вариант «γ»): «maγ̱m» «место», «maγ̱l̯e» «статья», «ḇɔγ̱t» «сады» и т. д.

При подчеркнуто отчетливом произношении возможен и аффрикативный вариант: «magʸ̱m» «место» и т. д.

Перед сонорными g — всегда полнозвонкий, может быть и смычным (чистым), и щелевым: «agl» «ум», «maγlub || maglub» «побежденный», «magr̯eb || maγr̯eb» «запад».

Перед звонкими шумными в исходе слога g — по преимуществу смычный аффрицированный неполнозвонкий: «e̱gʸdɔ̯m» «мероприятие»,

«eɢʸbɔl» «счастье», «aɢʸvɔm» «народ»; перед звонкими щелевыми в середине слога — полнозвонкий щелевой: «maɣz» «мозг».

Перед глухими согласными ɢ — всегда полностью глухой, либо смычный с возможной аффрикацией («qˣ»), либо щелевой («x»). В последнем случае сливается с фонемой *x*: «raq(x)s || raxs» «танец», «taq(x)sim || taxsim» «разделение», «maxsad || maqsad» «цель», «vaxt» «время». В этом положении переход ɢ в *x* — нормальное явление.

В исходе слова ɢ — обычно щелевой, с глухим концом: «bɔɣ» «сад», «tiɣ» «клинок», «moɣ» «курица» и т. д.; при подчеркнуто отчетливом произношении может восстанавливаться в смычно-аффрицированный вариант: «bɔɣˣ», «tiɣˣ» и т. д.

В общем выявление персидского ɢ довольно точно совпадает с выявлением соответствующей фонемы в татском языке; описание дано в сборнике «Иранские языки», II, стр. 30.

4. Длительность гласных

Инструментальное исследование гласных фонем персидского языка с количественной стороны производилось на большом стационарном кимографе в фонетической лаборатории Ленинградского государственного университета. Записи производились три раза (с недельными промежутками), причем показания первой записи значительно отличаются от двух других, что объясняется нарочито отчетливой артикуляцией диктора при первой аппаратной записи. Так, например, для группы устойчивых гласных (*a*, *i*, *u*) в односложном слове (звонкое смычное окружение) средняя длительность при первой записи составила (в сигмах): *a* — 34,6, *i* — 33,1, *u* — 30,7. При второй и третьей записях средняя длительность тех же гласных в аналогичном положении равнялась соответственно

a	*i*	*u*	
18,3	20,8	19,8	(вторая запись)
16,2	17,6	20,2	(третья запись)

Для группы неустойчивых гласных (*ă*, *e*, *o*) сравнение результатов первой записи с данными второй записи дает аналогичную картину (средняя длительность):

ă	*e*	*o*	
35,1	37,4	33,3	(первая запись)
20,9	18,6	19,8	(вторая запись)

Столь большая разница в результатах измерений заставляет при выявлении абсолютной (средней и типовой) длительности гласных пользоваться лишь материалами второй и третьей записей.

При определении начала гласного при измерении кимографических кривых безголосый промежуток (длительностью 2—4 σ) между взрывом предшествующего глухого согласного и началом гласного всегда отно-

сился к характеристике согласного, так как персидские глухие смычные имеют, подобно таджикским[1], придыхание, слышимое более или менее отчетливо в зависимости от качества последующего гласного. Измерение лишь звучащего гласного уменьшает также трудности при обработке кривых, содержащих записи гласных в щелевом окружении.

Измерение длительности гласных производилось в четырех фонетических положениях: а) ударенный закрытый слог, б) ударенный открытый слог, б) неударенный открытый слог, г) неударенный закрытый слог. Во всех указанных положениях гласные измерялись в звонком окружении.

Скорость вращения вала кимографа при всех записях оставалась неизменной: 163 мм в 1 сек.

В дальнейшем изложении цифры I, II обозначают соответственно вторую и третью записи. Длительность гласных дается в сигмах (0,01 сек.).

Устойчивые гласные (a, i, u)

а) Ударенный закрытый слог

Средняя длительность (между звонкими смычными) составляет[2]:

		I	II
a	*bab* «глава, раздел» *dad* «он дал»	18,3 (11)	16,2 (8)
i	*bid* «ива» *dig* «котел»	20,8 (12)	17,6 (11)
u	*bud* «он был» *dud* «дым»	19,8 (20)	20,2 (8)

Колебания средней длительности: 16,2—20,8 σ. Средняя длительность для всей группы устойчивых гласных — 18,8 σ. Типовая длительность гласных может быть показана с помощью таблицы, фиксирующей число произнесений, падающих на данную длительность (в округлении до целых сигм). Незначительность расхождений позволяет объединить данные обеих записей (табл. 1).

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, типовая длительность ударенных *a*, *i*, *u* в закрытом слоге между звонкими смычными колеблется между 16 и 22 σ, причем наибольшее число произнесений (22) падает на длительность 19—20 σ. Таким образом, центр типовой длительности *a i*, *u* подтверждает достоверность средней длительности этих гласных (18,8). Отклонения от пределов типовой длительности в сторону сокращения (до 14 σ) наблюдаются лишь в 3 случаях из 70, в сторону удлинения — в 6 случаях.

---

[1] В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, 1949, стр. 34—35.

[2] Цифры в скобках указывают число произнесений, из которых выведена средняя длительность.

Таблица 1

Длительность устойчивых гласных в ударенном закрытом слоге (между звонкими)

Длительность в сигмах	Количество измерений			*a, i, u* в сумме
	a	*i*	*u*	
10	—	—	—	—
12	—	—	—	—
13	—	—	—	—
14	2	—	—	2
15	—	1	—	1
16	3	6	3	12
17	2	—	3	5
18	2	3	3	8
19	5	3	3	11
20	2	4	5	11
21	1	1	3	5
22	1	2	6	9
23	1	1	—	2
24	—	1	1	2
25	—	—	—	—
26	—	—	1	1
27	—	1	—	1
28	—	—	—	—
29	—	—	—	—
30	—	—	—	—
Общее количество измерений	19	23	28	70

б) Ударенный открытый слог

Средняя длительность составляет:

		I	II
a	*säda* «звук», *färda* «завтра», *baba* «дед», *dida* «увидевший», *joda* «отдельный», *gäda* «нищий»	20,5 (28)	(20,7) (13)
i	*jeddi* «серьезный», *zudi* «быстрота», *bädi* «зло»	19,9 (31)	—
u	*bädbu* «дурнопахнущий», *säbu* «кувшин», *begu* «скажи», *jadu* «колдовство», *kädu* «тыква»	19,3 (28)	—

Колебания средней длительности: 19,3—20,7 σ. Средняя длительность для всей группы — 20,1 σ.

Таблица 2

Длительность устойчивых гласных в ударенном открытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			*a, i, u* в сумме
	a	*i*	*u*	
10	—	—	—	—
11	—	—	—	—
12	—	—	—	—
13	—	—	1	1
14	—	—	1	1
15	—	—	2	2
16	2	2	5	9
17	3	4	—	7
18	4	5	5	14
19	7	3	3	13
20	5	6	5	16
21	7	5	1	13
22	3	3	—	6
23	3	2	2	7
24	5	—	—	5
25	—	1	1	2
26	2	—	2	4
27	—	—	—	—
28	—	—	—	—
29	—	—	—	—
Общее количество измерений	41	31	28	100

Табл. 2 показывает, что типовая длительность группы *a, i, u* в положении открытого ударенного слога колеблется в пределах 16—24 σ. Центр типовой длительности падает на 20 σ, что подтверждает достоверность приведенной выше средней длительности (20,1).

Как видно из табл. 2, длительность устойчивых гласных в этом положении почти не отличается от их длительности в закрытом слоге, только несколько увеличивается диапазон типовой длительности в сторону удлинения (для закрытого слога 16—22 σ, для открытого — 16—24 σ).

в) Неударенный открытый слог

Средняя длительность составляет:

		I
a	*bade* «вино» *jadu* «колдун» *dadäm* «я дал» *baba* «дед» *badam* «миндаль»	20,2 (37)
i	*dide* «видевший» *bidad* «несправедливость» *diba* «парча» *bidar* «бодрствующий»	18,0 (25)
u	*budän* «быть» *dude* «сажа» *gugerd* «спички»	18,4 (28)

Колебания средней длительности: 18,0—20,2 σ. Средняя длительность для всей группы — 18,9 σ. Средняя длительность *a* примерно на 2 σ превышает средние длительности *i* и *u*. Небольшое превышение средней длительности (на 0,5—1 σ) гласного *a* сравнительно с *i* и *u* наблюдается и в выше рассмотренном положении открытого ударенного слога в исходе.

Таблица 3

Длительность устойчивых гласных в неударенном открытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			*a, i, u* в сумме
	a	*i*	*u*	
10	—	—	—	—
11	—	—	—	—
12	—	—	—	—
13	—	3	—	3
14	—	—	1	1
15	—	2	4	6
16	2	—	3	5
17	1	5	2	8
18	7	5	6	18
19	5	4	4	13
20	6	1	3	10
21	4	1	2	7
22	6	3	—	9
23	4	1	—	5
24	—	—	2	2
25	1	—	1	2
26	—	—	—	—
27	1	—	—	1
28	—	—	—	—
29	—	—	—	—
30	—	—	—	—
Общее количество измерений	37	25	28	90

Пределы типовой длительности для группы гласных в неударенном открытом слоге (табл. 3) составляют 16—23 σ, т. е. в общем равны таковым в обоих предыдущих положениях. Центр типовой длительности — 18 сигм. Внутри группы *a* характеризуется большей длительностью по сравнению с *i* и *u*. Таким образом, превышение средней длительности *a* относительно средних для *i* и *u* подтверждается и уточняется данными таблицы. Очевидно, что *a* в положении неударенного открытого слога более устойчиво, чем *u* и *i*.

В отличие от рассмотренных выше положений в разбираемом положении можно отметить лишь некоторый сдвиг центра типовой длительности в сторону сокращения (на 2 σ). Следовательно, отсутствие ударения в открытом слоге не является достаточной причиной для сокращения длительности устойчивых гласных.

г) Неударенный закрытый слог

Средняя длительность составляет:

		I	II
a	*badban* «парус» *bašgah* «клуб, общество» *dadgah* «суд» *dadyar* «поверенный»	17,2 (27)	16,4 (7)
i	*digče* «котелок» *bidzar* «ивняк»	11,4 (11)	—
u	*čubha* «палки» *dudkäš* «дымоход» *dudman* «семейство»	13,7 (12)	—

Колебания средней длительности: 11,4—17,2 σ. Из приведенных цифр видно, что наиболее сильно сокращается в положении неударенного закрытого слога гласный *i*. Гласный *a* проявляет четко выраженную большую устойчивость в этом положении по сравнению с *i* и *u*. Средняя длительность *a* превышает среднюю длительность *i* и *u* на 4—5 σ.

Данные о длительности *a*, *i*, *u* в неударенном закрытом слоге приведены в табл. 4.

Вследствие разницы в длительности *a* и *u*, *i* в последней графе таблицы суммируются данные только для *u*, *i*.

Гласный *a* противопоставляется двум другим устойчивым гласным и по диапазону крайних отклонений (*a* — 14—21; *i*, *u* — 8—18), и по типовой длительности, пределы которой для *a* лежат между 14—20 σ (с центром типовой длительности в 18 σ), тогда как для *i* и *u* типовая длительность лежит в пределах 8—18 σ (без выявляющегося центра типовой длительности). Характерно, что больше половины измеренных произнесений *i* лежит в таблице выше наименьшего предела длительности *a*.

Таким образом, неударенный закрытый слог, где сочетаются два сокращающих фактора — закрытость и безударность, способствует

Таблица 4

Длительность устойчивых гласных в неударенном закрытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			*i, u* в сумме
	a	*i*	*u*	
5	—	—	—	—
6	—	—	—	—
7	—	—	—	—
8	—	3	—	3
9	—	2	1	3
10	—	1	1	2
11	—	—	1	1
12	—	—	3	3
13	—	2	—	2
14	2	1	2	3
15	6	1	—	1
16	4	—	1	1
17	4	—	1	1
18	10	1	2	3
19	3	—	—	—
20	4	—	—	—
21	1	—	—	—
22	—	—	—	—
23	—	—	—	—
24	—	—	—	—
25	—	—	—	—
Общее количество измерений	34	11	12	57

значительному сокращению длительности фонем *i* и *u*; гласный же *a* и в этом случае почти не сокращается.

д) Сводные цифры изменений длительности каждого гласного в зависимости от изменения фонетического положения

Как следует из табл. 5, в ударенном открытом слоге длительность устойчивых гласных либо остается неизменной (по сравнению с ударенным слогом), либо несколько повышается. В неударенном открытом слоге гласные *i* и *u* обычно очень незначительно сокращаются. Для гласного *a* сокращение вовсе не характерно, напротив, этот гласный может даже несколько удлиняться. Таким образом, отсутствие ударения в открытом слоге

Таблица 5

Соотношения длительности одного и того же гласного в различных фонетических положениях (одновременная запись) *

Слоги	*a*		*i*		*u*	
	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%
Ударенный закрытый . .	18,3 (11) (16—20)	100	20,8 (12) (16—20)	100	19,8 (20) (16—22)	100
» открытый . .	20,5 (28) (17—24)	112	19,9 (31) (16—23)	96	19,3 (28) (16—23)	97
Неударенный открытый .	20,2 (37) (16—23)	110	18,0 (25) (15—22)	86	18,4 (28) (15—21)	93
» закрытый .	17,2 (27) (15—20)	94	11,4 (11) (8—15)	55	13,7 (12) (9—18)	69

* В графе «абсолютные цифры» указывается средняя длительность, под ней в скобках — пределы типовой длительности гласных. В таблице приводятся данные только одной записи (первой), так как для выявления относительной длительности гласных важна одновременность записи.

вовсе или почти не сказывается на длительности устойчивых гласных. Иначе обстоит дело в неударенном закрытом слоге, где действуют два фактора, сокращающих длительность гласных,— отсутствие ударения и закрытый характер слога. В этом положении прежде всего бросается в глаза резко выраженная бóльшая — сравнительно с другими гласными— устойчивость *a*, почти не сокращающегося сравнительно с длительностью исходного положения (ударенный закрытый слог). Гласные же *i* и *u* сокращаются довольно заметно — примерно на $^2/_5$ исходной длительности.

Итак, для персидских гласных *i* и *u* фонетические положения ударенного закрытого, ударенного открытого и неударенного открытого слогов противостоят неударенному закрытому слогу, наиболее подверженному сокращению. Но и в последнем положении гласные *i* и *u* теряют лишь менее половины своей максимальной длительности.

Для гласного *a* противопоставления длительности в неударенном закрытом слоге другим фонетическим положениям нет, он и в этом положении сохраняет свою длительность.

В целом для всей группы устойчивых гласных во всех разобранных положениях характерно отсутствие редукции. Наименьшая типовая длительность (*u*, *i*) не спускается ниже 8 σ (см. табл. 4).

Неустойчивые гласные (ä, e, o)

а) Ударенный закрытый слог

Средняя длительность составляет:

		I	II
ä	*bäd* «плохой», *säd* «сто», *gäč* «известь», *säg* «собака»	20,9 (18)	17,4 (10)
e	*gel* «глина», *del* «сердце»	19,6 (13)	—
o	*šod* «он стал», *boz* «коза»	19,1 (11)	—

Таблица 6

Длительность неустойчивых гласных в ударенном закрытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			*ä, o, e* в сумме
	ä	*e*	*o*	
10	—	—	—	—
11	—	—	—	—
12	—	—	—	—
13	—	—	—	—
14	2	—	—	2
15	2	—	—	3
16	—	—	1	1
17	1	2	3	6
18	4	3	1	8
19	5	1	1	7
20	5	2	—	7
21	3	1	3	7
22	1	4	2	7
23	—	—	—	—
24	1	—	—	1
25	4	—	—	4
26	—	—	—	—
27	—	—	—	—
28	—	—	—	—
29	—	—	—	—
30	—	—	—	—
Общее количество измерений	28	13	11	52

Типовая длительность всех гласных, как видно из табл. 6, колеблется в пределах 17—22 сигм.

Центр типовой длительности лежит в тех же пределах, т. е. приблизительно совпадает с пределами колебаний приведенных средних. Сравнение средних и типовой длительности с аналогичными данными для устойчивых гласных показывает, что заметной разницы между длительностью устойчивых и неустойчивых гласных в положении закрытого ударенного слога не наблюдается:

	Типовая длительность	Центр типовой длительности
Устойчивые	16—22	19—20
Неустойчивые	17—22	18—20

Сравнение крайних пределов отклонений также свидетельствует о совпадении длительности устойчивых и неустойчивых гласных в ударенном закрытом слоге:

	Крайние пределы отклонений
Устойчивые	13—26
Неустойчивые	14—25

б) Ударенный открытый слог

Средняя длительность составляет:

e	*bade* «вино» *zade* «рожденный» *dide* «увидевший» *däbbe* «придирчивость» *jädde* «бабушка»	}	18,2 (40)

Фонемы *ä* и *o* в этом положении не встречаются. Таким образом, табл. 7 показывает только типовую длительность и пределы крайних отклонений длительности *e*.

Таблица 7

Длительность гласного *e* в ударенном открытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений *e*
12	—
13	—
14	1
15	4
16	3
17	3
18	15
19	2
20	5
21	4
22	2
23	1
24	—
Общее количество измерений . . .	40

Как видно из приведенных цифр, фонема *е* в ударенном открытом слоге не сокращается и почти не отличается длительностью от устойчивых гласных. Типовая длительность для устойчивых гласных — 16—24 σ, для *е* — 15—22 σ, центр типовой длительности для устойчивых гласных 18—22 σ, для *е* — 18 σ.

в) Неударенный открытый слог

Средняя длительность составляет:

ä	*bädän*	«тело»	10,1 (47)
	bädäl	«взамен»	
	däbir	«секретарь»	
	gäda	«нищий»	
	jädid	«новый»	
	bädi	«зло»	
	bäliγ	«действенный»	
е	*bebär*	«веди»	9,5 (21)
	begu	«скажи»	
	jedar	«перегородка»	
	jedal	«распря»	
о	*godar*	«брод»	9,4 (17)
	joda	«отдельный»	
	gošad	«открытый»	
	šodän	«стать»	

Близость результатов для отдельных гласных позволяет вывести среднюю длительность для всей группы — 9,7 σ.

Как следует из табл. 8, типовая длительность для всей группы неустойчивых гласных колеблется в пределах 7—12 σ.

Следовательно, неударенный открытый слог сокращает длительность неустойчивых гласных примерно в два раза сравнительно с закрытым ударенным и открытым ударенным слогами. Точно так же резко сдвигаются в сторону сокращения и пределы колебаний длительности гласных:

	Пределы длительности
Ударенный закрытый слог	14—25
» открытый » [1]	15—22
Неударенный » »	6—15

Таким образом, для неустойчивых гласных отсутствие ударения в открытом слоге приводит к резкому сокращению длительности. Наибольшая длительность этих гласных в неударенном открытом слоге (15 σ) совпадает с наименьшей их длительностью в ударенных слогах. Гласный *ä* выявляется как несколько более устойчивый по сравнению с *е* и *о*.

[1] Данные для *е*.

Таблица 8

Длительность неустойчивых гласных в неударенном открытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			ä, e, o в сумме
	ä	e	o	
5	—	—	—	—
6	—	—	1	1
7	1	3	3	7
8	7	3	2	12
9	12	4	3	19
10	11	3	1	15
11	8	4	5	17
12	4	4	2	10
13	3	—	—	3
14	—	—	—	—
15	1	—	—	1
16	—	—	—	—
17	—	—	—	—
18	—	—	—	—
19	—	—	—	—
20	—	—	—	—
Общее количество измерений	47	21	17	85

г) Неударенный закрытый слог

Средняя длительность составляет:

			I	II
ä	*bädru*	«некрасивый»	12,4 (38)	10,5 (13)
	bädnam	«опозоренный»		
	däbde	«браковка»		
	ǰädde	«бабушка»		
	bädbu	«зловонный»		
	bädbäxt	«злосчастный»		
	bädxu	«злонравный»		
e	*ǰeddi*	«серьезный»	11,7 (13)	
	eblaγ	«осведомление»		
o	*gonbäd*	«купол»	12,2 (17)	
	ǰobbe	«халат»		
	došmän	«враг»		
	došvar	«трудный»		

Колебания средней длительности — 10,5—12,4 σ. Средняя длительность всей группы неустойчивых гласных — 11,7 σ.

Типовая длительность для всей группы лежит в пределах 9—14 σ (табл. 9), т. е. превышает типовую длительность в неударенном открытом слоге на 2 σ.

Таблица 9

Длительность неустойчивых гласных в неударенном закрытом слоге

Длительность в сигмах	Количество измерений			*ӓ, е, о* в сумме
	ӓ	*е*	*о*	
5	—	—	—	—
6	—	—	—	—
7	—	—	1	1
8	1	2	—	3
9	8	2	—	10
10	10	—	4	14
11	8	—	2	10
12	6	2	1	9
13	3	4	4	11
14	7	3	4	14
15	3	—	—	3
16	4	—	1	5
17	1	—	—	1
18	—	—	—	—
19	—	—	—	—
20	—	—	—	—
Общее количество измерений	51	13	17	81

Точно так же и пределы крайних отклонений длительности неустойчивых гласных в закрытом неударенном слоге несколько сдвинуты в сторону удлинения:

Неударенный открытый слог . . . 6—15
» закрытый » . . . 7—17

Выходит, что неустойчивые гласные выявляются прямо противоположно гласным устойчивым, где закрытый неударенный слог резко противопоставляется трем другим фонетическим положениям (см. табл. 5) и где закрытость слога играет в сокращении длительности гласного бóльшую роль, чем ударение.

Для неустойчивых гласных характерно противопоставление длительности в ударенных (закрытом и открытом) слогах их длительности в слогах неударенных, причем больше сокращается гласный в открытом слоге.

д) Сводные цифры изменения длительности каждого гласного в зависимости от фонетического положения (табл. 10)

Таблица 10

Соотношения длительности одного и того же гласного в различных фонетических положениях (одновременная запись) *

Слоги	*ä*		*e*		*o*	
	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%
Ударенный закрытый . .	20,9 (18) (17—21)	100	19,6 (13) (17—22)	100	19,1 (11) (17—21)	100
» открытый . .	—	—	18,2 (40) (15—22)	93	—	—
Неударенный открытый . .	10,1 (47) (8—13)	48	9,5 (21) (7—12)	48	9,4 (17) (7—12)	49
» закрытый . .	12,4 (38) (8—14)	60	11,7 (13)	60	12,2 (17) (10—14)	64

* В графе «абсолютные цифры» указывается средняя длительность, под ней в скобках — типовая длительность. В таблице использованы данные первой записи.

Анализ данных табл. 10 и сравнение их с аналогичными данными для устойчивых гласных (см. табл. 5) приводят к следующим выводам:

1. Для ударенных слогов не существует значительной разницы между длительностью устойчивых и неустойчивых гласных.

2. Неударенный закрытый слог действует на неустойчивые гласные примерно одинаково: длительность всех их сокращается в среднем на 40% против ударенных слогов. Такое же сокращение происходит в неударенном закрытом слоге и для устойчивых гласных *i*, *u*. Гласный *a* сохраняет устойчивую длительность и в этом положении, противополагаясь всем остальным гласным.

3. В неударенном открытом слоге обе группы гласных резко противополагаются друг другу. Устойчивые гласные *i* и *u* сокращаются лишь в незначительной степени — в среднем на 10% от исходной длительности, *a* не сокращается вовсе. Все неустойчивые гласные сокращаются больше, чем наполовину исходной длительности[1].

[1] Подавляющее большинство произведенных измерений проводилось в звонком смычном окружении. Влияние глухого окружения на длительность гласных, выяснение условий полной редукции неустойчивых гласных, измерение длительности гласных морфем (*e* изафета и др.) — все это должно явиться предметом дальнейших исследований.

Таким образом, персидские гласные противополагаются по длительности не во всех фонетических положениях. Поэтому в персидском языке, как и в таджикском, правильнее различать не долгие и краткие, а устойчивые и неустойчивые гласные.

Существенно отметить для персидского языка, в отличие от таджикского, бóльшую устойчивость *а* (|| тадж. *о*): оно противополагается неустойчивым гласным во всех фонетических положениях за исключением ударенного закрытого слога (в односложном слове) и ударенного исхода слова (т. е. только в тех фонетических положениях, где неустойчивые гласные имеют наибольшую длительность). Так, помимо неударенного открытого слога *а* противополагается неустойчивым гласным и в ударенных закрытых слогах двусложного слова:

	В односложном слове		В двусложном слове	
а dad «он дал»	20,7	*bidad*	«беззаконие»	19,3
ӓ bӓd «плохой»	21,0	*gonbӓd*	«купол»	12,9

Или в положении рядом с глухим смычным, сильно сокращающим гласную:

Для *а*	Для *ӓ*
bӓdkar «негодяй» 15,4 (6)	*bӓdtär* «хуже» 9,1 (5),

т. е. при сокращении длительности обоих гласных соотношение их остается прежним: *ӓ* короче, чем *а* на 6 σ. Таким образом, фонема *а* выявляется в речи как долгий гласный, всегда сохраняя свою длительность и напряженность. Фонемы же *и* и *і* аналогичны таджикским устойчивым гласным: они противополагаются своей длительностью группе неустойчивых гласных только в неударенном открытом слоге. В рассмотренном положении (в ударенном закрытом слоге двусложного слова) фонемы *и* и *і* совпадают по длительности с неустойчивыми гласными, а не с фонемой *а*:

Для *і*		Для *и*
dästgir «пленник» *täšdid* «усиление»	ср. длит.— 10,7 (10)	*mäxdum* «властелин» — 10,7 (4)

В этих примерах *і* и *и* оказываются даже более краткими, чем фонема *ӓ* (средняя длительность — 12,9 σ).

В соседстве с глухим смычным в этом положении *і* и *и* могут сокращаться еще сильнее.Так, средняя длительность *і* в слове *särtip* «генерал» равна 8,3 σ (5).

Выходит, что *а*, с одной стороны, объединяется с фонемами *и* и *і* в одну группу устойчивых гласных в их общем противоположении неустойчивым гласным в неударенном открытом слоге, но, с другой стороны, противостоит им как долгий гласный (в закрытых слогах двусложных и многосложных слов).

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Е. А. Бокарев

ГИНУХСКИЙ ЯЗЫК

(Предварительное сообщение)

Гинухский язык в перечне кавказских языков северо-восточной (дагестанской) группы обычно отсутствует. Упоминания о гинухцах нет и в «Списке народностей СССР», составленном под ред. И. И. Зарубина[1], в материалах всесоюзной переписи 1926 г. и официальных изданиях Дагестанской АССР. Гинухцев обычно причисляют к цезам (дидойцам), среди которых они живут.

Однако упоминание о самостоятельности гинухского языка в литературе встречалось не раз. Так, например, известный исследователь языков Кавказа П. К. Услар пишет о том, что ему сообщали о существовании в верхнем Дагестане самостоятельного языка в ауле Инухо (т. е. Гинух, аварск. *Гьинухъ*), но что он не имел возможности видеть кого-либо из этого аула и проверить эти сведения[2].

Первым, кто сообщает более или менее определенные сведения о гинухском языке, является А. К. Сержпутовский.[3].

Сержпутовский пишет, что, будучи в с. Гинух, он обратил внимание на некоторые особенности построек и на женскую одежду, совершенно не похожую на цезскую, и узнал от местных жителей, что в этом селении живет особый народ, который говорит на своем, не понятном для других языке и называет себя гинухцами[4]. В подтверждение самостоятельности гинухского языка Сержпутовский приводит параллельный список 16 цезских и гинухских слов. Но список этот чрезвычайно дефектен. Автор его был очень далек от тех требований, которым должен был удовлетворять лингвист-кавказовед.

Упоминания о гинухском языке встречаются и у других лингвистов. Однако отсутствие фактического материала не позволяло решить вопрос об отношении гинухского языка к другим языкам Дагестана. Является ли

---

[1] Список народностей СССР, изд. АН СССР, М., 1926.

[2] П. К. Услар. Этнография Кавказа, «Языкознание», т. IV, Тифлис, 1890.

[3] А. К. Сержпутовский. Поездка в нагорный Дагестан, журнал «Живая старина», Пгр., 1916, вып. 4, стр. 273—302.

[4] К сожалению, А. К. Сержпутовский здесь же приводит совершенно ни на чем не основанное утверждение, будто на гинухском языке говорят и в с. Метрада, находящемся на с.-з. от с. Гинух. На самом же деле население Метрада чисто аварское.

язык с. Гинух самостоятельным языком? Если да, то к какой группе он должен быть причислен и какое место внутри этой группы должен занимать? Если же он не является самостоятельным языком, то наречие какого языка он собой представляет?

В 1933 г. нам довелось побывать в с. Гинух. Собранный нами лексический и текстовый материал убедительно показал, что гинухский язык нельзя рассматривать, как наречие какого-либо другого языка, а следует считать, наравне с цезским (дидойским), хваршинским, бежитинским языками, особым представителем цезской группы языков Дагестана[1].

Спустя 16 лет, в 1949 г., автору настоящей статьи снова представилась возможность побывать среди гинухцев. Во время этой поездки нами было записано несколько сотен слов, несколько переводных (с аварского) и оригинальных текстов (один из них — сказка) и две песни, а также и выяснены основные особенности грамматического строя гинухского языка.

Во время первой поездки в 1933 г. гинухцы, численностью свыше 200 человек, жили в с. Гинух, Кидеринского сельсовета, Цунтинского района, Дагестанской АССР. К моменту второй поездки 1949 г. основная масса гинухцев вместе с цезами, населявшими высокогорный и удаленный от культурных центров Цунтинский район, переселилась в более удобные места — в Веденский район Дагестанской АССР. Здесь гинухцы вместе с цезами Кидеринского сельсовета образовали общее селение, получившее название Кидеро. Часть же гинухцев осталась на старом месте в с. Гинух, которое административно теперь присоединено к Тляротинскому району.

Перейдем к характеристике гинухского языка[2].

Лексика гинухского языка показывает его самостоятельность по отношению к цезскому языку. В ней выявляются и слова, совершенно чуждые последнему, и слова, довольно сильно отличающиеся фонетически от соответствующих цезских слов.

Приведем некоторые слова, отсутствующие в цезском языке: *шегве* «кобыла» (цез. *сирийо*), *акъве* «мышь» (цез. *ав*), *лIочи* «лягушка» (цез. *лIохро*), *гъверо* «корова» (цез. *зия*), *мигьна* «птица» (цез. *агъи*), *квезей* «рука» (цез. *рекьа*), *лъйкъй* «палец» (цез. *баша*), *йжей* «глаз» (цез. *озури*), *кекиш* «мука» (цез. *гегмо*), *чечей* «масло» (цез. *рилъ*), *ху* «мясо» (цез. *релI*), *мус*

[1] На основании этого нами в нашей брошюре «Краткие сведения о языках Дагестана» (Махач-Кала, 1949) гинухскому языку в перечне языков Дагестана отведено особое место.

[2] Для записи материалов гинухского языка мы пользуемся практическим аварским письмом. Его характерные особенности следующие: *кI*, *пI*, *цI*, *чI* — смычногортанные согласные; *лъ* — глухой латеральный щелевой; *къ* — латеральная смычногортанная аффриката; *жъ* — увулярная смычногортанная аффриката; *хъ* — увулярная несмычногортанная аффриката; *гъ* и *хI* — глухие фарингальные щелевые, из них первый более низкого, а второй — более высокого образования; *гъ* — звонкий увулярный щелевой; *гI* — «айн». Автором дополнительно использован знак *лI* (отсутствующий в аварской графике) для обозначения латеральной несмычногортанной аффрикаты, а также *ӥ*—для лабиализованного гласного верхнего подъема переднего ряда, наличие которого отличает в фонетическом отношении гинухский язык от цезского.

«овес» (цез. *сесру*), *кIобой* «рубаха» (цез. *гед*), *щог* «котел» (цез. *лIохIо*), *кичи* «кольцо» (цез. *башихъов*), *алдию* «белый» (цез. *алукIа*), *аши* «много» (цез. *ракъу, хоми*), *иши* «яблоко» (цез. *гъенеш*), *ахъили* «женщина» (цез. *гъанаби*), *булIе* «дом» (цез. *гъутку*).

В результате сравнения гинухского языка с цезским между ними можно установить определенные фонетические соответствия. Закономерность звуковых соответствий могут выявить, например, следующие пары слов: *моцI* «шея» (цез. *мечI*), *къимацI* «яйцо» (цез. *кIеначI*),*ооцу* «курица» цез. *оночу*), *цан* «коза» (цез. *чания*), *ише* «снег» (цез. *иси*), *чIе* «огонь» (цез. *цIи*), *кIечу* «зуб» (цез. *кIицу*), *йш* «бык» (цез. *ис*), *кутIи* «дым» (цез. *гутI*), *кер* «железо» (цез. *гер*), *аха* «ухо» (цез *ахIия*), *иху* «река» (цез. *ихIу*), *хвин* «гора» (цез. *хIон*), *холлу* «толстый» (цез. *хIолиу*), *аму* «уголь» (цез. *гIам*), *ог* «топор» (цез. *гIо*), *омокъи* «осел» (цез. *гIомой*), *алIа* «село» (цез. *гIалIа*), *ходдо* «муж» (цез. *хедив*), *цой* «орел» (цез. *цей*), *олбо* «голубь» (цез. *элбо*), *моцI* «шея» (цез. *мечI*), *коро* «река» (цез. *керу*), *бех* «трава»(цез. *бих*).

Но и общих элементов у цезского и гинухского языков довольно много. С одной стороны, это объясняется тем, что оба языка принадлежат к одной группе и, следовательно, вместе с языками бежитинским, гунзебским и хваршинским обладают весьма значительным общим лексическим фондом, восходящим к языку-основе. С другой стороны, гинухский язык не мог не испытать значительного влияния как в области лексики, так и грамматики со стороны цезского языка, с которым он соседит в течение многих веков. Взрослые гинухцы, как правило, хорошо владеют цезским языком, хотя и делают время от времени ошибки. Среди цезов же гинухский язык почти не распространен. Пожалуй, никто из цезов не говорит хорошо на гинухском языке и мало кто его свободно понимает. Во всяком случае, это может относиться только к кидеринцам, односельчанам гинухцев. Среди представителей других цезских селений гинухский язык слывет очень трудным и для цезов мало понятным, хотя, конечно, он таким объективно и не должен казаться.

Отношение гинухского языка к другим языкам цезской группы установить пока, ввиду почти полной его неизученности, нелегко. Правда мы находим, с одной стороны, большое количество общих элементов в гинухском языке и бежитинском (представитель восточной подгруппы цезских языков)[1], но, с другой стороны, можно установить значительное количество элементов, общих гинухскому и цезскому языкам. Можно думать, что в прошлом гинухский язык был гораздо ближе к бежитинскому, и только впоследствии в результате многочисленных заимствований он сблизился с цезским. До сих пор остаются совершенно не выясненными связи гинухского языка с северо-западными представителями группы, а именно: с сагадинским наречием цезского языка (ср. сагад. *закъвен*

[1] Например: *булIе* «дом» (беж. *булIо*), *алдийо* «белый» (беж. *гьалдийо*), *ийо* «мать» (беж. *ийо*), *ху* «мясо» (беж. *хо*), *мигьна* «птица, цыпленок» (беж. *миеьна* «птица»), *шегве* «кобыла» (беж. *шуго*) и т. д.

«был», гин. *зокъвен*, цез. *зевус*) и хваршинским языком (ср. хв. *голъе* «есть, есмь», гин. *голъ*, цез. *йолъ*). А эти связи, несомненно, существуют.

Сами гинухцы, осознавая свою самостоятельность, не называют себя цезами, не поют песен на цезском языке, а преимущественно на аварском и изредка на родном — гинухском[1].

На старом месте поселения связи гинухцев с бежитинцами носили случайный характер, и общение между ними происходило обычно на аварском языке, языке межплеменного общения. Гинухцы, за редким исключением, бежитинского языка совсем не знают.

Перейдем к рассмотрению некоторых характерных черт в области грамматического строя гинухского языка. В гинухском языке четыре именных класса. К 1-му классу относятся названия мужчин — такие, как *обу* «отец», *ужи* «сын», *эсу* «брат», *эхо* «пастух». Ко 2-му классу относятся названия женщин: *кед* «девушка», *ахъили* «женщина», *бару* «жена», а также названия некоторых неодушевленных существительных: *аку* «лопата», *гъемер* «мельница», *хему* «камень», *аже* «дерево», *къор* «капкан» и многие названия частей тела: *къилу* «плечо», *молъу* «ноготь», *кIонцIу* «нога», *чуд* «волос», *гьахъу* «рот», *къепу* «губа», *кIечу* «зуб», *чIичIину* «подбородок», *къонтIу* «колено», *гьору* «локоть». К 3-му классу относятся названия животных независимо от пола и возраста: *гъве* «собака», *кIетIу* «кошка», *зеру* «лиса», *мигьна* «птица», *акъве* «мышь», а также и названия многих неодушевленных предметов: *булIе* «дом», *коро* «река», *магалу* «хлеб», *лIоре* «борьба», *кьид* «ложка», *кьокъон* «шапка», *кIотIо* «чашка». К 4-му классу относятся названия неодушевленных предметов: *коре* «загородка», *хъешу* «стена», *мошоки* «мешок», *хоцI* «голенище», *рутуга* «ковер», *къил* «потолок», *тIохъ* «нож», *мокорти* «ножницы», *лъе* «вода» и части тела: *къиму* «голова», *рокIве* «сердце», *ах* «живот».

Показатель 1-го класса в единственном числе — нулевой, 2-го — ***й***, 3-го — ***б***, 4-го — ***р***; во множественном числе показатель 1-го класса —***б***, всех остальных классов — ***р***.

Примеры: *коро **бежи***[2] *голъ* «река большая»; *ажейкьо **б**ичийо мигьна* «на дереве сидит птица»; *обуз зонез ужи эти* «отец своего сына любит»; *ГIазизно Загьидно акун **й**ухно гьуне рува **б**икьиш* «Азиз и Загид, лопату взяв, дорогу делать пошли»; *акун безон **р**ухно гьагзей гьуне **р**угьо* «лопату и кирку взяв, они дорогу делают»; *кедий иши **й**ищо* «девочка яблоко ест»; *йой цIиндабе **р**угьо* «мать чулки вяжет (букв. «делает»)»; *ужи улъйо ахибакIмас* «мальчик идет из сада»; *гъве **б**улъйо ахабакIмас* «собака идет из сада»; *йжей **р**еги голъ* «глаз красивый»; *йжейбе **р**еги голъ* «глаза красивые»; *ужибе **б**еги голъ* «мальчики хорошие».

Обычный способ образования множественного числа существительных — окончание *бе*: *ужи* «сын» — *ужибе*; *мигьна* «птица, цыпленок» — *мигь-*

[1] В нашем распоряжении имеются две песни, сочиненные Хасбулой Хабибовым, от которого мы получили основной материал для настоящей статьи.

[2] Классный показатель выделен полужирным шрифтом.

набе; *ооцу* «курица» — *ооцубе*; *булIе* «дом» — *булIебе*; *гъуне* «дорога»— *гъунебе*; *эхо* «пастух» — *эхобе*; *гулу* «лошадь» — *гулубе*. Иногда при этом основа подвергается некоторым изменениям: *гьоко* «арба» — наряду с *гьокобе* также и *гьокомбе*; *щита* «вязаный сапог» — *щитибе*. Существительное *кед* «девушка» образует множественное число с помощью *би*: *кедби*. Можно указать и на особый случай образования множественного числа в следующих существительных: *гъверо* «корова»—*гъвориш*; *эсу* «брат» — *эсни*.

Склонение существительных в гинухском языке отличается теми же характерными особенностями, что и в других дагестанских языках: наличием особого активного падежа (падежа субъекта при переходных глаголах) и многочисленностью местных падежей, группирующихся в серии. Однако гинухский язык отличается почти от всех других дагестанских языков тем, что активный падеж, очевидно, не совпадает ни с одним из других падежей; в аварском языке активный падеж совпадает формально с творительным падежом, в цезском — с местным падежом, обозначающим нахождение внутри предмета.

Склонение в гинухском языке однотипно. Различие вариантов зависит от характера исхода склоняемого слова или различия в образовании основы косвенных падежей:

Им.: *обу* «отец», *колхоз* «колхоз», *белIе* «дом», *ог* «топор», *тIохъ* «нож», *йо* «мать» [1].
Род.: *обус*, *колхозес (колхозмос)*, *белIес*, *огрус*, *ийос*
Дат.: *обуз(ж)*, *огруз*, *ийов*, *колхозмов*
Акт.: *обуй*, *йой*, *эсуй* «брат», *бйкорей* «змея», *акъвей* «мышь»
Твор.: *обуд*, *огруд* «топором», *тIохъруд*, *къаламод* «карандашом»

Одной из функций дательного падежа является выражение подлежащего при глаголах восприятия (любить, видеть, слышать и т. д.).

Примеры: *йой ужи йшергьо* «мать сына кормит», *обуй мочи белIо* «отец землю пашет», *обуй роцо огруд хъаца* «отец рубит топором дрова», *гьайлъу тIохъруд роцIом* «этим ножом не режь», *де обуз мицжер толIиш* «я отцу деньги дал», *ГIалилав колхузмос лебалав эхо голъ* «Алилав умелый пастух колхоза (букв. «Алилав колхоза умелый пастух»)», *гъверос гъи аши голъ* «у коровы молока много», *колхозмозо*[2] *члензай белIра километрома гъуне рӯс* «колхоза члены восемь километров дорогу сделали», *халкъимоз тIутIзай бежи-бежи зарал ругьо* «народу мухи очень большой вред делают».

В гинухском языке отмечено наличие следующих серий местных падежей: на ком, на чем (*къо*); около кого, около чего (*гьо*); у кого, у чего в непосредственной близости, а, может быть, и на вертикальной поверхности (*хъо*); под кем, под чем (*лI*); в ком, в чем (*ā*, *мā*, *ӣ*). Внутри каждой серии,

[1] Приводятся падежные формы от тех существительных, которые имеются в нашем распоряжении. Составление полных парадигм склонения — задача, которая может быть разрешена при наличии более подробных материалов.

[2] В гинухском языке родительный падеж, выступая в качестве определения при любом из косвенных падежей, имеет окончание *во: колхозмово* вм. *колхозмос*.

кроме падежа нахождения (эссива), существуют также падежи движения: аблатив, отвечающий на вопрос «откуда» (*с*), и лятив, отвечающий на вопрос «куда» (*до, р*):

Имена существительные во множественном числе получают те же падежные окончания, присоединяемые к косвенной основе множественного числа, которая характеризуется частицей *за*: *члензас* «членов» (род. пад.), *тIутIмозас* «мух» (род. пад.), *члензай* «члены» (акт. пад.), *хъвензагьодо* «на хутора» (лятив серии *гьо* «при ком, при чем»).

Примеры: *кед истолигьо иго йичин* «девочка около стола стоит» (*иго* — послелог); *кIетIу истолилI голъ* «кошка под столом»; *мигьна белIекъо къере* «птица над домом» (*къере* — послелог); *ужи икьио ахибакIмадо* «мальчик идет в сад»; *ужи ахибакIмā голъ* «мальчик в саду»; *ужи улъио ахибакIмас* «мальчик выходит из сада»; *гъве булъйо идус* «собака выходит из дома»; *кIетIу кIолIо истоликьос* «кошка прыгнула со стола»; *ужи икьийо столигьодо* «мальчик идет к столу»; *тIек истолимā телъ голъ* «книга в столе» (*телъ* — послелог); *гьагзей элIин обухъор* «они сказали отцу»; *ужи икьиш махъодо идус* «мальчик пошел во двор (букв. наружу) из дома»; *йой печмā чIе горгьо* «мать в печи огонь разводит»; *кедий хъошухъо сурат гориш* «девочка на стене картину повесила»; *корохъо бесуро голъ* «в реке рыба есть»; *гьаго имохъо йхно* «он по столбу полез»; *элзо хъвеназагьодо гьунебе рӯн голъ* «к нашим хуторам дороги сделаны».

Личные местоимения: *де* «я», *ме* «ты», *эли* «мы», *межи* «вы». Активный падеж этих местоимений не отличается формально от именительного. В качестве личных местоимений 3 лица используются различные указательные местоимения, например, *гьаго* «он».

От местоимений возможны те же падежные формы, что и от существительных. Приводим некоторые из них:

Им.:	*де* «я»	*ме* «ты»	*эли* «мы»	*межи* «вы»	*гьаго* «он»	*гьагбе* «они»
Акт.:					*гьайлъой*	*гьагзей*
Род.:	*ди*	*дебе*	*эли*	*межи*	*гьайлъос*	*гьагзес*
Дат.:	*диж*	*дебез*	*элуз*	*межуз*	*гьайлъоз*	*гьагзез*
Местн[1].	*дихъо*	*девхъо*	*элухъо*	*межухъо*	*гьайлъохъо*	*гьагзехъо*

Местоимения 3 лица дифференцируются по классам. Так, например, для 1 класса существуют формы *гьайлъой, гьайлъос, гьайлъоз*; для 2—4 классов — соответственно *гьайлъуй, гьайлъус, гьайлъуз.*

Примеры: *де идудо икьийо* «я домой иду»; *диж бетийо иши* «я хочу яблока»; *гьайлъой йукъвен бару райунмас* «он взял жену из района»; *гьайлъой зонес бару идудо ййжин* «он свою жену домой привез»; *гьагзей бӯнгоме рекъел* «они не давали согласия»; *пайда се дебез?* «польза какая (букв. что) тебе?»; *ме нӣдо икьийо?* «ты куда идешь?»; *гьайлъус гьакъу рази*

[1] Здесь приведены примеры только на местный падеж со значением «у кого», «у чего» (адессив).

госме «ее семья согласия не давала»; *гьайлъой дихъо гьуне эсириш* «он у меня дорогу спросил»; *гьагзегьо эхобе ГIумарно Рамазанно голъ* «у них пастухами Умар и Рамазан»; *элзо*[1] *колхозмос членбе гьунерува бикъиш* «члены нашего колхоза дорогу делать пошли»; *рокъ гьайлъуй* (осел) *аши режи рӏжӏме* «груза он (осел) очень много таскает»; *диж йетин дебе йегвену кед* «я полюбил твою младшую дочь».

Система числительных двадцатиричная:

гьес — 1	*оцIено гьес* —11	*лъоно хъуно оцIено* — 70
къоно — 2	*оцIено къоно* —12	*укъино хъу* — 80
лъоно — 3	. . . . .	*укъино хъуно оцIено* — 90
укъино — 4	*оцIєно белIно* —18	*бӏшон* —100
лъено — 5	. . . . .	
илъно — 6	*хъу* —20	
олIно — 7	*хъуно оцIено* —30	
белIно — 8	*къоно хъу* —40	
гIчIино— 9	*къоно хъуно оцIено*—50	
оцIено —10	*лъоно хъу* —60	

При числительных существительное стоит в единственном числе. Само числительное имеет два падежа — прямой и косвенный, согласующиеся с соответствующими падежами существительных. Форма косвенного падежа отличается от формы прямого формативом ***ра*** вм. ***но***: *олIра* — 7, *белIра* —8; косв. пад. от *гьес* «один» — *седа*.

Примеры: *бекъзоде садахъ лъоно тIека голъ* «с баранами вместе три козла», *гьагзей белIра километрома гьуне рӯс* «они на протяжении восьми километров дорогу сделали».

Глагол в гинухском языке по лицам не изменяется. Некоторые из глаголов содержат классные показатели и в таком случае, следовательно, изменяются по классам и числам. Настоящее время оканчивается на ***гьо***, ***йо***, или ***о***: *ругьо* «делаю», *икогьо* «вижу», *кошигьо* «играю», *икьйо* «иду», *кикийо* «кормлю», *ашийо* «нахожу»; после основы, оканчивающейся на согласный: *цалIо* «бью», *цахо* «пишу», *рӏйхъо* «становлюсь».

Прошедших времен в гинухском языке два. Первое выражает достоверность событий и употребляется преимущественно в разговоре; второе употребляется обычно в повествовании и служит для рассказа о событиях, свидетелем которых сам говорящий не был («прошедшее заглазное»). Прошедшее I оканчивается на ***с*** и ***ш***: *рӯс* «делал», *икьиш* «шел», *бухиш* «брал», *зокъвес* «был», *толIиш* «дал», *йкъвес* «вел». Прошедшее II оканчивается на ***н***, а после конечного согласного основы — на ***но***: *рӯн* «делал», *икьин* «шел», *бухно* «брал», *зокъвен* «был», *толIно* «дал», *йкъвен* «вел».

Будущее время оканчивается на ***ан***: *руван* «сделаю», *икьан* «пойду», *бужан* «возьму», *ашан* «найду», *икан* «увижу».

Существует общее время, обозначающее явления, обычно происходящие, а не приурочиваемые к определенному времени: *эти* «любит».

---

[1] *Элзо*—форма родительного падежа при косвенном падеже определяемого вм. *эли* «наш».

Отрицательные формы глагола образуются с помощью частиц: *м(е)* и *го*, которые могут и сочетаться друг с другом: *бӥхъӥш* «случилось» — *бӥхъӥшме* «не случилось», *зокъвес* «был»—*зокъвесме* «не был», *иквес* «видела»—*иквесме* «не видела», *икьийо* «идешь» — *икьийом* «не идешь», *башин* «нашел»—*башингом* «не нашел», *йжӥн* «взял»—*йжингом* «не взял», *кекиргьо* «пускают»—*кекиргьом* «не пускают», *бӯн* «сделал» — *бӯнгоме* «не сделал».

Вопросительные формы глагола образуются путем замены последнего гласного на *ӣ*, а если форма оканчивается на *и*,—его удлинением: *улъйо* «идет» — *улъӣ* «идет ли?», *се рйхъи* «что происходит?».

В гинухском языке, поскольку позволяют судить наши материалы, особых причастных и деепричастных, четко отграниченных от предикативных форм глагола нет. Одни и те же формы выступают в обеих функциях. Единственная причастная форма, засвидетельствованная нами,—*голъа*, которая способна сочетаться и с другими глагольными формами: *элIийо голъа* «говоримый».

Примеры: *ужи тIотIергьо* «мальчик читает»; *кедий симилди бакIарви йугьо* «девочка кукурузу собирает»; *гьес зокъвен ужи пуланав алIӣ* «один был юноша в некотором селе»; *гьайлъой зонез бару идудо ййжӥн* «он свою жену домой привез»; *гьагзей бӯнгоме рекъел* «они не давали (букв. не делали) согласия»; *бару иду хецен магIишат буваяз* «жену дома осатвил хозяйничать (букв. хозяйство делать)»; *обуз зонес ужи эти* (общ. вр.) «отец своего сына любит»; *гъверо-гулукьос омокъи кикаяз бигьаяб голъ* «осла кормить легче, чем корову и лошадь»; *диж бетйогом иши* «я не хочу яблока»; *хецийом де гьадиру* «не оставь меня так»; *де зокъвесме иду* «я не был дома»; *гьайлъу тIохъруд роцIом* «этим ножом не режь»; *де бухан магалу* «я возьму хлеб»; *ГIазизно Загьидно акун юхно гьуне рува бикьиш* «Азиз и Загид лопату взяли, дорогу делать пошли», *гьагзей белIра километрома гьуне рӯс* «они на протяжении восьми километров дорогу сделали»; *гьобожи элзо хъвензагьодо гьунебе рӯн голъ* «теперь на все наши хутора дороги сделаны»; *гьагзедей бежи лIоре буваяз тIадаб голъ* «против них большую войну вести (букв. делать) нужно»; *де дебез нелIан ди кед* «я тебе дам мою дочь».

* * *

Таков материал по гинухскому языку, собранный во время непродолжительного пребывания в среде гинухцев. Конечно, необходимо дополнительное собирание, которое позволило бы приступить к составлению более или менее подробного грамматического очерка гинухского языка. Нужно надеяться, что эта работа будет кем-либо выполнена, так как сравнительно-историческое изучение языков цезской группы требует и привлечения надежного материала гинухского языка[1]. В качестве приложения к настоящему предварительному сообщению приводится связный фольклорный текст на гинухском языке.

[1] Это предварительное сообщение было написано в октябре 1949 г. В настоящее время гинухским языком серьезно занимаются работники Академии наук Грузинской ССР Д. С. Имнайшвили и Э. А. Ломтадзе. Автору предварительного сообщения удалось также продолжить свои занятия.

ГИНУХСКАЯ СКАЗКА

Записана 20 августа 1949 г. от колхозника с. Кидеро, Веденского района, Хабибова Хасбула, 21 года, составителя песен на родном языке.

Гьес зокъвен рекIве. Гьайлъос зокъвен олIно ужи. Гьайиш элIин
Один был человек. У него было семь сыновей. Тогда сказали
гьагзей обухъор: «ме гьобожи элугъо седа белIес олIно кед голъиш
они отцу: «Ты теперь нам одного дома, где семь девушек было,
мочин гьацIкIо: бару йукъа олIрагьон кези рйхъо. Гьайиш икьин
о месте позаботься: жену привести семерым надо. Тогда пошел
обу несагьорзо гьунекьо. Гьайи мочи, олIно кед голъиш, башингом
отец однажды в путь. Такого места, где семь девушек было, не нашел
гьайлъохъо. Гьезор утин, нохно иду: «Ассалам алейк ди хехби!».
он. Назад вернулся, пришел домой: «Мир вам, мои дети!».
«Алейкум салам, эли обу, се рйхъи?» «Гьайи мочи кези—бйхъйшме».
Мир тебе, наш отец, что случилось?» «Такого места не попалось».
Икьин обу носодерзо гьунекьо, йшва голъа̄, акъен гьес вочодийу рекIве.
Пошел отец до обеда в путь, когда ел, пришел один старый человек.
«Ассалам алейкум!» «Алейкум салам! Кйдй ичи!» «Ме йдо улъи,
«Мир тебе!» «Мир тебе! Садись!» «Ты куда идешь,
гьуне кекиро дебев!» «Де икьийо олIно кед мочи гьацикIа».
дорога да пустится тебе!» «Я иду семерых девушек место искать».
«ЛIе, кедбижакьо эза!» Рази йхъно, гьезор икьиш ужадер.
«Идем, на девушек смотреть!» Довольный стал, назад пошел к сыновьям.
«Ассалам алейкум!» «Алейкум салам, эли обу! Гьа̄, се рйхъи?»
«Привет вам!» «Привет тебе, наш, отец! Ну, что случилось?»
«Валлагь, кези бйхъйш гьайи мочи». Гьобожи къачIази — йхъ гулубен
«Ей-богу, попалось такое место». Теперь приготовили лошадей,
кьекъвалибен, горно, бертенно садах гьайдо бикъаяв. Гьезор хецен
седло положили, на свадьбу вместе туда ехать. Сзади оставили
эгвенну гьезодос ужи. Гьаго: «хецийом — лIен йжо ден».
меньшего последнего сына. Он: «Не оставляйте-мол, возьмите и меня».
Гьагзей йжйнгом. Гьобожи гьаго акьин гьагзехъор. «Межи бикьикьо
Они не взяли. Тогда он ругался на них. «Вы когда пойдете
пуланов шагьракьо, межуз кези-ййхъа голъ йежи аже. Гьибайлъу
по некоторой дороге, вам попадется большое дерево. До того
ажейлIер дече хъема, лIаци, ише ййхъан — бикьийом! Къор
дерева сколько дождя, ветра, снега случится — не ходите! Капкан
гонно йаша голъ межуз». Гьайиш бикьин гьагбе, гулубен рйкIно,
положенный найдете вы». Тогда отправились они, на лошадей сев,
гьайлъу шагьракьо. Бакъейкьо кекинно кутакав ише, лIаци
по этой дороге. Когда они пошли, пустился сильный снег, ветер.
КIолIен гьагбе ажейлIер. Бйкорей ажейхъо серухъ цалIин.
Прыгнули они под дерево. Змея вокруг дерева обвилась

боцIерно. «Межи гьезор лIехо голъа олIноэлIа ужи йкъо, и не пускала. «Вы позади оставшегося седьмого сына приведите, тогда *межи кекиран гъунелъ». Гьаиш икьин гьес эсу гьаго йкьваяз. ЭлIин* вас пропущу по дороге». Тогда пошел один брат его привести. Сказал *гьайлъо ужихъор: «къачIази — йхъ, гулу къолози буво! Ме госме гьаиш* этому мальчику: «готовься, лошадь седлай! Без тебя оттуда *гьагбе эсни кекиргьогом». Гьаиш икьин гьадо гьезор лIехо голъа эсу.* тех братьев не пускают». Потом пошел туда позади оставшийся брат. *Гьайлъой акъея данде, чурукьно бйкIно гулу, бйкоркьо* Он когда прибыл напротив, кнутом ударил лошадь, надзмеей *къерабито кIолIерно. Гьобожи гьагбен кекинно гьадо, акъо гольда* заставил прыгнуть. Теперь их пустила туда, приехавшего *эгвенну эсу оцIенно. Гьаиш гьагбе бикьин хандер олIно кед* младшего брата задержала. Потом они пошли к хану семь дочерей *олIран эсуй ййкъваяз. Илърайно ййжй илъно кед, эжинуй —* семью братьями взять. Шестеро взяли шесть дочерей; старший— *йежину, эгвенуй — йегвену, олIодемой — йолIос ййжйн. ОлIно элIа* старшую, младший —младшую, средний —среднюю взял. Седьмую *йегвену эсу ййжийо зокъвен: «мен лIе-лIен». Гьав йикьингом йквесме:* младшую сестру брали: «И ты иди-мол». Она не шла, не видя: *«де ийкьиме—лIен». ДесулIа ашан: йжей госме, кIонцIу госме, бецав,* «Я не пойду-мол. Какой окажется: без глаз, без ног, слепой, *лекъав, айбав. Гьобожи рази йхъо йикъан». Гьагбе нохно ажейлIер.* хромой, увечный. Теперь если здоров, пойду». Они пошли к дереву. *«Гьаго эсу эгвенну кекиролIен. Гьаго госме гьав нохгом». Гьобожи* «Этого брата младшего пусти-мол. Без него она не идет». Теперь *гьагбен бикьин алIадо, гьаго эгвеину эсун икьин гьав йегвену гьагзес* они пошли в село, и этот младший брат пошел эту младшую их *эсу ййжаяз идудо. Лъоно жо гьайлъо ужиж кези—рйхъно гъунй.* сестру взять в дом. Три вещи этому мальчику попались на дороге. *Икьийё байдани чIен кекин, реценбе рекценно. Реценмозай* Когда шел по площади, огонь вспыхнул, муравьев зажег. Муравьи *элIин гьайлъохъор: «гьибаду балагь чIедос ме элукьос бйкIо. Гьа* сказали ему: «Это несчастье от огня ты от нас убери. Этот *гьибаду мусно девхъор. Девкьо балагь кези-бйхъо, ми эли нелIо голъда* волос тебе. Если у тебя несчастье случится, ты нами данный *мус бекIверо, дебез эли рйхъо лъикIлъимоз». Гьавно толIно, кекино* волос зажги, к тебе мы случимся на счастье». Это дали, пустился *гьаду гьунегьо. Гьаиш икьийо ичин гьалъоз кези бйхъно чанахъаний* туда по дороге. Потом пошел, ему попалось, что охотник *бугьера улъин зеру. Гьайлъуй элIин гьайлъохъор: «гьибаду балагь* убить приготовился лису. Она сказала ему: «Это несчастье *дикьос ме бйкIо, гьаду мусно, дебез хIал кези бйхъа, бекIверо.* с меня ты сними, этот волос, если у тебя положение случится, зажги. *Де кумакмоз болIехан». Гьайши икьин гьадо. «Ассалам алейкум, ди*

Я на помощь приду». Потом пошел туда. «Мир тебе, мой *хан*» «*Алейкум салам*». «*Се къвара гIези рихъно дебез?*» «*Диж йетин* хан» «Мир тебе». «Что нужно тебе?» «Я полюбил *дебе йегвену кед*». «*Де дебез нелIан, де элIийо голъа жо* твою младшую дочь». «Я тебе дам, если мною сказанную вещь *тIубави — руйа*». *Гьалъо обу толIно гьалъоз лъоно хIалтIи. Гъес —* исполнишь». Этот отец дал ему три работы. Первое— *къвена саржин осу гиримокьо къере къимацI йашираяз, къоно—* в две сажени на высоком столбе яйцо положить, второе— *хъазамос гичIоре йкъ госме огно цIалIо-лIен, лъоно — толIно гьалъоз* чугунным без топорища топором руби-мол, третье — дал ему *тIегвос къили, рякъмокьо бетIерно, гьес мугь ками бумез* проса мерку, на земле рассыпав, ни одного зерна чтобы не недоставало, *бакIаризи буво, нелIан кед. Гьайиш гьаго имохъо шйдно йхно,* собери, отдам дочь. Тогда он по столбу наверх полез, *къере къимацI йаширно, зеруйн толIо голъа мус бекIверно. БолIекIно* наверху яйцо положил, лисой данный волос зажег. Увидел (?) *зерун, зерус гонно мигьин огруз, цIалIен. Гьайишгозо мусно,* лису, лисий приложил хвост к топору, стал рубить. Потом волос, *реценмозай толIо голъа, бекIверно, ролIекIно реценбен, бетIергьо* муравьями данный, зажег, увидел муравьев, рассыпанную *голъа тIегвес къили гьес бухо, реценмозай мугь кинабниги бутIен,* проса мерку одну несут, муравьи зерна все собрали, *къили бичIно. Гьобожи толIно кедно, гьезор кекинно гьаго ужи.* мерку полную. Теперь отдал дочь, обратно отпустил этого юношу.

Связный перевод сказки

Жил один человек. У него было семь сыновей. Сказали они отцу: «Найди нам дом с семью девушками, жениться нам надо». Отправился отец в путь. Не нашел он места с семью девушками. Вернулся назад домой. «Мир вам, мои дети!» «Мир тебе, отец! Что нового?» «Не нашел такого места».

С утра пошел отец опять в путь, после обеда помолился, стал обедать. Пришел старик: «Мир тебе!» «Мир тебе! Садись». «Куда ты идешь? Счастливого тебе пути!» «Иду искать дом с семью девушками». «Идем смотреть на девушек». С радостью пошел он назад к сыновьям: «Мир вам!» «Мир тебе, отец! Что нового?» «Нашел такое место». Приготовили лошадей, оседлали, отправились на свадьбу. Оставили дома только младшего сына. Он просил: «Не оставляйте меня, возьмите с собой». Но они не взяли его с собой. Тогда он рассердился и стал предсказывать им: «Когда пойдете по дороге, увидите большое дерево. А до дерева вам встретится большой дождь, ветер, снег. Не ходите. Капкан по дороге попадется вам».

Сели братья на лошадей, отправились в путь. Когда отправились, пошел сильный снег, подул ветер. Спрятались они под дерево. А на нем змея была, не пускала. Она говорит братьям: «Приведите сюда меньшего брата,

который остался дома, тогда пропущу вас по дороге». Тогда пошел за ним один из братьев и говорит: «Готовься, седлай лошадей! Без тебя остальных братьев не пропускают».

Отправился последний брат. Когда он прибыл к этому месту, ударил кнутом лошадь, заставил прыгнуть ее к змее. Теперь она пропустила братьев, но самого меньшего задержала. Отправились они к хану сватать семь дочерей. Шестеро братьев получили шесть дочерей: старший — старшую, младший — младшую, средний — среднюю. Сватали и седьмую, самую меньшую. «Иди и ты!» Но она не соглашалась, не видя жениха: «Я не пойду, каким еще жених окажется, может быть, он слепой, или хромой, или увечный; но если он здоров, то я пойду за него замуж».

Пошли братья опять к дереву, говорят змее: «Отпусти нашего младшего брата, без него невеста не дает согласия». Отпустила его змея, пошли они в село вместе с младшим братом сватать младшую дочь. Младшему брату по дороге попались три вещи. Когда он шел по степи, он увидел, что большой огонь горит, и много муравьев гибнет. Муравьи стали просить его: «Упаси нас от этого несчастья. За это тебе мы дадим волос, если ты его зажжешь, мы явимся к тебе на помощь». Получил младший брат от них волос и пошел дальше по дороге. Потом он увидел, как охотник преследовал лису. Она обратилась к юноше: «Упаси меня от этого несчастья, я дам тебе этот волос. Если у тебя что-нибудь плохое случится, зажги его. Я на помощь к тебе приду». [Рассказчик забыл сказать о третьей вещи, которую встретил юноша по дороге.]

Пришел юноша в село и говорит: «Привет тебе, хан!» «Привет и тебе! Что тебе нужно?» «Я прошу твою младшую дочь замуж». «Я отдам ее тебе, если ты исполнишь все, что я тебе скажу». И дал отец юноше три работы: первое — положить на высоком, в две сажени, столбе яйцо, второе — нарубить топором без топорища, третье — собрать мерку проса, рассыпанного на земле, так, чтобы ни одного зернышка не пропустить. «Если сделаешь все, отдам тебе дочь». Полез юноша по столбу наверх, положил наверху яйцо. [Рассказчик забыл сказать о том, что́ именно помогло юноше выполнить это трудное задание хана.] Зажег он потом волос, данный лисой. Явилась лиса, юноша взял лисий хвост вместо топорища и стал рубить. Потом он зажег волос, данный муравьями. Явились муравьи, все зерна собрали, несут ему мерку, полную проса. Тогда отдал отец свою дочь за этого юношу и отпустил его домой[1].

[1] Основные грамматические формы данного текста легко понять на основании грамматического очерка, приведенного в настоящей статье. Некоторые, более сложные явления здесь не комментируются, так как эта работа, являясь предварительным сообщением, не имела целью дать полную грамматическую характеристику языка.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Ю. Д. Дешериев

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В БАЦБИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В дагестанских языках число грамматических классов не превышает пяти (например, в андийском, чамалинском языках), в бацбийском мы находим восемь грамматических классов[1].

Ниже мы приводим таблицу грамматических классов бацбийского языка, при помощи которой можно яснее представить себе современное состояние системы грамматических классов в бацбийском языке и процесс разрушения этой системы.

Грамматические классы в бацбийском языке

Число	Обозначение классов	Грамматические классы							
		класс мужчин	класс женщин	классы неразумных существ, явлений природы, вещей, предметов и понятий					
		1	2	3	4	5	6	7	8
Единственное	Буквенные показатели грамматических классов	*в*	*й*	*й*		*д*	*б*	*б*	*д*
Множественное	Буквенные показатели грамматических классов	*б*	*д*	*й*	*б*	*д*	*д*	*й*	*й*

[1] Под грамматическим классом условно мы подразумеваем два однородных или разнородных показателя, один из которых выражает единственное, а другой — множественное число одного и того же имени. Такое разграничение грамматических классов позволяет более полно выявить процессы, происходящие в системе грамматических классов бацбийского языка. Повидимому, раньше в вейнахских языках было столько грамматических классов, сколько было их буквенных обозначений. Сейчас в этих языках существуют всего четыре буквенных показателя (*в, б, д, й*), из сочетания которых (однотипных или разнотипных) для выражения единственного и множественного числа и оформляется грамматический класс (грамматический род). Повидимому, смешение этих четырех показателей и дальнейшая дифференциация грамматических классов представляют собой относительно позднейшее явление.

Сущность системы грамматических классов в бацбийском языке состоит в следующем. Все имена делятся на восемь грамматических родов. Грамматический род имени выявляется не в самом имени, не по формальному признаку имени, как в русском языке, а по формальному признаку глагола, прилагательного, наречия, числительного, которые вступают с именем в синтаксическую связь. Таким признаком часто служит префикс глагола, прилагательного, иногда наречия, изредка числительного. В качестве такого префикса для всех восьми грамматических классов в современном бацбийском языке выступают четыре звука: *б*, *в*, *д*, *й*. Например:

Класс мужчин	Класс женщин
КIнат чу в-ахи[1].	*ПостIуин чу й-ахи.*
Парень домой пошел.	Женщина домой пошла.
КIнати чу б-ахи.	*ПстIеи чу д-ахи.*
Парни домой пошли.	Женщины домой пошли.

Классное[2] определение получает показатель того класса, к которому относится определяемое имя

Класс мужчин	Класс женщин
О се̃ в-аккхуин вашо в-а.	*О се̃ й-аккхуин йашо й-а.*
Он мой старший брат.	Она моя старшая сестра.
Оби се̃ б-аккхуин важар б-а.	*Оби се̃ д-аккхуин йажар д-а.*
Они мои старшие братья.	Они мои старшие сестры.

В тех случаях, когда составные части сложного глагола, причастия, прилагательного являются классными, к каждой из них присоединяется классный показатель определяемого имени:

Оккус йетт б-ух-б-ерцI-б-иэ.

Он корову вернул (пригнал) обратно.

Здесь сказуемое *б-ух-б-ерцI-б-иэ* состоит из классного наречия *бух* «обратно», классного возвратного глагола *б-ерцI-ар* «(по)вернуться» и классного переходного глагола *б-ар* «делать». В этих трех составных частях сказуемого *б-ух-б-ерцI-биэ* звук *б* выступает в качестве классного показателя слова *йетт* «корова». Если мы заменим слово *йетт* словом другого класса, например, словом *пстIуин* «женщина», то и сказуемое-глагол получит другой классный показатель, т. е. *й*: *оккус пстIуин-й-ух-йерцI-й-иэ* «он женщину привел (повернул) обратно».

Однако не все глаголы, прилагательные, наречия принимают классные показатели:

---

[1] Классные префиксы (показатели) везде выделены полужирным шрифтом.

[2] Классными мы называем такие слова (глаголы, прилагательные, наречия), которые принимают в качестве префикса классные показатели тех имен, с которыми они согласуются (вступают в синтаксическую связь). Те слова (глаголы, прилагательные, наречия), которые не принимают этих классных показателей, мы называем неклассными.

Окхус гIазӗ кхор кхосир сон.

Он хорошее яблоко бросил мне.

Окхус мосси бодз чутепхӧ абстIарло.

Он (она) плохой столб вбивает в землю.

В этих предложениях нет никакого указания на грамматический род имен существительных (*кхор* «яблоко», *бодз* «столб»), хотя при них имеются определения (*гIазӗ* «хорошее», *мосси* «плохой») и сказуемые-глаголы являются переходными (*кхосир* «бросил», *чутепхӧ* «вбивает»).

Прилагательные — определения *гIазӗ* «хорошее», *мосси* «плохой» и глаголы *кхосар* «бросить», *чутепхар* «бросать, прыгать вниз»— неклассные, т. е. они никогда не принимают классного префикса (классного показателя) имени, с которым они вступают в синтаксическую связь.

Перейдем к детальному разбору каждого грамматического класса.

Первый класс включает в себя имена, обозначающие лиц мужского пола[1]. В единственном числе показателем этого класса служит префикс ***в***: *сӗ дад чу* ***в****-ахи* «мой отец домой пошел», *се дад в-аккхун стIакI* ***в-а*** «мой отец старый человек». Во множественном числе класс мужчин представлен префиксом ***б***: *тхе дади чу бахи* «наши отцы домой ушли», *тхе дади* ***б****-аккхи* ***б-а*** «наши отцы старые (старики)».

Однако мы находим существенные отклонения от этой нормы. *Бадер* «ребенок» (мужского пола) представляет исключение и включается в класс ***д/д***. Но если того же ребенка называют *вохъ* «сын», *кIнат* «сын, мальчик», то его переключают в класс мужчин. Другим существенным отклонением является отнесение слов *хьашӧ — хьаши* «гость», *накъбистI — накъбистIи* «товарищ», *мастхов — мастхуи* «враг» к классу ***д/д*** в тех случаях, когда говорящий не знает, о ком идет речь,— о мужчинах или женщинах. Если же в число *хьаши* «гости» (*накъбистIи* «товарищи», *мастхуи* «враги») входят и мужчины, и женщины, то и в этом случае употребляется класс ***д/д***. Даже в том случае, когда известно, что речь идет о мужчине, слово *хьашӧ* включают в класс ***д/д***. Так, например, автор настоящей статьи присутствовал при следующем диалоге бацбийки и бацбийца:

— *хьашӧ* ***д****-а хього?*

— Гость у тебя?

— *ХIа', хьашӧ да сего.*

— Да, гость у меня.

Что же касается слова *муша-муши* «рабочий (наемный рабочий)», то оно всегда употребляется в классе ***д/д***. К классу ***д/д*** относится и бацбийское слово *лацIмар—лацIмари* «больной», когда оно употребляется по отношению к классу мужчин. По отношению к лицам мужского пола исполь-

[1] Класс мужчин и женщин К. П. Услар называл классами разумных существ мужского и женского пола. Часто этим грамматическим классам присваивали наименования классов социально-активных существ или членов общества мужского и женского пола (например, С. Л. Быховская). Мы пользуемся здесь терминами «класс мужчин», «класс женщин», отмечая при этом отсутствие принципиального различия между вышеперечисленными наименованиями исследуемых грамматических классов.

зуются показатели классов природы и вещей, если они употреблены в уничижительном, презрительном, оскорбительном и ругательном значении. В этом значении чаще всего употребляют классы *д/д* и *б/д*. Например, *и стIакI пхьакIал д-а* «этот человек — заяц (т. е. трус)» и т. д.

Нами не установлены факты употребления показателей класса женщин по отношению к лицам из класса мужчин в уничижительном, презрительном значении (как это имеет место в других вейнахских языках).

В бацбийском языке обнаруживаются омертвелые (застывшие) классные префиксы в словах *в-охь* «сын», *в-ашӀ* «брат», не осознаваемые сейчас как классные префиксы.

Принадлежность слов к грамматическому классу женщин характеризуется в единственном числе префиксом *йӀ-*, а во множественном числе — *д-* например, в составе связки):

Единственное число	Множественное число
Сӏе пстIуин чухь йӀ-а.	*Ваин пстIеи чухь д-а.*
Моя жена дома (есть).	Наши жены дома (есть).

К лицам женского пола также могут быть применены классы *б/д* и *д/д* в уничижительном, оскорбительном, презрительном, ругательном, значении.

Омертвелые классные префиксы обнаруживаются и в словах класса женщин: *йохь* «дочь, девочка, девушка», *йӀ-ашӀ* «сестра». В настоящее время их не осознают как классные префиксы.

Следует отметить, что в бацбийском языке класс мужчин и класс женщин четко противопоставлены друг другу. Это противопоставление последовательно проводится даже в личных местоимениях. Во всех трех лицах единственного и множественного числа по отношению к мужчинам употребляется класс мужчин, а по отношению к женщинам— класс женщин[1]:

1. Класс мужчин

Единственное число	Множественное число
1 лицо: *Со чухь в-а*	1 лицо: *Тхо* (эксклюзив) *чухь б-а*
Я нахожусь дома	Мы находимся дома
2 лицо: *Хьо чухь в-а*	1 лицо: *Вай* (инклюзив) *чухь б-а*
Ты находишься дома	Мы находимся дома
3 лицо: *О чухь в-а*	2 лицо: *Шу чухь б-а*
Он находится дома	Вы находитесь дома
	3 лицо: *Оби чухь б-а*
	Они находятся дома.

[1] Характерно, что в остальных вейнахских языках нет такого четкого, последовательного противопоставления класса мужчин и класса женщин. В восточновейнахском, например, по отношению к именам как мужского, так и женского классов во множественном числе одинаково употребляется один и тот же классный префикс *б*: *са ваш ва* «у меня есть брат», *са вежари б-а* «у меня есть братья»; *са йиша йа* «у меня есть сестра», *са йижари б-а* «у меня есть сестры». Классным префиксом *б* пользуются при выражении третьего лица множественного числа, в то время как по отношению к первому и второму лицу множественного числа употребляют префикс *д*.

Таким образом, в классе мужчин по отношению к первому, второму и третьему лицу единственного числа употребляется классный префикс *в-*, а во множественном числе—*б-*. Такую же последовательность в употреблении классных префиксов мы находим и в классе женщин:

2. Класс женщин

Единственное число		Множественное число	
1 лицо:	*Со чухъ й-а* Я нахожусь дома	1 лицо:	*Тхо* (эксклюзив) *чухъ д-а* Мы находимся дома
2 лицо:	*Хьо чухъ й-а* Ты находишься дома	1 лицо:	*Вай* (инклюзив) *чухъ д-а* Мы находимся дома
3 лицо:	*О чухъ й-а* Она находится дома	2 лицо:	*Шу чухъ д-а* Вы находитесь дома
		3 лицо:	*Оби чухъ д-а* Они находятся дома

В целом класс мужчин и класс женщин в бацбийском языке резко противопоставлены всем остальным грамматическим классам, в чем ярко проявляется своеобразие природы самой системы грамматических классов.

Если в первых двух классах, т. е. классах мужчин и женщин, более или менее ясно обнаруживается основная семантика классификации имен (социальный и половой признак), то в остальных классах мы не обнаруживаем такого признака. В этих классах в настоящее время мы не находим такого критерия, из которого можно было бы всегда исходить при классификации вещей, предметов, явлений природы и общества, инструментов, существ животного мира, частей тела, понятий. Вместе с тем при распределении имен по этим грамматическим классам нельзя руководствоваться ни формальными признаками слов, ни их внешней формой[1]. Не выдерживает научной критики мнение о том, что будто бы распределение наименований явлений природы, предметов, вещей и т. д. по грамматическим классам происходит на основании внешних признаков этих предметов, вещей (т. е. в зависимости от их величины, объема, формы и т. д.). В этом мы легко убедимся, если обратимся непосредственно к фактам языка, к классификации имен.

Третий класс представлен показателем *й* в единственном и во множественном числе. В этот класс включаются: *улакъ — улкъи* «лошадь вообще», *саат — саати* «часы», *тlеркl — тlеркlи* «кучер», *хьаир — хьарелч* (*хьараилч*) «мельница», *йехкl — ахкlар* «гребешок», *йуб — йуби* «шило», *топ — топаир* «ружье», *наглеб — наглби* «сливки», *кир* «рассол из-под сыра», *гагъ — гагни* «яйцо», *шур — шури* «молоко», *кlуркl — кlуркlуй* «жолудь и дуб», *кlакlал — кlакlли* «грецкий орех», *каниз* «виноград» (плод и куст).

[1] Чтобы показать это ясно, мы приводим все имена и в единственном, и во множественном числе. Так, сначала слово пишется в единственном числе, затем через тире дается это же слово во множественном числе: *дъ — дуй* (*б/д*) «лошадь».

Это небольшое количество слов, входящих в один грамматический класс, ясно показывает, что их объединение не основано на одинаковом звучании, на общих семантических оттенках, на однородных формальных признаках. В самом деле, что общего в таких словах, как *улакъ* «лошадь», *хьаир* «мельница», *шур* «молоко», *йуб* «шило», *кIуркI* «жолудь и дуб»? Разновидности слов, включаемых в данный класс, этим не ограничиваются. К классу ***й/й*** относятся также слова, обозначающие явления природы: *къар—къаруи* «дождь», *пшел — пшелуи* «холод», а также *духьа* «весна» (в этом значении чаще употребляется заимствованное из грузинского языка слово *газапхула*), *стIабо — стIабуи* «осень», *гурдна — гурднаиш* «утро», а также *э' — аиш* «степь, поле», *сатиб — сатиби* «луг», *квекъана — квеакъанаиш* «мир» (груз. *квекъана*), *хӑ — хани* «время», *згIва — згIваиш* «море» (груз. *згIва*). Сюда же относится и *цIе — цIари* «огонь».

В класс ***й/й*** входят наименования некоторых частей организма человека, животных, птиц: *царкI — царкIи* «зуб», *цIамцIам — цIамцIӑми* «бровь», *дзоло — дзоли* «кость», *тIум — тIуми* «костный мозг», *кӧ — кони* «сало вообще», *мардзил — маирдзели* «десна и коренной зуб», *чIалкIо — чIалкIуй* «копыто», *мIъау — мIъауй* «рог», *юкъ — юкъи* «талия», *чIапIӑ — чIапIни* «тонкая кишка», *кIамх — кIамхи* «череп», *йохькотI — йохькотIуй* «лицо», *дзок — дзоки* «клюв», *чIаникI — чIаинкIи* «подбородок», *кIоцIол — кIоцIли* «коса женская», *напар — напри* «грива», *мугI — магIуир* «хвост», *мачI — мачIи* «ус».

Из пространственных понятий данный грамматический класс охватывает: *чекх — чекхаиш* «даль», *гарга — гаргаиш* «близость», *барч — барчаиш* «почетное место».

Из огородных культур: *кIитIр — кIитIри* «огурец»; из полевых сорняков: *джокъар — джокъри* «бурьян, сорняк»; из древесных источников волокна: *халар — халри* «волокно вообще», отсюда — *цацхуй халар* «липовое волокно»; из пород деревьев и из растений: *кIунел — кIунли* «боярышник», *гал — гали* «береза», *хьанкIал — хьанкIли* «шиповник» (куст и плод), *мачIбак — мачIбаки* «одуванчик», сюда же включается *зокI — зокIуй* «гриб».

К грамматическому классу ***й/й*** относится и *руджул — руджули* «религия».

В третий класс входят многие инструменты, орудия труда как древние, так и новые: *наджакх — наджакхи* «маленький ручной топорик», *хIикI — хIакIаир* «деревянная ручка топора», *гутӑ — гутни* «плуг вообще», *хIачеч — хIачечи* «горный деревянный плуг», *акIамз — акIамзи* «ткацкий станок нового образца», *кхвед — кхведи* «зубило, долото», *кхетIи* «весло и железная лопата», *кIвер — кIвери* «молоток», *браг — браги* «старинный молоток для насекания жернова» (но такой же молоток нового образца — *цIеракв — цIеркви* — относится к классу ***д/д***), *астIи — аистIни* «тесло», *кIомбал — кIомбли* «деревянная палица», *бадебади* «сетка для ловли рыб», *падар — падри* «плетеная корзинка с закругленными концами для ловли рыбы», *стIахьо — стIахьуи* «цепь вообще». К этому классу принадлежит

къагI — къагIи «запас мяса на зиму, сушеное мясо вообще» и далее: *нав — нави* (груз. *нави*) «лодка», *хӧ-хони* «старинное деревянное круглое корыто из цельного дерева для теста», *ботл — ботли* (груз. *ботли*) «бутылка», *румб — румби* «бурдюк из кожи крупного рогатого скота».

Из наименований холодного и огнестрельного оружия, относящихся к третьему классу, отметим: *шурдгул — шурдгули* «праща», *шалт — шалти* «кинжал», *дамбач — дамбачи* (дампчи) «старинный одноствольный маленький пистолет», *леволвер — леволвери* «револьвер».

Грамматический класс *й/й* включает в себя следующие названия болезненных выделений организма: *шатI — шатIуи* «мокрота», *нотIкъ — нотIкъаирч* «гной»; из болезней: *къутури* «лишай», *кец — кеци* «чесотка», *куртул* (груз. *куртули*) «ящур», *чIир* «чума», *хорша — хорши* «малярия, лихорадка вообще».

Кроме того, этот класс охватывает названия некоторых предметов упряжи: *агвир — аугри* «уздечка» (груз. *агвири*), *садаве — садави* (груз. *садави*) «удила», а также *машина — машинаиш* «машина вообще».

В этот же класс входят новые для бацбийцев слова: *тIеатIп — тIеатIри* «театр», *кIино — кIинуи* «кино», *цIиркI — цIиркIи* «цирк».

Значительно меньше имен входит в четвертый класс — класс *б/б*. Из сравнительно немногочисленных слов этого класса отметим: *йетт — жабо* «корова», *бараг — барги* «обувь из шкуры рогатого скота» (охватывающая со всех сторон ступню и обтянутая сверху шнурами, сделанными из той же шкуры); *безум — безми* «разновидность шерсти», *какӑ — какни* «весенняя шерсть».

В этот класс могут быть включены условно имена, не употребляемые во множественном числе, а в единственном числе требующие префикса *б*: *пса* «просо», *борц* «ячмень», *нитт* «крапива», *бIъастI* «дикое растение» (съедобен молодой стебель), *цу* «толокно», *·чам* «вкус», *цIомал* «порох» (но *цIомали* «лекарство» относится к классу *б/д*), *кхуй* «сноп», *саперх* «верховая лошадь», *хьагI* «ненависть».

По отношению к некоторым именам параллельно употребляют грамматические классы *б/б* и *б/д*, например, *шабаш—шабши* «сычуг».

Подавляющее большинство имен относится к пятому (*д/д*) и шестому (*б/д*) классам. Как указывалось выше, из разумных существ к пятому классу принадлежат: *хьашӧ—хьаши* «гость», *накъбистI — накъбистIи* «товарищ», *мастхов — мастхуи* «враг» (когда подразумевают и мужчин, и женщин или когда не знают, о ком идет речь — о мужчинах или женщинах), *бадер — бадри* «ребенок», *муша — муши* «наемный рабочий».

Из домашних животных в класс *д/д* включаются: *бакъӧ — бакъуи* «жеребенок», *ас — аси* «годовалый теленок», *аса — асуи* (*асауи*) «теленок в возрасте от одного года приблизительно до трех лет», *чуих — чухуи* «барашек до первой стрижки» (но *гахроб — гахри* «барашек после первой стрижки до года», *табу — табаирч* «баран в возрасте больше одного года», *цIинӯ — цIинуи* «овца в возрасте больше одного года» относятся к

к классу *б/д*), *борш — баршуй* (*бугі — бугіерч*) «бугай до трех лет», *чіечікъ — чіечікъи* «бычок», а также *масор — масаирч* «серна».

В пятом грамматическом классе широко представлены названия птиц: *арцив — аирцви* «орел», *куир — кораилч* «ястреб», *мерцхала — мерцхалуи* (груз. *мерцхали*) «ласточка», *лекъва — лекъви* (*лекъвуи*) «перепелка», *кіакіаб — кіакіби* «куропатка», *чіоті — чіотіи* «сороқопут»; зверей: *лом — ломи* «лев», *вепхв — вепхви* «тигр», *ківерн — ківерни* «куница», *ціав — ціави* «выдра», *акх — акхи* «зверь вообще»; насекомых: *кил — калби* «мелкая вошь», *тант — танти* «муравей», *кіайла — кіайлауй* «саранча», *гаркіил — гаркіли* «моль», *тепіел — тепіли* «бабочка».

В класс *д/д* включаются названия таких древесных пород, как: *кіарцхил — кіаирцхли* «граб», *мух — мухи* «бук», *тхил — тхили* «мелкий лесной орех» (плод и куст), *ціипел — ціипли* «чинара и чинаровый орешек». Сюда же относятся: *дос — дасиш* «дрова», *кхав — кхави* «нива», а также злаки: *симинд — симинди* (груз.) «кукуруза», *свил — свили* (груз.) «рожь»; продукты питания: *чхьог — чхьоги* «сыр лучшего сорта», *датте — даттни* «масло», *кито — катби* «курдюк», *дакъар — дакъари* «пища вообще», *маці — моціи* «мед», *туих — тухун* «соль», *хьаир — хьараилч* «мука», *кіут — кіути* (*кіатби*) «мякоть» (мяса), *дитх — дитхуи* «мясо».

Многие орудия труда и инструменты входят в пятый класс: *тег — теги* груз.) «зубило нового образца», *токх — токхи* «мотыга», *шаті — шатіи* «старинные деревянные вилы», *вилкі — вилкіи* (русск.) «железные вилы», *аківа — аківни* (груз. *акіени*) «колыбель, люлька», *сабервел — сабервели* (груз. *сабервели*) «кузнечные мехи», *зинда — зиндани* (груз. *зиндани*) «наковальня», *немскіав — немскіави* (груз. *немскіави*) «удочка», *чангал — чангли* (груз. *чангали*) «большой крючок для ловли больших рыб», *ботт — баттиш* «кобура», *дурбинд — дурбинди* «бинокль», *самовар — самовари* (русск.) «самовар», *абжонті — абжонтіи* (груз.) «стремя», *нал — нали* (груз. *нали*) «подкова», *іатікъ — іатікъи* «лук», *ціак — ціак* «стрела», *герці — герціи* «оружие вообще» (а также «орудие, снаряжение»), *мелā — мелни* (груз. *мелани*) «чернила», *камалд — камалди* «бумага», *сапіō — сапіин* (груз. *сапіони*) «мыло», *тализ — таилзи* «сумка при седле» (а также «переметные сумы»), *хакі — хакіи* «старинный мешок», *мешокі — мешкіи* (русск.) «мешок», *тіикічіор — тіикічіри* «маленький бурдючок из козьей шкуры на два-три литра», *ведр — ведри* (русск.) «ведро», *дуркі — даркіби* «деревянное ведро», *къаутіо — къатіаирч* «пружинящие ножницы для стрижки овец», *сазеків — сазеківи* (груз. *сазекіави*) «молот для отделки земляной крыши», *некі — некіи* «нож», *хіикі — хіакіа-ир* «ручка топора», *макіартіа — макіартіани* «ножницы».

Из наименований частей тела к этому классу принадлежат: *докі — дскіи* (*дакіми*) «сердце», *гага — гагуй* «спина от пояса до ягодицы», *ха — хаивни* «ляжка», *дегі — дегіи* «тело», *чіипі — чіипіи* «пуп», *діъе — діъеи* «печень», *тікъріпі — тікъріпіи* «селезенка», *аихь — ахьуй* «толстые кишки», *чіамагі — чіамгіи* «щека», *цікиіе кіут — кіатби* «икра ноги», *искарцхо — искарцхуи* «складчатый желудок» (дословно: девять платьев).

Из названий болезней, по отношению к которым употребляется грамматический класс *д/д*, следует назвать следующие: *дгъа — дгъаи* «язва, рана», *мавал — мавли* «желтуха», *къоал — къоил* ‖ *къуили* (груз. *къвавили*) «оспа», *кхеин — кхитхниши* «зараза», *кгамар — кгаимри* «экзема», *натікъорӗ муцгук — муцгукги* «гнойное ядро нарыва», *лацгар — лацгри* «болезнь вообще», *дзирдзитга — дзирдзитгуй* «чирей, фурункул».

Наконец, к этому классу относятся многочисленные имена, не поддающиеся группировке по каким-либо общим признакам: *цгурбла'* — *цгупбли* «пиявка», *кгиб — кгибуй* «рак», *ггаимпгра — ггаимпграуй* «летучая мышь». *девӗ ларкг — девӗ ларкги* «ракушка», *хликг — хликги* «ящерица», *гвелвешапг — гвелвешпги* (груз.) «большая змея», *дош — дошни* «слово», *дукъ — дукъи* «ярмо», *чхиндур — чхиндури* «носки, чулки», *стгивр — стгиври* «свирель», *кглуб — кглуби* «клуб», *котам — котми* «курица», *чал — чали* «камыш», *дурмустг — дурмустги* «щавель», *кганап* (груз. *кганапи*) «конопля», *кгоркготг — кгоркготги* «каша». К этому же классу относится заимствованное из грузинского языка слово *пап — папи* (груз. *папи*), обозначающее «каша», *га — гаиш* (*ганиш*) «зима», *хкго — хкгоиш* «лето», *хгаэрпла̃ — хгаэрпгалай* «аэроплан», *лга — цгенбуй* «дом», *сакгдар—сакгдари* «церковь».

Таким образом, в многочисленных и разнообразных примерах, приведенных выше, мы не находим общих признаков, характеризующих пятый класс (*д / д*). Не находим мы здесь также и указания на первичную семантику исследуемого грамматического класса.

Пожалуй, ни один грамматический класс бацбийского языка не охватывает столько имен, сколько их включает в себя шестой класс *б / д*. К этому классу принадлежат из домашних животных: *кхадал — кхадали* «кобыла», *кха — кхарш* «свинья», *дӧ — дуй* «лошадь», *газа — газар* «коза»; из насекомых: *мацг — мацги* «вошь», *псикг — псикги* «блоха», *тгугг — тгугги* «муха»; из частей тела: *гавг — гавги* «локоть, колено», *букъ — букъби* «спина», *пӗ — пени* «бок», *кортӧ — кортми* «голова», *жӣ — жини* «почки», *шйи — шини* «вымя», *къанкъратг — къанкъратгуй* «горло, гортань», *чгочг — чгочгми* «рот» (полость), *хампгхампга' — хамп'хампгши* «хрящ», *накх — накхи* «нёбо», *марлъ — марлъи* «нос».

В шестом классе широко представлены различные орудия труда, инструменты и их части: *газ — гази* «щипцы», *маш — маши* (груз. *маша*) «щипцы», *парцха — парцхи* (груз. *парцхи*) «борона», *мукъ — макъуир* «рукоятка кинжала», *капкир каипкри* «цедилка», *махат — мхати* «большое шило», *шурлепсуин чхутг — чхутги* «старинная деревянная маслобойка», *чалх — чалхи* (груз. *чаржи*) «точильное колесо», *маркхил — маирккли* (груз. *мархили*) «сани», *дакъар дехкгуин чхутг — чхутги* «бочка из цельного дерева для засыпки семян», *макъол — макъли* «большая бочка из цельного дерева» (на 30—40 пудов зерна), *намгал — намгли* (груз. *намгли*) «серп», *цел — цели* (груз. *цели*) «коса», *гам — гами* «нож с загнутым острием для скобления деревянной посуды», *херхӗ — херхи* (груз. *херхи*) «пила», *борбол — борбли* «колесо», *сол — соли* «ступица»,

лапI — лапIи «лестница», *габикI — гаибкIи* «ложка», *кIатIӏ — кIатIеирч* (груз.) «ковш, черпак», *бочIкI — бочIкIи* (русск.) «бочка», *кIидба — кIидбни* «сундук».

Чтобы дать читателю полное представление о разнообразии имен, входящих в грамматический класс **б / д**, приведем еще примеры: *чIар — чIари* «рыба», *сасӏ — сасуи* «головастик», *лахь — лахьи* «змея», *дахкI — дахкIаирч* «мышь», *виртагва' — виртагви* «крыса», *бIъорцI — бIъарцIелч* «волк», *цIивчI — цIивчIи* «воробей», *ботх — батхиш* «работа», *бехк — бехкиш* «вина, проступок», *апуш — аипши* «ложь», *пал — пали* «сказка», *ницIкъ — ницIкъи* (*ницIкъаирч*) «сила», *мах — махи* «цена», *тегам — тегми* «мир», *бухь — бухьи* «война», *кхерлъом — кхерлъми* «опасность», *сатив — сативи* «стог сена», *кIор — кIори* «уголь», *кIур — кIури* «дым», *кIапIикI — кIапеикIи* «копейка», *хӗ — хени* «бревно, дерево на корню», *бринджс — бринджи* «рис, плов», *о' — ои* «семя, зерно», *пар — пари* «щит», *гIандзил — гIаиндзели* «черемша», *марцIкъи — марцIкъви* «земляника, клубника», *чIим — чIими* «свинуха (гриб)», *кхор — кхори* «яблоко», *схал — схали* (груз. *мсхали*) «груша», *урем — урми* (груз.) «арба», *бричкI — бричкIи* (русск.) «бричка», *линейкI — линейкIи* «линейка», *пургӯ(н) — пургуни* «фургон», *мад — мадни* «шрам», *кхаккол — кхакколи* «зоб» (болезнь), *лам — ламни* «гора» и т. д.

Лишь считаное количество имен включается в седьмой грамматический класс **б / й**: *пIIъӑ — пIIъани* «крыло», *бак — баки* «рот», *пхьаитI — пхьатIуй* «легкое» (орган), *буй — буирч* «кулак руки», *пIIъентI — пIIъентIаир* «ребро», *мIъаир — мIъарелч* «ноготь», *бIъаркI — бIъаркIи* «глаз», *пхьарс — пхьарсй* «плечо», *гох — гохи* «каменная глыба». По отношению к *чIкъемпIо — чIкъемпIаир* «горло» употребляют параллельно грамматические классы **б / й** и **б / д**. Вот все обнаруженные нами слова, относящиеся к данному грамматическому классу. Как мы видим, все эти слова, за исключением *гох* «каменная глыба», обозначают наименования частей тела.

Из слов, принадлежащих к восьмому грамматическому классу **д / й**, мы можем привести только два: *батIр — батIри* «губа», *ларкI — ларкIи* «ухо».

В итоге обстоятельного разбора всех грамматических классов бацбийского языка мы исчерпали почти все имена, относящиеся к первому (**в / б**), второму (**й / д**), четвертому (**б / б**), седьмому (**б / й**) и восьмому (**д / й**) классам. Таким образом, остаются полностью не представленными третий (**й / й**), пятый (**д / д**) и шестой (**б / д**) классы, по которым распределяются многочисленные названия животных, растений, деревьев, предметов, вещей, инструментов, средств передвижения, продуктов питания, явлений природы и общества, абстрактных понятий и т. д. и т. п., так как объем статьи не дает возможности охватить все слова, относящиеся к этим классам.

Новые слова, вошедшие в бацбийский язык со времени Великой Октябрьской социалистической революции, распределяются по грамматическим классам следующим образом: *телефон — телефони*, **д / д** «телефон»

(в восточновейн. *телефон — телефонаш*, ***й / й***); *депеш — депеши*, ***д / д*** «телеграмма» (в восточновейн. *телеграмма — телеграммаш*, ***й / й***); *радио*, ***д*** «радио» (в восточновейн. *радио*, ***й***); *тIрактIор — тIрактIори*, ***й / й***; «трактор» (в восточновейн. *трактор — тракторш*, ***й / й***); *тIанкI — тIанкIи*, ***б / й*** и ***б / д*** «танк» (в восточновейн. *тIанк — танкаш*, ***й / й***); *кIолхоз — кIолхозаш*, ***й / й***); *сабчIо — сабчIуш*, ***й / й*** «совет» (в восточновейн. *совет — советаш*, ***й / й***); *пIартIия — пIартIиш*, ***й / й*** «партия» (в восточновейн. *парти — партиш*, ***й / й***); *кIооперативIа — кIооперативш (кIооперативаш)*, ***й / й*** «кооперация» (в восточновейн. *кооперации — кооперацийй / й*); *матIаробел — матIаробли*, ***й / й*** «поезд» (в восточновейн. *цIерпошт — цIерпошташ*, ***й / й***); *вагон — вагони*, ***й / й*** «вагон» (в восточновейн. *вагон — вагонаш*, ***й / й***); *пIаравоз — пIаравози* (а также груз. *ортклмавал — ортклмавали*), ***б / д*** «паровоз» (в восточновейн. *паровоз — паровозаш*, ***б / д***); *машина — машинаши*, ***й / й*** «машина» (в восточновейн. *машина — машинаш*, ***й / й***) и т. д.

* * *

Анализ языкового материала убедительно показывает, что система грамматических классов бацбийского языка с древнейших времен подвергалась постоянным изменениям. Она разрушалась. Звуки ***в***, ***б***, ***й***, ***д***, которые выступают в роли классных показателей, когда-то, повидимому, представляли собой значимые слова, имена. После того, как эти значимые слова (имена) утратили свое первоначальное значение и превратились в формальные показатели классов имен, процесс разрушения системы, грамматических классов развертывался с наибольшей интенсивностью. Этому способствовало прежде всего то, что были забыты первоначальные принципы классификации имен. Вследствие этого классные слова становились неклассными. Этот процесс перехода классных слов в неклассные, т. е. процесс разрушения системы грамматических классов, продолжается и сейчас. Уже окончательно перешли из категории классных в категорию неклассных следующие наиболее употребительные глаголы (форма повелительного наклонения): *хацI* «услышь», *хет* «покажись», *ха'* «узнай», *лаа* «делай», *мопт* «думай», *макI* «будь подходящим, годным», *эш* «будь в недостатке», *къастI* «отделись», *хилъ* «бывай», *лел(а)* «ходи (вообще)», *арл* «обмолоти», *хьакх* «помажь», *малъ* «пей», *экк* «прыгай», *итI* «бегай», *кхетт* «встань, поднимись», *теш* «поверь», *чуха'* «сядь, садись», *гах* «лай», *отт* «остановись», *хьачI* «посмотри», *кхач* «достань, будь достаточным», *кхерлъ* «побойся», *кхет* «пойми», *лат* «поборись», *их* «ходи», *латт* «стой», *тох* «ударь», *кхос* «брось, кинь», *кхепс* «бросай, кидай», *ах* «паши», *тепх* «бей», *алъ* «скажи», *либ* «дай», *телъ* «давай», *аккI* «вскопай», *эц* «возьми, купи».

Однако большинство глаголов относится к классным. Вот наиболее употребительные из них (формы повелительного наклонения): *д-акъ* «ешь», *да'-* «принеси», *д-астI* «развяжи», *д-икI* «уведи». *д-атт* «испеки, изжарь»,

дотт «налей», *пшел-д-еб* «охлади», *д-охкI* «продай», *д-опх* «одень», *д-опх-д-еб* «согрей», *д-ех* «проси», *д-ākI* «гори», *д-āж* «пасись», *д-арж* «распространись, развернись», *д-иттлиб* «искупайся», *д-етх* «плачь», *дел* «смейся», *в-āх* «живи», *дек* «гуди, реви», *в-ис* «останься», *д-екIлиб* «дрогни», *ахь-д-ож* «упади, падай», *кхьекдеб* «приготовь», *в-ецI* «люби», *таг-деб* «делай», *в-ол(а)* «приди», *д-ахьлиб* «отмерзни», *д-ахь-д-еб* «отморозь», *в-ах* «пьяней», *д-апIцI* «ознакомься, изучи», и т. д.

Как мы отметили выше, процесс перехода классных глаголов в неклассные продолжается и сейчас. Этот процесс можно показать на конкретных примерах. Так, например, глагол «краснеть» в форме недавнопрошедшего *цIаг-**й***[1]*-али* «краснела, покраснела» (*йохь цIег-й-али* «девушка покраснела») и давнопрошедшего времени *цIаг-**й**-аилнор* (*йохь цIег-й-аилнор* «девушка покраснела, оказывается») употребляется с классным показателем (*-**д**-* в *цIег-**д**-алар*, *-**й**-* в *цIег-**й**-али* и *цIег-**й**-аилнор*). Но формы повелительного наклонения настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения этого глагола уже употребляются без классных показателей, т. е. в этих формах глагол стал неклассным: *йохь, ма цIеглиб* «девушка, не красней, не смущайся»; *йохь цIегла* «девушка краснеет»; *ицхуин о дахьцIагла* (*цIегла*) «из-за этого она покраснеет». Другой пример: в предложениях *ботх тегла* «работа совершается (завершается)», *ботх тагла* «работа совершится, завершится» (будущее время), *тагуила и ботх ихх ханехь?* «совершится (завершится) ли эта работа в это время?» глагол-сказуемое имеет неклассную форму; формы же *масдара тег-**б**-алар*, *таг-**б**-алар* недавнопрошедшего времени (*ботх таг-**б**-али* «работа совершилась//завершилась») этого глагола употребляются все еще с классным показателем (в данном случае с классным показателем *-**б**-* имени *ботх* «работа»).

Вот еще аналогичный пример: *ца элолла* «молния сверкает» (настоящее время), *ца элолар* «молния сверкала» (прошедшее очевидное). Напротив, в формах недавнопрошедшего и давнопрошедшего времени этого глагола все еще сохраняется классный показатель: *ца элод-**й**-али* «молния сверкала», *ца элод-**й**-аилнор* «молния, оказывается, сверкала» и т. д.

Разрушение системы грамматических классов происходило и путем закрепления за словами классных показателей, вследствие чего слово с омертвелым показателем или становится неклассным словом, или же переходит в определенный грамматический класс. Например, в *в-ашо* «брат», *в-охь* «сын» префикс *в-* представляет собой омертвелый классный показатель единственного числа мужского рода. Это подтверждается и следующими фактами. В восточновейнахском языке за словом *йист* «край чего-нибудь» закрепился классный показатель ***й***, показывающий, что это слово относится к классу *й/**й***. В бацбийском языке за этим словом закрепился классный показатель ***б*** (*бистI* «конец»).

---

[1] Полужирным шрифтом выделен классный показатель.

Слово «тепло» в бацбийском (*йопх*) и восточновейнахском (*йовхо*) относится к одному и тому же классу *й/й*. Но когда подразумевают теплую погоду (например, «сегодня тепло»), в восточновейнахском употребляют выражение *й-овха й-у* (*тахана й-овха й-у* «сегодня тепло, жарко»). В этом значении за словом *й-овха* закрепился классный префикс *й*, хотя в других значениях он может быть заменен соответствующим классным префиксом (например, *чай довха ду* «чай горячий»). Между тем в бацбийском языке еще не установилось такое закрепление классного префикса. Как правило, говорят *д-апхна д-а* (*тха д-апхна д-а* «сегодня жарко»), но вместе с тем можно сказать *йопх йа*. Таким образом, в восточновейнахском языке за этим словом (*й-овха йа* «жарко, тепло») уже закрепился классный префикс *й*, а в бацбийском — префикс *д* в том же значении (*д-апхна да* «жарко»).

Как происходил процесс перехода классных глаголов в неклассные, т. е. процесс разрушения системы грамматических классов, можно показать и на следующем примере. Глагол *д-угlар* (*в-угlар*, *й-угlар*, *б-угlар*) «кричать, реветь» в бацбийском языке всегда употребляется с классным префиксом, т. е. этот глагол является классным глаголом. Напротив, в восточновейнахском он уже утерял свое классное согласование: *угlар* «реветь», *угl* «реви».

Так происходит в бацбийском языке процесс разрушения системы грамматических классов. Закономерности этого процесса, обнаруженные нами выше путем анализа конкретного языкового материала, свидетельствуют о том, что переход классных слов в неклассные является процессом реальным, живым, действующим и поныне, и что эти постепенные, медленные количественные изменения, связанные с уменьшением числа классных слов и увеличением числа неклассных слов, в конце концов, повидимому, приведут к отмиранию системы грамматических классов, подобно тому, как это произошло в грузинском и в некоторых дагестанских языках.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том I 1952

Б. Х. Балкаров

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕСЛЕНЕЕВСКОГО ДИАЛЕКТА КАБАРДИНСКОГО ЯЗЫКА[1]

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, поставившие на подлинно научную основу изучение местных диалектов, явились мощным толчком к развертыванию широких исследовательских работ в области диалектологии. В настоящее время ведется большая работа по изучению диалектов многочисленных национальных языков, в том числе и младописьменных, к числу которых относится и кабардинский язык. Данная статья посвящена описанию некоторых особенностей бесленеевского диалекта кабардинского языка.

На бесленеевском диалекте говорят жители двух аулов Черкесской автономной области — Бесленей и Вакожиле, двух аулов Успенского района Краснодарского края — Кургоковского и Коноковского, а также жители аулов Ходзь и Уляп Адыгейской автономной области. Отдельные семьи бесленеевцев живут и в других аулах Успенского района Краснодарского края и Черкесской автономной области (в кабардинских, абазинских и ногайских).

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ БЕСЛЕНЕЕВСКОГО ДИАЛЕКТА

Наиболее ярко черты бесленеевского диалекта обнаруживаются в системе согласных. Систему согласных бесленеевского диалекта составляют 56 фонем, что значительно превосходит фонемный состав кабардинского языка. Такое преобладание объясняется наличием твердых и мягких шипящих спирантов и аффрикат и специфических согласных звуков, свойственных бесленеевскому диалекту.

По месту образования согласные бесленеевского диалекта, как и во всех адыгейских языках, делятся на губные, зубные, твердонебные, мягконебные и гортанные. Каждое из этих делений знает еще более мелкие. Так, губные различают еще губо-губные, губо-зубные, зубо-зубные и латеральные, твердонебные различают переднетвердонебные, среднетвердонебные, заднетвердонебные, а гортанные — надгортанниковые и

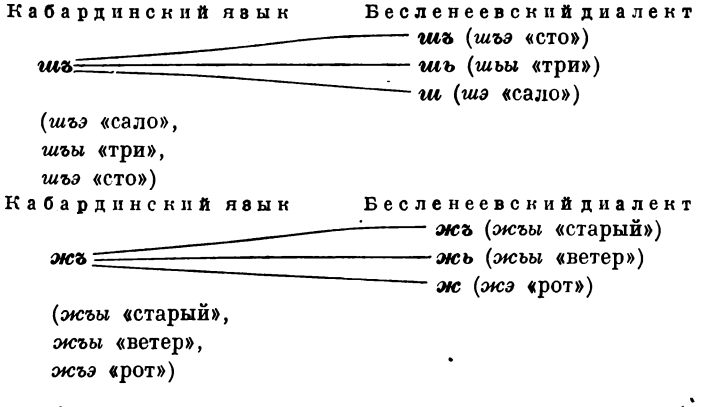
[1] Статья написана на основании материалов, собранных кавказской лингвистической экспедицией 1948—1949 гг.

междусвязочные. Мягконебные не имеют дополнительных делений, так как в диалекте представлены только переднемягконебные согласные. По способу образования согласные распадаются на сонорные, вибранты, спиранты, мгновенные и аффрикаты. Последние три группы согласных в большинстве случаев образуют троечный ряд: звонкий, глухой и надгортанный; однако это не выдерживается в шипящих спирантах, где надгортанные отсутствуют. Пробел этот в шипящих спирантах восполняется значительным развитием щипящих аффрикат и путем разграничения твердости и мягкости шипящих спирантов.

Остановимся на характеристике шипящих согласных бесленеевского диалекта.

Система шипящих спирантов и аффрикат в бесленеевском диалекте в основном совпадает с адыгейской: она различает твердость и мягкость этих звуков, как фонематическое явление, в результате чего получается тройное соответствие аналогичным кабардинским согласным. Так, кабардинскому спиранту *шъ* в бесленеевском диалекте соответствуют *шъ*, *шь*, *ш*[1]. Подобную же картину звуковых соответствий дает кабардинский шипящий спирант *жъ*, которому в бесленеевском соответствуют *жъ*, *жь*, *ж*.

Графически это будет выглядеть так:

Итак, в обоих случаях одному шипящему спиранту кабардинского языка соответствуют три самостоятельные фонемы бесленеевского диалекта, из которых последние две образованы путем разграничения твердости и мягкости. Акустико-физиологическая характеристика первых членов обоих рядов, т. е. спирантов *шъ* и *жъ*, ничем не отличается от характеристики этих же фонем кабардинского языка: как там, так и здесь, они являются переднетвердонебными шипящими дорсального образования с продольно выступающей лабиализацией, но различаются по глухости и звонкости (первый — глухой, второй — звонкий).

---

[1] В обозначении шипящих использован адыгейский алфавит. Заменено обозначение среднетвердонебного спиранта: вместо адыгейской буквы *щ* использовано сочетание буквы *ш* с мягким знаком (*шь*). Дополнительно введена латинская буква *h* для обозначения междусвязочного глухого спиранта.

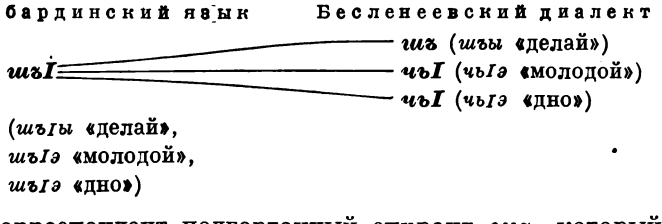
Если первые члены приведенных рядов совпадают с кабардинскими фонемами, то последние члены по своей артикуляции резко отличаются от них. Спиранты эти совпадают с такими же шипящими адыгейского языка. Все четыре фонемы *шъ* и *ш*, *жъ* и *ж* являются среднетвердонебными шипящими спирантами и образуют две пары: *жъ* и *шъ*, *ж* и *ш*, различаемые по твердости и мягкости. Эти пары состоят из звонкого согласного и глухого (но не имеют третьего члена, надгортанного согласного, как в кабардинском) и различаются по месту образования.

Заметим, что соответствие переднетвердонебных и среднетвердонебных шипящих спирантов с адыгейскими выдерживается непоследовательно: часты случаи отступления от этого. Там, где в адыгейском выступают шипящие спиранты, в бесленеевском диалекте, вместо ожидаемых таких же спирантов, используются шипящие аффрикаты. Так, например, слово *шьэ* «молоко» в адыгейском языке произносится с мягким спирантом *шъ*, а в бесленеевском диалекте — с мягкой аффрикатой *чъэ* (молоко).

Замена шипящих спирантов аффрикатами роднит бесленеевский диалект с хакучинским говором адыгейского языка: в этом говоре шипящим спирантам адыгейского литературного языка соответствуют шипящие аффрикаты.

В бесленеевском диалекте нет надгортанного шипящего спиранта и вместо него используется подгортанный согласный. Поэтому кабардинскому шипящему надгортанному спиранту *шъI* будут соответствовать так же, как и в предыдущих рядах, три самостоятельные фонемы, но, в отличие от них, в этот ряд войдут не только спиранты, но и аффрикаты. Так, кабардинскому надгортанному спиранту *шъI* соответствуют шипящий подгортанный спирант *шъ* и шипящие аффрикаты *чъI* и *чьI*.

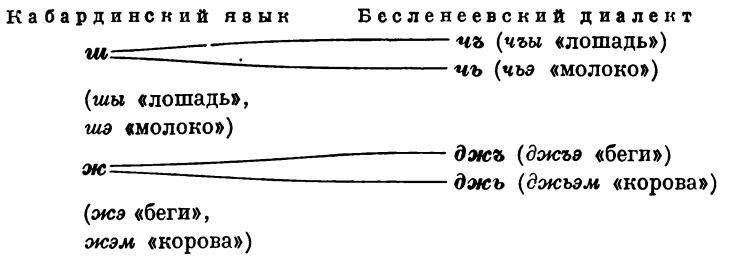
Графически это можно изобразить следующим образом:

Первый корреспондент подгортанный спирант *шъ*, который соответствует надгортанному шипящему спиранту *шъI* в кабардинском, является реликтовым, как и замена надгортанного губо-зубного спиранта подгортанным спирантом в некоторых словах, например, вместо *фIы* «хороший» находим *фы*, где вместо надгортанного *фI* произносится простой *ф*.

Последние корреспонденты по своей акустико-физиологической природе совпадают с аналогичными адыгейскими звуками.

Шипящим спирантам *ш* и *ж* кабардинского языка в бесленеевском диалекте соответствуют шипящие аффрикаты, при этом звуковых корреспондентов будет только два. Так, фонеме *ш* соответствуют *чъ* и *чь*, а фонеме *ж* — *джъ* и *джь*:

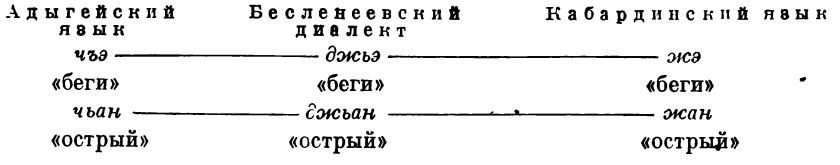

В первой схеме бесленеевский диалект имеет общие черты с хакучинским говором, в котором также кабардинскому спиранту ***ш*** всегда соответствует шипящая аффриката. Однако хакучинский говор, в отличие от бесленеевского диалекта, не различает твердых и мягких аффрикат.

Если мы к вышеприведенной схеме прибавим и адыгейские звуковые корреспонденты, то увидим, что звуковые корреспонденты бесленеевского диалекта — звонкие аффрикаты, и в адыгейском языке им будут соответствовать глухие аффрикаты; в кабардинском же сложным звукам адыгейского языка и бесленеевского диалекта будут соответствовать простые согласные, спиранты. Графически это будет выглядеть так:

Если вместо отдельных звуков мы подставим слова, в которых встречаются эти звуки, то получим следующую картину:

Звонкость аффрикат отличает бесленеевский диалект от адыгейского языка, а сложный характер этих шипящих — от кабардинского языка.

Описанное явление представляет собой самобытную черту бесленеевского диалекта.

Для полноты характеристики системы согласных бесленеевского диалекта следует остановиться на том, что кабардинским аффрикатам ***чI, дж*** и ***ч*** в диалекте соответствуют взрывные ***кI, гь*** и ***къ***.

Фонематическое противопоставление твердых и мягких шипящих бесленеевского диалекта обусловило появление своеобразной ассимиляции. Своеобразие это состоит в том, что предшествующие шипящие согласные уподобляются последующим, независимо от того, соседствуют ли они непосредственно или нет. Поэтому вместо ожидаемого *шъишь* мы находим *шьишь* «триста» (сложное слово, состоящее из двух корней: *шъэ* «сто» с

шипящим *шъ* и *шьы* «три» с шипящим *шъ*), где в силу регрессивной ассимиляции начальный согласный звук уподобился конечному. То же самое наблюдается в слове *жъыжъ* «старый ветер», где под влиянием также регрессивной ассимиляции произошло уподобление начального согласного конечному.

Иногда в процессе ассимиляции происходят более значительные изменения в характере звука: бывают случаи, когда сложные звуки, аффрикаты, уподобляются простым. При этом или сложные звуки заменяются простыми, или, наоборот, простые осложняются, превращаясь в аффрикаты. Такой процесс наблюдается в слове *джьэчыгэ* «борода», где начальный простой звук *ж* заменяется сложным *джъ* и палатализуется под влиянием последующей аффрикаты.

Кроме описанных выше особенностей, в бесленеевском диалекте встречаются и другие фонетические явления. Мы укажем на исчезновение вибранта *р* после гласных в предударных и ударных слогах, например: *натыху* вм. *на(р)тыху* «кукуруза», *мамысэ* вм. *мамы(р)ысэ* «мамалыга», *гьэшъ* вм. *гьэ(р) шъ* «фасоль»; на переход заднетвердонебного фрикативного глухого *х* в окончании множественного числа в простое придыхание, как в малокабардинском говоре, и на частичное ослабление лабиализации согласных.

Таковы главные фонетические особенности системы согласных бесленеевского диалекта.

Отмеченные фонетические особенности выдерживаются последовательно в языке старшего поколения бесленеевцев, в языке же школьников наблюдаются отклонения то в сторону кабардинского языка, то в сторону адыгейского, в зависимости от того, на каком из этих языков ведется обучение в школе[1].

Вообще же для языка младшего поколения характерна утрата твердости шипящих как спирантов, так и аффрикат, что сводит трехчленный ряд соответствий кабардинским шипящим спирантам к двучленному.

Язык среднего поколения утратил некоторые архаические черты, свойственные речи старшего поколения.

Наиболее последовательно фонетические особенности диалекта выдержаны в языке жителей аулов Вакожиле и Кургоковского. В языке жителей Кургоковского аула они представлены полнее и чище. Известные отступления от этих норм наблюдаются в языке жителей аула Бесленей Черкесской автономной области, который граничит с кабардинскими селами. Отступления идут по линии сближения с кабардинским языком. Поэтому бесленеевцы, наряду с аффрикатами *чъI* и *цъI*, часто употребляют и надгортанный спирант *шъI*, отличающийся от кабардинского аналогичного согласного неполной надгортанностью. Такое произношение имеет

[1] Если в школе обучение ведется на кабардинском языке, как, например, в аулах Бесленей и Вакожиле, то в языке школьников обнаруживается больше кабардинизмов, и, наоборот, если обучение ведется на адыгейском, как в аулах Кургоковском и Коноковском,— больше адыгеизмов.

место в языке аулов Ходзь и Уляп Адыгейской автономной области. В языке же аула Коноковского, наоборот, больше адыгеизмов, что является естественным следствием постоянной связи с адыгейцами.

Язык жителей аулов Ходзь и Уляп, который мы также относим к бесленеевскому диалекту, дает еще больше отклонений от фонетических норм последнего в сторону нивелировки с фонетической системой адыгейского языка. В языке жителей этих аулов мы находим более развитую систему шипящих спирантов, что устраняет необходимость прибегать к помощи аффрикат. Поэтому в этом языке, как и в адыгейском, кабардинским шипящим спирантам *ж* и *ш* соответствуют не аффрикаты, как в бесленеевском, а спиранты *жь* и *шь*, отличающиеся от кабардинских большей палатализацией. Такое отклонение в сторону адыгейского языка объясняется тем, что аулы Ходзь и Уляп находятся в окружении адыгейских селений.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАСНЫХ

Система гласных бесленеевского диалекта включает две краткие и пять долгих фонем. То же мы находим и в кабардинском языке:

Таблица гласных

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	*и*	*ы*	*у*
Средний	*е*	*э*	*о*
Нижний			*а*

Однако в бесленеевском диалекте гласные фонемы в зависимости от фонетических условий претерпевают некоторые изменения, не свойственные фонемам кабардинского языка. Так, долгая гласная фонема *а* получает полуторную долготу в предконечном слоге под ударением, например, *ма́тхэ* «пишет», *ба́джьэ* «лиса». Удлинение предконечного гласного сопровождается частичной редукцией конечного гласного *э*. В частичной редукции конечного краткого гласного *э*, вероятно, сказывается влияние адыгейского языка, где происходит полная редукция этого гласного в конечном слоге, с сохранением конечного краткого гласного *ы*, который редуцируется и в бесленеевском диалекте, и в кабардинском языке.

Более долго фонема *а* произносится и в конце глаголов прошедшего времени, что связано с отсутствием суффикса утвердительного наклонения *-шъ*, в результате чего предконечный слог оказался конечным.

В ударной позиции частично удлиняется и краткая гласная фонема *ы*. Подтверждением может служить произношение данного гласного в словах:

джьы́лэ «село», *гъы́дэ* «топор». Здесь также происходит ослабление конечного краткого гласного *э*, вследствие чего увеличивается долгота ударного гласного.

В системе гласных иногда наблюдается замена конечного краткого гласного *ы* кратким гласным *э*. Так, например, бесленеевцы слово *гуэрым* «какой-то» произносят как *гуэрэм* с кратким гласным *э* во всех слогах. Эта особенность встречается и в бжедугском диалекте адыгейского языка[1].

Так же, как в адыгейском языке, в бесленеевском диалекте отмечается замена гласного переднего ряда *е* гласным заднего ряда *а* (*та́бэ* вм. *те́бэ* «сковороды», *Бата́л* вм. *Бета́л* — собственное имя). Характерно, что это явление распространяется и на язык кабардинцев, живущих в бассейне реки Кубани.

И, наконец, надо отметить, что краткая гласная фонема *ы* в бесленеевском диалекте встречается в начале слова в отличие от кабардинского, где данная фонема никогда не встречается в этой позиции (*ытх·* «пишет», *ычъ* «его брат»).

ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНИЯ

Морфологические особенности бесленеевского диалекта наиболее ярко проявляются в системе спряжения глаголов и сводятся к наличию неотчуждаемой формы личных префиксов и отсутствию суффикса утвердительного наклонения *-щъ*.

Эти особенности в известной степени нивелируют глагольный и именной типы спряжения: окончания глагола в обоих спряжениях совпадают в настоящем времени, и разница между ними сохраняется только в огласовке префиксов. В обоих типах во всех временах отсутствует предикативный суффикс *-щъ* в утвердительном наклонении, например: *кIуа* вм. *кIуащъ*, *кIуэгъа* вм. *кIуэгъащъ*, *кIуэн* вм. *кIуэнщъ*, *кIуэну* вм. *кIуэнущъ* от глагола «итти».

Как можно видеть, в морфологии бесленеевский диалект свободно обходится без суффикса *-щъ*, который настолько часто употребляется в кабардинском, что создает впечатление некоторой шепелявости языка, но зато в синтаксисе диалект ощущает потребность в нем, когда глагольные формы выступают в роли однородных членов. Тогда перед соединительным союзным суффиксом *и* появляется междусвязочный глухой спирант *h*, который произносится почти как придыхание. Приведем несколько предложений, где это явление встречается: *ар тхэнhи* и *къэкIуэджъын* «он попишет и вернется» или *ар лэжьэнhи зигъэпсэхун* «он поработает и отдохнет».

Кроме того, отсутствие суффикса *-щъ* сближает вопросительную форму сказуемого с утвердительной: и в том, и в другом случае как глагол, так

[1] Д. Ашхамаф. Краткий обзор адыгейских диалектов, Майкоп, 1939, стр. 11.

и имя, выступающее в роли сказуемого, будут иметь одинаковое окончание.

Следовательно, сказуемое в вопросительном предложении *ар кIуа?* «он пошел?» по форме будет совпадать со сказуемым в повествовательном предложении *ар кIуā* «он пошел», которое является ответом на поставленный в первом предложении вопрос.

Личный префикс 3 лица единственного числа в продуктивных глаголах представлен частицей ***ы***, совпадающей с притяжательным префиксом органической принадлежности. Префикс ***ы*** употребляется только в начале глагольной формы, т. е. когда префикс продуктивного субъекта является в глаголе единственным. В остальных случаях употребляют параллельно префиксы ***и*** и ***ы***, например: *абы ытха* «он написал», *абы къытха* «он написал (сюда)».

Третье же лицо множественного числа выражается во всех случаях — как в начале, так и в середине глагольной формы — префиксом ***а***, который по происхождению представляет собой также притяжательный префикс органической принадлежности (*абыхэм атх* «они пишут», *абыхэм атха* «они написали», *абыхэм атхыну* «они напишут»).

Морфологические особенности бесленеевского диалекта обнаруживают ся не только в системе спряжения, но и в местоимении, где также сохранились неотчуждаемые формы притяжательных префиксов. Подтверждением служат примеры использования префиксов ***сы*** и ***ы*** вместо ***си*** и ***и*** в таких словосочетаниях: *сы́пэ* вм. *си пэ* «мой нос», *сы́нэ* вм. *си нэ* «мой глаз», *сычъ* вм. *сичъ* «мой брат», *ычъ* вм. *ичъ* «его брат».

Префиксы эти более древние, чем префиксы имущественной принадлежности. Подобное грамматическое явление — наличие неотчуждаемых форм притяжательности наряду с имущественной — засвидетельствовано в Советском Союзе в адыгейском языке и в языках тунгусской группы — ламтуском и нигедальском[1]. Следы этого явления отмечены в марийском языке. Кроме того, это же явление наблюдается во всех меланезийских языках, в некоторых языках Центральной Африки (суданских) и во многих языках индейцев Северной Америки (прибрежных северо-западных племен).

Формы органической принадлежности в бесленеевском диалекте ближе к формам имущественной принадлежности. Эти формы не совпадают с адыгейскими, представляющими собой наиболее древние формы, при которых личное местоимение теснее сливается с именем, например, *спхъу* «моя дочь», *счIапIэ* «мое место». Их постепенно вытесняют формы имущественной принадлежности, становясь универсальной формой притяжательности.

В бесленеевском диалекте сохранилась в чистоте двадцатиричная система счета, которой население пользуется наряду с десятиричной. В годы

[1] См.: Е. А. Бокарев. Эргативная конструкция предложения, Изд-во иностранной литературы, М., 1950.

Советской власти под влиянием русского языка десятиричная система все больше и больше вытесняет двадцатиричную. Этому способствует также распространение письменности и письменной литературы на кабардинском и адыгейском языках.

Принцип образования чисел по двадцатиричной системе прост: берется корень числа «двадцать» и к нему присоединяется корень нужной единицы для обозначения количества соответствующих двадцаток. Так, число «сорок» образуется соединением — *тIочьI* «двадцать» и *тIу* «два». В качестве соединительного гласного используется *и*. При этом единицы теряют свои гласные, и в составе сложного слова сохраняются только согласные элементы. В результате число «сорок» получает такую форму: *тIочьIитI*.

Двадцатиричная система	Десятиричная система
тIочьIитI «сорок»	*плIычьI*
тIочьишь «шестьдесят»	*хычьI*
тIочьIипIлI «восемьдесят»	*пчьIей*

В диалекте наличествует особая форма вопросительного местоимения на *ти* (*сти* //*си* вм. «сыт?» «что?»).

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

И. В. Сталин в своих гениальных работах по вопросам языкознания разъясняет: «В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса»[1].

Следовательно, лексика представляет собой наиболее активную, подвижную часть языка, которая быстрее всего и заметнее всего меняется в силу непосредственной связи со всей деятельностью человека. В ней наиболее ярко отражаются социальные сдвиги, история народа, носителя языка, его отношения к другим народам, изменения в деятельности человека во всех областях (появление новых орудий и форм труда, выведение новых видов земледельческих культур и животноводства и т. д.). Одним словом, лексика — это живая книга истории народа, его культуры, его борьбы за счастье и свободу.

«Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путём отмены старого и постройки нового, а путём пополнения существующего

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 24—25.

словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всём основном и используется, как основа словарного состава языка»[1].

Основной словарный фонд бесленеевского диалекта в главнейших своих чертах совпадает с основным словарным фондом кабардинского языка. В словарном составе бесленеевцев много заимствований из адыгейского, русского, абазинского, ногайского и других языков.

Подлинного расцвета лексика бесленеевского диалекта достигла в условиях социалистического общества. Источником обогащения бесленеевского диалекта, как и языков всех народов Советского Союза, служит великий русский язык. Особенно много русских слов проникло в язык бесленеевцев в годы Великой Отечественной войны, когда все народы нашей родины тесно сплотились вокруг великого русского народа в общей борьбе против немецко-фашистских захватчиков. В эти годы в бесленеевский диалект проникли такие слова, как *боец*, *герой*, *салют* и другие, ставшие родными и понятными словами для всех народов.

Принципы новых лексических образований в бесленеевском диалекте и в кабардинском языке однотипны. Однако своеобразная система согласных этого диалекта (особенно шипящих) определенным образом сказывается на звучании слов, чем и объясняется отличие многих бесленеевских слов от кабардинских. Одни из них сходны с адыгейскими, другие — с шапсугскими и хакучинскими словами; часто можно встретить также и самобытные формы. Так, например: «парень» по-бесленеевски будет *чьIа̂лэ*, т. е. так же, как в адыгейском языке; «лошадь» — *чъы*, как в хакучинском говоре; слово «корова» — *джьэм* не имеет соответствий ни в одном из указанных языков.

Анализ лексического материала бесленеевского диалекта вскрывает некоторые отклонения в способах образования новых слов. Отклонения эти выражаются в разном подходе к наделению названиями вновь появляющихся в обиходе предметов и орудий. Новые предметы и орудия кабардинцы называют иногда по одним признакам, а бесленеевцы — по другим (или с большей конкретизацией). Грабли, которые появились одновременно как у тех, так и у других, носят разные названия: у бесленеевцев они называются *п'хъэIэбжьа́нэ*, что буквально означает «деревянный ноготь», у кабардинцев — *п'хъэIап'э* «деревянный палец». В одном случае грабли названы по ассоциации с ногтем, в другом— по ассоциации с пальцем. Когда появилось новое орудие — борона, бесленеевцы также назвали его граблями, но для разграничения сопроводили названия этих

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

разных предметов определителями: *цIыкIу* «маленький» и *шъхуэ* «большой», подчеркивая разницу в размерах. При этом в названиях не отразилось различие в функциях этих орудий, в особенности, масштаб выполняемых работ. Кабардинцы же новое орудие назвали новым словом *къитхъ*, образованным от глагола со значением «бороновать», что более точно определяет его функцию.

Почти аналогичную картину представляют названия дыни и огурца. Появившуюся раньше дыню бесленеевцы назвали *нашьэ*, как и кабардинцы, на огурцы же было перенесено старое название — *нашьэ* «дыня» с прибавлением характеристики шероховатой поверхности последних. В результате огурец получил название *нашьэбэгу*, что буквально означает «дыня с пупырышками», за дыней же сохранилось старое название — *нашьэ*. Кабардинцы также перенесли на новую культуру старое название, но без всякого определителя. Это же название осталось и за дыней, но уже с прибавлением слова *фэу* «мед», что подчеркивает ее вкусовое отличие от огурца.

В лексике бесленеевского диалекта, с одной стороны, сохранились архаизмы, давно исчезнувшие в кабардинском языке, и, с другой — уже отсутствуют или перестали быть активными языковыми средствами такие слова, которые все еще употребляются в кабардинском языке. Наиболее характерными архаизмами являются слова *чъы* «брат» (по отношению к женщине) и *гъавэ* «просо в зерне». Первое в кабардинском языке сохранилось только в слове *зэш* «братья», и то в адыгейской форме. Второе же слово в бесленеевском диалекте имеет еще видовое значение, а в кабардинском языке оно развилось в родовое понятие злака вообще.

Такие слова-понятия, как *жьы* «ветер», *бжъэ* «рот», которые еще живут в кабардинском языке, исчезли или почти исчезли из лексики бесленеевского диалекта, вытесненные новыми словами, производными от первых: *жьыбгъэ*, *бжьакъуэ*.

Наблюдается своеобразное осмысление одних и тех же слов; так, слово *соцIыху* в бесленеевском диалекте используется в значении «знаю», а в кабардинском языке — в значении «знаком».

И, наконец, надо отметить наличие своеобразной перестановки слогов, производимой, повидимому, для большего удобства произношения, что меняет фонетический облик слов и делает их иногда неузнаваемыми, например: *хъуынцIэбéгь* вм. *хъумпIэцIэдж* «муравей», *мâчъхъэ* вм. *мâхъшэ* «верблюд».

Таким образом, подводя итоги краткой характеристики некоторых особенностей бесленеевского диалекта, мы приходим к заключению, что он является диалектом кабардинского языка, сохранившим архаические черты, свойственные всему языку в прошлом.

Для иллюстрации приводим небольшой текст — отрывок из сказки, записанный в 1948 г. одним из участников кавказской лингвистической экспедиции от Дармилова Худа, 70 лет, жителя Кургоковского аула Успенского района Краснодарского края.

АДИЮХ

(Отрывок из сказки)

ʿАдиы́хукIэ зэ́гъэр бзылъхуы́гъэт'. ʿАдиы́ху ы́лIым чъ'ы́бзыр къ'ы́хут' Адиюх звали женщину. Адиюх ее муж кобылиц пригонял по ночам. *джьэ́шькIэ. Чъ'ы́пэ́р п'сым къызэп'ырихуы́ну лъэмы́джъым къышъырихуы́-* Коней реку через чтобы перегнать к мосту когда пригонял, Адиюх свою *лIэм, ʿАдиы́ху ыIэр шьхъэгъуы́мбджьэм дичь'иы́кIыырт'. ʿА́бы ы́Iэм ы* руку в окно выставляла. Ее руки ее свет мост освещал, и муж коней *пу́рым лъэмы́джъыр къыгъэнэ́хут'и лIым чъ'ыр къызэп'ыры́хут'. Зэгуэ́рэм фы́зымрэ лIы́мрэ зэшъыхъа́.*
перегонял. Однажды жена и муж поссорились.

— *Сэ къызо́гъэху чъ'ыр — джьыIа́ фызым.*

—Я помогаю тебе пригонять коней, — сказала жена.

— *Хьэ́уэ, сэра́ къэзы́хур — джъыIа́ лIым.*

— Нет, я сам пригоняю, — сказал муж.

— *ʿА́тIэ сеп'лъы́н сэры́нчъ'эу уэ къыээры́п'хуым — джьыIа́ фызым*

— Тогда посмотрю без меня ты как пригонишь, — сказала жена. Этого

—*А́бы ы уы́жькIэ лIыр аргуэ́руэ чъ'ыбз къыхуы́ну къуа́. Ч'ъыр* его после муж снова кобылиц пригонять поехал. Коней гоня, к берегу *къы́хуугрэ — п'сыъфэм къэса́. Лъэмы́джъым чъ'ыр къы́шъыт'е́хьэм ʿАдиы́ху* подъехал. На мост кони когда начали вступать, Адиюх свою руку про-*ы́Iэр ычъ'и́ри лъэмы́джъыр къыгъэнэхуа́. Чъ'ы́бзыр лъэмы́джъым къыт'ехва́* тянула и мост осветила. Кобылицы на мост вступили, после того свою *нэуы́жь ы́Iэр гуыхы́жьри за́нчъу кIыфI къэхъуджъа́. КыыфI къызэрыхъу́у* руку убрала, и сразу темно стало снова. Темно как только стало, *чъ'ы́еэ́р зэрызехъэу хуе́жьэри п'со́ри п'сым хе́хуэри ыт'хъэла́. Чъ'ы́п'эм* кони метаться стали и все в реку попадали и утонули. С конями вместе *ачыыгъу́у лы́ри ыт'хъэла́ п'сым.*
и муж утонул в реке.

Связный перевод

Адиюх звали женщину. Муж Адиюх по ночам пригонял табуны кобылиц. Когда он подъезжал к мосту, чтобы переправить лошадей через мост, она выставляла свою руку в окно. Свет, который исходил от ее руки, освещал мост, и муж спокойно переправлял коней по мосту через Кубань. Однажды муж с женой поссорились.

— Я помогаю тебе лошадей пригонять,— сказала жена.

— Нет, я сам пригоняю, — ответил муж.

— Тогда я посмотрю, как ты без меня пригонишь,— сказала жена мужу.

После этой ссоры муж снова поехал за кобылицами. С табуном кобылиц он подъехал к берегу. Когда первые кони ступили на мост, Адиюх выставила руку в окно и осветила ею, а когда весь табун оказался на мосту, она убрала руку и снова стало темно. В темноте кони стали метаться, все попадали в реку и утонули. Вместе с конями утонул и муж.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. А. Серебренников. Новые задачи в области изучения языков народов СССР. 3

Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования 7

В. И. Лыткин. К вопросу о вокализме пермских языков 58

В. И. Лыткин. Об ударении в коми-пермяцком языке 107

Д. Т. Таджиев. Слово *об* «вода» в современном таджикском языке (Из материалов по таджикской лексикологии) 120

В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад, В. А. Лившиц, А. И. Фархадян. Новые сведения по фонетике иранских языков 154

Е. А. Бокарев. Гинухский язык (Предварительное сообщение) 193

Ю. Д. Дешериев. Система грамматических классов в бацбийском языке 205

Б. Х. Балкаров. Некоторые особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка 218

www.ruslang.ru

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. А. Бурнашова*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*

РИСО АН СССР № 5016. Т-07773. Издат. № 3476.
Тип. зак. № 448. Подп. к печ. 18/XI 1952 г. Формат
бумаги 70 × 108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 7,25. Печ. л. 19,86.
Уч.-издат. 16,6. Тираж 3000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 11 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР

2 3

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
52	11 св.	*иғ/иғ*	*-ыə/-иг*
64	22 св.	*сари'*	*'сариз'*
123	12 сн.	*тамаи*	*тамғаи*
139	16 св.	*зираҳово*	*зираҳоро*
152	16 сн.	*зоҳоб*	*заҳоб*
153	7 св.	*обоғ*	*одоғ*
153	9 сн.	*пбхӯрак*	*обхӯрак*
180	11 сн.	*dida*	*dide*

Труды Института языкознания, том I

11 руб.